

**ВОСТОЧНОУКРАИНСКИЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

ВЫПУСК ПЯТЫЙ

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ УКРАИНЫ
ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**ВОСТОЧНОУКРАИНСКИЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

ВЫПУСК ПЯТЫЙ

**Донецк
Издательство «Донеччина»
1999**

Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск пятый.
Сборник научных трудов // Редколлегия: Е.С.Отин (отв. ред.) и др. –
Донецк: Донецчина, 1999. 315 с.

В сборнике представлены статьи по ономастике, лексикологии и лексикографии, словообразованию, художественной речи и методике преподавания языка.

Рекомендован к печати Ученым советом Донецкого государственного университета

Редакционная коллегия: *Е.С.Отин*, д.ф.н., проф. (отв. ред.); *Л.П.Борисова*, к.ф.н., доц.; *В.А.Горпинич*, д.ф.н., проф.; *А.А.Загнитко*, д.ф.н., проф.; *В.М.Калинкин*, к.ф.н., доц.; *В.Д.Калиущенко*, д.ф.н., проф.; *О.П.Карпенко*, д.ф.н., ведущий научный сотрудник Института укр. языка НАН Украины; *Н.А.Луценко*, д.ф.н., проф.; *К.В.Першина*, к.ф.н., доц.; *В.Д.Познанская*, к.ф.н., доц.; *М.Г.Сенив*, д.ф.н., проф.; *Е.И.Царенко*, к.ф.н., доц.

Рецензенты: *А.М.Поповский*, д.ф.н., проф.

Е.Ф.Широкопад, к.ф.н., проф.

ISBN 966-7277-26-6

© Донецкий государственный университет,
1999

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ОНОМАСТИКА

Ю.О.Карпенко (Одеса)

ТИХИЙ ДУНАЙ

Цю статтю було підготовлено (за письмовим запрошенням Б.М.Путилова) для журналу «Живая старина», однак редакція її відхилила, оскільки (цитую лист вченого секретаря редколегії О.В.Беловой) «Методичні засади «Живой старины» є далекими від принципів історичної школи, що намагається відшукати прямий зв'язок між фольклорними сюжетами та історичними подіями, тим більше такими сумнівними конструктами, як Антська держава, невідома історичним джерелам (звідси впливає недостовірність датування та етимологічних побудов)».

Не відносячи себе до історичної школи (і навіть узагалі до фольклористів), водночас не можу пристати на думку, що биліни є такими собі небилицями-витребеньками, які історії не відбивають. Цього, зрештою, ніхто так прямо й не стверджує. А ось суперечку про ступінь, міру зв'язку билинних сюжетів та історичних подій, хоч вона вже точиться (і як затято!) більше ста років, не слід уважати завершеною. Конкретні історичні події за билинами, справді, не реконструюєш. Але процеси, вагомими історичні зрушення – гадаю, можна реконструювати. Що й намагаюсь зробити в своїй статті, спираючись передусім на ономастику та досить відому історико-народознавчу інформацію, а також і на логіку думки. Цю думку (може: думки) й хочеться винести на суд наукової громадськості, ширшої за редакцію одного журналу, хай і дуже авторитетного. Подаю статтю в тому ж вигляді (і тою ж російською мовою), як вона була надіслана до редакції «Живой старины». Просто відкинути можна будь-що. Але науково вагомішими є конкретні контраргументи щодо конкретних тверджень, хай десь і гіпотетичних.

Билини – це героїчний епос українського народу, збережений в Росії російським народом, з наступним його, переважно новгородським, продовженням та відповідними мовними трансформаціями. То – гримаса історії: така вже доля українська, і не тільки в цьому випадку. Лінгвальну аргументацію цієї тези я намагався викласти в публікаціях «Проблема мовної приналежності билин» («Щорічні записки з українського мовознавства»).- Одеса, 1995. Вип.2. С.10-19) та «Мовний статус билин» («Третьи Волковские чтения».- Одесса, 1993. С.8-10). Історична й літературна аргументація незрівнянно глибше (і набагато раніше) розгорнута, хоч і з іншими хронологічними акцентами, М.С.Грушевським у його блискучій «Історії української літератури» (К., 1994. Т.4, кн. 1). Чи не мотивується шалений спротив історичному погляду на биліни тією обставиною, що чим глибше осягати їх реальний зміст, тим виразніше відкривається його українське обличчя?

А щодо «історичних джерел», то вони є, і дуже надійні, бо то джерела мовні. Досить заступити слово *анти*, уживане зокрема Прокопієм з Кесарії та Йорданом (VI ст.), словосполученням «карпатський етап розвитку пізньопраслов'янської мови». Може, фольклористи того не знають, але зусиллями фахівців (передусім російських) з карпатського мовознавства цей етап уже перетворився з гіпотези («конструкта») в науково обґрунтований факт. А був той етап (анти із склавінами, що розділялися Дністром) державою чи не був – для розглядуваної проблеми по суті аж ніякого значення не має. Так само безперечним є факт, що войовнича людність цього «етапу» мала великі геополітичні амбіції, скеровані до Дунаю (і далі – до Візантії).

Былинный Владимир князь стольне-киевской в своей богатырской дружине имел и тихого Дуная сына Ивановича. Таков статус богатыря лишь в одной из трех посвященных ему былин. Но это (былина о Дунае-свате) как раз древнейший текст, записанный более чем а сотне вариантов (Пр.-Пут., 282-283). И во всех былинах Дунай предстает как авторитетный, влиятельный богатырь. Даже Добрыне Никитичу, который по одной былине сражался с Дунаем, по другой – пришлось побывать его подручным. Впрочем, о собственно ратных подвигах Дуная особой информации нет – он выделяется другими качествами: *Тихия Дунай во послах бывал, | Тихия Дунай много земель знал, | Тихия Дунай говорить горазд* (Гильф., 2, 89).

Наиболее яркой приметой его именованья является обозначение *тихий*, особо частое как раз в записях старейшей быliny о Дунае-свате. Вот уж образцовый пример постоянного эпитета – настолько постоянного, что он по сути стал составной частью номинации богатыря. Этот богатырь называется тихим даже в ситуациях, которые, казалось бы, начисто опровергают такое определение: *Тихия Дунаюшко Иванович, | Скоро-то он скочит через золот стол, | А схватил ён татарина за ноги, | Стал ён татаринoм помахивати, | Стал бить татар, поколачивати* (Гильф., 2, 91). Вот несколько цифр. В развернутом тексте быliny о Дунае-свате он именуется обычно более 50 раз, имея при этом обозначение *тихий* в 18, 23, 25 случаях и под. В одной сокращенной записи богатырь Дунай именуется 20 раз и при этом 19 – *тихий Дунай сын Иванович* (Гильф., 2, 223-227).

Впрочем, известны записи быliny о Дунае, в которых богатырь не имеет эпитета *тихий*. Его отсутствие – норма для двух более поздних былин – о Дунае и Настасье, о бое Дуная с Добрыней. В ряде записанных вариантов сказители, чувствуя неудобство, неуместность эпитета *тихий*, заменяли его другими – *сильный*: *Выходит сильней Дунай Иванович; Спроговори сильней Дунай Иванович* (Гильф., 2, 362-367), *славный*: *А выходит-то славным Дунай да сын Иванович; Славный Дунай да сын Иванович | Говорил ему да таково слово* (Гильф., 3, 106).

Это именно замена или устранение эпитета *тихий*. Он явно назначен. Плохо приспособленный к человеку, весьма активному и горячому богатырю, который и жену загубил, и сам погиб из-за своей вспыльчивости, он оказывается вполне уместным, если мы учтем исходный смысл имени *Дунай*. Ведь это – название крупнейшей реки! А для реки Дунай обозначение *тихий* естественно, ср. в известной украинской песне: *Тихо, тихо Дунай воду несе, | А ще тихие дівка косу чеше*. В былине о богатыре Дунае и его гибели видим типичный поиск гидронимического эпонима, то есть мифического персонажа, который

дал свое имя реке. Как отмечают специалисты, финал былины «связан с древними представлениями о происхождении рек из человеческой крови» (Пр.-Пут., 285).

Показателен в этом отношении текст былины, записанный А.Ф.Гильфердингом от сказителя А.В.Сарафанова, – тот самый, где Дунай 19 раз из 20 упоминаний сопровождается эпитетом *тихий*. Имя богатыря в винительном падеже совпадает с именительным, то есть живой персонаж грамматически осмысливается как неодушевленный предмет – как река! Ср.: *Некого нам послать, как послать тихий Дунай да сын Иванович*, и особенно: *Оберите-ко тихий Дунай сын Иванович | И Добрынюшка Никитича в крепкое место* (Гильф., 2, 223, 224). В этом последнем случае имя Дуная в винительном падеже совпадает с именительным, а имя его помощника Добрыни – нет: форма *Добрынюшка* – винительный от *Добрынюшко*, ср. *Петр* – *Петра* или укр. *Петро* – *Петра*. Указанное различие особенно заметно в формах отчества.

Но почему речь идет именно о *Дунае* (а не о другой реке) и почему он – *тихий*? Это – два разных вопроса, и оба интересны, оба оказываются очень информативными, исторически значимыми. Пытаясь дать ответ на первый, отмечу, что в украинских фольклорных текстах самое употребительное географическое название – как раз Дунай (а не, скажем, Днепр или Киев). Не имею подобных подсчетов по русскому фольклору, но и там река Дунай – отнюдь не редкость, как, впрочем, и в фольклоре других славянских народов. У славян слово *дунай* даже стало нарицательным обозначением реки, и некоторые ученые непрочь отделить его этимологически от имени реки *Дунай*, хотя это несомненное преобразование собственного имени в нарицательное – выразительное свидетельство широкой и древней употребительности собственного имени.

Поиски этой древней употребительности, не поддерживая труднодоказуемой гипотезы о дунайской прародине славян, приводят к концепции антского государственного образования, которую давно высказал В.О.Ключевский, поддержал Б.Д.Греков, а ныне активно разрабатывают многие украинские историки. Речь идет о государственном образовании, возглавлявшемся дулебами, которое во времени локализуется в IV-VII вв., а в пространстве – на Днестре. Это древнее государство располагалось ближе к Карпатам, чем к Дунаю, но его устремления и тревоги, его кровные интересы были связаны прежде всего с югом, с Дунаем (и Задунавьем).

Здесь уместно напомнить: автор «Повести временных лет» сообщает, как о глубокой для себя древности, что «Оуличи Тиверци... при-сѣдяху къ Дунаеви», а значительно позднее, в 967 г. князь Святослав,

отец вошедшего в былины Владимира, собирался перенести на Дунай столицу своей державы. Ср. также знаменательное именование богатыря в одном из вариантов былины: *Задунай да сын Ивановиць; у Задуная та сына Ивановиця*. И даже о реке, образовавшейся из его крови: *Де протекла да тут быстра река, | Де назвалась она да Задунай-рекой* (Аст., 1, 323).

Поэтому-то объектом богатырского осмысления и стал именно Дунай. И поэтому же его соперницей, женой и – жертвой стал... Днестр. Да, да, Днестр, хотя этого имени нет ни в одной былине. Там есть Настасья королевична. Убитая мужем Дунаем, она тоже стала рекой: *Где пала Дунаева головушка, | Протекла речка Дунай река, | А где пала Настасьина головушка, | Протекла речка Настасья река* (Гильф., 2, 169). В разных вариантах былины имеем тождественный смысл: *Наперед-то протекла река Настасьина, | А другая протекли река Дунаева* (Гильф., 2, 97), *Где протекла Настасья река, | Тут протекли и Дунай река* (Гильф., 2, 202). Изредка Настасья-река именуется *Черной*, но это, по-видимому, позднейшее осмысление. А Настасью-реку еще В.Ягич, опираясь на географию и фонетику, справедливо отождествил с Днестром. Данное отождествление, как видим, еще в большей мере обосновывается историей. В этой связи и первое упоминание имени реки Днестр Аммианом Марцеллином в IV в. В форме *Danastius*, в которой пропуск *r* обычно рассматривают как опisku, заставляет задуматься: *Danastius*, Настя – очень уж созвучно! Не отразил ли Марцеллин какой-то особой славянизированной формы этого неславянского речного названия?

Если принимать изложенную выше интерпретацию, то Дуная следует признать антским богатырем, а былину о нем, вернее – ее речной мотив (явившийся древнейшим стержнем, на который затем было нанизано многое другое), датировать временем не позднее VII в. А это значит, среди прочего, что Настасья королевична в то время не могла быть ни *королевичной* (так как Карл Великий, имя которого породило титул *король*, еще не родился), ни *Анастасией* (так как имя это – христианское, а славяне оставались еще язычниками). И.Я.Франко записал украинскую колядку, в которой после каждой строки повторяется припев, в общем-то не связанный с содержанием этой обрядовой песни: *Дунаю! Дунаю-море, Настуню-зоре, Дунаю!* Припев этот законсервировал реликт того же речного «дунайского» мотива, причем в форме более древней, чем сохранившаяся в былине. Здесь Настуня (=Настасья) – не королевична, а заря, да и очеловечивания, антропоморфизации еще нет – ни для Дуная, ни, можно предполагать, для Настуни.

Можно лишь догадываться и о том, откуда взялась дохристианская, языческая *Настасья*, *Настуля*. С принятием христианства и приходом христианских календарных имен некоторые языческие имена были приспособлены к ним в ранге уменьшительных, разговорных форм. Это, в частности, можно определенно утверждать относительно имени *Соня* (ср. нарицательное *соня*), которое документально зафиксировано как самостоятельное языческое, а затем стало пониматься как производное от христианского имени *Софья*. Может быть, существовало и автохтонное имя *Настя* (от *стати*, *настати*), которое затем было покорено *Анастасией*.

А для осмысления эпитета *тихий* надо обратиться к этимологии. Название *Дунай* принято выводить из кельтского языка, хотя переключка *Дун-ай*, *Дн-эстр*, *Дн-епр*, *Дон* заставляет думать об ираноязычных скифах: осетинское *дон* означает «река». Но для наших рассуждений важно не это обстоятельство, а то, что нижний Дунай имел устойчивое и древнее фракийское название *Истр*. *Ίστρος*, обозначающее «быстрый» и хорошо известное восточнославянским летописцам, ср.: *Игорь же дошед Дуная, созва дружину; Постави... Илирика брата своего въ повершиа Истра; и бысть червленъ доброводный Истръ, сирѣчь Дунавъ*.

Восточные славяне (=анты) знали не только название *Истр*, но и смысл этого названия. Об этом свидетельствует, помимо уже приведенного текста, еще один вариант былины о Дунае-свате, вошедший в сборник Кирши Данилова: *А и тут молоды Дунай сын Иванович запечалился, | Ткнул себя чингалищем во белы груди, | Сгоряча он бросился во быстру реку: | Потому быстра река Дунай словет, | Своим устьем впала в сине море* (Пр.-Пут., 315). Строка *Потому быстра река Дунай словет* в точности напоминает летописные обозначения – *окрестъ Истра, сирѣчь Дунава; перебрѣдше Истръ, наречемыи Дунаи* – только первое имя дано в переводе. Что *быстра река* из былины – перевод названия Истр, а не просто случайное совпадение, убеждает как весьма низкая вероятность такой случайности, так и то обстоятельство, что анты, знакомые с быстротой карпатских рек, просто не могли бы обозначить по этому признаку весьма небыстрый, особенно в нижнем течении, Дунай.

Тут мы и подходим к смыслу эпитета *тихий*. Ведь это противоположность, антоним признака «быстрый»! Обозначение *тихий* анты дали Дунаю как отрицание, как несогласие с его обозначением «быстрый» – *Истр*. Так сказать, в пику фракийцам...

Остается еще рассмотреть отчество богатыря тихого Дуная. Он почти во всех записях – *Иванович*. Но христианские истоки имени *Иван* отрицают исконность этого отчества. О богатыре Дунае восточ-

ные славяне пели еще тогда, когда вовсе не знали имени Иван, ставшего после принятия христианства самым частотным и любимым. Да и в былинах, где господствует старинная почтительная (и социально высокая) формула называния персонажей по имени и отчеству, практически каждый богатырь нет, нет – да и оказывается *Ивановичем*. Даже, к примеру, Илья Муромец, формула именованя которого вообще отчества не предполагает. Как герой едва ли не каждой сказки – Иван, так едва ли не каждый былинный богатырь – Иванович.

Тем интереснее варианты, в которых тихий Дунай – не Иванович. В одной из записей богатырь последовательно именуется *Дунай Селиванович* (Аст., 2, 489-492). Форма *Селиванович* могла легко редуцироваться в Иванович, но она не решает проблемы, так как сама образована от христианского имени *Селиван* (русская переделка латинского имени, образованного от *silva* «лес»).

Гораздо интереснее другой случай: *А поклонитесь Дунаюшку Ивановицю, А Ивановицю да Колыбановицю* (Аст., 1, 127). В этой записи Дунай именуется таким сложным, двустрочным образом восемь раз, то есть формула эта – не какая-то оговорка. А в ней, в этой формуле – сразу и результат (*Иванович*, только с цоканьем), и его источник – *Колыбанович*. Это последнее образование чаще в былинах имеет форму *Колыванович*, которая восходит к финскому по происхождению имени (уже нехристианскому, языческому имени!) богатыря Колывана и могла стягиваться в Иванович также и в других случаях. То есть до того как стать христианином Ивановичем богатырь Дунай был, вероятно, язычником Колывановичем. Но это случилось уже тогда, когда именование по имени и отчеству стало престижным. А раньше он был просто Дунай, Тихий Дунай.

На этом можно бы поставить точку, если бы не было общеизвестного сочетания *тихий Дон*. И – былины о богатыре Доне и Непре. Былина эта в точности повторяет сюжет о Дунае-свате (вторую его часть), но фигурирует здесь уже Непра королевична, которая, увы, *не спохватила* | *А тихого ведь Дона-то сына Иванова*, | *А своёго-то мужа любимого*, отчего тихий тут Дон сын Иванович и привел дело к трагическому финалу. Специалисты, в частности В.Ф.Миллер, видели в этой былине первоисточник. Как же: Днепр, Киев, начало Руси...

Но история как раз и позволяет расставить точки над *i*. Лишь после разгрома антского государства в VII в. аварами (летописными обрами) где-то, вероятно, в VIII в. центр государственности восточных славян переместился с Днестра (и Дуная!) на Днепр, в Киев, к полянам, и тогда же, надо полагать, охватил и северян, сидевших в то время по Дону до самого его устья, ср. название главного притока Дона – Северский Донец. О.Н.Трубачев выдвинул веские аргументы в пользу

того, что именно на Дону, у северян, перешло в VIII в. к славянам от индоарийцев и само имя *Русь*, позднее охватившее всех восточных славян. Во всяком случае реки Дон и Днепр в началах Киевской Руси очень напоминали геополитическое соотношение Дуная и Днестра в антские времена. Вот и приспособлена была к новым реалиям старая дружинная былина, песня-легенда. Так в конечном итоге и антский богатырь Дунай попал на службу к князю Владимиру, и появился его двойник – тихий Дон сын Иванович.

Его вторичность, которую принимал М.Сперанский (допускавший, впрочем, для Непры королевичны вариативность: либо Днепр, либо Непрядва, хотя последнее представляется невозможным) и не исключала А.М.Астахова (Аст., 1, 377), подтверждается многими фактами, в том числе поэтикой. Наиболее очевиден такой: имя *Дон*, будучи на слог короче имени *Дунай*, в былине регулярно содержит семантически лишний препонент – *тут Дон, ведь Дон, ты Дон*. При замене имени *Дунай* именем *Дон* пришлось заполнить звуковой пробел, добавить слог для сохранения ритма. Имя *Непра королевична* в былине более органично, хотя и здесь можно предполагать замену формулы *Настасья королевична*. Однако не исключено, что в период замены жена тихого Дуная именовалась в былине иначе. Не Нестра ли королевична?

Былина о богатыре Доне и Непре королевичне встречается редко. Но в древности, когда Дон был Русью, да и позже, когда русичи жаждали испити шеломом Дону Великому, она, вероятно, была очень популярна. Ведь только этим обстоятельством и можно объяснить устойчивый в веках и прочно укоренившийся в языке эпитет *тихий Дон*. История перенесла его из края в край Древней Руси – от Дуная к Дону и сохранила здесь до наших дней.

СОКРАЩЕНИЯ

- Аст. — *Былины Севера* / Записи, вступительная статья и комментарий А.М.Астаховой. Т. 1-2. - М.; Л., 1938-1951.
- Гильф. — *Онежские былины*. записанные А.Ф.Гильфердингом. 3-е изд. Т. 2-3. - М.; Л., 1938-1940.
- Пр.-Пут. — *Былины*: В 2 т. / Подготовка текста, вступительная статья и комментарии В.Я.Проппа и Б.Н.Путилова. Т. 1. - М., 1958.

К ВОПРОСУ О МЕТАЯЗЫКЕ ПОЭТИКИ ОНИМА: ПОЭТИКА ОНИМА И КОНТЕКСТ

(НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА А.С.ПУШКИНА)

Среди публикаций, связанных с проблемами поэтической ономастики, трудно найти работы, в которых не говорилось бы о влиянии контекста на поэтику онима. Вместе с тем столь же трудно найти статьи, в которых этот факт не только бы декларировался, но и получал последовательное и развернутое толкование, а контексты разных типов описывались бы с позиций поэтики онима (с учетом факторов протяженности контекста, дислокации в нем поэтонима, значения и взаимного влияния контекста и поэтонима). Главная задача этой статьи – обратить внимание ономастов на необходимость целенаправленного изучения контекстной поэтики онимов, сформулировать некоторые исходные принципы, обозначить возможные пути описания поэтонимов в минимальных и широких контекстах, подтвердить примерами действенность такого подхода. Выбор творчества Пушкина в качестве иллюстративного материала оправдан возможностью не только получить представление о традициях в поэтическом употреблении онимов, сложившихся в начале золотого века русской литературы, но и судить в дальнейшем о тех изменениях, которые произошли с пушкинской поры как в поэтике собственных имен (что немаловажно для исторической поэтики онима), так и в составе и свойствах отдельных разрядов грамматически обусловленных, семантически или лексически ограниченных словосочетаний с поэтонимами (что существенно для истории языка).

Исследование может двигаться к частным положениям, исходя из общих законов, правил и суждений или от наблюдения фактов и явлений идти к обобщениям, установлению закономерностей. Логика рассмотрения проблем метаязыка диктует другой подход: одновременное движение к «экватору» контекстной поэтики онима дедуктивно с полюса глобальных утверждений-аксиом, касающихся контекста «как широчайшего принципа» (определение А.Ф.Лосева [1]), и индуктивно из глубины конкретно-лингвистического описания минимальных контекстов.

Так же, как единственным способом проникновения в смысловую сферу любого слова является учет «словесного контекста этого слова в известной группе аналогичных слов, в известном диалекте, где

это слово употребляется в той или иной обстановке и, может быть, даже в широчайшем историко-культурном контексте» [1], адекватное объяснение поэтики онима возможно только с учетом фактора контекста. В связи с пониманием контекста как широчайшего принципа возникает проблема определения текста, в котором функционирует поэтоним. Поскольку *контекстом* (со-текстом) является окружение поэтонима (текст за вычетом определяемой единицы), во избежание недоразумений следует специально отметить необходимость разграничивать понятия *текст* и *контекст*. Представляется возможным во всех случаях, когда речь идет о *широком контексте* культуры, для определения *текста* пользоваться теперь уже традиционным термином *широкий дискурс*, под которым можно понимать все тексты культуры в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, предопределяющими социальное воздействие текстов на когнитивные процессы в сознании человека.

По отношению к творящему сознанию, созидающему художественное произведение, дискурс выполняет *прелиминарную* [лат. *prae* прежде + *limen (liminis)* начало] (предваряющую) функцию, а широкий контекст культуры по отношению к воспринимающему читательскому сознанию выполняет *пресуппозитивную* [лат. *prae* прежде + *suppositio* предположение] (предполагающую) функцию. Ориентируясь на материал поэтики онима, прелиминарную функцию дискурса и пресуппозитивную функцию широкого контекста можно проиллюстрировать следующим образом: вкладываемое автором в смысл онима содержание может быть понято и оценено воспринимающим сознанием только тогда, когда состояние контекста культуры обеспечивает возможность данного употребления онима, например: 1) поэтика названия произведения и имени главного героя романа Пушкина «Евгений Онегин» предопределялась традициями бытовой повести сатирического или морализаторского характера, смысловыми и эмоциональными коннотациями имени *Евгений*, восходящими ко второй сатире Кантемира и роману А.Е. Измайлова «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и общества» [2]; 2) метафора, построенная на поэтонимах: «*Черномор* - / это черные ключья туманности, / где в сетях изнывает *Людмила звезды*» (С. Кирсанов, 1970) [3], - могла появиться и восприниматься как уместная и семантически не аномальная только после пушкинской поэмы «Руслан и Людмила».

Необходимость обращения к широкому контексту при исследовании функций проприальных единиц определяется спецификой соб-

ственного имени как феномена языка и особенностями поэтики онима. Эти же факторы лежат в основе интереса к *развернутому контексту*, который образует *дискурс* произведения (развернутым контекстом поэтонима *Евгений* является текст романа «Евгений Онегин»; дискурсом романа «Евгений Онегин» является весь текст, включая варианты, редакции, рукописи и т.д.). В целях изучения языковых средств поэтики онима развернутый контекст можно «препарировать», ограничиваясь традиционными лингвистическими приемами. Выявление специфических черт поэтики онима требует *дискурсного подхода*, изучения с точки зрения ментальных процессов и в связи с экстралингвистическими факторами «погруженного в жизнь» текста произведения.

Контекстом поэтонима является такой фрагмент текста художественного произведения, который необходим и достаточен для определения роли поэтонима как в формировании значения самого фрагмента, так и в создании содержательной и образной целостности произведения. Число контекстов в тексте зависит от числа и протяженности составляющих его единиц. Принято различать «микроконтекст - минимальное окружение единицы, в котором она, включаясь в общий смысл фрагмента, реализует свое значение, плюс дополнительное кодирование в виде ассоциаций, коннотаций и т.д. и макроконтекст - окружение исследуемой единицы, позволяющее установить ее функцию в тексте как целом» [4]. В нашем случае понятие *макроконтекст* соответствует названный выше *развернутый контекст*. Отправной точкой исследования *микроконтекстов поэтонимов* можно считать двусловные сочетания, в которых один из компонентов - имя собственное, а само сочетание образует грамматическое единство и «способно выражать цельное значение и служить обозначением» [5], иными словами, *микроконтекст поэтонима* - это либо одно слово, которое вместе с онимом образует словосочетание, либо один из членов нераспространенного простого предложения. *Словосочетание* и *нераспространенное простое предложение* являются, таким образом, *микротекстами*, имеющими в своем составе поэтоним. А минимальный *микроконтекст поэтонима* - это одно грамматически связанное с поэтонимом слово. Переход от микроконтекста к макроконтексту можно представить как последовательное включение поэтонима во все более широкое окружение. Примерами *простых микротекстов* с поэтонимами могут быть двучленные (возможны трех- и даже четырехчленные) словосочетания минимальной конструкции с одиночной (*второй Чадаев; мой Евгений*

[ЕО.1.XXV)]¹ или двойной (*пришла Евгению пора* [ЕО.1.IV]) сильной связью. На основе двух и более подчинительных связей, исходящих от одного главного слова, образуются *сложные микротексты* с поэтонами (*Корнеля гений величавый* [ЕО.1.XVIII]), (*Страсбурга пирог нетленный* [ЕО.1.XVI]) и т.д. Во многих случаях поэтоним не имеет минимального контекста, в некоторых – реализуется только в предложении, т.е. не входит в состав какого-либо фрагмента (является главным членом простого предложения и не образует «группу подлежащего» или «группу сказуемого»).

Линия расширения микроконтекстов такова: 1) фрагменты (здесь нужно говорить о нескольких возможных реализациях): а) представляющие собой извлечение из простого предложения (без осложняющих его структуру оборотов и вводных конструкций), например: *И наконец перед зарею, / Склонясь усталой головою, / На модном слове идеал / Тихонько Ленский задремал.* (ЕО.6.XXIII); б) представляющие собой простое или двухкомпонентное сложное «предложение», входящее в состав полипредикативного сложного, например: *Деревня, где скучал Евгений, / Была прелестный уголок; / Там друг невинных наслаждений / Благословить бы небо мог.* (ЕО.2.I); 2) предложения (простые или сложные), например: *Траги-нервических явлений, / Девичьих обмороков, слез / Давно терпеть не мог Евгений; / Довольно он их перенес.* (ЕО.5.XXXI); 3) сверхфразовые единства (когда смысл предложения, содержащего поэтоним, оказывается неполным), например, сверхфразовым контекстом поэтонима Евгений может быть следующий отрывок из романа: *«Полюбите вы снова: но... / Учитесь властвовать собою; / Не всякий вас, как я, поймет; / К беде неопытность ведет». // Так проповедовал Евгений.* (ЕО.4.XVII - XVIII). Для обозначения первого типа расширения предлагается использовать термин *фрагментальный контекст*, для второго типа представляется удобным традиционный термин *контекст*, для третьего - *сверхфразовый контекст*.

¹ Ссылки на произведения А.С.Пушкина даются по полному академическому собранию сочинений в 10 томах (М.: Изд-во АН СССР, 1962-1966 гг.) следующим образом: вначале аббревиатурой указывается название произведения, затем арабскими цифрами том и страница, на которой помещен цитируемый отрывок. Аббревиатурой для всех стихотворений является буква С, затем указывается том, порядковый номер данного стихотворения в соответствующем томе и страница. Ссылки на роман «Евгений Онегин» оформляются иначе: после аббревиатуры ЕО следуют указание на главу (арабскими цифрами) и строфу (римскими цифрами).

Для русскоязычных художественных произведений наиболее частотные микротексты с поэтонимами – различные именные (субстантивные и адъективные) словосочетания с характерными для них синтаксическими связями апеллиатива или (значительно реже) онима с родительным определительным поэтонима, родительным субъекта или объекта, обозначенного поэтонимом, родительным носителя признака, родительным целого состава. Издавна известная высокая продуктивность словосочетаний этого разряда в русском языке отмечена исследователем метафоры: «...благоприятная для метафоричности многозначность родительного падежа <...> является одной из причин частого употребления генетивных метафорических конструкций в русской поэзии» [6]. В дальнейшем термином *генетивные конструкции* будут обозначаться микроконтексты с поэтонимами, представляющие собой именное словосочетание с типичным для него сочетанием существительного с родительным определительным имени собственного.

В составе именных словосочетаний поэтонимы могут согласовываться также с определяющим их эпитетом-прилагательным. Внутри именных словосочетаний поэтоним может быть и стержневым (главным), и зависимым (подчиненным) компонентом. В глагольных и адвербиальных словосочетаниях единственно возможным для поэтонима может быть положение грамматически зависимого компонента. В глагольных словосочетаниях наиболее типична позиция поэтонима в винительном прямого объекта, реже (особенно в поэзии) встречаются словосочетания с поэтонимами в творительном падеже со значением субъекта действия, в других беспредложных и предложных формах, для адвербиальных словосочетаний (включая сочетания с компаративом) характерны предложные формы различных падежей поэтонима. В целом способность онима сочетаться с определенным кругом форм и самому при этом оказываться в той или иной форме может быть названа *валентностью поэтонима*.

Грамматическая семантика словосочетания имеет весьма существенное значение для поэтики онима. От степени предсказуемости, степени вероятности грамматической семантики словосочетания во многом зависит его воздействующая сила. Например, упоминавшиеся выше генетивные конструкции с собственными именами с высокой степенью вероятности реализуются по модели *апеллиатив-онома*, намного ниже вероятность реализации по модели *онома-онома*, и, наконец, наиболее низка вероятность реализации по модели *онома-апеллиатив*². При этом наблюдается своего рода обратно пропорцио-

² Жирным шрифтом отмечено главное слово словосочетания.

нальная зависимость: чем ниже вероятность сочетания, тем выше его воздействующая сила. Более наглядно указанную зависимость можно представить в таблице.

Главное слово	Зависимое слово	Вероятность	Воздействие	Пример
апеллятив	онома	высокая	слабое	лани ты Флоры, ножка Терпсихоры
онома	онома	средняя	среднее	Клеопатра Невы
онома	апеллятив	низкая	сильное	Людмила звезды

Однако способность *онима* сочетаться с другими словами и его поэтика, очевидно, зависят не только от грамматических свойств имени и составляющего его контекст компонента словосочетания, но и от целого ряда пересекающихся осложняющих факторов, среди которых наиболее существенны следующие: 1) идущее от господствующего слова общее семантическое качество словосочетания; 2) синтаксическая и семантическая роль словосочетания в строе целого высказывания; 3) влияние на семантику словосочетания, определяемое принадлежностью поэтонима к определенному классу проприальных единиц; 4) характер употребления (в прямом или переносном значении) компонентов словосочетания; 5) содержательная информация, аккумулированная в поэтониме. Достаточно нескольких примеров для того, чтобы не только проиллюстрировать, но и убедить в правильности и важности утверждения о влиянии на совокупную образность словосочетаний с поэтонимами перечисленных выше и ряда не названных факторов. В пушкинских стихах: *Дианы грудь, ланиты Флоры / Прелестны, милые друзья! / Однако ножка Терпсихоры / Прелестней чем-то для меня* (ЕО. I. XXXII), - словосочетания *Дианы грудь, ланиты Флоры* и *ножка Терпсихоры* представляют собой генетивные конструкции с апеллятивным главным и онимным зависимым компонентом. Как отмечено выше, грамматическая семантика таких словосочетаний обладает высокой предсказуемостью появления в поэтическом тексте (особенно в поэзии начала XIX века) и низкой воздействующей силой. Главный компонент словосочетания *Дианы грудь* относится к нейтральной лексике. На его месте в других ритмо-мелодических условиях вполне мог появиться окрашенный высокими коннотациями компонент *перси*. В словосочетании *ножка Терпсихоры* исключить возможность употребления слова *нога* вместо *ножка* с высокой степенью достоверности, по-видимому, нельзя. А вот в словосочетании *ланиты Флоры* вероятность появления нейтрального слова *щеки* гораздо

менее вероятно³. Своеобразным подтверждением сказанному являются стихи следующей строфы: *Как я желал тогда с волнами / Коснуться милых ног устами! / Нет, никогда среди пылких дней / Кипящей младости моей / Я не желал с таким мученьем / Лобзать уста младых Армид, / Иль розы пламенных ланит, / Иль перси, полные томленьем* (ЕО. I. XXXIII) (выделено мной. - В.К.). Все собственные имена перечисленных словосочетаний - мифопоэтонимы. Именно поэтому их положение в словосочетании зависимое только грамматически. Семантически эта зависимость снимается так же, как снимается содержащийся в генетивных конструкциях оттенок сравнительности. Боги абсолютно совершенны, и мифопоэтоним указывает на их несравненные достоинства. Так обстоит дело в перечисленных словосочетаниях. Однако в пушкинских произведениях можно наблюдать и другое. Совершенно иные коннотации вызывают стихи из поэмы «Руслан и Людмила», описывающие наложницу Ратмира, и стихотворение «Лизе страшно полюбить»: 1) *В молчаньи дева перед ним / Стоит недвижна, бездыханна, / Как лицемерная Диана / Пред милым пастырем своим* (РЛ 4.65); 2) *Лизе страшно полюбить. / Полно, нет ли тут обмана? / Берегитесь - может быть, / Эта новая Диана / Притаила нежну страсть - / И стыдливymi глазами / Ищет робко между вами, / Кто бы ей помог упасть* (С.2.152.239). Словосочетание *лицемерная Диана* прямо указывает на мифологический сюжет, согласно которому считавшаяся девственницей богиня растительности, родовспоможения и охоты Диана предавалась любви с карийским пастухом Эндемионом, погруженным ею в вечный сон. Словосочетание *новая Диана* употреблено в аналогичном смысле, однако это устанавливается только в контексте всего стихотворения. Божественное абсолютное совершенство оказывается овеванным авторской иронией, а определение Лизы *новой Дианой* приобретает черты игривого эротизма и эпикурейского юмора. Контекст становится ареной формирования содержательно-смыслового наполнения поэтонима.

Традиционным положением поэтонима в стихотворном тексте является позиция объекта и/или образа сравнения в сравнительных оборотах и конструкциях, передающих семантику сравнения иным образом (например, творительным сравнения). Изучение этого типа контекстов заслуживает отдельного исследования, поэтому ограничимся здесь только двумя примерами, демонстрирующими употребление одного и того же имени в роли образа сравнения в разных по конструкции контекстах: 1) *Прямым Онегин Чильд Гарольдом / Вдал-*

³ Для сравнения: в романе «Евгений Онегин» слово *ланиты* встречается 5 раз (все случаи употребления в 1 главе), а слово *щека* - 1 (в 8 главе).

ся в задумчивую лень (ЕО.4.XLIV); 2) Как *Child-Harold*, угрюмый, томный / В гостиных появлялся он (ЕО.1.XXXVIII).

Одним из образцовых исследований микроконтекстов вообще и (несмотря на то, что собственные имена рассматриваются в нем лишь факультативно и в связи со стилистикой и семантикой фразеологизированных сочетаний) микроконтекстов с онимами, в частности, можно назвать работу «Поэтическая фразеология Пушкина» [7], авторы которой дают развернутый анализ поэтических перифраз, описательно-метафорических сочетаний, устойчивых словесных сцеплений, занимающих первостепенное по эстетической значимости место в поэтике Пушкина. Поэтическая фразеология, в отличие от общезыковой, стабильна лишь относительно, а уровень ее связанности зависит от условий текстового окружения: одно и то же сочетание может восприниматься «то как поэтический заменитель слова, как спаянное целое, привычно употребляемое для наименования определенной реалии, то как сочетание полнозначных лексем, устойчивое сцепление слов» [7, с.6]. В устойчивых сцеплениях слов с особенной яркостью обнаруживается влияние господствующего слова на общее семантическое и эмоционально-экспрессивные качества словосочетания. Анализируя поэтическую фразеологию предпушкинской поры, А.Д. Григорьева, в частности, отметила, что «нейтрально-поэтическое сочетание *сын Феба* (поэт) могло быть представлено как *чадо Феба, исчадие Феба, дитя Феба*, но и *пасынок Феба*. Во всех случаях торжественность, архаичность, сниженность, интимность, шутовскость, ироничность, т.е. стилистическая окраска сочетания и дополнительная его экспрессия, определяются выбором опорного слова из возможного для данной модели синонимического ряда опорных слов» [7, с.16]. К этому следует добавить, что другие факторы, определяющие поэтику словосочетания (№№ 2 и 4 в нашем списке), даже при нейтральном стилистическом выражении главного слова придают сочетаниям с мифопоэтонимами окраску приподнятости и торжественности. Другое наблюдение А.Д. Григорьевой, связанное с влиянием внеязыковых факторов на эмоционально-экспрессивную окрашенность фразеологизированных сочетаний, подтверждает правильность нашего дополнения: «<...> (ср. высокий характер перифраз *дочь* (чаще *дщерь*) *Петра* (Елизавета Петровна), *внук Екатерины* (Александр I), наименование поэтов, писателей, исторических деятелей через приравнивание их к знаменитым людям древности: *наш Тиртей, Орфей, Гомер, Фемистокл* и т.п. Наличие этой внеязыковой «высокости» (подчеркнем: идущей от собственного имени. - В.К.) определяло возможность включения подобных фразеологических сочетаний в произведения, стилистически высокие

по форме и по содержанию, но не препятствовало и их употреблению как элементов поэтических в жанрах средних» [7, с.16-17].

Особый тип минимального контекста поэтонима представляют *метафорические приложения-онимы*. В них главный компонент - оним сопровождается приложением, в роли которого выступает второй поэтоним. В сочетаниях такого типа поэтонимы-приложения выступают не независимыми семантическими единицами, несущими номинативную функцию, а элементами, определяющими главный компонент микротекста. В поэзии XIX века можно найти и прямые уподобления, выраженные метафорическим приложением-онимом (ср. у К.Ф. Рылеева: *Воейков-Буало, Тацит-Карамзин*), и перифрастические варианты определений, например: *Второй Чадаев, мой Евгений, / Боясь ревнивых осуждений, / В своей одежде был педант / И то, что мы назвали франт (ЕО.I.XXV)*. К названному типу минимальных контекстов примыкают контексты, в которых поэтоним входит в состав ономастических перифраз или в состав предиката (в том числе, выраженного перифрастически). Ввод поэтонимов в состав перифраз и предикатов открывал путь к развитию образных средств языка художественной литературы, а замены традиционных онимов на новые, непривычные, неожиданные, разрушая штампы, вели к «оживлению» приема. Еще А.Н.Веселовский писал, что «поэтический образ оживает, если он снова пережит художником, воспринятый из природы или подновленный силой воображения» [8]. Вот два из множества примеров: *Во дни печальные разлуки / Мои задумчивые звуки / Напоминали мне Кавказ, / Где пасмурный Бешту, пустынный величавый, / Аулов и полей властитель пятиглавый, / Был новый для меня Парнас (КП.4.105)*. Новизна включенного в текст посвящения поэтонима *Бешту* ощущалась самим Пушкиным настолько, что к этому имени поэт сделал примечание: *Бешту, или, правильнее, Бештау, кавказская гора в 40 верстах от Георгиевска. Известна в нашей истории (КП.4.132)*. В этом контексте и поэтоним-предикат обновляется (причем отнюдь не потому, что входит в состав перифразы, построенной по традиционной модели - *новый Парнас*), но потому, что весь текст посвящения Н.Н.Раевскому «снова пережит художником» и пронизан интонацией романтического вдохновения и грусти: *Я жертва клеветы и мстительных невежд; / Но, сердце укрепив свободой и терпением, / Я ждал беспечно лучших дней; / И счастье моих друзей / Мне было сладким утешеньем (КП.4.106)*. Трижды в романе «Евгений Онегин» появляется имя *Светлана*. Первый раз в устах Ленского в сравнительном обороте. На вопрос Онегина: *Скажи, которая Татьяна?* - Ленский отвечает: *Да та, которая грустна и молчалива, как Светлана, / Вошла и села у окна. (ЕО.3.V)* В пятой главе имя героини баллады

Жуковского использовано в качестве эпиграфа (!) и в авторском представлении о Татьяне звучит то же сравнение: *И я — при мысли о Светлане / Мне стало страшно — так и быть... / С Татьяной нам не ворожить* (ЕО.5.Х), - однако в гораздо более сильной форме: имя предцирировано героине романа как основное и неотъемлемое свойство ее характера.

Предопределенные поэтонимом и контекстно обусловленные связи и смыслы выявляются в процессе анализа соответствующих минимальных контекстов. По аналогии с присловными и неприсловными связями [9], семантико-синтаксические связи, предопределенные не синтаксической позицией онима в составе словосочетания, а самим собственным именем, можно именовать *прионимными связями*. Они зависят от: 1) факторов, предопределяющих связь; 2) формального выражения зависимости между онимом и апеллятивом (или между двумя рядоположенными онимами); 3) семантико-синтаксических отношений, возникающих в образованвшемся словосочетании; 4) синтаксического, семантического и стилистического наполнения словосочетания; 5) контекстно обусловленных связей и смыслов.

Чем шире становится контекст, чем больше смысловых единиц включается в него, тем большим количеством содержательных нюансов, коннотаций, ассоциативных связей, эмоционально-экспрессивных оттенков наполняется поэтоним. Иногда поэтонимы составляют основу всей системы образности. Поэтика некоторых строф романа «Евгений Онегин» целиком строится на развернутой *ономастической метафоре*, а то и *метаморфозе*, в основе которой лежат контексты типа «круг чтения», представляющие собой перечисления имен писателей, имен литературных героев или названий произведений. После знакомства Онегин вначале предстает в воображении Татьяны как некая романтическая совокупность романских героев (Онегин = любовник Юлии Вольмар (Сен-Прё)⁴ + Малек-Адель + де Линар + Вертер + Грандисон): *Счастливой силою мечтанья / Одушевленные созданья, / Любовник Юлии Вольмар, / Малек-Адель и де Линар, / И Вертер, мученик мятежный, / И бесподобный Грандисон, / Который нам наводит сон,— / Все для мечтательницы нежной / В единый образ облеклись, / В одном Онегине слились* (ЕО.3.IX). Самой себе Татьяна представляется такой же романтической героиней (Татьяна = Кларисса +/[или] Юлия +/[или] Дельфина): *Воображаясь героиней / Своих возлюбленных творцов, / Клариссой, Юлией, Дельфиной, / Татьяна в тишине лесов / Одна с опасной книгой бродит, / Она в ней ищет и*

⁴ Перифразой «любовник Юлии Вольмар» назван герой романа Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» Сен-Прё.

находит / Свой тайный жар, свои мечты, / Плоды сердечной полноты, / Вдыхает и, себе присвоя / Чужой восторг, чужую грусть, / В забвенье шепчет наизусть / Письмо для милого героя... (ЕО.3.Х). Авторский охладительный и иронический взгляд представлен «вычитанием»: Но наш герой, кто б ни был он, / Уж верно был не Грандисон (ЕО.3.Х).

Развитие образных возможностей антропонимов-имен персонажей в достаточно большом прозаическом или стихотворном произведении - это всегда восхождение по ступеням смыслов, зарождающихся в процессе взаимовлияния поэтонима и различных содержательно-смысловых элементов контекста. Анализируя композицию «Евгения Онегина», Ю.Н.Тынянов заметил, что «герой - объединение под одним внешним знаком (именем собственным. - В.К.) разнородных динамических элементов» [10], а в другой своей работе в рассуждение о литературном герое включил мысль об интегративной роли собственного имени: «Нет статического героя, есть лишь герой динамический. И достаточно знака героя, имени героя, чтобы мы не присматривались в каждом данном случае к самому герою» [11]. Предупреждая возможные обвинения в физикализме, заметим, что к сказанному ниже следует отнести лишь как к метафоре, однако метафоре, точно описывающей влияние экспрессивности контекста на многократно употребляемый в произведении антропоним: *перлокутивные силовые линии контекста индуцируют интонационную и эмоционально-экспрессивную окрашенность поэтонима*. Характер и содержание контекстов, описывающих психологические состояния героев или отношение к ним со стороны автора и других персонажей, оказывают влияние на поэтоним. Имя героини «Евгения Онегина» *Татьяна* в различных по эмоционально-экспрессивной окрашенности контекстах воспринимается по-разному. Например, контекст, вводящий имя героини в роман: *Ее сестра звалась Татьяна...¹³ / Впервые именем таким / Страницы нежные романа / Мы своевольно освятим. / И что ж? оно приятно, звучно; / Но с ним, я знаю, неразлучно / Воспоминанье старины / Иль девичьей! Мы все должны / Признаться: вкусу очень мало / У нас и в наших именах / (Не говорим уж о стихах); / Нам просвещение не пристало / И нам досталось от него / Жеманство,— больше ничего (ЕО.2.ХХIV)*, - напрямую связан лишь с ясно выраженной авторской рефлексией и потому шутивно ироничен. Однако ирония направлена не на имя, не имеющее литературной традиции, а на вкусы публики и потому по отношению к поэтониму - защитительна. Отсылка к авторскому примечанию № 13: *Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например: Агафон, Филат, Федора, Фекла и проч., употребляются у нас только между простолудинами,* - лишь усиливает эту интона-

цию: да, мы все должны / Признаться: вкусу очень мало / У нас и в наших именах. Совершенно иные ассоциации и чувства вызывает другой контекст: Но десять бьет; он выезжает, / Он полетел, он у крыльца, / Он с трепетом к княгине входит; / Татьяну он одну находит, / И вместе несколько минут / Они сидят <...> (ЕО.8.XXII). В нем поэтоним окрашен и нетерпением (Но десять бьет; он выезжает, / Он полетел, он у крыльца) героя, и характером его нервного возбуждения (Он с трепетом к княгине входит), и осуществившейся надеждой на *tete-a-tete*, и пульсацией убегающих мгновений (И вместе несколько минут / Они сидят). Если попытаться провести мысленный эксперимент и предположить, что текст романа читает вслух талантливый актер, то можно почти явственно услышать разницу в интонационной окраске одного и того же поэтонима в столь разных по степени напряженности контекстах.

Все сказанное выше с неизбежностью приводит к следующим выводам: 1) для контекстной поэтики онимов существенное значение имеет исчерпывающее описание синтаксиса, семантики и стилистики, зафиксированных в произведениях художественной литературы, типичных минимальных текстов с поэтонимами, а также механизмов взаимного влияния различных разрядов поэтонимов и всех возможных минимальных контекстов; 2) важный вклад в развитие исследований поэтики онима внесут исследования ономастических перифраз во всем их многообразии; 3) при изучении «поведения» поэтонимов в фрагментальных, сверхфразовых и других неминимальных контекстах необходим учет влияния тех связей и смыслов, которые предопределяют приращения в коннотативную сферу имени; 4) разработка языка и методов описания поэтики собственных имен в контекстах разного уровня протяженности и сложности является насущной необходимостью дальнейшего развития поэтики онима как научной дисциплины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. (Труды по языкознанию). - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. - С.58.
2. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. - Л.: Просвещение, 1980. - С.112-114.
3. Григорьев В.П. Поэтика слова. (На материале русской советской поэзии). - М.: Наука, 1979. - С.223.
4. Торсуева И.Г. Контекст // Лингвистический энциклопедический словарь - С.238-239.

5. **Виноградов В.В.** Вопросы изучения словосочетаний // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. - М.: Наука, 1975. - С.233.
6. **Левин Ю.И.** Русская метафора: синтез, семантика, трансформации. - Труды по знаковым системам. - Тарту, 1969. Кн.4. - С.298.
7. **Григорьева А.Д., Иванова Н.Н.** Поэтическая фразеология Пушкина. - М.: Наука, 1969. - 389 с.
8. **Веселовский А.Н.** Историческая поэтика. - М.: Высшая школа, 1989. - С. 294.
9. **Шведова Н.Ю.** Подчинительные связи слов и словосочетаний // Русская грамматика. - Т.2. - Синтаксис / АН СССР. Институт русского языка. - М.: Наука, 1980. - С.13-14.
10. **Тынянов Ю.Н.** О композиции «Евгения Онегина» // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. - М.: Наука, 1977. - С. 56.
11. **Тынянов Ю.** Проблема стихотворного языка. Статьи. - М., 1965. - С.27.

ТОПОНИМИЯ КАМЕННЫХ МОГИЛ

Географические названия территории, где находится заповедник Каменные Могилы, обнаруживают как славянское, так и тюркское происхождение. Различные источники XVIII-XX вв. свидетельствуют, что название *Каменные Могилы* утвердилось не сразу и имеет свою историю. На ряде карт 2-ой пол. XVIII - начала XIX в. эта местность обозначена надписью *могила Кам. Бешташ* [СКЗР (LVII); Ле-Пле; полные названия источников см. в алфавитном списке сокращений, помещенном в конце статьи], что можно расшифровать двояко: могила Камни Бешташ или могила Каменная Бешташ. Как параллельные составные топонимы *урочище Бешташ* и *Каменные Могилы* представлены в описании земель Мариупольского уезда бывшей Екатеринославской губернии, изданном в 1904 г. [МОЗЕГ-МУ, с.38]. Зафиксирован еще один редкий вариант названия: *Бешташ-горбы* [ОППУ-1, с.34].

Тюркское географическое имя *Бешташ* представляет собой слившееся в одно слово словосочетание, состоящее из числительного *беш* "пять" и существительного *таш* "камень, скала", "возвышенность, гора", которое широко представлено в тюркской топонимии. Общее значение топонима было "пять скал" или "пять возвышенностей, состоящих из твердых пород". В первой (нумеративной) части топонима отразилась или ногайская фонетическая форма числительного *беш* (*бес*), или же появление звука *с* на месте *ш* произошло в славянской речи благодаря дистанционной диссимиляции - расподоблению одинаковых шипящих звуков в соседних слогах топонима. Определенную роль здесь могло сыграть и влияние украинской и русской приставки *без-*(*бес*). Последнее подтверждает и записанный нами в 60-е годы вариант топонима *Бештаж*.

Очагом зарождения современного топонима *Каменные Могилы* была местность, выделяющимся природным признаком которой было наличие пяти скалистых возвышенностей (*Бешташ* или *Бешташ*), последние могли иметь и собственные отличительные наименования. Название этого урочища позднее переходит на ручей, протекающий через него. Такой перенос названий с одного географического объекта на другой, находящийся поблизости, без какого-либо суффиксального дооформления называется контактной передвижкой топонима, или топонимической метонимией. Ручей *Бешташ* - правый приток речки Каратыш в самом ее верховье, представляющей собой левое разветвление (вершину) Берды, которое в XVIII в. именовалось также *Малой Бердой*, тогда как правая ее вершина (выше устья Каратыша) в ряде источников поименована *Большой Бердой* [1739 г., ИИЗК-II, с.1453-

54; СКЗР (ЛП); 1793 г., ЛР-I, с.149; 1837-39 гг., Ле-Пле]. Вместе с тем ручей *Бесташ* назывался также *Малым Каратышем* (1904 г., МОЗЕГ-МУ, с.38) или просто *Каратышем*, как и принимающая его речка (она же *Малая Берда*). Сама семантика слова *Бесташ* указывает на то, что в прошлом имели место несколько ступеней переноса (метонимического сдвига) этого географического имени: ороним (название группы выделявшихся на местности скалистых холмов или каменных глыб) *Бесташ* → хороним (название прилегающей территории, урочища) *Бесташ* → гидроним (название ручья, протекающего через урочище) *Бесташ*. Сейчас уже трудно установить, до какого времени этот топоним выступал во всех трех своих ипостасях, когда и в какой последовательности распалась эта триада омонимичных названий. В наше время географическое имя *Бесташ* сохранилось только в качестве гидронима (*Бесташ₃*).

В приведенной выше форме *Бесташ-горбы* множественное число орографического термина *горбы*, выступающего в роли приложения, прямо указывает на то, что сам объект названия в начале нашего столетия местным населением еще воспринимался как состоящий из нескольких возвышенностей, как совокупность бугров. Однако данный термин не закрепился в названии урочища. Его составной частью стал широко распространенный в топонимии восточной и центральной (приднепровской) Украины народный географический термин *могила* "степной курган" Кстати, в этом районе Северного Приазовья и сейчас немало названий холмов с этим термином, среди которых наиболее известные: курган Кордонская Могила (в истоках речки Темрюк), Ганина могила (восточнее села Старченково), Черная могила (к западу от села Новокрасновки) и др. В "эмбриональном" состоянии современный топоним *Каменные Могилы* уже присутствует на некоторых картах конца XVIII - начала XIX в. [см.: СКЗР, лист LVII, и карта Ле-Пле]: *могила Кам. Бесташ*, что можно расшифровать как инверсионную запись реального описательного названия *каменная (Каменная) могила Бесташ*, интересного тем, что *Бесташ* здесь воспринимается цельно, нерасчлененно, как одна каменистая возвышенность, или могила. Однако здесь могла быть и контаминация (скрещение) двух параллельно существовавших уже в XVIII в. вариантов названия: старого (тюркского) *Бесташ* и нового (славянского) — *Каменная могила*. Впрочем, более распространенным был взгляд на урочище как на несколько каменных возвышенностей, и это привело к тому, что окончательно топоним утвердился с формой множественного числа, отразившего данную реалию.

Одной из пяти скал урочища Бесташ была каменная глыба с названием *Каратыш*. В состав этого тюркского топонима раньше входили два самостоятельных слова: прилагательное *кара* "черный" и

народный географический термин *тыш* "острая скала, вершина". Его дотерминологическое значение - "зуб". В тюркско-монгольских языках особенно широко происходило образование местных географических терминов на базе слов, обозначающих различные части тела животных и человека. Первое время образность перенесенного значения еще ощущается в термине, но затем он постепенно утрачивает свою метафоричность. Многие народные географические термины – "потухшие" метафоры. Это произошло и со словом *тыш*. Ср. еще: *кулак* "ухо" и *кулак* "балка, ущелье"; *аяк* "нога" и *аяк* "устье реки; подножье горы"; *саур* "круп лошади" и *саур* "степная возвышенность с вершиной округлой формы" и др. Поэтому название *Каратыш* вначале и приазовскими тюрками вряд ли воспринималось как "черный зуб". Его топонимическим этимологом было значение "темная остроко-нечная скала".

Данное замечание можно отнести и к другому топониму на сопредельной территории – *Карачук*. В настоящее время это название ручья, левого притока Берды. Его истоки находятся в Куйбышевском районе Запорожской области; в Берду впадает в селе Захаровка Першотравневого района Донецкой области. Исконное значение этого тюркского географического имени свидетельствует о том, что появилось оно не как гидроним, а как название возвышенности (ороним). Названием ручья (гидронимом) оно стало позже – благодаря уже рассмотренному выше процессу перехода непереоформленного топонима на близлежащий объект, еще не имеющий имени. Только как гидроним присутствует *Карачук* во всех известных нам источниках XVIII-XX ст.: 1746 г., Лишин-II, ч.2, с.387; СКЗР (II); 1850 г., ОСОНК, с.74; ГКАМ - 1855 г.; 1862 г., ВТКТГ; 1898 г., ГИАУ, с.164-165; 1904 г., МОЗЕГ-МУ, с.38; 1922 г., ОЗГУ, с.38. В то же время широко распространен и другой фонетический вариант гидронима – *Каратюк*, запечатлевший более позднее изменение в славянской речи конечного -чук в -тюк. Он зафиксирован следующими источниками: ГКНА-1778 г.; КЕНЛ; 1850 г., ВСОРИ-ЕГ, с.36; 1898 г., ГИАУ, с.164-165; 1913 г., ВЕГ, с.223-224; 1957 г., КРУ, с.133; карта "Донецкая область", Москва, 1991 г. Это измененное название ручья сейчас считается "нормативным". Старое название одиноко стоящей каменной глыбы, скорее всего, тоже было "потухшей" экспрессивной метафорой. В его составе – то же прилагательное *кара* и весьма редкий в тюркской топонимии местный географический термин *чук*, близкий по своей вторичной специальной семантике термину *тыш* "камень, скала". В его основе лежит тюркское нарицательное существительное *чук* "penis" [Радлов-III, ч.2, с.2190].

Вернемся к гидрониму *Каратыш*, территориально связанному с Каменными Могилами. Он имеет вариант *Коротыш*, появившийся

благодаря сближению с прилагательным *короткий*. Это один из случаев так называемой "народной этимологии" в топонимии. Прямое свидетельство о ней мы находим на "Карте русско-турецкой и польской границ" 1760 г., составленной в Академии наук в Петербурге [Кордт - № 26], где интересующий нас гидроним представлен как семантически "ясное" прилагательное – р. *Коротка*. Данная форма была перенесена и в новую редакцию этой рукописной пограничной карты 1769 г. [ЦГВИА. ф. ВУА. ед. хр. 20 117].

Вариант *Каратыш* отразили следующие источники (в них можно почерпнуть и другие сведения о самой речке): 1746 г., ИИЗК-II, с.1517; 1746 г., Лишин-II, ч.2, с.387; КК; КК-1770 г.; 1779 г., Дубровин-III, с.371; АЕН-1784 г. (ГК) – надпись в нижнем течении Берды; 1786 г., ГТК; КЕНЛ; АНГ-1799 г. (ПМУ); 1850 г., ВСОРИ-ЕГ, с.36; 1862 г., ВТКТГ; 1863 г., ЕГТГ, с.34-35; 1890 г., ВЗК, с.160; 1913 г., ВЕГ, с.197-198; 1910 г., Россия-XIV, с.846; 1924 г., СНПД, с.75; 1928 г., ОППУ-II, с.61; 1957 г., КРУ, с.133; Эк. Вариант *Коротыш* встречается реже: 1837-39 гг., Ле-Пле; 1927 г., ОППУ-1, с.34; Эк. Контаминированную форму (результат скрещения вариантов *Каратыш* и *Коротыш*) – *Коратыш* находим мы на военно-топографической карте-трехверстке Таврической губернии, составленной топографами Генерального штаба и изданной в 1862 г. [ВТКТГ]. На этой же карте часть течения Каратыша, которая ограничена устьем его левого притока – балки Чумацкой и селом Стародубовкой, также именуется *Чумацкой* речкой, под влиянием названия расположенного на ее берегу населенного пункта.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АЕН-1784 г. (ГК) – *Атлас* Екатеринославского наместничества, 1784 г. Рукопись. ЦГВИА, фонд ВУА, ед. хр. 18 724 (Геометрическая генеральная карта Екатеринославского наместничества).
- ВЕГ – *Вся* Екатеринославская губерния. 1913 год. Екатеринослав, 1913.
- ВЗК – *Эварницкий Д.И.* Вольности запорожских казаков. СПб., 1890.
- ВСОРИ-ЕГ – *Военно-статистическое* обозрение Российской империи. Т. XI, ч.4. Екатеринославская губерния. СПб., 1850.
- ВТКТГ – *Военно-топографическая* карта Таврической губернии. Масштаб: 3 версты в 1 дюйме. 1862 г. ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 21 491.

- ВУА – *Военно-ученый архив* (фонд или ф. ВУА)
- ГГК – *Геометрическая генеральная карта Екатеринославского наместничества, составленного из пятнадцати уездов, 1787 г.* (опубл. в XXIV томе "Записок Исторично-філологічного відділу" Всеукраїнської Академії наук, Київ, 1929).
- ГИАУ – *Вознесенский В.* Гидрогеологические исследования в Александровском уезде Екатеринославской губернии. СПб., 1898.
- ГКАМ-1855 г. – *Генеральная карта Азовского моря.* Составлена Н.Зуевым. СПб., 1855. ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 20 136.
- ГКНА-1778 г. – *Генеральная карта Новороссийской и Азовской губерний с... разделением оных на уезды и смежности к оным других губерний и протчих земель.* Сочинена 1778 года сентября. Рукопись. ЦГВИА. ф. ВУА, ед. хр. 20 126.
- Дубровин- III – *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. III. 1779-1780 гг. СПб., 1887.
- ЕГТГ – *Списки населенных мест Российской империи.* XIII. Екатеринославская губерния с Таганрогским градоначальством. СПб., 1863.
- ИИЗК-І,ІІ – *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских казаков. Т. I-II. Владимир, 1903.
- КЕНЛ – *Карта* Екатеринославского наместничества части, лежащей по левую сторону реки Днепра. Без года (примерно конец XVIII в.) Рукопись. ЦГВИА. ф. ВУА, ед. хр. 20 171.
- КК – *Карта,* представляющая Крым и степь Крымскую. В "Атласе, заключающем в себе генеральные карты всей Российской империи". СПб. Без года. Соч. Шмит. ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 19 876.
- КК-1770 г. – *Карта* расположенным крепостям и линии по рекам Берде и Конским Водам с их наименованиями по высочайшей ея императорского величества апробации 1770 году мая... дня. Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 23 881.
- Кордт-№ 28 – *Часть "Карты русско-турецкой и польской границ", 1760 г.* (составлена при Академии наук в Петербурге, составитель - Я.Ф.Шмит). - В кн.: Кордт В. Матеріяли до історії картографії України. Частина перша. У Києві, 1931.
- КРУ – *Каталог річок України.* К., 1957.

- Ле-Пле – *Геологическая карта Донецкого края и восьми каменноугольных групп, составленная Ле-Пле, главным горным инженером и профессором в Парижской горной школе... производившего разведочные работы в течение трех лет 1837-1839.- Приложение к книге: "Исследование каменноугольного Донецкого бассейна, произведенное в 1837-1839 годах по распоряжению А.Н.Демидова главным инженером и профессором в Горной парижской школе Ле-Пле, при пособии гг. Маленво, Лалана и Эйро. Пер. с французского профессора Г.Е.Щуровского. М., 1854.*
- Лишин-II, ч.2 – *Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные А.А.Лишиным. Т. I-III. Новочеркасск, 1891-1894.*
- ЛР-I – *Татищев В.Н. Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский. Ч. I. СПб., 1793.*
- МОЗЕГ-МУ – *Материалы к оценке земель Екатеринославской губернии. Естественно-историческая часть. Вып. 1. Мариупольский уезд. Екатеринослав. 1904.*
- ОЗГУ – *Соколов Д.В. Естественно-исторический очерк Запорожского и Гуляйпольского уездов (с картой). Запорожье, 1922.*
- СППУ-I,II – *Охорона пам'яток природи на Україні. № 1. Харків, 1927; № 2. Харків, 1928.*
- ОСОНК – *Скальковский А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. I. Одесса, 1850.*
- Радлов-III, ч.2 – *Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т.3, ч.2. СПб., 1905.*
- Россия-XIV – *Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Под ред. В.П.Семенова и под общим руководством П.П.Семенова и акад. В.И.Лиманского. Т. XIV. Новороссия и Крым. СПб., 1910.*
- СКЗР (II) – *Специальная карта западной части России Г.А.Шуберта (лист LI). Без года (приблизительно 2-ая пол. XVIII в.). ЦГВИА, ф.ВУА, ед.хр. 21 512.*
- СНПД – *Списки населенных пунктов Донбасса. Итоги сплошной подворной переписи Донецкой губернии. Январь-февраль 1923 г. Т.6. К., 1924.*
- ЦГВИА – *Центральный государственный военно-исторический архив (г. Москва).*
- Эк. – *Материалы полевых экспедиций 1965-72 гг.*

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ УРУМСКИХ ФАМИЛИЙ

Онимное пространство приазовских греков исследовано, в основном, с топонимической стороны (см. работы Е.С.Отина¹). Антропонимный же пласт остается еще малоизученным, тогда как национальная антропонимия дает не только лингвистическую информацию, но и общественно-социальную, культурно-историческую.

Антропонимическая система греков включает в себя личное имя, отчество, фамилию (официальную, документально зафиксированную, и уличную, бытовую), прозвище. Предметом описания в данной статье являются официальные фамилии греков-урумов, рассмотренные в структурно-семантическом аспекте с учетом их адаптации в русско-/украинскоязычной среде. В статье использован материал (около 400 единиц), собранный посредством анкетирования в урумоязычных населенных пунктах Комар, Старобешево, Мангуш, Старый Крым и в г. Мариуполе в 1997-1998 гг.

Современные фамилии урумов (как и фамилии вообще) не подвержены количественным изменениям и колебаниям, они представляют собой замкнутое ограниченное множество лексических единиц. Такие явления, как употребительность фамилии, изменение числа носителей той или иной фамилии не влияют на общий фамильный репертуар, который остается постоянным. Исторически фамилии урумов связаны со всеми элементами антропонимической системы и апеллятивной лексикой.

ОТЫМЕННЫЕ ФАМИЛИИ. К первой (наиболее многочисленной) группе отыменных фамилий относятся фамилии, восходящие к календарным крестильным христианским именам, составляющим основу современного мужского именика. В фамильной номинации урумов использовано 32 мужских имени, определивших состав календарно-именных фамилий: АВРАМОВ, АЛЕКСЕЕВ, АНАСТАСОВ, АНТОНОВ, АНАСТАСЬЕВ, БОРИСОВ, ВАСИЛЬЕВ, ГАПОНЕНКО, ДАВЫДОВ, ДАНИЛОВ, ДМИТРИЕВ, ЕГОРОВ, ИВАНОВ, ИЛЬИН, КОНСТАНТИНОВ, ЛАЗАРЕВ, КИРИЛЛОВ, ИОРДАНОВ, АЛЕК-

¹ Географические названия крымских греков в топонимии Северного Приазовья // Греки Украины.- Донецк, 1991.- С.54-65; Из материалов к словарю "Топонимия нас. пунктов, основанных приазовскими греками // Матер. вуз. науч. конфер.- Донецк, 1997.- С.168-173; Новые материалы по топонимии приазовских греков // Восточноукраинский лингвистический сборник: выпуск третий.- Донецк, 1997.- С.86-94; и др.

САНДРОВ, МИХАЙЛОВ, НЕСТЕРОВ, НИКОЛАЕВ, ПЕТРОВ, САВВИН, САВЕЛЬЕВ, СЕРАФИМОВ, СОЛОМОНОВ, СТЕПАНОВ, ТРИФОНОВ, ФЕДОРОВ, ФИЛИППОВ, ЖАХТОВ, ЮРЬЕВ. В основе фамилий, как правило, лежит полная форма крестильного имени, чаще народная полная форма: АНАСТАС < АНАСТАСИЙ, АНТОН < АНТОНИЙ, АВРАМ < АВРААМ, ФЕДОР < ФЕОДОР, ДАНИЛ < ДАНИИЛ, НЕСТЕР < НЕСТОР, ГАПОН < АГАФОН, ФИЛАХТ < ФЕОФИЛАКТ.

Все календарно-именные фамилии урумов - патронимического происхождения, о чем свидетельствуют специальные структурные элементы - патронимические суффиксы: русский -ов/-ев- и украинский -енк(о).

Основная часть фамилий с каноническим именем в основе приходится на пгт. Старобешеве (~38%) и с. Комар (~40%). Обилие фамилий такого типа, как полагает Б.О.Унгебаун, имеет отрицательную сторону, так как фамилиям неизбежно угрожает омонимия, "если они базируются лишь на ограниченном фонде крестильных имен. Запас же обиходных имен практически безграничен" [3, с.16].

Несмотря на то, что каждое календарное имя имеет различные варианты (структурно-эмоциональные), ни один из них через патроним не вошел в фамильное имя урумов. Более того, в фамильное словообразование оказались невовлеченными урумские варианты канонических имен, отраженные в уличных фамилиях: КАРАДЫМТЫР, ДЫМТЫРДЖИК (ДЫМТЫР < ДМИТРИЙ), ХАРАЁР (ЁРА < ГЕОРГИЙ), КОСТАЧИХ (КОСТА < КОНСТАНТИН), ХАРАВЭСЫЛЬ (ВЭСЫЛЬ < ВАСИЛИЙ). Функционируют они и как составная часть наименований местных географических объектов: балки ГАВРЭЛЬТАРАМА (ГАВРЭЛЬ < ГАВРИИЛ) и ГОРГОРОЛЬГЕН (ГОРГОР < ГРИГОРИЙ) [1; с.148-152].

Вторую группу отыменных фамилий составляют фамилии, входящие к общехристианским и библейским именам *крымских* греков, о чем свидетельствуют материалы поминальников православных парафий греков Крыма первой половины XVIII в. [4; с.32-35]. В современном антропонимиконе приазовских греков эти имена сохранились только в составе фамилий, потеряв статус личного имени: ПАНИОТОВ < ПАНАЙОТ, ЛЕВТЕРОВ < ЭЛЕВТЕРИЙ (ср. рус. Елевферий), ПАСХАЛОВ < ПАСХАЛ, АНГЕЛИН < АНГЕЛИС, СТАВРИНОВ < СТАВРИН, СТАВРУЛОВ < СТАВРУЛ, СТРЕОНОВ < СТЕРЕОН. Рядом с этими, рожденными христианской традицией, именами стоят чисто греческие по образованию отапеллятивные имена, сохранившиеся в официальных фамилиях урумов: АФЕНДИКОВ < АФЕНДИКА "господин" (Αφέντικα), ЗАГРАФОВ < ЗОГРАФОС "художник" (Ζωγράφος), КИРЬЯЗИЕВ < КИРИАЗИ "господин" (Κυρίαζης),

ПЕФТИЕВ < ПЕФТИ "четверг" (Πεῦτη) [4; с.37]. Следует отметить, что носители румейского языка (наречия греческого языка) усматривают связь этих фамилий только с апеллятивной лексикой.

К третьей группе относятся фамилии, материалом для которых послужили заимствованные тюркские имена. Появление тюркоязычных единиц в антропонимиконе греков Крыма, живших долгое время по соседству с крымскими татарами и турками, вполне объяснимо. В названных выше поминальных списках отмечены следующие тюркские имена греков: АСЛАН (6), БИАТА (3), ГИРЕЙ (10), КУТЛУБЕЙ (4), ТЕМИР (3), ТОХТАМЫШ (12), ТОХТАР (3).² В приазовский период именованник греков состоял уже только из христианских имен, вследствие чего фамилии АСЛАНОВ, БИАТОВ, ХОТЛУБЕЙ, ТЕМИРОВ, ТОХТАМЫШЕВ, ТОХТАРОВ, а также БАХТАР, БАТЫРЬ, БУЛАТОВ, ХАПЛАНОВ³ утратили живую связь с личным именем. Этому способствует и этимологически прозрачная выводимость тюркских личных имен с апеллятивами: АСЛАН (ср.рус. РУСЛАН, ЕРУСЛАН) ~аслан, арслан "лев", БАХТАР ~ бахтар "восток", БУЛАТ ~ булат "сталь", Хотлубей (ХОТЛУБЕЙ, КУТЛУБЕЙ) ~ кутлубей "счастливым господин", ТЕМИР ~ темир "железо", ХАПЛАН (КАПЛАН) ~ каплан "тигр".

Нельзя не принимать во внимание и тот факт, что поминальные списки (в отличие от крестильных) могли фиксировать не только личные имена, но и прозвища, которые являлись по сути вторым именем человека, иногда более употребительным на бытовом уровне. Поэтому четкое разграничение статуса некоторых, особенно заимствованных, антропонимических единиц на основе данных списков не всегда представляется возможным. Тем более, что у большинства тюркских по происхождению имен сохраняется образное значение, характерное для отапеллятивных прозвищ.

ОТПРОВИЩНЫЕ ФАМИЛИИ. Многие современные фамилии произошли от описательных прозвищ, основная функция которых - "называть человека, обозначая при этом его реальные признаки" [2; с.38]. К реальным признакам обозначаемого лица относят физический облик, умственные способности, род занятий, этническую принадлежность и т.п. "Функция современных прозвищ несколько иная: в них усиливается оценочный элемент, наблюдается стремление в прозвищном наименовании не столько отразить реальные свойства человека, сколько дать ему социальную, по большей части насмешливую оценку" [2; с.33].

² В скобках приводится количественный показатель.

³ Имена Батыр, Бахтар, Булат, Каплан в списках не представлены.

Фамилии как абстрактные словесные знаки не имеют лексического значения. Даже в тех случаях, когда внутренняя форма фамилии, как производной единицы, еще прозрачна, она не вызывает никакой ассоциативной связи с носителем фамилии. Тем не менее, при изучении фамилий можно прибегнуть к предметно-логической классификации (по этимологическому значению основ фамилий, вернее, допрозвищных апеллятивов), так как все прозвища черпались из сферы конкретных представлений об окружающей человека действительности.

Классификация фамилий урумов по их начальной семантике проводится нами с учетом принципа антропонимической вероятности [термин Л.М.Щетинина; см.5; с.12-14]. Мы можем устанавливать, моделировать антропонимически вероятные значения первоначальных прозвищ, опираясь на аналогию с другими, подобными по генетическому типу. Относя фамилии урумов к тому или иному предметно-логическому ряду, не исключаем возможности перераспределения их в процессе дальнейшего исследования.

Прозвища на стадии возникновения отражали:

I. Внешний вид обозначаемого лица.

Общее впечатление, производимое человеком, отмечается редко: ЧЕРКУНОВ (чиркѳн "некрасивый"). Чаще прозвания характеризовали человека в точном указании на конкретный его признак.

1. Цвет кожи, волос, частей лица и тела. Цветовыми определителями выступают прилагательные ХАРА ("черный"), АХ ("белый"), АЛ ("румяный, алый"), САРЫ ("желтый"), АЛА ("пестрый, разноцветный"), ХЫЗЫЛ ("красный"): АХБАШ (баш "голова"), АХКОЗОВ (кѳз "глаз"), АЛАБАШ, АЛЪЯНАХ (янах "щека"), САРЫБАШ, САРБАШ, ХАРАБАШ, ХАРАБЕТ (бет "лицо"), ХАРАДЖА, ХАРАМАН ("темный, смуглый"), ХАРАКОЗ, ХАРАСАХАЛ (сахал "борода"), ХАРАХАШ (хаш "бровь"), ХАРАХУЛАХ (хулах "ухо"), ХАРАХУРСАХ (хурсах "живот"), ХЫЗЫЛКОЗ.
2. Рост человека и особенности его конституции: УЗУНОВ (узун "длинный"), ЧЕНТУКОВ (чонтух "куцый"), БАЛАБАНОВ (балабан "большой, огромный"), ГАЛБАЙ ("полный, грузный"), ШИШМАН ("тучный, жирный").
3. Физические недостатки: АХКОЗОВ (ахкѳз "белый глаз", "бельмо"), КИОР ("слепой"), КОССЕ ("не имеющий бороды и усов"), САГИРОВ (сагир "глухой"), ТОПАЛОВ (топал "хромой"), ХИИШ ("кривой, изогнутый"), ХУЛАХСИЗ ("безухий"), ЧЕЛАХОВ (чолах "левша" или "человек с изувеченной рукой"), ЧУБАРОВ (чубар "рябой").
4. Возрастные особенности: ПАПУ ("дед"), ХАРТ ("старый").

- II. Качественная характеристика внутреннего мира человека - его способностей, черт характера, привычек, манеры поведения: АГЪРБАШ ("тугодум"), ДЕЛИ ("сумасшедший, ненормальный"), ДЖАНСЫЗ ("бездушный"), КАРАКАЙ ("суетливый, беспокойный человек"), ЛАФЧИ, ЛАВЧИ ("разговорчивый человек"), ОХМУШ, ОХОМУШ ("начитанный, образованный"), ХАБАХБАШ ("бестолковый"), ХУРНАЗ ("хитрый, лукавый"), ЯРЫМБАШ ("слабоумный"), ЗИПИР ("простофиля, дуралей").
- III. Характеристика человека по профессиональной деятельности, роду занятий: АРАБАДЖИ ("возчик, кучер, возница", от араба "повозка для соломы, сена"); АВДЖИ ("рыболов"; от ав "волок, рыболовная сеть"); АЮВДЖИ ("вожатый медведя"); БАЛАХЧИ ("рыбак", балых "рыба"); БАЛДЖИ ("пасечник", бал "мед"); БАЛТАДЖИ (балта "топор"); БОСТАНДЖИ (бостан "бахча"); БОЗАДЖИ (буза "слабохмельной напиток из проса"), БОЯДЖИ (боя "краска"); ДАВУЛДЖИ (даул, давул "ударный инструмент"); ДЕГЕРМЕНДЖИ, ТЕРМЕНЖИ (термен, дегермен "мельница"); ДЕМЕДЖИЕВ, ДЕМЕРДЖИЕВ (демерджи "кузнец", демир, темир "железо"); КЕМЕНЧЕДЖИ (кеманче "род скрипки"); КЕЧЕДЖИ (кече "войлок"); КУМУРДЖИ (комур "уголь"); КУРКЧИ ("меховщик, скорняк", курк "мех, меховая шуба"); КУЮМДЖИ ("ювелир, золотых дел мастер"); ЗУРНАДЖИ (зурна "маленький кларнет"); НАЛБАТ, НАЛБАНТОВ (налбант в кр.-тат. "кузнец"); НАЛЧАДЖИ (налча "подкова для обуви"); ТАХТАДЖИ (тахта "доска"); ТУВАРЧИ ("пастух", тувар, тьвар "скот"); ХАЛАЙДЖИ ("лудильщик", халай "олово"); ХАВАЛДЖИ (хавал "лудка"); ТИКИДЖИ, ТЕКЕДЖИ ("портной"); ХАЗАНДЖИ (хазан "котел, чугунок"); ХАЛПАХЧИ (халпах "шапка, папах"); ХАСАРДЖИ (хасар "пила"); САГАНЧИ (соган "лук, луковица"); ТОХМАХЧИ (тохмах " 1. валец для белья, 2. железное кольцо на дверях вместо звонка"); ЧАПЧАХЧИ ("бондарь"; чапчак "бочка"); ЧУБУКЧИ (чубук "виноградная лоза"); ЯГМУРДЖИ (ягмур "дождь"); ХОЧХАРДЖИ (хочхар, кочкар "баран"); АЛЧИЕВ (алчи "гипс"); КАТРАНЖИ (катран "деготь").
- IV. Социальный статус человека: БАРЬЯХТАР ("знаменосец"; барьях "знамя, хоругвь"); ИСИРОВ, ЯСЫРОВ (ясыр "пленный"); МУРЗОВ, ПАША, СПАХИ (ср. тур. сипахи "воин конницы, кавалерии"); ТЕЛЕНЧИ ("нищий"); ЯНГИЧЕР ("воин отборной армии султана Крымского ханства"). К этой группе относятся и фамилии с финальной частью *бей, бек, бай* ("господин"), употреблявшейся для обозначения титулованных особ: АРАЗБАЙ, САРБЕЙ, САРБЕЕВ, ТЕМИРБЕК, ХОНАХБЕЙ.

Прозвания, этимологически связанные с наименованиями животных, птиц, насекомых и т.п.: ДАВШАН, ТАУШАН ("заяц"), ТАНАЧА (тана "теленок"), ХАРАБУГА (буга "бык"), ХАСХАЧИХ (хасхач "рак"), ХОЯН ("кролик").

В антропонимическую систему названия животных входили по нескольким мотивам: 1) внешнее сходство человека с животным; 2) поведение, манеры человека напоминают повадки конкретного животного; 3) животное является для человека своего рода эталоном, на который хотелось быть похожим; 4) название животного выполняет роль охранного имени, которое должно уберечь человека от напастей и болезней, помочь ему выжить.

VI. Прозвища, восходящие к названиям растений, пищи, предметов быта: ХАВАН (1. "ступка", 2. "табакорезка"), ХАБАХ ("тыква"), ХАНЧА ("крюк, крючок"), ХАЗАН ("котел, чугунок"), ХАЙМАХ ("сливки"), ЧАВДАРОВ (чавдар "рожь"), КУЮКОВ (кую "колодец").

VII. Фамилии от прозвищ этнонимного характера: АРМЕН ("армянин"), ГУРЖИ ("грузин"), УЗБЕК (узы - одно из древних тюркских племен), ХАЗАХ ("русский или украинец"), ЧЕРКЕЗ ("черкес").

VIII. Часть фамилий восходит к прозвищам-"заклинаниям", прозвищам-пожеланиям. Вера в чудодейственную силу имени отразилась в антропонимах многих тюркоязычных народов, в том числе урумов: ОЛЬМЕЗОВ (ольмез "не умрет"; ср.: кумык. *Олмес* "не умрет", тат. *Ульмас* "неумирающий"), АБОЛМАСОВ, АБАЛЬМАС ("этот не умрет"), БУЗЛАМА ("не замерзай"). К такого рода прозвищам относятся и тюркские имена *Тохтамыш* (каз. *Тохтамыс* "он остался"), *Тохтар* (тат. *Туктар* "остановится", каз. *Тохтар* "остается"). В именах *Булат*, *Темир* отразилось пожелание быть сильным, крепким, как сталь (булат), как железо (темир).

Попытки найти образную, метафорическую основу возникновения прозвища, найти причины использования конкретного апеллятива для именованя человека (его этиологию) не лишены оснований. Но многообразии "вещественных" антропонимов, антропонимизация именованя совершенно обычных реалий окружающего мира свидетельствует о том, что "именем могло стать любое слово, обозначающее хорошо известные предметы окружающего мира, любую деталь из материальной оболочки человека" [5; с.22].

Далеко не всегда вопрос об этимоне-апеллятиве прозвищной фамилии решается однозначно. Фонетические расхождения в говорах урумского наречия, в близкородственных ему тюркских языках по-

зволяют соотнести некоторые фамилии (прозвища) с апеллятивами разных предметно-логических рядов (с учетом принципа антропонимической вероятности). Например, ХАНЧА может восходить к *ханча* "крюк, крючок" и *ханджі* "содержатель постоянного двора", ЧЕБАНОВ - к *чобан* "чабан" и *чобан, чибан* "чирий, фурункул", ТЕЛЛЫ - к *тил-ли, тылли* "языкатый" и *телли* (тель "провода, струна"), ЯГМУРДЖИ - к *ягмур* "дождь" и *ягмурча* "вид небольшого оленя".

Антропонимы с начальной частью ХАРА ("черный"), внутренняя форма которых прозрачна и сегодня, этимологически могут быть связаны с одним из значений (может, уже забытым) многозначного слова или образно переосмысленным апеллятивом, т.е. свободные и лексикализованные словосочетания разошлись на понятийном уровне. ХАРАХУЛАХ (*хара хулах* "черное ухо") как собственное имя восходит, очевидно, к одному из следующих значений лексикализованного словосочетания (ср. с тур.): 1. "шпион, доносчик", 2. "вид шакала"; ХАРАКОЗ, ХАРАБАШ этимологически (на апеллятивном уровне) могли использоваться для характеристики внешнего вида человека ("черные глаза", "черная голова"). Однако черный цвет глаз и волос не является индивидуализирующим признаком у темноглазых и темно-волосых (в основной массе) греков (признаком для номинации должен быть редкий, "бросающийся в глаза" признак). Вероятно, прозвище *Харакоз* отражало не цвет, а свойство глаз: черный глаз - это "дурной" глаз, имеющий способность наносить вред и порчу; "черная голова" (*Харабаши*) - это признак монахов, носивших клобуки черного цвета. Фамилия КАРАУЛАН, с одной стороны, входит в группу "портретных" фамилий (*кара улан* "темный, черный юноша"), с другой - может иметь этнонимное начало: ср. тур. *караоҗлан* "цыган". В современном урумском наречии бытует только одно именование цыгана - *чингенэ*, в то время как в турецком языке их два: *чингенэ* и *караоҗлан*.

ОТТОПОНИМНЫЕ ФАМИЛИИ урумов сформировались, как правило, на базе ойконимов - названий крымско-приазовских греческих населенных пунктов. Оседлость жизни в Крыму и Приазовье, миграционная пассивность греков обусловили малочисленность оттопонимных фамилий в их семейном репертуаре.

По форме оттопонимные фамилии делятся на две группы. Первую составляют непереоформленные, омонимичные топонимам фамилии: БАХЧИСАРАЙ, МАНГУШ, УЛАКЛЫ.

Ко второй группе относятся фамилии, оформленные суффиксами -ли, -лу. Слова с этими суффиксами указывают на происхождение, местожительство и синонимичны русским прилагательным и существительным (на понятийном уровне): БЕШЕВЛИ (бешевский житель и бешевец), КАМАРАЛИ, МАНГУШЛУ, САРАЙЛЫ (Сарай < Бахчисарай).

В фамилиях ХРИМЛИ, ХИРИМ- ГИРЕЙ отразилось вариантное в говорах название Крыма - Хрим, Хирим.

С хоронимом ШАМ (кр.-тат. *Шам* "Сирия") соотносятся фамилии ШАМЛИ и ШАМДАН (Шамдан - форма исходного падежа с аффиксом -дан, отвечающая на вопрос "откуда?").

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ФАМИЛИЙ. Большая часть фамилий урумов оформлена с помощью словообразовательных суффиксов, характерных для различных антропонимических моделей.

1. Русская стандартная патронимическая модель с суффиксами -ов/-ев-, -ин-. Этой модели соответствуют отыменные и отпрозвищные фамилии: АНТОНОВ, АНГЕЛИН, КОНСТАНТИНОВ, ЛЕФТЕРОВ, СТРЕОНОВ, САГИРОВ, УНГУРЬЯНОВ, ЧЕЛАХОВ, ЧЕНТУКОВ, ЧЕРКУНОВ, ЧУБАРОВ, ЯНИЕВ, ЯСЫРОВ и т.д. Фамилии, образованные от полной формы крестильного имени на -ий (Анастасий, Василий, Юрий) с помощью суф. -ев-, имеют графическую финаль -ьев: Анастасьев, Васильев, Юрьев. Продуктивность русской патронимической модели с суф. -ов/-ев-, -ин- в урумских населенных пунктах неодинакова. Самой продуктивной она оказалась в антропонимической системе пгт. Старобешево (92,3% от всех фамилий), с.Комар (76,6%).
2. Украинская стандартная патронимическая модель на -енко, -ко: АДЖАВЕНКО, БОТАРЕНКО, ГАПОНЕНКО, ТЕМИРЕНКО, САНДУЛЕНКО.

Украинская модель менее регулярна в фамильной номинации урумов, что объясняется скорее экстралингвистическими причинами: перепись населения и записи актов гражданского состояния велись на русском языке как языке межнационального общения. Влияние русской и украинской антропонимических систем на урумскую имело своим следствием параллельные (урумская и русская/украинская) формы фамилий у греков: АБАЛЬМАЗ – АБОЛМАЗОВ, БЕРЮШ – БЕРЮШЕВ, ДЖЕРИХ – ДЖЕРИХОВ, ЗИПИР – ЗИБИРОВ, НАЛБАНТ – НАЛБАТОВ, ПАНТАЗИ – ПАНТАЗБЕВ, САРБЕЙ – САРБЕЕВ, САТИР – САГИРОВ, ТЕМИР – ТЕМИРОВ – ТЕМИРЕНКО, УЗУН – УЗУНОВ, ХАРТ – ХАРТОВ, ЧЕЛПАН – ЧЕЛПАНОВ и т.д.

Как правило, греки намеренно (во избежание различного рода дискриминаций) русифицировали и украинизировали свои фамилии с помощью соответствующих стандартных патронимических формантов. Однако такие собственно русские и украинские (не только по суффиксам, но и по основе) фамилии, как *Водопьянов, Глинченко, Розум, Резников, Ткаченко, Черненко*, явились естественным следствием смешанных браков.

На долю русско- и украинскооформленных фамилий урумов приходится около 43%.

3. Собственно урумские (тюркскооформленные) антропонимические модели следующих типов:
 - 1) С суффиксами -джи, -жи, -чи, -чу. На апеллятивном уровне эти суффиксы являются синонимическими и служат для образования наименований лица по профессии, роду занятий, характеру деятельности. Значение суффиксов апеллятива и антропонима, естественно, не совпадает: антропоним является именованием конкретного лица и не имеет значения лица по профессии: АРАБАДЖИ, АЙВАРДЖИ, БАЛДЖИ, БАЛТАДЖИ, ДЕФЕРМЕНДЖИ, КАТРАНЖИ, КЕМЕНЧЕДЖИ, КУМУРЖИ, КУРКЧИ, ПИЧАХЧИ, ТЕРМЕНЖИ, ХАВАЛДЖИ, ХАЛАЙДЖИ, ТУВАРЧИ, ХАЛПАХЧИ, ЧАПЧАХЧИ, ЧЕЛЬМЕКЧИ, АВДЖИ, БАЛАХЧИ, ЗУРНАДЖИ, БОЯДЖИ и т.д.
 - 2) С суффиксами -ли, -лы, -лу. По форме и происхождению эти фамилии являются именами прилагательными со словообразовательным значением "относящийся к чему-либо, содержащий что-либо, обладающий чем-либо", а также указания на местожительство: БАЛЧИХЛЫ, БЕШЕВЛИ, КАМАРАЛИ, МАНГУШЛУ, ОЗУЛУ, САГИЗЛЫ, ШЕРВАРЛЫ, ЯЛЛУ и т.д.
 - 3) С суффиксом -сыз (-сю), равнозначным на апеллятивном уровне русской приставке без- (бес-): ДЖАНСЫЗ ("бездушный"), ХУЛАХСИЗ ("безухий"). Хотя апеллятивная привативная форма с помощью этого суффикса образуется от любого существительного, фамилии такого типа единичны. Данная модель в фамильной номинации оказалась непродуктивной. (Сравните также в фамилии Арцыбашев первую часть: арцы < арс + сыз "без стыда, без совести").
 - 4) С суффиксами -джа, -ча: БАЛТАЧА, НАЛЧА, ТАНАЧА, ХАРАДЖА. В карачаево-балкарском языке (как и урумский, относится к кыпчакской группе) отмечается сравнительный суффикс -ча, который присоединяется к существительным [6; с.218], например, *танача* "как теленок", *налча* "как подкова" (*налча* "подковка для обуви") и т.д. Суффикс -джа имеет значение неполноты признака, например, *хараджа* "черноватый".

Принимая во внимание тот факт, что фамилии греков документировались из устных источников, а также учитывая уровень образованности и национальность записывающего, мы не уверены, что лексемы на -джи, -жи, -чи и -джа, -ча не смешивались, тем более, что внутренняя форма многих производных фамилий уже неясна для их носителей.

Непроизводные по форме фамилии этимологически соотносятся с безаффиксными апеллятивами разных семантических групп из существительных и прилагательных и составляют примерно пятую часть в фамильном каталоге урумов: ДАВШАН, КИОР, КУРПЕ, КОССЕ, ПАША, САРРЫ, АЛТЫН, ТОПАЛ, УЗУН, ХАРА, ХАРТ, ЧЕЛАХ, ХАБАХ, ЯГМУР и т.д. Фамилия БЕШ омонимична числительному *беш* "пять".

Сложные фамилии урумов по форме представляют так называемые сращения, образованные лексико-синтаксическим способом. Фамилии-компози́ты этимологически восходят к словосочетаниям следующих типов:

1. Прилагательное-определение + существительное-определяемое. Эта модель лежит в основе 64% отпрозвищных фамилий: АХБАШ, АХКОЗ, АЛАБАШ, КЫЗЫЛКОЗ, АГЫРБАШ, АЛЪЯНАХ, САРБАШ, ХАРАБУГА, ХАРАСАХАЛ, ХАРАХУРСАХ и т.д.
2. Существительное-определение + существительное-определяемое (изафетная конструкция): МЕХТЕРБАШ, КОЙБАШ, ТАНАБАШ, ТЕМИРБЕК, ХАЛАЙБАШ, ХОНАХБЕЙ, ЯРЫМБАШ и т.п.

В сложных фамилиях позиции за компонентами закреплены и грамматически, и лексически. Определение (прилагательное или существительное) всегда предшествует определяемому. Некоторые из компонентов вследствие высокой валентности являются регулярными, например, ХАРА- (КАРА-) сочетается практически с названиями всех частей тела человека. Самым продуктивным постпозитивным компонентом выступает –БАШ (см. выше).

Фамилия АБАЛЬМАЗ, на наш взгляд, структурно связана с предикативной единицей *Бу ольмес* ("Этот не умрет"), при лексикализации которой произошло стяжение гласных на стыке слов. Звук [А] в начале слова мог появиться как протетический уже в украинской или русской речи. С другой стороны, форма АБУ ("этот") отмечена, напр., в урумском говоре с. Константинополь. Предикативная единица лежит и в основе отпрозвищной фамилии БУЗЛАМА ("Не замерзай!").

Фонетические различия в многочисленных говорах урумского наречия, а также уровень осведомленности первых регистраторов фамилий греков отразились в фонетико-орфографическом варьировании урумских фамилий. Заметим, что фамилии, в отличие от апеллятивной лексики, не могут иметь ни орфографических, ни фонетических вариантов - это все разные фамилии: АБАЛЬМАС, АБАЛМАСОВ, АБЕЛЬМАЗ, АБОЛМАЗОВ; АКРИТОВ, АКРЫТОВ; ДАВШАН, ТАУШАН; БЕРЮШЕВ, БОРЮШОВ; ДЕМЕДЖИЕВ, ДИМИДЖИЕВ; КОТЛУБЕЙ, ХОТЛУБЕЙ; ЛЕВТЕРОВ, ЛЕФТЕРОВ; ОХМУШ, ОХОМУШ; ТОВАРЧИ, ТУВАРЧИ; УЗУН, ОЗУН и т.п.

Изучение антропонимов данного лингво-этнического региона связано с определенными сложностями: 1) отсутствием словарей урумского наречия и его говоров; 2) исчезновением из лексикона многих апеллятивов, сформировавших собственные имена; 3) собственные имена в каждом из многочисленных говоров нередко деформированы, давно утратили свою "внутреннюю форму".

ЛИТЕРАТУРА

1. *Отин Е.С.* Географические имена приазовских греков на земельных планах конца XIX - начала XX вв. // *Україна - Греція*. - Мариуполь, 1996. - С.148-152.
2. *Силина Г.Я.* Фамилия и прозвище // *Ономастика*. - М.: Наука, 1969. - С.27-34.
3. *Унгебаун Б.О.* Русские фамилии: Пер. с англ. / *Общ. ред. Б.А.Успенского*. - М.: Прогресс, 1989. - 443 с.
4. *Є.Чернухін, О.Галенко.* Імена й прізвиська за матеріалами поминальників православних парафій греків в Криму першої половини XVIII ст. // *Записки Історико-філологічного Товариства Андрія Білецького*. - 1997, вип.1. - С.32-45.
5. *Щетинин Л.М.* Русские имена. Ростов, 1972. - 232 с.
6. *Хабичев М.А.* Карачаево-балкарский язык // *Языки народов СССР. Тюркские языки. Т.2.* - М.: Наука, 1966.

Л.А.БУЛАХОВСЬКИЙ І ПРОБЛЕМА МОВИ КИЇВЩИНИ В ДОМОНГОЛЬСЬКИЙ ПЕРІОД

Загальновідома дискусія про мову Київщини в домонгольський період, розпочата М.П.Погодіним, тривала майже сто років. У ній брали участь бодай всі відомі славісти другої половини XIX і першої половини XX ст. Спровокована хибною тезою історика М.П.Погодіна про повне знищення населення Київщини татаро-монгольською навалюю 1240 р. та його твердженням, що в Києві до татар жило великоросійське плем'я¹, ця дискусія перекинулася на суто лінгвістичні проблеми й набула зовсім іншого змісту. Основним постало питання про мову населення Києва й Київщини та її нащадка. Основна полеміка навколо цього питання розгорнулася між М.П.Погодіним і М.О.Максимовичем. За звичаєм того часу спірні наукові питання висвітлювалися у формі відкритих листів, що друкувалися в періодичній пресі². На бік М.П.Погодіна стали такі відомі вчені, як, наприклад, П.О.Лавровський³.

Спируючись на основну думку М.П.Погодіна, що розгорнулася в твердження про суцільне нове заселення цієї території вихідцями з Галичини й Волині в XIV ст., О.І.Соболевський - основний пізніший ідеолог лінгвістичної теорії цієї проблеми - доводив, що мова Києва й Київщини до середини XIII ст. була предком великоруської (російської) мови⁴. Цю думку підтримав О.О.Шахматов та деякі інші лінгвісти того часу. Основним опонентом О.І.Соболевського був А.Ю.Кримсь-

¹ Погодин М.П. Записка о древнем языке русском. Письмо к И.И.Срезневскому // Известия Императорской Академии Наук по отделению русского языка и словесности, 1856, т. 5, вып. 2, с. 78 та ін.

² Див. статті М.П.Погодіна в журналі "Москвитянин" - 1841, ч. 3, № 5, с.211-216; 1845, ч. 2, № 3. Науки, с.7 - 10; 1856, т. 4, № 13-14, с.339-350; 1856, т. 4, № 13-16, с.26-43 та ін. і М.О.Максимовича - Письмо г. Максимовича к издателю ("Москвитянин", 1841, ч. 3, № 5); О народной исторической поэзии в Древней Руси (Второе письмо к М.П.Погодину) ("Москвитянин", 1845, ч. 4, № 7-8), Филологические письма к М.П.Погодину ("Русская беседа", 1856, т. 3, кн. 3) та ін.

³ Див., зокрема: Ответ на письма г. Максимовича к г. Погодину о наречии малорусском // Основа, 1861, август. - С. 14-40.

⁴ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. - К., 1888. - V, 216 с.; Соболевский А.И. Древнекиевский говор // Известия Второго отделения АН, 1905, кн. 1, с. 308 - 323.

кий⁵. Водночас проти тверджень О.І.Соболевського виступив також В.Ягіч.

Уся довготривала дискусія зводилася до кількох пунктів: 1) до яких східноруських племен належало плем'я літописних полян, історично засвідченого найдавнішого населення Київщини; 2) чи була повністю спустошена Київщина навалюю Батия, що потім суцільно заселялася вихідцями саме із західних областей (у період, коли вона належала Литві, а потім Польщі); 3) чи мала мова Київщини специфічні особливості саме київських давньоруських пам'яток писемності; 4) чи відбулася у зв'язку із цим повна зміна мови, тобто предок великоруської був змінений на предка малоруської (української).

Для доказу своєї правоти обидві сторони почали переглядати в основному мову найдавніших письмових пам'яток, а також датування вже відомих на той час окремих мовних явищ. Полеміка періодично згасала, потім вибухала знову, але можна спостерігати, що приблизно до 20-х років ХХ ст. в лінгвістичній літературі періодично це питання виникало знову й знову. В дискусійному запалі обидві сторони часто переходили за межі академічного стилю. Коли в 40-і роки нашого століття остаточно було сформульовано С.П.Обнорським теорію про давньоруську мову як основу (й предка) трьох східнослов'янських мов - російської, української та білоруської⁶, здавалося, що цій дискусії остаточно покладено край. Ніхто з тодішніх відомих мовознавців не наважувався навіть торкатися цих питань.

Уся ця дискусія тепер становить лише історичний інтерес і до неї, звичайно, можна було б не повертатися, особливо на тлі сучасних новітніх досліджень як українських⁷, так і зарубіжних учених⁸.

Особливо варто згадати праці Ф.Т.Жилка, де він довів, що діалектне членування сучасної української мови відповідає племінному

⁵ Крымский А.Е. Древнекиевский говор // Известия ОРЯС, 1906, т. XI, кн. 3, С. 368-411.

⁶ Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. - М.-Л., 1946. - 197 с.

⁷ Півторак Г.П. Формування і діалектна диференціація давньоруської мови (Історико-фонетичний нарис). - К., 1988. - 280 с.; Півторак Г.П. Актуальні проблеми реконструкції давньоруських діалектних ареалів // Мовознавство, 1989, № 1, С. 38-47; Півторак Г.П. Як розмовляли в стародавньому Києві? // Культура слова. - 1992. - Вип. 42. - С. 71-76.

⁸ Шустер-Шевц Г. Возникновение западнославянских языков из праславянского и особенности серболужицкого языкового развития // Вопросы языкознания. 1983, № 2.

поділу давньоруської доби й підтверджує дані літописця про межі розселення цих племен⁹.

Уся дискусія, яка точилася в основному навколо фонетичних та лексичних особливостей писемних джерел до XIII ст., фактично не збільшувала коло конкретних питань. І тільки Л.А.Булаховський зрозумів високу вартість саме пропріальної лексики для розв'язання спірної проблеми. Саме тут є цікавими й важливими погляди й ставлення до цього Л.А.Булаховського, коли на початку 50-х років він звернувся до проблеми походження української мови. Проаналізувавши всі дискусійні матеріали попередників, дослідник зробив висновок про те, що "неперервність мовної традиції населення Київщини повинна була або, обережніше кажучи, могла бути значнішою, ніж власне етнічна "чистота крові"¹⁰.

Жоден із учасників дискусії за цей великий проміжок часу не виходив за межі фонетичних особливостей мови найдавніших письмових пам'яток, її морфологічної будови і тільки Л.А.Булаховський сформулював зовсім нову для даної дискусії тезу про зв'язок безперервності населення із збереженням географічних назв. Він писав: "Як би не уявляти собі міру запустіння будь-якої області, не можна, звичайно, припустити повного її обезлюднення, навіть тимчасового, коли географічні назви старого часу на тій самій території збереглися, та до того в дуже великій кількості і від великих до малих об'єктів найменування. А саме так стоїть справа з колишньою південноруською територією. У переважній більшості збереглися в сучасній нам українській мові не тільки назви великих рік, але й маленьких річок, згадуваних у літопису; не тільки старі міста і тепер (іноді - з незначними фонетичними відмінностями) зветься так, як їх називали багато сотень років тому, але в багатьох випадках навіть містечка, села, сільця, хутори"¹¹.

Треба нагадати, що ця думка була висловлена ще до регулярних досліджень ономастикону України. Тут, крім глибоких знань у галузі слов'янознавства взагалі, спрацювала наукова інтуїція видатного вченого. Пізніше систематичне вивчення української пропріальної лексики довело плідність цієї тези Л.А.Булаховського, яка повністю підтверджується ономастичним матеріалом саме Київського регіону.

⁹ Жилко Ф.Т. Нариси з діалектології української мови. - К., 1963. - С. 14; Жилко Ф.Т. Особенности диалектных групп украинского языка//Вопросы диалектологии восточнославянских языков. - М., 1964. - С. 26.

¹⁰ Булаховський Л.А. Питання походження української мови. - К., 1956. - С.121.

¹¹ Там же. - С. 116 - 117.

Те, що назви, наприклад, великих річок зберігаються не тільки століття, а й тисячоліття не дуже дивує. Але на території Київщини існує значна кількість назв зовсім невеликих за розміром географічних об'єктів. Тільки в північній частині сучасної Київщини прослідковуються гідроніми від індоєвропейської спільності. Власне, такі назви річок, як *Таль* - права притока Тетерева або *Котурка* - права притока Ірпеня, мають спорідненість утворення в інших індоєвропейських мовах і тлумачаться як індоєвропейзми. Молодшими за них, за термінологією Ганса Крає, є давні європейзми, до яких на цьому терені належать такі назви річок, як *Кодра*, *Киянка*, *Луна*, *Унава* та ін. Водночас тут же засвідчено гідроніми з ознаками належності до архаїчного слов'янського циклу - *Ірнінь* і *Бабка*¹², не кажучи вже про чисельну групу назв водойм, які через етимологічний аналіз відносяться до праслов'янського (отже, глибинно до домонгольського) періоду, це - південніше Києва річки *Леглич*, *Убідь*, які сягають пізньої праслов'янської доби¹³.

Назви міст, що згадуються в літописах: *Краснь*, *Каневь*, *Триполь*, *Василевь*, *Зарубь* та багато інших існують і зараз, а їхні назви виникли значно раніше за писемну фіксацію¹⁴. На особливу увагу заслуговує літописна топонімія Київщини, яка саме з домонгольського періоду веде свою історію. Тільки на топонімному матеріалі однозначно доводиться безперервність населення регіону. Слід зауважити, що топонімія, засвідчена літописами, у кільканадцять разів менша за фактично існуючу. Як відомо, літописи описували не місцевість, а події, і в цьому ракурсі потрапляли в поле зору хроністів лише окремі топоніми.

Тільки гідронімія самого Києва (*Почайна*¹⁵, *Либідь*¹⁶, *Клов*¹⁷ та ін.) та його околиць (*Неводичі* < *неводичь* "рибалка", що в XIII ст. уже було раритетом¹⁸; *Китаєво* < давнього слов'янського антропоніма

¹² Київське Полісся. - К., 1989. - С. 130 - 148.

¹³ Ономастика України та етногенез східних слов'ян. - К., 1998. - С. 58 - 61.

¹⁴ Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. - К., 1985.

¹⁵ Железняк І.М. К стратиграфии киевской гидронимии (р. Почайна) //Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1983. - М., 1988. - С. 146 - 159.

¹⁶ Железняк І.М. Репрезентанти и.-е. **l̥i*(b)- в українській апеллятивній і гидронімній лексиці //Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1981. - М., 1984. - С. 84 - 101.

¹⁷ Етимологічний словник... - С. 68.

¹⁸ Железняк І.М. До походження ойконіма *Неводичі* //Культура слова, вип. 53 (у друку).

*Китай*¹⁹ та ін.) репрезентують такі глибинні лексичні шари, що твердити про пізнє заселення регіону тепер уже видається занадто наївним.

Цікавим у цьому відношенні є ще один давній мікротопонім, який вимагає бодай детальнішого опису. На північній околиці Києва писемні джерела, починаючи з кінця XVI ст., фіксують: 1593 р., ур. *Овлуково* (нивы и сѣножати въ Овлуковѣ урочищѣ“; ИТК, 114), 1693 р., ур. *Влуково* (во Влуковѣ урочищѣ“; Пам., II, 311), 1729 р., сінокоси *Овлуковскіє* (“грамоту... универсали...данние... на сѣножати Овлуковскіє зь озерами“; ИТК, 154), 1967 р., ур. *Лукомье* (на Почайні; ЦНБ НАНУ, Ін-т рукоп., ф. 49, № 89, с. 2) та озеро в ньому - 1741 р., оз. *Авлуково* (“зъ Бѣлого озера и зъ Авлукова“; ИТК, 149), 1854 р., оз. *Вовлукомье* (ПСУ; повторюється на плані м. Києва 1902 р. як зах. частина оз. Білого), 1861 р., оз. *Луковья* (можливо, помилка; ВТКР, XXII; 7), 1887 р., оз. *Луково* (Похил. УКР, карта; 1890 р., Гошкевич, карта), 1913 - 1914 рр., оз. *Улуково* (УРД; на плані 1907 - 1910 рр. воно ж - *Улупка*, можливо, помилково; ПУРД). Словотвірні ознаки наведених топонімів свідчать про перебіг варіантів назв озера й урочища (місцевості). Ідентичними або однокореновими назви локально залежних географічних об'єктів на старожитніх слов'янських теренах зустрічаються досить часто. Л.Л.Гумецька, наприклад, нотує назви островів, похідні від назв озер²⁰. Може існувати думка про архаїчність назви. Цікаво, що те ж явище відбите в назвах з іншого регіону: поблизу с. Шабалинів (Коропськ. р-н Чернігівськ. обл.) експедицією 1962 р. засвідчено оз. *Влукове* й там же дещо пізніше оз. *Вовлуків* (напевно, один і той же об'єкт) (ОКІУМ) та оз. *Улуків* (у межах угідь того ж села; ОКІУМ), а також оз. *Авлуково* (х. Лутовський поблизу м. Коропа Чернігівськ. обл.; Лаз., Обозр., II, 365), оз. *Вовлуковоє* (уздовж Сейму; с. Бояро-Лежачі Путивльськ. р-ну Сумськ. обл.; ОКІУМ), можливо, воно ж біля с. Бруски (там же) як *Олукове* (Череп., Мікротоп., 204), що змушує бачити тут певну фонетичну систему. Проте тут, як бачимо, фігурують назви лише одного об'єкта (озера), в той час як у Києві виступають у парі назви урочища й озера.

На прикладі київських мікротопонімів виразно демонструється часовий інтервал між фіксацією і утворенням назви. Всі наведені варіанти відзначаються слов'янськими архаїчними рисами. За словотвірними та типологічними ознаками первинною слід вважати, очевидно, назву урочища *Лукомье*, хоч за часом фіксації вона є наймо-

¹⁹ Желєзняк І.М. Семантичні параметри слов'янських антропонімних етимонів //Слов'янська ономастика: Збірник наукових праць на честь 70-річчя проф. П.П.Чучки. - Ужгород, 1998. - С. 97 - 102.

²⁰ Гумецька Л.Л. Нарис словотворчої системи української актової мови XIV-XV ст. - К., 1958. - С. 67.

лодшою, а назву озера *Луково*, незважаючи на те, що вона засвідчена лише джерелом XIX ст. Лексична та мотиваційна база топооснови прозорі, хоч і не однозначні. Урочище й озеро характеризуються тим, що знаходяться на луках або, вірогідніше, на вигині річки: пор. укр. *луковина* “изгиб, дугообразный выгиб” (Гр., II, 381), ст. рос. *лукавый* “извилистый, извивающийся” (XIV ст.; СлРЯ XI-XVII, VIII, 300), рос. діал. (новг.) *луковой* “луковая земля: земля у излуцины реки, луговая земля” (СРНГ, XVII, 190). Лімнонім *Луково* сягає праслов’янської топонімної моделі **Lqkovъ*, що докладно описана В.П.Шульгачем²¹.

Запис назви урочища *Лукомье* має, очевидно, безпосередній зв’язок з укр. *лукомь* “яр”, можливо просто “низьке місце” (М.Закревський з документу 1654 р. наводить згадку “о Дмитриевской Лукоми или овраге, находящемся в стороне Михайловской горы возле Хрещатики”²² у Києві), рос. діал. *лукома* “изгиб оврага” (Даль, II, 277), “извилистый берег” (Північ; Мурзаев, 351) тощо. Пор. сюди м. *Лукомь* (“Въ Лукоми зась, городѣ полку Лубенского”, 1662 р.; ЛВ, II, 22), воно ж *Лукомьѣ* (1748 р.; “въ... Лукомьѣ”; Малама, 11), оз. *Лукомь* (НПК, I, 591, 598), дер. *Лукомо* (НПК, I, 598; V, 169), оз. *Лукомо* й р. *Лукомка* (поблизу м. Луги у Ленінградській обл.; Мурзаев, 351), верх *Лукомской* (річки Перелейки л. Снежеди п. Зуші п. Оки п. Волги; С. 63). Гідронім *Вовлукомье* виразно вторинний щодо названої вище форми. Назва урочища *Лукомье* своєю суфіксальною моделлю сягає праслов’янського утворення на *-je* (< i.-с. **-jo-*) на означення просторових понять, як **ǫdolje*, **potorъje* та ін.

На матеріалі топонімів Київщини чітко простежуються окремі мовні факти, що свідчать про спадковість явищ, хронологічно пов’язаних між собою. Тому бачити перервність у розвитку української мови на цьому терені немає підстав.

Але повертаючись до передбачення Л.А.Булаховського, можна ще й ще раз із вдячністю згадати його талант дослідника й пересвідчитися в тому, що окремі тези, розсіпані в його працях набагато випереджали час. За 45 років до наших днів без того арсеналу фактів, якими володіють сучасні дослідники, Л.А.Булаховський побачив переможні потенціальні можливості ономастики.

Отже, слід гадати, що останнє слово в згаданій дискусії належить саме Л.А.Булаховському, оскільки що його вперше викладену тезу й використану саме для доказу безперервності мовної традиції на Київщині ще ніхто не заперечив, та це й неможливо, бо факти, відомі зараз науці, незаперечні.

²¹ Шульгач В.П. Праслов’янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції). - К., 1998. - С. 164.

²² Закревский Н. Описание Киева. - М., 1868. - Т. 1. - С. 294.

УМОВНІ СКОРОЧЕННЯ

- ВТКР – *Военно-топографическая* карта России. - В одном дюйме 3 версты. - 1864 г.
- Гошкевич – *Гошкевич В.И.* Замок князя Симеона Олельковича и летописный Городец под Киевом. - Киев, 1890.- 2, 27 а.
- Гр. – *Грінченко Б.Д.* Словарь української мови. - К., 1907-1909. -Т. I-IV.
- Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. - М., 1863 - 1866. - Т. I - IV.
- ИТК – *Сборник* материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей.- Киев, 1874. - II, 48, 179, 176, X е.
- Лаз., Обозр. – *Лазаревский Ал.* Обзорение румянцевской описи Малороссии. - Чернигов, 1867. - Вып. II (Полки Киевский и Нежинский). - С. 141 - 390.
- ЛВ – *Летопись* Самуила Величка. - К., 1851. - Т. II.
- Малана – *Малана П.Н.* К истории села Малые Крынки // Труды Полтавской ученой архивной комиссии, 1912, вып. VIII, С.1 - 35.
- Мурзаев – *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. - М., 1984. - 653 с.
- НПК – *Новгородские* писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. - Спб, 1859 - 1910. - Т. I - VI.
- ОКІУМ – *Ономастична* картотека Інституту української мови НАН України.
- Пам. – *Памятники*, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при киевском военном, подольском и волынском генерал- губернаторе. - Спб., 1845 - 1859. - Т. I - IV.
- Похил. УКР – *Похилевич Л.* Уезды Киевский и Радомысльский: Статистические и исторические заметки о всех населенных местностях в этих уездах и с подробными картами их. - Киев, 1887. - 2, IX, 305 с., 2 карты.
- ПСУ – *План* сенокосным участкам, лежащим по правую и левую сторонам реки Днепра, выделенным из сенокосов и выгона, принадлежащих городу Киеву для отдачи в оброчное содержание. -1854 г. - Рукописный (ЦНБ, Відділ картографії).
- ПУРД – *План* участка реки Днепра у города Киева. Составлен по съемкам 1907 - 1910 гг.
- С. – *Смолицкая Г.П.* Гидронимия бассейна Оки. - М., 1976. - 403 с.
- СРНГ – *Словарь* русских народных говоров. - М.-Л., -1965 - 1990. Вып. 1-30.
- СлРЯ XI-XVII – *Словарь* русского языка XI - XVII вв. - М., 1975. - Т. I.
- УРД – *Участок* реки Днепра у города Киева. Составлено по изысканиям 1903 - 1914 гг.
- Череп., Микротоп. – *Черепанова Е.А.* Микротопонимия Черниговско-Сумского Полесья. - Сумы, 1984. -456 с.

ЗАМЕТКИ ПО ДОНСКОЙ ГИДРОНИМИИ: СКУЛЯБНЫЙ ОВРАГ, СУБУРГУН, КАРАМЫШ ГОЛЫЙ, КАРАМЫШ ЛЕСНОЙ

Скулябный Овраг (варианты *Скулябной Яр, Скулябная балка*) – гидроним в бассейне Хопра (Машт. Дон., 18; Vasmer IV, 293-294), насколько известно, еще не этимологизировавшийся. Полагаем, что это фонетически модифицированное *Сколобный Овраг. В качестве параллели идентичной реализации группы *tol* можно указать ойконим *Скулябиха* в бывшей Костромской губ. (Vasmer RGN VIII, 324) < *Сколобиха*. Следует констатировать, что подобного рода локальные «аномалии» отражены и в апеллативной лексике: рус. диал. *скулябать, скулябкать* ‘плохо, небрежно что-то сшить’ (ЯОС 9, 42) < **сколобать, *сколобкать, кулябиться* ‘быть вялым, казаться больным или сонным (о детях)’, *кулябух* ‘круглый хлебец’, *кулябый* ‘хромой или кривоногий» (СРНГ 16, 77) < **колобиться, *колобух, *колобый*, укр. *кулябка* ‘неуклюжий, неотесанный» (Яворницький I, 404 – с отсылкой к *скулябкати*), диал. *булябишка* бот. (*Nymphae L.*) кувшинка белая’ (Лисенко, 37) < **болобишка* и др.

Анализируемое *Скулябный* < *Сколобный* является продолжением исходного **Skolbъtъjъ* – прилагательного на -ъn- от **Skolba/*Skolbъ// *skolba/*skolbъ*, восстановленных в специальной литературе¹. Ср. также псл. **Kolbъtъjъ* (< гидронима *Колобенка/Калябенка* в бывшей Московской губ.; Смолицкая, 278) – как форму без *s-mobile*.

Субургун – название балки в бассейне Дона (Vasmer IV, 427), кажется, не привлекало внимания специалистов. Идентичные соответствия для него нам неизвестны. На наш взгляд, это исконно славянское образование, мотивированное апеллативом **субургун*. В структуре последнего можно вычленить приставку *су-* и корень *-бургун*. Основание для этого дает наличие географического термина блр. *бургун* ‘курган, возвышенность; холм’ (Яшкін, 28). По заключению белорусских этимологов, это слово возникло в результате метатезы из **бугрун* (< *бугор*; относительно суффикса приводится рус. диал. *бугрунь* ‘горка, холм’; ЭСБМ 1, 415), что представляется необязательным. Нарцательное *бургун* может рассматриваться как искомая лексическая единица – продолжение первоначального **бъргунъ*. Его корневой гласный оформился в исключительно «благоприятных» фонетических

¹ *Рауса М. Козлова*. Славянские континуанты и.-е. *(s)kel- «гнуть, сгибать; крутить» (Образования с *b*-детерминативом) // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. – Warszawa, 1990. – Т. XXVII. – S. 127-140.

условиях: в окружении гласных -у- префиксально-суффиксальных морфем и соседства лабиального б-. В качестве аналогов идентичного фонетического преобразования укажем рус. диал. *бурбак* 'шишка, волдырь на теле' (СРГК 1, 141) < **бърбак*, *бурбаиш* 'украшения на вертикальной палке забора' (СРГК 1, 141) < **бърбаиш*, *бурбушка* 'березовая почка' (СРГК 1, 141) < **бърбушка*, укр. диал. *бурбуль*, -я 'Есаудата, личинка жабы' (Дейниченко, 15) < **бърбуль* и др. К тому же реальность восстановленного **бъргунъ* подтверждается со стороны семантически близкого рус. диал. *бургунчик* 'шаровидный колокольчик', 'плод картофеля зеленого цвета' (СРНГ 2, 111) < *'что-либо округлое, овальное', а также географических названий блр. *Бургун* – озеро в Гомельской обл. (Дарошка, 134), рус. *Баргуны* – ойконим в бывшей Псковской губ. (Vasmer RGN I, 271) – форма мн. числа от антропонима **Бъргун* или географического термина **бъргун*, укр. *Бургунка* (2) – гидронимы в бассейне Днепра (СГУ, 77) и под.

Учитывая семантику производных с префиксом *су-* ('содержащий в себе то, что названо мотивированным словом' или 'соприкасающийся с тем, что названо мотивированным словом'²), например, рус. *суводь* 'водоворот', *сугорок* 'холмистый бугор' (Фасмер III, 793), блр. *субалаткі* 'смежные болота' (СБГ 5, 8) и др., можно гипотетически восстановить первоначальное значение реконструированного **субургун* как термина рельефа – *'объект, состоящий из холмов, возвышенностей'. При этом не исключено, однако, что *Субургун* – префиксальное производное топонимного уровня, т. е. *Су-Бургун*, хотя реальность этой версии можно проверить только в местных условиях.

Псл. **бъргунъ* – дериват на *-унъ* от **бърга* ж., **бъргъ* м. В ЭССЯ эти формы пропущены. В SP I, 416 восстановлено псл. **бъргъ* (исходя из ст.-пол. *barg* 'стог, борог', чешск. *brh* 'яма, нора, шалаш, изба', слов. диал. *brh* 'куча, стог (сена)'), которое соотносят с **berkti* («с неясным редуцированным вокализмом»). На наш взгляд, псл. **бъргъ*/**бърга* (ср. еще рус. диал. *бурга* 'широкая и глубокая яма в реке', 'охотничий шалаш' (СРНГ 3, 283), (производ.) *баржина* 'неуклюжая, толстая женщина' (НОС 1, 33), р. *Бурга* в бассейне Мсты в Новгородской обл. (Vasmer Nachtrag, 73), *Бургин* – овраг в бассейне Оки (Смолицкая, 139), *Боргово*, *Боргино*, *Бургова*, *Бургово* – ойконимы в различных регионах России (Vasmer RGN I, 476, 585), мотивированные антропонимами **Бърг*, **Бърга*, блр. *Бурга* (Бірыла, 69) – антропоним, ст.-пол. *Bargowsky* (1483 г. – *Bargowszky*) – антропоним (SSNO I/1, 93), если оно не связано с *Warg-*) логично сопоставить на основе количественного аблаута с псл. **borgъ* (ЭССЯ 2, 202; SP I, 321-322),

² Складенко Вал. Гр. Образования с именными приставками в украинском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – К., 1987. – С. 8.

для которого имеются цельнолексемные параллели в других индоевропейских языках. Это дает основания предполагать выводимость посл. **byrgъ* не от **berkti*, как это делают составители SP (точнее – от **bergt'i*), а рассматривать его как структурно-семантический рефлекс и.е. **b(h)er-* (производное с *g*-детерминативом от указанной основы в ступени ее редукции).

От базовых **byrga*/**byrgъ* образован ряд производных, которые могут быть отнесены к праславянскому слою лексики:

**byrganъ*: укр. диал. *борган* 'скала или большой камень', 'большое бревно' (СГГ, 224), 'большая скала, выступающая из воды' (Грицак, 75), *Бурган* (Панцьо, 97) – антропоним, блр. диал. *бурган* 'курган, возвышение', для которого предполагают контаминацию *бугор* и *курган* или связь с **бугран*, реально не засвидетельствованным (ЭСБМ 1, 415), *бурганок* 'курганчик, насыпь', *бурганы* мн. 'кучевые облака' (СБГ 1, 242), рус. диал. *бурган* 'туча?' (АОС 2, 178), *Бурган* – ойконим на р. Бурганка в бывшей Пермской губ. (Vasmer I, 230);

byrgul'a*/byrgulъ*: рус. диал. *бургуль* 'кочка, бугор' (ССГ 1, 291), схв. *Бргуля* (Речник II, 134) – антропоним, *Brgula Gornja*, *Brgule* (4) – ойконимы в Сербии, Боснии и Герцеговине (Im.m., 98);

byrgьль*/byrgьль*: укр. *Баргель* – фамилия в Житомирской обл. (возможно, полонизм), пол. диал. *bargiel* (орнит.) 'Sitta europaea' *Bargiel* (1376 г. – *Bargel*), *Bargłowicz*, 1441 г. (SSNO I/I, 93) – антропонимы, *Bargfy*, *Bargłów*, *Bargłówka* (SG I, 108) – ойконимы в различных воеводствах, чешск. *brhel* 'птица Oridus oriolus', диал. 'дятел Picus', ст.-чешск. *brhlik* 'Sitta europaea', словц. диал. *brhol'*, *brhel'* 'т.ж.' (SP I, 416-417);

**byrgujъ*: рус. *Боргуевка* (Vasmer RGN I, 476) – наименование поселения на Смоленщине. Праславянская древность проблематична по ареальным соображениям.

**byrgalъ*: рус. диал. *бургали* мн. 'калачи из сдобного теста' (СРГП, 32). Праславянская древность проблематична по ареальным соображениям.

Карамыш Голый, Карамыш Лесной – гидронимы в бассейне Медведицы п. Дона (Машт. Дон., 21), насколько известно, без этимологического комментария. Аналоги для них в славянской потамонимии нам неизвестны, однако генетически родственные *potina propria* отражены в других классах онимов – антропонимии и ойконимии. Укажем, прежде всего, рус. *Карамышевъ* (НПК IV, 506) – производное с посессивным суффиксом *-ев-* от **Карамышь*, блр. *Карамыш* (Бірыла, 183) – антропоним, а также названия поселений: *Карамышева* (бывшие Казанская, Московская губ.), *Карамышевка* (бывшая Саратовская губ.), *Карамышево* (бывшие Ярославская, Казанская, Костромская, Московская, Рязанская, Тамбовская, Тверская губ.), *Ка-*

рамышево Устье, Карамышка, Карамышиха (соответственно в бывших Рязанской, Саратовской, Казанской губ.; Vasmer RGN IV, 56) и др., отражающие «аканье». Говорящими в данном случае могут быть ойконимы типа рус. *Коромышево* – поселение в бывшей Калужской губ. (Vasmer RGN IV, 428) < **Коромышь*. Рус. **Карамышь*/**Коромышь*, блр. *Карамыш* дают основания для восстановления регионального псл. **Кормушь*³, соотносительного с апеллятивом **kormuшь*. О его бытовании в диалектах русского языка свидетельствуют производные *курамышка* ‘вид сохи’ (СРНГ 16, 111), *коромышка* ‘двухколесная тележка для навоза’ (СРНГ 14, 364). Косвенно на возможность псл. **Кормушь*/**kormuшь* указывают и псл. **Кърмушь* (: рус. *Кармышев* – НЗКК, 368; *Кормыш*, 1545 г. – Веселовский, 156) / **кърмушь*, связанные на основе качественного чередования. Последнее восстановлено Р. М. Козловой исходя из рус. диал. *кормыш* ‘большая коса в реке’, ‘ряд изб на окраине деревни или за околицей’, *курмыш* ‘пашенка особняком’, ‘ряд изб, поселок’, ‘крупная конусообразная яма ледникового происхождения, на дне которой лежат камни’, ‘островок леса среди открытого места’, *курмышии* ‘старинные валы вокруг древнего городища’ и многочисленной ономастической лексики⁴. Исходя из этого, можно предполагать и существование нарицательного **kormuшь* с топографическим значением, рефлексy которого в доступных нам лексикографических источниках неизвестны.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АОС – *Архангельский* областной словарь / Под ред. О.Г.Герцовой. – М., 1980-1990. - Вып. 1-7.
- Грицак – *Грицак М.А.* Назви гідрорельєфу в говірці с.Ясіня Закарпатської обл. // Питання гідроніміки. - К., 1971. - С. 74-80.
- Дарошка – *Дарошка М.А.* Мікратапоніми вєскі Верасніца // Беларуская анамастыка. - Мінск, 1992. - С. 133-140.
- Дейниченко – *Дейниченко Н.П.* Питання вивчення зоологічної лексики рідного краю в курсі “Українська діалектологія” (Методичні поради). - Суми, 1984. - 119 с.
- Лисенко – *Лисенко П.С.* Словник поліських говірок. - К., 1974. - 260 с.
- НОС – *Новгородский* областной словарь / Отв. ред. В.П.Строгова. - Новгород, 1992-1995. - Вып. 1-12.

³ Сказанное позволяет усомниться в тюркской версии происхождения русской фамилии *Карамышев*, предложенной Н.А. Баскаковым (Русские фамилии тюркского происхождения. - М., 1972. - С. 120-121) и поддержанной В. А. Никоновым (Словарь русских фамилий. – М., 1993. – С. 50).

⁴ *Козлова Р. М.* Структура праславянского слова (праславянское слово в генетическом гнезде). – Гомель, 1997. – С. 302.

- Панцьо – *Панцьо С.С.* Антропонімія Лемківщини. - Тернопіль, 1995. - 125 с.
- Речник – *Речник српскохрватског књижевног и народног језика.* - Београд, 1959-1989. - Књ. I-XIV.
- СБГ – *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча.* - Мінск, 1980-1986. - Т. 1-5.
- СГГ – *Словник гуцульських говірок // Гуцульщина: Лінгвістичні етюди / Відповід. ред. Я.Закревська.* - К., 1991. - С.90-271.
- СГУ – *Словник гідронімів України.* - К., 1979. - 780 с.
- Смолицкая – *Смолицкая Г.П.* Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озер). - М., 1976. - 403 с.
- СРГК – *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С.Гердт.* - С-Пб., 1994-1996. - Вып. 1-3.
- СРГП – *Словарь русских говоров Приамурья / Сост. Ф.П.Иванова, Л.В.Кирпикова, Л.Ф.Путягина, Н.П.Шенкевич.* - М., 1983. - 341с.
- СРНГ – *Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П.Филин (вып. 1-23), Ф.П.Сороколетов (вып. 24-30).*- Л., 1966-1996.- Вып. 1-30.
- ССГ – *Словарь смоленских говоров / Под ред. А.И.Ивановой.* - Смоленск, 1974-1988. - Вып. 1-5.
- Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. - М., 1964-1973. - Т. I-IV.
- ЭСБМ – *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В.У.Мартынаў.* - Мінск., 1978-1991. - Т. 1-7.
- ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лексич. фонд / Под ред. О.Н.Трубачева.* - М., 1974-1997.- вып.1-24.
- Яворницький – *Яворницький Д.І.* Словник української мови. - Катеринослав, 1920. - Т. I. - 412 с.
- ЯОС – *Ярославский областной словарь: Учеб. пособие / Науч. ред. Г.Г.Мельниченко.* - Ярославль, 1981-1991. - [Вып. 1-10].
- Яшкін – *Яшкін І.Я.* Беларускія геаграфічныя назвы: Тапаграфія. Гідралогія. - Мінск, 1971. - 256 с.
- Im. m. – *Imenik mesta. Praged svih mesta i opština, narodnih odbora srezova i pošta u Jugoslaviji.* - Beograd, 1956. - 499 s.
- SG – *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich.* - Warszawa, 1880-1895. - Т. I-XIV.
- SP – *Słownik prasłowiański / Pod red. F.Ślawskiego.* - Wrocław etc., 1974-1991. - Т. 1-6.
- SSNO – *Słownik staropolskich nazw osobowych / Pod red. W.Taczyckiego.* - Wrocław etc., 1965-1986. - Т. I-VIII.
- Vasmer – *Wörterbuch der russischen Gewässernamen / Begr. von M.Vasmer.* - Berlin, Wiesbaden, 1961-1969. - Bd I-V.
- Vasmer Nachtrag – *Wörterbuch der russischen Gewässernamen / Begr. von M.Vasmer.* - Wiesbaden, 1973. - Lief. 15: Nachtrag. - 190 S.
- Vasmer – *Russisches geographisches Namenbuch / Begr. von M.Vasmer.* - Wiesbaden, 1962-1980. - Bd I-X.

ГІДРОНІМНІ ЕТИМОЛОГІЇ: ТЯСМИН

У вивченні давньої слов'янської топонімії найбільші можливості відкриває етимологічний аналіз, який ще донедавна базувався на з'ясуванні семантики кореня, згодом перше місце посів словотвір. Структурне осмислення топонімів дало свої позитивні результати для системного вивчення ономастикону, для відновлення частково або суцільно втрачених особливостей архаїчного словотвору. Віддаючи належне словотвірному дослідженню топонімів, сьогодні при історичній реконструкції онімів доцільно наголошувати на єдності формальної і семантичної характеристики. Саме в цьому відношенні неабиякий інтерес становить походження, час виникнення і структура гідроніма *Тясмин*, відомого за найдавнішою згадкою в Іпатіївському літописі як *Тесмень*. Фігурує він у подіях 1190 р. "... в лодахъ на оуста *Тесмени*". Ця ж давня форма зустрічається в пам'ятках XV ст. (див.: КБЧ, 109; АЮЗР, 8, 5, 11), проте вже століттям раніше, а саме з 1498 р. з'являється варіант *Тясмень* (Акты ЗР, 1, 178). Останній ще зберігає кінцеве *-ень*, але вже в основі наближується до звичнішого сьогодні - *Тясмин*. Існування варіантів, чисельність яких продовжує зростати з відступом від літописного періоду, значно утруднює правильну реконструкцію вихідної форми. Досить важко говорити про єдину праформу для словоформ *Тесмень*, *Тясмень*, *Тясмин*, *Тясма*, *Тасьминь*, *Тисма*, *Тасмина* та ін. (див. СГУ, 576 - 577). Як все малозрозуміле, гідронім *Тясмин* давно привернув увагу спеціалістів і продовжує викликати інтерес, про що свідчать існуючі гіпотези щодо його виникнення. Поміж ними найкраще захищеною і обгрунтованою вважається версія, яка побудована на врахуванні фінального показника. Словотвірна модель на **-теп-*, що, крім назви *Тесмень*, об'єднує гідроніми *Ільмень*, *Струмень*, *Узмень*, *Тихмень*, *Вязьмень* та ін. (детальніший список їх наводить Ю.В.Откупщиков у книзі "Из истории индоевропейского словообразования"¹), вважається прийнятною і для назви *Тесмень*.

Згаданий перелік назв став традиційним при згадці архаїчних утворень на **-теп-/*-то/*-та* і легко переходив з однієї роботи до іншої. Ближче знайомство з ним дозволяє по-іншому інтерпретувати словотвірну будову окремих назв. Ураховуючи словотвірні відношення, д.-рус. гідронім *Строумень* (рук. Прип'яті) < **строумы*, похідний

¹ Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования. - Л., 1967. - С. 260-261.

з псл. **strumu*, род. -*ene*, опиняється за межами цього ряду. Гідронім *Вязьмень*, також зарахований Ю.В.Откупшиковим до словоформ на *-*men-*, видається доцільним розглядати в іншому колі назв. Підставою для цього служить існування р. *Вязьма* (л. Дніпра) та однойменного населеного пункту, які належать до нечисельних суфіксальних утворень на -*ьт-* праслов'янського періоду, пор. псл. **кьръста*, **киьста* та ін. (ЕССЯ, 13, 211; Куркина, 161). Назва *Вязьма* < **Vežьma* генетично споріднена з дієсловами *vežati*, **vežnqti*. Про правомірність такого пояснення зазначеного гідроніма свідчить назва р. *Вязля* в бас. Тясмину (Машт. Дн., 64) < **vežьl'a*, в іншому суфіксальному оформленні (-*ьl-*), але також споріднена з дієсловами **vežati*, **vežnqti* "в'язнути, грузнути". Отже, гідронім *Вязьмень* доцільно прилучити до суфіксальних форм на *-*ень* або *-*ьнь*. До них О.М.Трубачов зараховує дніпровські потамоніми *Стрижень*, *Чертьень* < **сьр-т-ень*, *Сырень*, *Шістень* (в автентичності останньої форми дають підстави сумніватися історичні варіанти - *Сестынь*, *Сыстынь*; АЮЗР, 4, 1. 17. 63), а також *Узень* (л. Росі) та ін.² Традиційне віднесення останнього до неслов'янських (тюркських) за походженням назв³ привернуло до нього увагу І.М.Железняк. Вивчення історичних варіантів показало, що справа тут складніша, бо хронологічно ранішим, а відтак і первинним є варіант *Бзяниця*, тоді як *Узин*, *Узень*, - на думку дослідниці, - лише тюркізовані форми зазначеного слов'янізму⁴. Враховуючи часте вживання терміна *узень* у складі тюркських географічних назв Криму, пор. *Узень-Баш*, *Улу-Узень*, *Узень-Чешиме* (СГУ, 579), можна припускати таке пояснення назви *Узень* у Середній Наддніпрянщині, де тюркський вплив зовсім не виняткове явище і зумовлюється близькістю колишніх чорноклобуцьких поселень⁵. Водночас, розглядаючи питання походження назви *Узень*, її структурну характеристику, не можна оминати той факт, що гідронім міг виникнути поміж слов'янського населення. Наявність апелятива *узень* "вузьке місце" (НОС, 11, 83) в східнослов'янських діалектах, а також префіксальної словоформи *переузень* "вузька сінокісна ділянка" (НОС, 7, 126) вказують на можливість відапелятивного утворення гідроніма. Вірогідно, що не без впливу новгородських діал. лексем *узь*, *переузь*: 1. "ділянка землі, що зву-

² Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. - М., 1968. - С. 232.

³ Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. - С. 434; Трубачев О.Н. Указ. соч. - С. 232, 267.

⁴ Железняк І.М. Роль і етнолінгвістичні проблеми Середньо-наддніпрянського Правобережжя. - К., 1987. - С. 91.

⁵ Див. карту-схему в згаданій монографії Железняк І.М.

жується”, “прохід, стежина в лісі”, 2. “невеликий струмок, який витікає з озера” (НОС, 7, 126) виникли місцеві власні назви - р., оз. *Уза* (НПК, Ук., 211), нп *Уза, Узя, Узь* (там же), які слід розглядати як безсуфіксальні утворення стосовно гідроніма *Узень*. Водні об’єкти *Уза* засвідчуються також у Сибіру. (1684 - 1685 рр.; Кусов, 255), в Могильовській губ. (Vasmer, 9, 271). Білоруські назви спричинилися до появи однойменних ойконімів (див.: Vasmer, 9, 271 - 272). Наведена ономастична та апелятивна лексика дуже близька до східнослов’янських назв *Узмень* та їхнього вихідного етимона *узмень / узьмінь*, пор. д.-рус. *узмень* “вузьке місце, вузька затока” (Ср., 3, 1171), укр. *узьмінь* “найглибше місце в річці зі швидкою течією, що не замерзає взимку” (Гр., 4, 329). Відмінність між ними простежується на рівні суфіксального оформлення: *-ень, -теп-* (пор. безсуфіксальне *узь < *ǫзь*). Наведений фактичний матеріал дозволяє припускати питомий характер гідроніма *Узень*. Однозначну задовільну відповідь на питання стосовно зміни найменування річки *Бзяниця* на *Узень* очевидно дати важко. Різне називання одного водного об’єкта або його частин - поширене явище в слов’янській гідронімії. Зрозуміло, що виникнення подібних назв не було одночасним. Отже, правдоподібність спільного походження *Бзянки* та *Узеня* видається цілком можливою. Подальше вивчення наведеного списку, гадаємо, внесе нові корективи.

До останнього часу суфіксальне *-теп-* у гідронімі *Тесмень* не викликало сумніву, навпаки, саме на цій словотвірній рисі побудовано більшість відомих етимологій. Індоевропейський характер суфікса **-теп-* дозволив І.М.Железняк зарахувати гідронім *Тесмень* до індоевропеїзмів з кореневим **tek⁶* > слов’ян. > **teks-* > **tes-*. Слов’янські континуанти псл. **tes-*: д.-рус. *тесати, тесь* сприяли реконструкції значення гідрооснови й відновленню втраченого апелятива **тесмень* “порубіжжя, межа”⁶. Нещодавно цю етимологію підтримав В.В.Лучик, убачаючи в назві *Тясмин* ранній праслов’янськ з виходом на і.є. основу **tek’-/*tenk-*. Спостерігається також спроба пояснення варіантності основи *Тесм-/Тясм-/Тасм-* паралельним існуванням псл. **tes-//*tes- < *tenk’-⁷*, проте зовсім не згадуються форми з *Тисм-*, що утруднює їхнє зведення до наведеної первинної форми. Ми, навпаки, бачимо необхідність з увагою поставитися до фонетичних змін, яких зазнала коренева частина. Етимологія Д.Г.Бучка, яка базується на н.-луж. *tšmet* “калюжа; болото; болотисте, багнисте місце” з виходом на псл.

⁶ Железняк І.М. Гідронімікон північного порубіжжя Степової України (басейн Тясмина) // Питання ономастики Південної України. - К., 1974. - С. 91.

⁷ Лучик В.В. Автохтонні гідроніми Середнього Дніпро-Бузького межиріччя. - Кіровоград, 1996. - С. 9.

**tsmen*, прийнятна для В.В.Лучика з семасіологічного погляду⁸, проте на оманливість зв'язку гідроніма *Тясмин* з апелятивами, в коло яких входить н.-луж. *tšmeń*, правомірно звернув увагу В.П.Шульгач⁹. Думки про неслов'янське походження цієї водної назви дотримується О.М.Трубачов, уважаючи її давнім діалектизмом тюркського *taš* "камінь"¹⁰. На жаль, конкретний діалектний матеріал у викладі цієї версії відсутній.

Відзначимо, що при розгляді гідроніма *Тясмин/Тесмень* дослідники практично не зупиняються на споріднених назвах. Правда, ще О.І.Соболевський спробував пов'язати назву водного об'єкта *Тисмениця* (бас. Дністра, пор. м. *Тисмениця* на р. Ворона; Покуття) з *Тясмин* (бас. Дніпра¹¹). Проте ця пропозиція подальшої підтримки не знайшла. На території слов'ян імовірними формальними відповідниками можна вважати ще сс. *Тесмино* (вар. *Тясминка*, на р. Шостка; Тверська губ.), *Сіошту*, *Цесмы* (Люблінська губ.; Vasmer, 9, 75, X, 18), а також антропонім *Тясмин/Тесмин* Іван Степанович (1540 р.; Тверь; Вес., 330). Для останнього первинним, очевидно, було прізвище або прізвисько *Тесма/Тесьма*, на зразок антропоніма XVII ст. - *Василь Тесма* (полк Полтавський; Р., 288, в основі якого апелятив *тесма́* або *тесма*, *тасма́*, *тасма́*, при д.-рус. *тясма*. Варіант *тясма́* засвідчено в грамоті 1472 р., простежується він і в подальших пам'ятках (див.: Фасмер, 4, 52). Цікаво відзначити, що апелятив *тясма* з'являється у письмових джерелах кількома десятиліттями раніше, ніж варіант гідроніма *Тясмень* - 1498 р. (Акты, ЗР, I, 178), а століттям пізніше - антропонім *Тясмин/Тесмин* - вірогідне посесивне утворення на *-ин* від апелятива *тяс'ь/ма*, *тесма*. В етимологічних словниках це слово кваліфікується як запозичення із тур., тат., чагат. *tasma* "стрічка, ремінь" (Фасмер, 4, 52). Про запозичений характер апелятива може свідчити численність його варіантів і нестабільність наголошення *тесма́* й *тѣсма*. Джерелом запозичення стали мови тих народів, які в період Київської Русі й пізніше були близькими сусідами українців, або мали з ними певні контакти. Отже, воно швидко набуло поширення серед східних слов'ян. Якщо прослідкувати за його семантикою, то тюркське *tasma* "стрічка, ремінь" фіксує наче завершений етап її розвитку, тоді як у семантичному змісті, що характеризує слов'янські лексеми,

⁸ Там же. С. 9-10.

⁹ Детальніше про це див.: Шульгач В.П. Рец. на кн.: Лучик В.В. Автохтонні гідроніми Середнього Дніпро-Бузького межиріччя // Мовознавство, 1997, № 4-5. - С. 70.

¹⁰ Трубачев О.Н. Указ. соч. - С. 211.

¹¹ Див.: Соболевский А.И. Рец. на кн.: "Список рек бассейнов Днестра и Буга (Южного)" П.Л.Маштакова. - ИОРЯС, 1919.- Т. XXIV, кн. 1. - С. 306.

можна виділити мотивуюче значення “вузький; стислий”, пор. укр. *тесма́* “вузька плетена або тканина стрічка з бавовняних або шовкових ниток, що використовується для оздоблення одягу, обшиття білизни”, рос. *тесма* або *тесма* “вузька, тканина або плетена полоска, на зразок стрічки”, блр. діал. *тесма* “вузька смужка”. Наведена лексика у формальному й семантичному відношенні знаходиться у відповідності з деякими діалектними східнослов'янськими формами - це згадана І.М.Железняк укр. (поліськ.) *тасма*: 1. “межа між посівами на полі”, 2. “стежка”. Саме вона сприяла відтворенню семантики гідроснови “порубіжжя, межа”. Разом з тим апелював *тасма*, можливо, як форма з обниженим *e* розглядається в ряду д.-рус. *тесати*, *тесъ* “зарубка на деревах для зазначення межі”¹². Якщо це дійсно так, то засвідчене діал. *тасма* слід розглядати як суфіксальне похідне на *-ът/-ьт-* (**tesati*), але в такому разі знімається питання про архаїчне **-ten-*. Незрозумілим залишається питання про пізніший варіант *Тясмень*.

Разом з тим, укр. діал. *тасма*, що формально збігається з словом *тесма́* (*тасма́*, *тясма́*), має досить близьке семантичне вираження: 1. “межа між посівами на полі”, 2. “стежка” при загальновідомому “стрічка, плетена полоска, смужка”. Це дає підстави припускати зв'язок гідроніма *Тесмень/Тясмень*, *Тясмин*, *Тясма*, *Tasmin*, *Тясминь* з вищенаведеними варіантами слова *тесма*. Якщо прийняти версію, за якою гідронім *Тясмин/Тесмень* виник у слов'янському мовному середовищі на базі тюркізму *tasma* + суф. *-ень*, а пізніше *-ин*, то залишається незрозумілим питання появи фонетичних варіантів *Тисма*, *Тисмень*, *Тисмень*. До того ж необхідно звернути увагу на те, що апелював *тесма* / *тясма* стає відомим лише з XV ст., тоді як гідронім *Тесмень* згадується при описі подій XII ст. Втім ми переконані, що вплив апелювання *тяс(ь)ма* на досліджувану назву, зокрема на формування пізніших форм *Тясма*, *Тясмин*, *Тясмина*, *Tasmin* та ін., мав місце.

Усе сказане вказує на затемненість походження цієї назви. Це пояснюється тим, що апелювані зв'язки у цього гідроніма завуальовані. Якщо йти за версією І.М.Железняк, то вже а ргіогі передбачається існування апелювання **тесмень*.

Сьогоднішній стан лексикографічних джерел дозволяє підтвердити думку І.М.Железняк про колишнє існування на території України апелювання **тесмінь*, а відтак і уточнити його праформу. Згаданий термін зафіксував білоруський дослідник І.Я.Яшкін - *цясмёнъ*, *цясмінъ* “вузька западина, прохід поміж пагорбами”. Вірогідно його можна розглядати як продовження псл. **těskmenъ*/**těsmenъ*. Правильне ви-

¹² Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. - К., 1985. - С. 158.

значення праформи залежить від розуміння структури спорідненого прикметника *тісний*. Більшість дослідників схильні реконструювати *тісний* з псл. **těsknъ*(*jb*) як спорідненого з *тискати* (Фасмер, 4, 51). Запропонована праформа вимагає відповіді на кілька запитань. Якщо *-n-* традиційно вважати суфіксом, то незрозуміло, чому при утворенні прикметника *-sk-* не перейшло в шиплячий *щ*. Далі насторожує збіг трьох приголосних, якщо *-n-* - суфікс, тоді *-sk-* можна вважати розширювачем, а *-tě-* - коренем. По-іншому осмислює структуру прикметника *тісний* В.Махек. Розташовуючи *тісний* в одному гнізді з гр. στενός “вузький, тісний”, дослідник реконструює праформу **těsmъ* (Фасмер, 4, 51), що знімає поставлені запитання, але, як і попередня етимологія, не дає чіткої відповіді щодо спорідненості псл. **těsmъ*(*jb*) з дієсловом (*c*)*тискати*.

Генетично близькі східнослов'янському *цясмєнь* є терміни в іншому дериваційному оформленні: укр. діал. *тесніна*: 1. “глибокий і вузький яр”, 2. “глибока й вузька долина”, блр. *тесніна*, *цеснядзь*, діал. *цячніна*, *цяснядзь* “вузька западина між пагорбами”, пор. синонімічні словоформи - укр. *вузькня*, рос. *узмень* тощо. Сюди ж слід додати укр. географічний термін *сумісок* “дуже вузька, тісна вулиця, тісний прохід” (Гр., 4, 232). За структурою - це суфіксально-префіксальне утворення з архаїчним префіксом *so-/< *sotěskъ/*. Воно знайшло відбиття в численних топонімах Славії - *Сумиски/Сумески* з псл. **sptěska*/**sptěska* (укр. с. *Сумиски* Тиврівськ. р-ну Вінницьк. обл., яке ототожнюють з літописним м. *Сѣтѣска*, х. *Сумиски* в колишньому Глухівському пов. Чернігівськ. губ., тепер с. *Сумиски* Сумської обл. (ЕСЛНПР, 150), нп *Soteska* - округ Любляна, *Sutjeska* - округ Сараєво, *Сътеска* в Болгарії (Schütz, 45) та ін. Останні, як і апелятивна лексика, засвідчують зміну кореневого голосного *e/i*. Досить важко однозначно зумовити причину появи кореневого *и* в українських назвах. Це може бути: 1) діалектний монофтонгічний рефлекс наголошеного *ě*; 2) вплив дієслівних форм *тискати/сумискати*; 3) припустимо бачити давнє відбиття основ **těs-/tis-*, які чергуються. Лексичний матеріал російських говорів свідчить на користь останнього припущення. Тут доречно навести рос. діал. лексему *тисменка* “товста, вовняна нитка з трьох-чотирьох ниток” (СРГСУ, 93). Перед нами дуже цікавий діалектизм, який, по-перше, зберігає живі семантичні зв'язки з дієсловом *тискати*, а, по-друге, має однакову структуру з **тесмень*, ускладнену суфіксом *-ька*. Різниця між ними знову-таки в кореневому вокалізмі. Крім того, на нашу думку, діал. *тисменка* відкриває реальні перспективи для розкриття походження гідроніма *Тисмениця* (бас. Дністра).

Показово, що апелятив *цясмєнь*, *цясмінь* зафіксовано в білоруській зоні, де, як свідчать матеріали кандидатської дисертації Р.М.Коз-

лової, досі добре простежуються найдавніші утворення цього типу. Серед них згадуються *глухмень*, *сухмень*, *ціхмень*, *духмень* та ін.¹³ Українська діалектна лексика менш досліджена в цьому плані, проте й тут трапляються аналогічні утворення - *уз'міль* (Гр., 4, 329). Поповнити її можна за рахунок реконструйованого апелятива **тесмень*, засвідченого в складі гідроніма *Тесмень*. Втім говорити про його індоєвропейську давність за відсутністю надійних паралелей в інших мовах недоцільно. Очевидно це пізніші утворення, найімовірніше праслов'янської доби, в яких суфікс **-теп-* – вторинний¹⁴.

На підставі виявленого апелятива для назви *Тесмень* можна уточнити семантику гідрооснови “вузька річка, стиснута водна артерія”. Генетично близькими відповідниками доцільно вважати рр. *Теснівки* (бас. Горині, Ужа, Тетерева; СГУ, 562), які протікають на Житомирщині. В їхній кореневій частині відбився локальний не *i*-рефлекс етимологічного *ē*. До споріднених зараховуємо також потік *Тісний* (бас. Дністра; СГУ, 566), с. *Тясновка* (*Tiasnówka*, *Ciasnówka*; на р. Західна Двіна; Vasmer, 9, 251) та ін. Таким чином, гідронім *Тясмин* (зважаючи на його історичну форму *Тесмень*) - архаїчне слов'янське утворення від праслов'янського географічного терміна **tēs/k/měнь*, сліди якого фіксуються в східнослов'янській білоруській зоні. Проаналізований матеріал має обмежений ареал поширення з локалізацією на Славгородщині (Білорусь) і Середній Наддніпрянщині. Повз нашу увагу не пройшло різне наголошення оніма й апелятива. Відзначимо, що словотвірному типу на *-теп-* не властивий стійкий наголос на суфіксі, пор. *сухмень* і *сухмєнь*. Крім того, правильне наголошення літописної назви невідоме, маємо лише засвідчений в експедиціях наголос пізнього варіанта - *Тясмин*, на який, безперечно, мав вплив апелятив *тяс'ь/ма*.

УМОВНІ СКОРОЧЕННЯ

- Акты ЗР – *Акты*, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссиею. - 1846. - Т. 1. - 419 с.
- АЮЗР – *Архив* Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше утвержденною при Киевском военном, Подольском и Вольском генерал-губернаторе. - К., 1859-1914. - Ч. 1-8.

¹³ *Козлова Р.М.* Белорусские регионализмы праславянского происхождения (на материале лексики Восточного Полесья). - Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Минск, 1977. - С. 12.

¹⁴ *Откупщиков Ю.В.* Указ. соч. - С. 260.

- Вес. – *Веселовский С.Б.* Ономастикон. - М., 1974. - 382 с.
- ЕСЛГНПР – *Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі.* - К., 1985. - 253 с.
- Гр. – *Словарь украинської мови/за ред. Б.Д.Грінченка.* - К., 1907 - 1909. - Т. 1 - 4.
- КБЧ – *Книга Большому чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в разряде и списанная в книгу 1627 года.* - Спб., 1839. - 261 с.
- Куркина – *Куркина Л.В.* Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. - Ljubljana, 1992. - 260 с.
- Кусов – *Кусов В.С.* Чертежи земли русской XVI - XVII вв. - М., 1993. - 375 с.
- Машт. Дн. – *Маштаков П.Л.* Список рек Днепровского бассейна. - Спб., 1930. - 292 с.
- НОС – *Новгородский областной словарь.* - Новгород, 1992 - 1995. - Вып. 1 - 12.
- НПК, Ук. – *Новгородские писцовые книги, изданные Императорской археографической комиссией: Указатель к первым шести томам.* - Петроград, 1915. - 228 с.
- Р. – *Ресстра* всего войска Запорожского договора с королем польским Яном Казимиром 1649 года октября 16 дня, составленные и изданные по подлиннику О.М.Бодянским. - М., 1815. - 337 с.
- СРГСУ – *Словарь русских говоров Среднего Урала.* - Свердловск, 1987. - Вып 6. - 157 с.
- СГУ – *Словник гідронімів України.* - К., 1979. - 780 с.
- Ср. – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. - Спб., 1893-1909. - Т. 1 - 3.
- Фасмер – *Этимологический словарь русского языка.* - М., 1964 - 1973. - Т. 1 - 4.
- ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н.Трубачева.* - М., 1974 - 1996. - Вып. 1 - 23.
- Schütz – *Schütz J.* Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. - Berlin, 1957. - 113 s.
- Vasmer – *Vasmer M.* Russisches geographisches Namenbuch. – Wiesbaden, 1962 - 1980. - Bd 1 - 10.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЭРГОНИМИИ 20-30-х гг. (на материале названий промышленных предприятий)

Развитие номинационных процессов в русской эргонимии первых послереволюционных десятилетий определяется изменившимися условиями функционирования литературного языка. Октябрьская революция явилась таким социальным фактором, который не только усилил влияние на внутриязыковые процессы, но и вызвал "весьма сильные изменения в области ... номинативной деятельности языка" [Селищев, 1928: 156], в его общеонимической системе.

В эргонимии, как и в других областях ономастической номинации, происходит качественная перестройка семантических отношений, предполагающая социальную переориентацию принципов называния и отбора эргонимической лексики.

В процессе развития система промышленных названий, с одной стороны, опирается на уже сложившийся в дореволюционный период набор определенных семантических моделей, реализующихся преимущественно в сфере отапеллятивных образований и обладающих высокой продуктивностью (это позволяет говорить о возможности преемственности в эргонимии). С другой стороны, в ходе массовой номинации новых производственных единиц и переименования старых складываются принципиально иные, в отличие от дореволюционного периода, типы эргонимов.

Процессы эти, испытавшие сильное воздействие социальных факторов и протекавшие весьма интенсивно, систематически еще не изучались и оказываются затронутыми лишь фрагментарно в единичных публикациях [см. Лобода, 1976; Букчина, 1981; Отин, 1993]. Нами предпринята попытка проследить основные экстралингвистические и внутриязыковые закономерности развития русской эргонимии в 20-30-е годы, а также установить некоторые номинационные тенденции в эргонимообразовании послереволюционного периода. В рамках настоящей статьи в силу разнообразия форм наименований и многочисленности эргонимической номенклатуры мы остановимся на анализе лишь одной наиболее продуктивной группы эргонимопроизводящей лексики - апеллятивах, характеризующих деятельность предприятия. Из источников, откуда извлечены данные названия, назовем только три важнейших: Список трестов и промышленных объединений с указанием входящих в них промышленных заведений и список автономных и сданных в аренду промпредприятий. Пг., 1923; Список

предприятий НКТП, нанесенных на карты Европейской и Азиатской частей СССР. М., 1935; Энциклопедический словарь Центрально-Черноземной Области. Воронеж, 1934. Т.1 (А-Е).

1

Установление корреляции эргонимического материала с фактами социально-экономического развития общества является необходимым условием социолингвистического анализа. Не преуменьшая роли внутриномастических факторов, во многом определяющих пути развития номинационных процессов, отметим, что данное условие выдерживается на всех этапах исследования эргонимов, так как позволяет получить полное научное представление о процессах номинации, протекающих в эргонимии.

Эргонимическая лексика - в сравнении с топонимической и антропонимической - является наиболее подвижной частью русской общенимической системы и более всего подвержена социальным воздействиям. Иными словами, эргонимию можно назвать одним из самых социальных слоев ономастической лексики. "Проницаемость" эргонимической лексики для внеязыковых воздействий обусловлена самим характером составляющих ее единиц, их основной функцией - назывной. Естественно предположить, что и способы создания новых наименований, действующие на том или ином этапе становления эргонимии, также зависят от социальных условий (ср., например, предпосылки возникновения и становление аббревиации в эргонимии). Учитывая это, рассмотрим некоторые факты внеязыкового и лингвистического характера, оказавшие непосредственное влияние на развитие эргонимии первых десятилетий советской власти.

Анализ эргонимов раннего среза (вторая половина XIX - начало XX в.) однозначно показывает, что процесс становления эргонимии тесно связан с эволюцией хозяйственных форм и категорий промышленных объектов в условиях определенного способа производства. Рассматриваемый период развития эргонимов более специфичен в сравнении с дореволюционным и не может быть безоговорочно объяснен с позиций только способа производства.

В процессе преобразований социальной и экономической действительности в 20-30-е годы сложилась не только новая идеология (что незамедлительно отразилось в эргонимической лексике), но и осуществлялась целая система политико-экономических мер, во многом обусловивших специфику и разнообразие объектов сферы промышленного производства. Необходимость их описания продиктована объективностью лингвистического анализа, предполагающего установление связи между названием и мотивом его возникновения. Обь-

яснение этому находим в фактах социально-экономического характера, корректировавших развитие номинационных процессов в эргонии в первые послереволюционные десятилетия. Существенными, на наш взгляд, являются следующие:

1. В эпоху "военного коммунизма" - экономической политики, проводившейся в годы гражданской войны (1918-1921 гг.), - в процессе обобществления производства сложилась административная система, с помощью которой стало возможным осуществлять управление национализированной промышленностью [Гимпельсон, 1990: 76-77]. Центральным ее органом стал созданный при Совнаркомом Высший совет народного хозяйства (ВСНХ). При ВСНХ учреждались особые органы управления отдельными отраслями и предприятиями отрасли в виде *главков* и *центров*. К 1920 году функционировали 52 главка, среди которых были *Главцемент*, *Главцветмет*, *Главруда*, *Центросахар*, *Центробум*, *Главтон*, *Главстекло*, *Глававиа*, *Главнефть*, *Гомза* и др. [Лященко, 1956: 74].

2. В восстановительный период и первые годы новой экономической политики (нэп - 1921-1927 гг.) "основной формой организации крупной государственной промышленности становятся *производственные объединения* в виде крупных центральных *трестов* или *отраслевых объединений* [Лященко, 1956: 152]. Крупнейшие и наиболее жизнеспособные тресты организовывались в металлургической промышленности. Ведущие из них - трест "Югосталь", объединявший наиболее крупные заводы Юга, на Урале - "Ураллатина", "Лензолото", "Уралмедь", в Западной Сибири - "Алтайполиметалл", в Закавказье - "Арммедь". В химической промышленности важнейшим был трест "Химуголь", основой которого стали заводы бывшего акционерного общества "Любимов, Сольве и К°" [Лященко, 1956: 156].

В условиях экономического плюрализма (многоукладности) [Сироткин, 1990: 9] на новой организационной основе возрождались и некоторые старые формы предприятий - *акционерные торгово-промышленные общества*, *синдикаты*. Наибольшее развитие акционерные общества получили к концу восстановительного периода (1925 г.). Среди них были государственные ("Шерсть", "Союз-Золото", "Экспорт-лес"), смешанного типа ("Рудметаллторг", "Русавсторг"), частные ("Металлорукав", "Вапа", "Метохим") и несколько кооперативных. Советские акционерные общества представляли собой "ярко выраженный тип государственно-капиталистических предприятий, преимущественно в торговле и промышленности" [Лященко, 1956: 163]. Синдикаты же ("Уралмет", "Солесиндикат", "Сельмаши", "Продасиликат" и др.) приобрели значение основной формы сбыта промышленных товаров государственных предприятий.

С введением нэпа "...была отменена всеобщая национализация мелкой и кустарной промышленности" [Сироткин, 1990: 17], поэтому наряду с крупными государственными предприятиями в начале 20-х - второй половине 30-х гг. существовала масса различных мелких предприятий частного хозяйственного капиталистического типа, предприятий, арендованных у государства, промысловых артелей, товариществ. Не меньшим разнообразием отличался и социальный состав их владельцев, выступавших номинаторами в новых условиях.

3. В ходе осуществления политики индустриализации (1927-1937 гг.) решалась задача "не столько переоснащения действующих..., сколько размещение и строительство новых предприятий" ["Правда", 1988: 3] - тракторных заводов в Сталинграде, Харькове, Челябинске, автомобильных - в Нижнем Новгороде, Москве, химических комбинатов в Хибинах, Березниках, Соликамске, металлургических предприятий в Сибири и на Украине, новых шахт в Донбассе, рудников в Казахстане.

Таким образом, многообразие производственных реалий и, следовательно, общественная потребность в их переименовании и номинации в первые десятилетия после революции были обусловлены коренными изменениями в социально-экономической действительности. Развитие новых промышленных объектов и возрождение старых явилось социальным стимулом к актуализации и активизации в процессе номинации как новых типов эргонимов, так и традиционных названий, созданных на основе уже сложившихся в эргонимии номинационных моделей.

Однако к числу внешних факторов, оказавших влияние на развитие эргонимической лексики, относятся и другие, более общие внеязыковые факторы, так или иначе воздействовавшие на язык в целом. Прежде всего - это изменения в социальном составе носителей языка. То, что активными носителями литературного языка становились все новые и новые слои общества, различные социальные коллективы, ранее владевшие диалектной речью или городским просторечием, не могло не сказаться на характере процессов номинации. При этом следует помнить, что 20-30-е гг. - это начальный этап языкового строительства, борьбы за культуру речи, за установление в нашем языке строгой нормативности [см. об этом Панов, 1962; РЯСО 1968; Протченко, 1985]. Соответственно, в этот период "понятие о норме у новых носителей было очень неустойчивым и неопределенным" [Протченко, 1985: 44]. Поэтому здесь имеет место реализация многообразных лингвистических вкусов, породивших не меньшую, чем в дореволюционный период, пестроту названий и обусловивших сосуществование старого и нового в эргонимии. Особенно это характерно для названий мелких предприятий, различных промыслово-кооперативных товари-

ществ и артелей, частных обществ, ср., например: "Верное время", "Лотос", "Ложка", "Модерн-Москва" (прк. т-ва), "Извозсила", "Вестник Моды", "Идеал" (пр. арт.), "Норд", "Прима" (ао), "Морзе", "Универсаль", "Речка", "Русский дизель" (з-ды), "Пух и перо", "Экспресс", "Флореаль" (ф-ки)¹ и мн.др. Изменения в составе носителей языка сказались и на конкретной реализации способов номинации, сложившихся в эргонимии.

Как уже отмечалось выше, 20-30-е гг. характеризуются в эргонимии бурным процессом переименований старых производственных реалий. В течение 1917-1920 гг. этот процесс оказался децентрализованным и трудноуправляемым. По инициативе районных Советов рабочих депутатов в каждом из крупных промышленных центров страны производились самостоятельные замены названий. Появились такие эргонимы, как "Пролетарий", "Интернационал", "Коминтерн", "Социализм", "Большевик", "Коммунар", "Октябрь", "Парижская Коммуна", "Марксист" и др. Множились названия, напоминавшие о событиях революций 1905-1917 гг. Однако при таком параллелизме усилий неизбежным было его следствие - появление одноименных названий. Это был "взрыв" стихии одноименности в сочетании с немалым наследием "тезок" от дореволюционных лет.

Начиная с первой половины 20-х гг. процесс переименований постепенно начинает приобретать целенаправленный характер. В 1922 г. при Московском и Петроградском Советах существовали Центральные комиссии по переименованию промышленных предприятий [Ефремов, 1985: 35]. Так, завод Михельсона стал называться *имени Владимира Ильича*, механический завод общества "Братья Бромлей" был переименован в "*Красный пролетарий*", завод Гужона - в "*Серп и Молот*", бывший Путиловский завод - в "*Красный путиловец*", Обуховский завод - в "*Большевик*" и т.д. [см. Ефремов, 1985: 27].

Стабилизируются и собственно процессы номинации. Именно в этот период в эргонимии происходит социальная переориентация принципов называния. Становится невозможным использование идеи принадлежности в качестве мотивирующей, как это повсеместно наблюдалось в дореволюционной эргонимии [ср.: "Братья Нобель" (т-во), "Валентин Ефимов" (ао), "И.П.Хлебников, Сыновья и К" (тд) и т.п.]. Исчезают традиции именования, например, сориентированные на западноевропейскую промышленную номинацию, создаются новые на

¹ Здесь и далее в скобках даны условные обозначения вида предприятия: з - завод, ф-ка - фабрика, ао - акционерное общество, прк. т-во - промыслово-кооперативное товарищество, пр. т-во - промышленное товарищество, пр. арт. - промысловая артель, о - объединение, о/о - отраслевое объединение, п/о - производственное объединение, киб - комбинат, тр - трест, упр - управление.

основе социальных оценок старого употребления. Соответственно возникают новые структурно-семантические типы названий, переосмысливаются старые эргонимические лексемы ("Звезда", "Заря", "Луч", "Плуг", "Молот", "Пахарь", "Строитель" и др.).

Коренным образом меняются принципы отбора эргонимической лексики. Производящая база эргонимии значительно расширяется за счет использования апеллятивов. Употребление производящих единиц других онимических классов в качестве эргонимов - антропонимов, топонимов, хрононимов - приобретает исключительно идеологическую направленность.

Важно отметить, что в 20-30-е гг. наряду со сложившимися способами номинации в эргонимии интенсивно развиваются и получают широкое распространение названия, созданные по принципу аббревиации. Причисляемая к "революционным новшествам" [ЛРЛЯ 1981: 201], а в действительности восходящая к началу XX в., аббревиация стала не только качественно новым типом словопроизводства [Виноградов 1945: 166], но и номинационной традицией в эргонимии.

Таким образом, развитие эргонимии в 20-30-е гг. в значительной степени корректировалось действием тех или иных экстралингвистических факторов. Активизация влияния внеязыковых факторов на внутренние процессы, протекавшие в эргонимии, вызвала ряд качественно новых явлений на ее мотивационном и структурном уровнях.

2

В качестве слагаемых номинационных процессов мы рассматриваем *переименование* старых производственных реалий и собственно *номинацию* новых, так как все эти процессы в совокупности составляют сущность развития эргонимии в первые послереволюционные десятилетия.

Коренная ломка существовавшей системы промышленных названий происходила прежде всего в тех единицах, которые оказались неприемлемыми по политическим и идеологическим соображениям, о чем наглядно свидетельствуют переименования первых лет. При этом наблюдается преемственность того, что создано в эргонимии в дореволюционный период, и сосуществование традиционных моделей с качественно новыми типами эргонимов, создаваемых по внутриномастическим законам. А.А.Потебня, говоря о наличии преемственности в развитии языка, о сосуществовании в языке "прежде созданного", служащего "основанием новому", отмечал, что "...поверхность языка всегда более или менее пестреет оставшимися наружи образцами разнохарактерных пластов" [Потебня, 1968: 125]. Указанная общеязыковая закономерность характерна и для развития эргонимической лексики.

Другой особенностью процессов номинации в эргонимии описываемого периода является то, что они протекали в непосредственной связи с общим развитием лексического состава языка. В общеязыковой лексической системе до конца 20-х гг. наблюдается бурный рост новообразований и разнообразных семантических трансформаций уже существующих слов. Получают широкое распространение слова общественно-политической лексики, обозначающие понятия коммунистической идеологии и классовой борьбы, новые формы общественной жизни, быта и культуры. Активизируется лексика, сложившаяся в рабочей и демократической публицистике конца XIX - начала XX в., особенно лексика, культивируемая в большевистской печати. В 30-е гг. интенсивно расширяет сферу употребления научно-техническая и профессиональная лексика. В этот период значительно упорядочивается образование и применение аббревиатур [Бельчиков, 1965: 6].

Именно в этой лексике, относящейся к апеллятивному массиву языка, в основном находит опору эргонимия при создании новых эргонимических единиц, так как в отапеллятивном эргонимообразовании реализуются семантические связи конкретных производящих апеллятивов, за счет чего и происходит расширение производящей базы. Удельный вес онимических лексем, участвующих в производстве эргонимов, заметно снижается, что, с одной стороны, в значительной мере обусловлено влиянием внеязыковых факторов, с другой - принципиально иным, чем у апеллятивов, характером отражения реальной действительности. Таким образом, здесь имеет место объективная закономерность в неодинаковом характере использования апеллятивной и онимической лексики в процессе создания названий, свойственная номинационным процессам и в других ономастических классах.

Рассматривая отапеллятивное эргонимообразование, мы исходим не из денотативного (ввиду многообразия обозначаемых эргонимами объектов), а семантического принципа, так как семантическая классификация эргонимов - это прежде всего систематизация номинационных признаков, лежащих в основе их производства. Подобный подход к семантическому анализу эргонимов представляется плодотворным и разносторонне оправданным, так как позволяет выделить группы эргонимопроизводящей лексики, на основе которых созданы отапеллятивные эргонимы.² Причем речь идет о таких группировках, которые отражают существенные черты ономастизируемого объекта и тем самым способствуют его глубокому и всестороннему познанию.

² Следует учитывать так же, что "сам факт вторичности включения определенных лексем в онимический ряд не позволяет подходить к их анализу с теми же критериями, что и к анализу общей лексики" [ТМОИ, 1986].

Апеллятивную лексику в составе эргонимов можно представить в виде нескольких тематических групп:

1. Лексика, прямо или косвенно отражающая характер деятельности предприятия.
2. Лексика, содержащая эргонимические термины.
3. Лексика, характеризующая производственную занятость коллектива.
4. Лексика, отражающая советскую идеологию.
5. Оценочная лексика (т.е. дающая эмоционально-нравственную оценку социальной действительности).

Разумеется, приведенная классификация носит весьма общий характер и не отражает специфики номинационного процесса. Вследствие этого возникает необходимость рассмотрения каждой лексической группы в отдельности. Остановимся подробнее на первой.

Лексика рассматриваемой группы является важным источником производящих слов в эргонимии. Следует отметить, что лексическая избирательность и специфичность основ эргонимов зависит не только от системы, в которой данные названия употребляются и должны оцениваться (как, например, в антропонимии и топонимии), но в большей мере от внеязыковых факторов, отражаемых в названиях средствами языка. Однако это не означает, что круг апеллятивных лексем, выступающих в эргонимопроизводящей функции, безграничен: "он всегда имеет свои пределы и свои особо предпочтительные сферы" [Карпенко, 1988: 10].

Замечено, что не всякий апеллятив становится эргонимом: процессу онимизации подвергаются лишь обладающие более специальным содержанием в качестве апеллятива и, следовательно, большей потенцией к превращению в эргоним. В пределах рассматриваемой группы отражены следующие их разновидности:

1. Апеллятивы, характеризующие:

а) промышленные материалы, сырье и полезные ископаемые: "Стеглосода", "Огнеупор", "Лакокраска", "Химуголь", "Фарфор-Фаянс-Стекло" (тр); "Соль" (солесиндикат); "Фосфатотук", "Кирпич" (о); "Коксобензол", "Тряпье-Лоскут" (гос. ао); "Золоторуда" (упр.); "Глинозем", "Каучук", "Бетон", "Магнезит", "Метил", "Ацетометил", "Мрамор-Гранит", "Химгаз" (з-ды); "Мрамор", "Мрамор-Гранит" (прк. т-ва); "Антрацит", "Карбонит" (ш-ты), "Хрусталь" (рудн.); "Слюда" (ф-ка). Сюда же целесообразно отнести образования "Союззолото" (ао), "Союзасбест", "Союзнефть", "Союзкислотоупор", "Союзфосфор" "Союзсланец" (о), для которых наряду с освоенными апеллятивами мотивирующей является лексема союз, получающая в составе эргонима иную, в отличие от собственного апеллятивного

значения, семантическую специализацию: она указывает на государственный характер учреждения. Ср. также эргонимы "*Североникель*" (з-д), "*Востокоруда*" (Упр-ие железорудной промышленности Восточной части СССР), "*Востокнефть*" (трест Восточной нефтяной и газовой промышленности), "*Югосталь*" (трест Южной металлургической промышленности), в которых основы апеллятивов со значением "часть света" только отчасти сориентированы на пространственную характеристику именуемого объекта (как это свойственно для ряда названий шахт), непосредственно же они выступают в роли дифференциаторов промышленных районов;

б) орудия и средства производства: "*Трикотажная игла*", "*Обойный гвоздь*", "*Красная ножжевка*", "*Красный напильник*", "*Серп*", "*Трактор*" (пр. арт.); "*Гвоздь*", "*Коса*", "*Серп и Плуг*", "*Красный Плуг*", "*Пресс*", "*Молот*" (з-ды); "*Игла*", "*Веретено*" (ф-ки); "*Красный Якорь*" (о); "*Железоплуг*", "*Госивеймашина*" (тр); "*Транспорт*", "*Текстильмашина*" (ао); "*Союзтекстильмашина*" (о);

в) вид выпускаемой продукции: "*Электросталь*" (тр); "*Льнопенькосырье*", "*Пестроткань*" (тр); "*Сталь*" (Всес.об-ие); "*Бумстичка*", "*Химимпорт*", "*Вата*", "*Шерсть*", "*Хлебопродукт*", "*Мясопродукт*" (ао); "*Прессушко*" (кмб); "*Красная труба*", "*Древометалл*", "*Лесопродукт*", "*Стальмост*", "*Картонтоль*", "*Изолятор*", "*Автозапчасть*" (з-ды); "*Металлоштамп*", "*Металлосамовар*", "*Электроуголь*", "*Электрооборудование*" (прк. т-ва); "*Примус*", "*Обувь*", "*Красный сапог*", "*Промтекстиль*", "*Трикотаж*", "*Огнеупорные изделия*" (прк. арт); "*Красная нить*", "*Стеклограф*", "*Шервата*", "*Волокно*" (ф-ки). Ср. также "*Союзстальмост*", "*Союзтекстиль*", "*Союзкожобувь*" (о).

Как видно из приведенных выше названий, в эргонимопроизводящей функции выступают апеллятивы, подвергшиеся процессу оницизации, но в значительной мере сохраняющие свою апеллятивную семантику. Это обуславливает прозрачность семантики эргонимов, что, однако, не мешает им выступать в качестве номинаторов, индивидуализаторов и дифференциаторов объектов. Вполне закономерно, что рассматриваемые названия, содержащие прямую информацию о производственной направленности предприятия, получают дальнейшее развитие в послереволюционный период: данные образования создаются по аналогии на основе уже сложившихся номинационных моделей в дореволюционной эргонимии.

2. Производственно-техническая лексика не менее активна в эргонимообразовании. Следует отметить специфику данного способа номинации в эргонимии по сравнению со сферой нарицательных имен. В 20-е гг. проникновение промышленной и технической терминологии "в литературное употребление было более или менее случайным" [РЯСО 1968: 67]. Это обуславливалось социальными факторами.

По-видимому, разруха в промышленности, неразвитость многих ее отраслей исключали общественную актуальность терминологии техники и производства. В эргонимии к этому времени уже сложилась номинационная модель, в основе которой лежали апеллятивы производственно-технического характера. Причем, социальная значимость ее после революции не уменьшилась. Правда, в 20-е гг. в эргонимии функционировали преимущественно названия, возникшие еще до революции, например: "*Шарикоподшипник SKF*" (ао), "*Русский дизель*", "*Двигатель*", "*Электропровод*", "*Пневматика*", "*Электролит*", "*Динамо*" (з-ды), "*Проводник*", "*Стандарт-двигатель*" (т-ва) и др.

С конца 20-х гг. расширяется семантический диапазон новых названий, создаваемых на основе апеллятивов, проникающих в эргонию из производственно-технической сферы в связи с освоением новой техники в ходе индустриализации.

Система промышленных названий пополняется такими эргонимами как "*Манометр*", "*Метрон*", "*Точизмеритель*", "*Трактородеталь*", "*Электроаппарат*", "*Электросигнал*", "*Электроприбор*", "*Пирометр*", "*Теплоприбор*", "*Тизприбор*" (точные измерительные приборы), "*Поршень*", "*Вентиль*", "*Детали*", "*Арматура*", "*Котлоаппарат*", "*Самоточка*" "*Калибр*", "*Фрезер*", "*Электросвет*", "*Красный тигель*", "*Красный детонатор*", "*Автостекло*", "*Радиолампа*", "*Станкоконструкция*" (з-ды), "*Пломбоотлив*", "*Радиоактив*", "*Электроизолит*", "*Электроприбор*" (прк. т-ва), "*Металлорукав*" (частн. ао). Очевидно, что все эти названия тесно связаны с реальным содержанием обозначаемых объектов и в какой-то степени отражают в процессе номинации уровень индустриальной культуры первых послереволюционных десятилетий.

Важно отметить, что в 30-е гг. намечается определенная стабилизация в использовании производственно-технической лексики в качестве производящих основ и закреплении их за одним из секторов описываемого эргонимического поля - заводской эргонимией. В этом проявляется историчность и социальность эргонимов как собственных имен, так как в ходе развития промышленной номинации для обозначения данной разновидности производственных реалий - заводов - сложился свой, максимально для этого приспособленный тип эргонимов.

3. Семантически близкой по отношению к рассмотренным выше типам апеллятивных основ является группа эргонимов, созданных на базе оттопонимических компонентов (в усеченной форме) и апеллятивов в пределах цельноформленных онимизированных единиц. Первый элемент таких названий обозначал местонахождение объекта, в лексическом значении второго могла содержаться информация о характере деятельности предприятия [*Сибирфарфор*] (ф-ка), "*Москвабель*", "*Сибрадио*", "*Сибметалл*", "*Сардизель*", "*Укркабель*" (з-ды)

"Мостеклофарфор" (тр), "Азовсталь" (кмб), "Симсуко" (о), "Туршелк" (ао)], или же о принадлежности предприятия к виду отрасли ["Грознефть", "Кубчернефть" (упр), "Ленгосторф", "Укрторф", "Моссиликат", "Мосполиграф", "Лензолото", "Ензолото", "Востсибуголь", "Средазуголь", "Челябуголь", "Донуголь" (тр), "Ивтекстиль", "Москвотоль", "Сибсоль" (о), "Чернорыба" (т-во), "Камуралбумлес"² (о/о)].

Выявление специфики такого рода эргонимов представляет интерес с двух точек зрения. Во-первых, новый тип эргонимов в структурно-семантическом плане значительно отличается от старых, в которых оттопонимический компонент представлен лексемой в полной форме, осуществляющей дейктическую функцию. Ср.:

"Бахмутская соль" (ао)	– "Сибсоль" (Сибирское соляное о-е) "Пермьсоль" (тр) "Одессоль" (тр)
"Кавказский хлопок" (ао)	– "Кавцинк" (Государственное Кавказское цинко-свинцовое о-е)
"Грозненская нефть" (о)	– "Азнефть" (тр) "Грознефть" (Грозненское центр. нефт. упр-ие)
"Сибирская медь" (т-во)	– "Востсибуголь" (Государственный трест угольн. пром-сти Восточной Сибири)
"Нижегородский теплоход" (ао)	– "Нижсиликат" (Нижегородское о-е государств. заводов силикатной пром-сти).

Во-вторых, выбор производящих лексем для рассматриваемых названий в значительной мере зависит от семантических связей освоенных апеллятивных основ, преимущественно предметно-вещественного и производственно-технического характера. При этом нельзя не заметить, что во втором случае номинационный процесс протекает по несколько иной содержательной формуле: эргонимы конструируются на основе полного описательного имени и в результате их структурно-семантической "конденсации" выступают как единичные и официальные наименования объектов, чаще всего учрежденческого типа - трестов, объединений, управлений, обществ.

Своеобразной модификацией этой номинационной модели в 20-е гг. выступают эргонимы, структурными компонентами которых являются оттопонимические образования и апеллятивы в усеченной форме. Такие названия состояли из двух (реже - трех) компонентов, которые

определялись по развернутой описательной конструкции. При этом в процессе номинации один и тот же номинационный признак (характер деятельности предприятия) или сумма признаков (указание на местонахождение эргообъекта, отнесенность к отрасли, вид выпускаемой продукции) могли быть выражены путем интегрирования значений усеченных производящих основ.³ Имеются ввиду названия с так называемыми вычленяемыми компонентами *гос-*, *пром-*, *строй-*, *сель-*, *хим-*, *маш-*, *древ-* и нек. др. [см. Алексеев, 1966: 17; 1977: 22], которые складываются и получают развитие в конце 20-х - начале 30-х годов: "*Госпромстрой*" (Российское Государственное ао промышленного строительства), "*Мосмехпром*" (Московский трест механических заводов), "*Уралсельмаш*", "*Ташсельмаш*" (Уральский, Ташкентский тресты сельскохозяйственного машиностроения), "*Уралхим*" (Управление объединенных уральских заводов химической промышленности), "*Каспар*" (ао Каспийского пароходства), "*Русгерстрой*" (Русско-Германское строительное ао). Ср. также названия промыслово-кооперативных артелей "*Новострой*", "*Отделстрой*", "*Стройдор*", "*Кирпичстрой*".

Если сопоставить вышеназванные эргонимы с такими, как "*Эмбанефть*" (Эмбенское объединение нефтеперерабатывающих заводов), "*Ленинградодежда*" (Ленинградский государственный трест швейной промышленности), "*Сахалинуголь*", "*Донбасскерамика*", "*Симбирсклес*", "*Уралзолото*", "*Уралплатина*" (государственные объединения; подобных названий было сравнительно немного в 20-е гг.), то очевидно, что далеко не все из них образованы по принципу информационной достаточности. Например, "*Симсукно*" - Симбирское сукно (о-е), "*Ярзубторг*" - объединение "Ярославская губернская торговля", "*Сардизель*" - Саратовский дизельный завод (ср. более позднее название "*Саратовдизель*"), а также "*Москож*", "*Лентон*", "*Средлес*" и др. По-видимому, в 20-е годы усеченные части основ не приобрели еще в восприятии носителей языка значимости полных наименований в силу их нерегулярности (понадобилось время, чтобы усечения типа *Мос-*, *Лен-*, *Даль-*, *Таш-*, *Кам-*, *Сар-* и т.п. стали привычны, понятны и ощущались носителями как эквиваленты соответствующих слов [см. Букчина, 1981: 48]). Однако тенденция к максимальному сохранению "матчасти" усекаемой основы наметилась. Подтверждение тому мы находим в фактах вариативности в функционировании отдельных названий.

³ Судя по наблюдениям, в 20-е гг. тип наименований с "усеченными" основами получил широкое распространение не только в сфере апеллятивной [см., например, РЯСО 1958: 63], но и эргонимической лексики.

Частным случаем этого явления можно рассматривать эргонимы с усечением *Мос-*. В настоящее время в образованиях с *Москва*, как правило, употребляется форма *Мос-* и реже *Москва*. В 20-е годы, в силу еще не выработанных единых норм и требований к новым названиям ономастизируемых эргообъектов, варьирование одного и того же сложения-наименования было возможным [см. Букчина, 1981: 47]. Поэтому возникали ряды вариантов-эргонимов: параллельно употреблялись формы названий с усечением *Москв-* (*Москвуголь*), *Москво-* (*Москвоуголь*), а в начале 30-х гг. появилось сложение с *Москва* (*Москвуголь*). В этот ряд включаются также эргонимы *Москвотоль* (вариант *Москватоль*), *Москвострой*, *Москвотоп* (Московский трест топливной промышленности). Известно и распространенное в 20-е - 30-е годы название *Москвошвей* (Московское объединение/трест предприятий швейной промышленности), бывшее не только общепотребительным, но и ставшее окказиональным. Ср.: "Я человек эпохи *Москвошвей*" (О.Мандельштам); "Любую одежду заказывайте "Москвошвейю" (В.Маяковский); В пальтишке коротеньком от "Москвошвейя" (Н.Асеев)" [Цит. по ст. Букчиной, 1981: 49].

Как видно из описанного выше материала, эргонимическая лексика рассматриваемого периода относится к реально существовавшему множеству объектов сферы промышленного производства. Их специфика, наряду с причинами социально-экономического характера, обусловила мотивацию и структуру эргонимических единиц в первые послереволюционные десятилетия, что отчетливо прослеживается в группе эргонимов, содержащих прямую информацию о производственной направленности предприятия. Рассмотренная лексическая группа является наиболее активной в эргонимообразовании, поскольку в процессе номинации предпочтение отдавалось апелляциям с предметно-вещественным значением. Последние, сфера употребления которых уже, обладают высокой "степенью" онимизации, так как тесно связаны с реальным содержанием обозначаемых эргообъектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев Д.И.* Аббревиатуры как новый тип слов // Развитие словообразования современного русского языка: Сб.статей / ред. Е.А.Земская, Д.Н.Шмелев.- М.: Наука, 1966.- С.13-37.
2. *Алексеев Д.Н.* Аббревиация в русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук.- Воронеж, 1977.- 31 с.
3. *Бельчиков Ю.А.* О развитии русской лексики в советскую эпоху //Рус. язык в школе.- 1965.- № 6.- С.3-9.

4. *Букчина Б.З.* Об образованиях типа Грузия-фильм, Тула-уголь и под. // *Ономастика и грамматика: Сб. статей.*- М.: Наука, 1981.- С.41-54.
5. *Виноградов В.В.* Великий русский язык.- М.: ОГИЗ.1945. - 247 с.
6. *Гимпельсон Е.* В обстановке революционного романтизма // *Молодой коммунист*, 1990.- № 4.- С.76-81.
7. *Ефремов Ю.К.* О ходе и принципах наименования московских улиц // *Географические названия в Москве: сер. Вопросы географии / Сб.126-й.*- М.: Мысль, 1985.- 264 с.
8. *Индустриализация СССР: выбор курса // Правда*, 21.10.1988 г. С.3.
9. *Карпенко Ю.А.* Современное развитие русской ономастической системы // *Актуальные вопросы русской ономастики: Сб. науч. тр.*- Киев, УМК ВО, 1988.- 258 с.
10. *Лобода В.В.* Парогономия в ее отношении к топонимии // *Вопросы ономастики: Сб. статей / ред. Л.И.Ройзензон.*- Самарканд, 1976,- Вып.284.- С.132-139.
11. *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР.- Т.3.- М.: Госполитиздат, 1956.- 643 с.
12. *Отин Е.С.* Номинационные процессы в русской эргонимии XX века (названия промышленных предприятий, акционерных обществ и фирм) // *Актуальные вопросы теории языка и ономастической номинации: Сб. научн. ст.*- Донецк: ДонГУ, 1993.- С.83-94.
13. *Панов М.В.* О развитии русского языка в советском обществе: К постановке проблемы // *Вопр. языкознания*, 1962.- № 3.- С.3-16.
14. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике,- Т.3.- Ч.1, II.- М.: Просвещение, 1968.- 378 с.
15. *Протченко И.Ф.* Лексика и словообразование советской эпохи: Социо-лингвистический аспект.- М.: Наука, 1985.- 350 с.
16. *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926).- М.: Работник Просвещения, 1928.- 233 с.
17. *Сироткин З.Г.* Судьба идеи: Размышления о ленинской концепции движения к социализму // *Диалог*,- 1990.- № 2.- С.9-19.

СОКРАЩЕНИЯ

- ЛРЛЯ – *Лексика русского литературного языка XIX - начала XX века /Отв.ред. Ф.П.Филин.*- М.: Наука, 1981.- 359 с.
- РЯСО – *Русский язык и советское общество // Социо-лингвистическое исследование: Лексика современного русского литературного языка /под ред. М.В.Панова.- Гл.2 и др.*- М.: Наука, 1968. 186 с.
- ТМОИ – *Теория и методика ономастических исследований / А.З.Суперанская и др.* - М.: Наука, 1986.- 254 с.

ОСОБЕННОСТИ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ И УЗУАЛЬНЫХ КОННОТАТИВНЫХ ОНИМОВ

(на материале русского, украинского, английского языков)

Проприальные единицы языка имеют окказиональные и узуальные коннотемы, которые могут при определенных условиях актуализироваться в речи. Такие собственные имена (в дальнейшем – СИ) образуют свой смысл, соотносясь не с денотатом, а с понятием, развившемся на основе образа денотата. Как результат, оставаясь СИ по значению, по употреблению эти единицы – коннотонимы (термин Е.С.Отина) – уподобляются апеллятивам, приобретая некоторые их свойства. Количество коннотонимов в каждом языке едва ли четко определимо, поскольку при определенных условиях любое СИ может развить референтные коннотации.

Коннотативные онимы весьма многообразны. В качестве производящей базы таких СИ могут быть антропонимы, топонимы, встречаются различные типы мифонимов, а также эргонимы, хремотонимы, хрононимы, идеонимы, зоонимы и фитонимы. Коннотонимизации подвергаются как отдельные СИ, так и парные онимные образования, например: *Геро и Леандр* в значении "влюбленные" (Некрасов. Тонкий человек, его приключения и наблюдения), Иван да Марья в значении "муж и жена" (Отин, 1996а, с.160), *David and Goliath* в значении "слабый и сильный" (Daily News, 20 окт. 1996 г.), *Mary and Joseph* в значении "муж и жена" (U.S. News and world report, дек.-январь. 1991 г.), а также более сложные сочетания слов: сказка "*О попе и его работнике Балде*" – "веселое, жизнерадостное произведение" (Теленеделя, №47, 1997 г.).

По широте употребления и степени семантической автономности коннотонимы можно разделить на окказиональные и узуальные.

Окказиональные коннотонимы актуализируют новые сознания только в определенном контексте. Будучи извлеченными из него, такие СИ теряют все приобретенные коннотации. Для одной группы СИ с окказиональными сознаниями контекст (шире – ситуация) является не только средством реализации, но и средством формирования смысла. К этой группе СИ с референтными сознаниями относятся прежде всего авторские СИ, являющиеся в тексте произведения и поэтонимами, и коннотонимами, например: *Матрёна* – "женщина ограниченных взглядов и сомнительного поведения" (Чернышевский. Что делать), *a Juley* – "надоедливый человек" (Голсуорси. Собственник). Такие коннотативные онимы являются контекстуально обусловлен-

ными. Есть группа СИ, развивающих окказиональные созначения в определенной ситуации, которая актуальна для носителей языка в какой-то конкретный промежуток времени, например: *Дебейки* – "врач-кардиолог" // врач-кардиолог, консультировавший президента России перед операцией в 1996 г. (телепрограмма "Время", ноябрь 1996); *a Jeff Maier* – "малолетний хулиган" // 10-летний мальчик, убежавший на поле во время бейсбольного матча (Daily News, 20 окт., 1996 г.). Такие коннотонимы являются ситуативно обусловленными. Ситуативные коннотонимы можно обнаружить и в авторском тексте. Например, у Достоевского: *Фон Зон* – "грешник", "блудник" // человек, убитый в притоне в Петербурге в 1870 году (Достоевский. Преступление и наказание). Сам эффект экспрессивности имени подготавливается его яркой внешней формой.

Некоторые онимы с референтными коннотациями обладают определенной семантической самостоятельностью. Эти СИ имеют потенциальные узуальные коннотемы, основывающиеся на широкой известности энциклопедической информации о денотате имени. К данным окказиональным онимам относятся такие СИ, как: *Вертер* – "чувствительный молодой человек" (Толстой Л.Н. История вчерашнего дня), *Вестминстерское аббатство* – "кладбище великих людей" (Некрасов. Есть и Руси чем гордиться...), *Акакий Акакиевич* – "предмет сострадания" (Гинзбург. О старости и инфантильности), "МММ" – "мошенничающая - организация" (Коммунист, №40), *Несси* – "ископаемое животное" (Труд, 26 сент. 1997), *Брут* – "борец с деспотизмом" (Шевченко Т.Г. I мертвым, i живим...), *Margate* – "курорт" (Моз. Пирог и пиво), *Don CorLeone* – "человек, любящий уединенность" (Daily News, 20 окт. 1996 г.) и т.д.

Особенностью окказиональных онимов с референтными созначениями является их соотносительность с нерасщепленным понятием о денотате имени. Они сохраняют большую часть информации об объекте, перенося ассоциации, которые закреплены за данным словом, из экстралингвистической в собственно лингвистическую сферу.

Однако есть группа окказиональных коннотативных онимов, формирующих свой смысл в опоре не на содержание имени, а на его внешние параметры (например, употребление гипокористических форм вместо полных, использование экзотического звучания или неблагозвучия СИ), а также собственно узуальные характеристики онима (принадлежность к именнику определенной социальной группы, распространенность/нераспространенность имени в языке), например: *"Рюрик"* – "мужик" (Толстой в повести "История вчерашнего дня" приводит подобный пример умения русского человека найти обидное слово другому. В основе именованного в данном случае лежит, несомненно, звуковой облик слова.); *Царёвококшайск* – "глубокая про-

винция" (Салтыков-Щедрин. Господа Молчалины. Выбору этого реально существующего топонима в качестве обобщенного обозначения глубокой провинции способствовал в первую очередь внешний облик слова); *Бернар* – "подлец" (Достоевский. Преступление и наказание. Формированию негативной коннотации данного онима способствовала его узуальная характеристика – нераспространенность имени в русском именнике, "инородность" звучания); *Джон* – "американец" (Кондрашов. Блики Нью-Йорка), *Семен Борисович* – "еврей" (телепрограмма "Время", 29 окт. 1997 г.): в основе созначения распространенность имени в определенном социуме.

В некоторых случаях содержание и форма СИ в одинаковой степени участвуют в создании коннотативного онима. Например, в уже упоминавшихся СИ *Фон Зон*, *Царёвококшайск* энциклопедическая информация, семантизированная в смысл слова, сосуществует с яркой звуковой формой онима, привносящей в его смысл дополнительный коннотативный (экспрессивный) аспект.

Окказиональные онимы реализуют свои значения, как уже отмечалось выше, только в рамках определенного контекста, следовательно, только в одном языке. С этой точки зрения все окказиональные онимы интралингвистичны. Однако из представленных ранее СИ видно, что по широте известности эти онимы с референтными созначениями можно разделить на функционирующие в пределах одного или нескольких близкородственных языков, например: *Матрена*, "МММ" и т.д. (в русском языке); а *Jeff Maier*, *Margate* (в английском языке), – и в нескольких языках сходной культуры: *Вертер*, *Брут*, *Вестминстерское аббатство*, *Don CorLeone*. СИ, относящиеся ко второй группе, не требуют подстрочных пояснений при переводе на другой язык. Таким образом, все окказиональные коннотативные онимы можно разделить на переводимые и неперебиваемые.

Окказиональные коннотонимы находятся в нестабильных отношениях с понятием, сформировавшемся на основе образа денотата. В пределах определенного контекста релевантными могут быть то одни, то другие характеристики образа денотата, поэтому одна и та же лексема может актуализировать в пределах разных контекстов разные коннотемы, что приводит к возникновению полисемантических или омонимических отношений между коннотонимами (Касьяненко, 1991, с.4), например: *Хиросима* – "смерть, разрушение", *Хиросима* – "ядерная зра" (С.Кондрашов. Блики Нью-Йорка), *Сарданапал* – "тиран" (Шевченко Т.Г. Юродивий), *Сарданапал* – "богач" (Салтыков-Щедрин. Губернские очерки). Кроме того, тождественные или близкие характеристики могут приписываться разным денотатам, что дает возможность онимам с референтными созначениями образовывать синонимические ряды, чаще в пределах определенного контекста:

Бальзаки, Жюль-Жанены, Дюма – "известные писатели" (Некрасов. Жизнь и похождения Тихона Тростникова); *Чикаго, Сан-Франциско* – "крупные города в США" (Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни); *кравчуки, звягельські, дурдинці, пинзеники, шпеки* – "власть предрержащие" (Коммунист, №40); *Брути, Коклеси* – "борцы с тиранией" (Шевченко Т.Г. І мертвим, і живим...); *Saddam Hussein, Muammar Qadhafi* – "безответственные политики" (U.S. News and world report, дек.-январь. 1991 г.). Коннотативные онимы могут развивать отношения синонимии с нарицательными существительными. При этом нарицательное существительное одновременно актуализирует коннотативное значение онима, являясь, таким образом, достаточным семантическим звеном для понимания значения онима, например: *Геркулес и умственный атлет* (Некрасов. Песня о труде); *желтые листки* и "Экономиксы" (Коммунист Донбасса, 29 авг. 1997 г.).

Окказиональные онимы, как известно, имеют более тесную связь с понятием. Для таких СИ характерно расширение объема родового понятия, присущего СИ, которые находятся в аппозитивной связи с определяемым словом – нарицательным существительным, до объема видового понятия с одновременным включением в его состав определенных качеств или свойств денотата имени. Приобретение онимом значения качественного признака позволяет таким СИ образовывать антонимические пары по смысловой противоположности как с нарицательными существительными, так и с СИ, например: *черт* – *Гуммель* – "человек, обладающий талантом от дьявола" – "божественно талантливый человек" (Лермонтов. Вадим); *Garlem-Manhattan* – "трущобы" – "фешенебельный жилой район" (Daily News, 20 окт. 1996 г.). Основой создания антонимических отношений такого рода является в первую очередь наличие объективных связей между денотатами имени, т.е. экстралингвистические факторы.

Узуальные коннотативные онимы, в отличие от окказиональных, менее зависимы от контекста. Переставая быть достоянием образной системы отдельного текста, такие коннотонимы начинают функционировать как интериоризованные образы с расчлененной смысловой структурой. Становясь беднее понятийно по сравнению с "чистыми" онимами и окказиональными коннотонимами, узуальные СИ с референтными созначениями актуализируют тот или иной качественный признак, обозначая то, для чего в языке нет специального номинативного средства, и одновременно служат одним из способов выражения в языке экспрессивности. Таким образом, коннотативные онимы удовлетворяют прагматической и познавательной функциям языка. Значительная часть семантики таких онимов социально закреплена, а в некоторых случаях кодифицирована, например, в словаре Webster в английском языке, в коннотационном словаре собственных имен

Е.С.Отина (см.: Отин, 1986, с.186-191; Отин, 1996б, с.218-232; Отин, 1996в, с.172-186 и др.) и т.д. Обладая общим для всех носителей языка элементом в составе значения, который является обязательным, такие коннотативные онимы утрачивают образную первозданность и из новаторского средства (что свойственно окказиональным коннотативным онима́м) превращаются в художественный стереотип. Коннотативное значение при этом скорее не входит в семантику языковых единиц, а составляет ее. Собственно языковые параметры слова, то есть принадлежность к классу СИ, передвигаются на периферию семантического поля, в результате чего СИ ощущается говорящим то как собственное имя, то как нарицательное. Это, в частности, проявляется в различных способах графического оформления коннотативных онимов (иногда даже в пределах одного контекста): с прописной или строчной буквы, в кавычках или без них. Полной апеллятивации такого рода онимов препятствует тот факт, что в языке параллельно с ними функционируют "чистые" онимы, которые транспонируют свои номинативные характеристики и на СИ с узуальными коннотемами.

Узуальные коннотонимы могут функционировать в пределах одного или нескольких близкородственных языков, а также могут быть достоянием языковой системы неродственных языков. На этом основании можно выделить интралингвальные (внутриязыковые) и интерлингвальные (межязыковые) узуальные коннотонимы.

Основой для появления созначения в интралингвальных коннотонимах являются как внеязыковые реалии (распространенность/нераспространенность имени или формы имени в ономастиконе определенной социальной группы, известность денотата имени), так и собственно языковые характеристики слова (внешнее звукоизображение, звуковой символизм, форма онима).

Так, для большинства коннотативных онимов, начинающихся на букву Ф, которые зафиксированы в коннотационном словаре собственных имен (Отин, 1996в, с.112-124), типа *Фалалей*, *Федора*, *Фетунья* и т.д., основой для появления референтного созначения, наряду с принадлежностью к именнику "простолюдинов", послужила внешняя форма слова, а именно, наличие в составе СИ звука Ф, привносящего в значение онима дополнительную фонетическую коннотацию на основе негативных ассоциаций (ср., например, междометия *Фи!* *Фу!*, передающие отрицательные чувства, глаголы *фыркать*, *фукать*, *фуфыриться*, имеющие сильный отрицательный компонент в составе значения, фразеологизм "сказать свое ф" со значением "выказать неудовольствие" ср. также мену звукоизображения имени *Иван Иванович – Фан Фаныч* (Отин, 1996а, с.114) с вовлечением в создание коннотативного значения онима его внешней формы). Фонетическое значение слов, таким образом, усиливает их лексическое значение.

Можно предположить, что отрицательная коннотация такого рода СИ, принадлежащих именнику русского языка, транспонируется и на онимы типа *Фальстаф*, *Фигаро*, *Фоблас*, которые формируют свое коннотативное значение прежде всего в опоре на образ денотата.

Интерлингвальные коннотонимы актуализируют коннотемы, опираясь на содержательную сторону онима или его узуальные характеристики. По широте употребления их можно разделить на две группы:

Г) Коннотативные онимы, входящие в активный запас языка, т.е. регулярно воспроизводимые в общественном масштабе, что позволяет носителям языка считать СИ словами своего языка. Сюда относятся онимы, которые могут употребляться в языке как в функции коннотонима, так и в функции "чистого" онима, например: *Jack* – "простолюдин" (Webster) / *Jack* – СИ; *John* – "полицейский" (Webster) / *John* – СИ; Азия – "застой, отсталость" (КССИ) / Азия – СИ и т.д.

Для некоторых имен, входящих в данную группу, распространенность имени в именнике является одним из факторов создания и функционирования коннотативного значения, например, коннотативные онимы *Jack*, *John* (в англ. языке), *Иван* (в русском языке) приобрели созначения в опоре на обычность, привычность имени для конкретного социума.

П) Коннотативные онимы, входящие в пассивный запас языка. Большинство СИ такого рода в активном употреблении существуют как коннотонимы, не употребляясь в языке как субститут непознанного. Такие СИ, как *Дон-Жуан*, *Дон-Кихот*, *Ромео*, *Казанова* и т.д. входят в словарный запас носителей языка с закрепленными за ними образами денотата имени, переставая, таким образом, функционировать в качестве произвольных имен. Узуальные коннотативные онимы такого рода, имея в качестве производящей основы литературные онимы, становятся контекстуально независимыми единицами языка. Понятия, сформированные на основе образа денотата, воспринимаются и постигаются носителями языка в отрыве от текста, образной системе которого оним принадлежал изначально. Сейчас уже необязательно читать Пушкина или Мольера, чтобы понять, например, значение СИ *Дон-Жуан*. Таким образом, коннотонимизация способствует актуализации онимов. Без референтных созначений такие СИ не смогли бы активно употребляться в языке. Следовательно, данные коннотативные онимы вводятся в язык индивида как готовые прагматически нейтральные единицы, способные, тем не менее, сохранять при этом значение собственного имени.

Как и окказиональные онимы с референтными созначениями, узуальные коннотонимы проявляют ряд признаков, свойственных апеллятивным единицам. Они развивают синонимические отношения как с нарицательными существительными, так и друг с другом, на-

пример: *Фатюй, Фетюк, Фалалей* (Отин, 1996в, с.113) – "простак, глупец", *Санхо-Панчо* (Некрасов. Необыкновенный завтрак), *Фигаро* (Лермонтов. Герой нашего времени), *Личардо* (Достоевский. Братья Карамазовы) – "слуга"; могут также развивать такой вид вариантных отношений, как омонимия, например: *Тарзан* – "человек, живущий в лесу", "сильный и ловкий человек", "человек, обладающий внешнестью дикаря" [ср.: *Tarzan* – "физически сильный и ловкий человек" (Webster)]. Узуальные коннотонимы теряют фиксированный род, начиная сочетаться с прилагательными и местоимениями как в женском, так и в мужском роде: *львовская казанова* (СПИД-инфо, янв. 1997 г.), *очередной Казанова* (Теленеделя, №47). Наполняясь понятийно, коннотативные онимы, как уже говорилось ранее, расширяют объем родового понятия до объема видового понятия нарицательного существительного, которое их определяет. Это дает возможность коннотативным онимам самим занимать позицию определяемого существительного, например: *Демидург Уолтер Кронкайт* (С.Кондрашов. Блики Нью-Йорка), *геркулес Батисте Пикколо* (Куприн. Дочь великого Барнума), *Goliath Marcello* (Daily News, 20 окт. 1996 г.).

Таким образом, коннотативные онимы, сочетая номинативный аспект значения и коммуникативный аспект, который регулярно или однократно перерастает первый, функционируют в языке как прагматически нейтральные единицы, способные нести качественный признак. Более тесная связь коннотативных онимов с понятием позволяет им вступать друг с другом в различного рода вариантные отношения, меняет их морфологическую, синтаксическую и лексическую валентность. В конечном счете коннотативные онимы либо становятся нарицательными существительными, теряя статус идентифицирующего знака, либо возвращаются в разряд "чистых" онимов, теряя коннотативный аспект в своем значении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. - М.: Наука, 1977. – 366 с.
2. *Отин Е.С.* Развитие коннотонимии русского языка и его отражение в словаре коннотонимов //Этимология.1984.-М.: Наука,1986.- С.186-191.
3. *Отин Е.С.* Вторинна топонімізація конотативних географічних назв // Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Випуск 2 - Донецьк: ДонДУ, 1996. – С.218-232.

4. *Отин Е.С.* Семантическое и словообразовательное освоение в русском языке имен персонажей западноевропейской литературы (из словаря собственных имен, развивших референтные коннотации) // *Античность - XX век: проблемы изучения литературы и языка: Сб. науч. работ - Донецк: ДонГУ, 1996б.- С.172-186.*
5. *Отин Е.С.* Материалы к словарю субстандартной лексики // *Восточно-украинский лингвистический сборник: Выпуск второй: Сборник научных трудов - Донецк: ДонГУ, 1996а.- С.150-165.*
6. *Отин Е.С.* Из коннотационного словаря русских онимов (буква Ф) // *Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск второй: Сборник научных трудов - Донецк: ДонГУ, 1996в.- С.112-124.*
7. *Касьяненко Н.Е.* Окказиональные онимы и отонимные окказионализмы в русском языке: Автореф.: дис. ...канд. филол. наук:10.02.01.-Днепропетровск, 1991.-18с.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. КССИ - *Коннотационный* словарь собственных имен. Автор - Е.С.Отин (машинопись).
2. Webster – *Webster's Third New International Dictionary Merriam-Webster INC., Publishers, Springfield, Massachusetts, USA.*

ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИЗМЕНЯЕМОСТИ ХРОНОНИМОВ

Хрононимы как особый разряд онимов возникают в русском языке еще в доисторическое время, употребляются в языке в древнерусскую эпоху и имеют многовековую историю. Естественно, что с течением времени хрононимы, как и другие лексические единицы, претерпевают изменения и отражают основные этапы развития языка на всех его уровнях.

"Если речь идет о собственно компаративном исследовании, направленном на установление генетических связей какого-либо лексического элемента, в частности собственного имени-эйдонима (термин автора), необходимо исходить, по крайней мере, из четырех критериев: 1) фонологического, 2) морфологического, 3) семантического, 4) контекстуального" [1, с.129].

Материалом для данной статьи явились 186 хрононимов, отмеченных в 11 памятниках древнерусской письменности XI-XVII вв. (см. список условных сокращений). Из них хрононимов, образованных от апеллятивов, которые обозначают важнейшие вехи священной христианской истории, - 33; от агиономов - 144; контекстуальных - 2; связанных с военными действиями - 4; с названиями икон - 3. 81 хрононим употребляется только в одном, 37 - в двух письменных источниках. Особую группу образуют контекстуальные хрононимы, связанные с названиями икон и военными действиями. Они употребляются только 1 раз. Частотность употребления остальных проприальных единиц данного разряда можно изобразить в таблице (см. приложение).

I. При анализе данных хрононимов на фонологическом уровне отмечается:

I. Утрата языком гласных фонем <ѣ> и <ь> и позиционных вариантов [ї], [ѳ] в результате процесса падения редуцированных. Написание это проявляется в следующем:

- во взаимозамене [ѣ] и [ь]: "страстьная недѣля" (НЛМИ), "страстьная недѣля" (НЛМИ, А);

- в выпадении [ѣ] и [ь] в слабой позиции: "в понедѣльникъ страстьная недѣля" (ИЛ), "на вербной недели" (Л-17);

- в переходе [ѣ], [ѳ] → о; [ь], [ї] → е в сильной позиции: "великаго дне въскресения" (НЛМИ), "день Воскресение Христово" (П(Н)Л); постъ великыи" (ПВл), "в пост Великой" (Д), "в постъ великои" (ПСб); "в четверток третии недѣли Петрова поста" (ЛИВ), "на третей неделе Петрова поста" (ЛЛ); "на Въздвижение честваго

Хреста" (НЛСИ), "на праздник Воздвижения честнаго креста" (НЛМИ), "в день бо Въздвигенья" (ПВл), "на Воздвижение честнаго креста" (ИЛ), "в пяток на воздвиженъе честнаго креста" (ЛИВ), "на Воздвижение честнаго креста" (А-Нл, Л-17), "на Воздвижение честнаго креста" (П(Н)Л).

Как следствие процесса падения редуцированных в ряде хрононимов отмечаются следы вторичных фонетических процессов:

а) дизреза: "в недѣлю сыропусную" (ЛИВ), (А-Нл);

б) афереза: "здвигение честнаго креста" (ЛЛ).

2. Дефонологизация <у>, что влечет за собой появление палатализованных вариантов [gʲ], [kʲ], [hʲ] некогда твердых заднеязычных, например: "в день антипасхы" (ПВл) - "въ день антипасхи" (П(Н)Л); "постъ великыи" (ПВл), "в Великий пост" (Д), "в великий постъ" (ПСб), (Л-17).

3. Смешение [ê] и [е] в сильной позиции, что говорит о дефонологизации <ê>, например: "Благовѣшение" (ИЛ), "Благовешенья день" (ПВл), "Благовѣшение" (ЛИВ, ЛЛ), "от Благовѣшениева дни" (А-Нл), "на Благовѣшеніе" (П(Н)Л), "в праздник Благовешения" (Л-17); "Недѣлю цвѣтную" (П(Н)Л), (ИЛ), "неделю цветную" (Л-17); "в Петрово говѣние" (НЛМИ), "до Петрова Заговенья" (ИЛ), "перед заговейном Петровым" (ЛЛ), "в Петровы говейна" (Д).

4. Единичны случаи отражения "акания" в живой разговорной речи: "на святого Патапия" (НЛСИ), но "на память святого отца Потапия" (НЛМИ).

5. Отвердение шипящих [žʲ], [čʲ], [šʲ] незначительно отражается в орфографии: например: "на Иоанна Предтечу" (Д), но "на чюлоторцову память Алексѣву" (ЛЛ), "память святого и благовернаго князя Александра Невского, чюлоторца" (Л-17). Иначе дело обстоит с аффрикатой [сʲ]: уже в довольно ранних памятниках на уровне графики отражается появление ее твердого варианта: "на Успение святыя Богородицы" (НЛМИ), "Успенье Святой Богородицы" (ПВл), хотя в большинстве источников отвердение [с] фиксируется после XVIв., например: "на Рожество богородици" (НЛСИ), "Рожество пречистыа Богородици" (П(Н)Л), "празднество пречистеи богородицы" (Л-17).

6. Список собственно древнерусских фонетических особенностей может продолжить [žʲ] на месте праслав. *dj → ст.-сл. [ždʲ] → др. [žʲ]: "по Рожествѣ Христовъ" (ИЛ), "на Рожество пречистыа Богородици" (П(Н)Л), "на рожество (при параллельном "рождество" в Троицком описке) святого Иоанна Предтеча (НЛМИ).

7. Как фонетический признак старославянизмов выступает так называемое "зияние", случаи которого в текстах возрастают после второго южно-славянского влияния и последующей "правки книг",

например: "на память Иоанна Предтеча" (Л-17), "на Иоанна Предтечу" (при параллельном "на Иванов день" явно под влиянием живой разговорной речи) (Д); "на Семеонова дни" (НЛСИ), "на память святого Симеона Богоприимца" (НЛМИ) (кстати, употребление графических вариантов Семеона и Симеона в одном и том же памятнике (НЛМИ) могло говорить об ассимиляции гласного в первичном греческом варианте слова: Симеон → Семеон - в безударной позиции - как результате усвоения языком чуждой фонетической структуры). К более раннему варианту написания возвращаются писцы XVI-XVII вв.: "с Симеонова дни" (ПСб), "перед Симеоновым днем" (Л-17), хотя: "от Семеня дни", "в 14 день святого священномученика Семиона" (Л-17); "на святого Уакинфа" (НЛСИ), "на память святого мученика Аукинфа" (метатеза), в Троицком и Академическом списках: "Ауакинфа" ("избыточное зияние") (НЛМИ); "до Яковля дни" (НЛСИ), (НЛМИ), но "на память святого апостола Иакова, брата Иоанну Богослову" (ИЛ), "на память святого мученика Иакова Перскаго" (П(Н)Л); "на святого Федора" и "на святого Феодора" (НЛСИ), "на святого Федора" (НЛМИ), "Феодорова субота" (ПВл), "на Феодоровъ недѣли" (ИЛ), "Феодоровы недѣли" (П(Н)Л), "память святого великомученика Феодора Стратилата" (Л-17) и т.д.

II. Кроме того, в хрононимах отразились:

1. Изменения в древнерусской системе склонений имен существительных и взаимовлияние твердой и мягкой разновидностей склонения, например: "на Успенье святыя богородица" (ПВл) - "на Успение святѣи богородици" (НЛМИ), "в праздник всечеснаго успения пречистыя богородицы" (Л-17).

2. Употребление вариантных форм обозначения принадлежности: при помощи притяжательного имени прилагательного либо родительного падежа имени существительного, что имеет свои семантические особенности в сочетании с различными хрононимами. Так, если ядерным словом в хронониме является агнионим, если он выражает значение принадлежности при помощи указанных выше средств, то эти варианты могут быть: а) взаимозаменяемыми: "противу Дмитреевы суботы" (А-Нл), "на Дмитреев день" (ИЛ) и "святыхъ великомученикъ Георгия и Дмитрія" - Р.п.(П(Н)Л), "з Дмитриева дни" (Д); "на память святого хрестова мученика Никиты" (НЛМИ) - Р.п.; "въ Никитин д(е)нь" (ПСб), "на память преподобнаго отца нашего Никиты Исповедника" (Л-17) - Р.п.; "на святого Якова - брата господня" (НЛСИ) - Р.п.; "до Яковля дни" (НЛМИ) (†j); "на память святого апостола Иакова Алфеева" (ИЛ) - Р.п.; "на память святого отца Павла исповѣдника" (НЛМИ) - Р.п.; "на Павловъ день" (НЛМИ); "на Павла-апостола" (ПСб) - Р.п.; б) более предпочтительной оказывается форма

притяжательного имени прилагательного (особенно в названиях постов): "въ Филипово говѣние" (НЛМИ), "Филипово заговѣние" (ИЛ), "в Филипово говение" (Д), "до Филипова посту" (ПСб), "на заговейна Филипово" (Л-17); "въ Петрово говение" (НЛСИ), "в Петровъ постъ" (ИЛ), "петрова поста" (ЛИВ), "перед заговейном Петровым" (ЛЛ), "Петрова поста" (А-Нл), "в Петрово говейно" (Д), "въ Петров постъ" (ПСб); "в пост святыхъ верховныхъ Петра и Павла" - но "в Петров пост" (Л-17); "на святого пророка Илии" - но "на Ильинъ день" (НЛСИ), "на ильинъ день" (НЛМИ, ЛИВ), "на память святого пророка Ильи" - "на Ильинъ день" (ЛЛ), "на Пророка Ильинъ день" (А-Нл), "по Илиинъ день" (Л-17); в) форма родительного падежа оказывается единственной (таких примеров немного; видимо, такая "осторожность" в варьировании говорила о невысокой степени морфологического, а возможно, и лексического усвоения подобных единиц): "на святого Уакинфа" (НЛСИ), "на святого Укинфа" (НЛМИ) (вероятно, это подтверждает и многочисленная фонетическая "переделка" этого бывшего агнонима в тексте: "Акинфа", "Аукинфа", "Ауакинфа", "Укинфа") "на сбор архангела Гаврила" (НЛСИ); "собора архангела Гавриила" (ИЛ), "на собор архистратига Гавриила" (ЛЛ).

Если ядерным словом в хронониме является слово-результат трансонимизации апеллиатива со значением важного события христианской священной истории, то варианты, указанные выше, могут быть:

а) взаимозаменяемыми: "въ день възнесонья господа нашего Иисуса Христа" (ПВл) - Р.п.: "на Вознесениевъ день", "на праздник Вознесения Господня" - Р.п. (ИЛ), "въ день Вознесения Господа нашего Исуса Христа" - Р.п. (П(Н)Л), "в вознесениевъ д(е)нь" (ПСб);

б) более предпочтительной оказывается форма родительного падежа: "в день Въздвиженья" (ПВл); "съ Въздвиженіева дни" (ИЛ); "на въздвижениевъ день" (ЛИВ), "и здвижение честнаго креста" (ЛЛ); "на Въздвижение честнаго креста" (А-Нл), (П(Н)Л), (Л-17);

в) форма родительного падежа оказывается единственной: "от Крещения" (НЛСИ, НЛМИ), "до Крещения" (ИЛ), "после Крещения" (А-Нл), "до Крещенія" (П(Н)Л), "до Крещения Х(ристо)ва" (ПСб).

По всей вероятности, указанные средства передают лишь грамматическое значение принадлежности, семантические же отношения между компонентами хрононима качественно отличаются от таковых между апеллиативами в синтагме. В хронониме грамматически омонимичные с апеллиативными средства обозначения принадлежности передают значение "во имя кого? чего?", а не "чей". Таким образом, одни и те же структурно-грамматические средства в онимах и апеллиативах проецируют различные - в лексико-семантическом отношении - плоскости.

3. Хрононимы могут претерпевать различные изменения, охватывающие не только морфологическую, но и их морфемно-словообразовательную структуру. Например, появление таких вариантов хрононимов, как "Гюргевь день" (НЛсИ), "на Георгиевь день" (ИЛ), "на осеннии Юрьевъ день" (НЛмИ) А.А.Белецкий объясняет как результат "экстрафонетических изменений одного и того же имени" [1, с.15], то есть как результат чисто фонетической замены несвойственных данному языку звуков.

Если рассмотреть варианты "антипаскы" (ПВл) - "антипасхи" (П(Н)Л), то причина их появления представляется несколько более глубокой, чем просто фонетическое воздействие. Вероятнее всего, более древний вариант "антипасха" претерпел процесс псевдопереразложения и выделения в его структуре свойственного для русского языка суффикса -к-, что и привело к замене [х] – [к] и появлению разговорного варианта "паска – антипаска". То, что это был процесс псевдопереразложения (т.е. ложного переразложения), доказывает тот факт, что "к" в структуре данной формы не передает ни одного из выявленных в русском языке словообразовательных значений.

Так же интересно появление вариантов: "къ госпожину дни" (НлсИ, НЛмИ), "по Оспожинѣ дни" (ИЛ), "к Оспожину дни" (ЛЛ), "в Госпожыно говеино", "в Оспожын мясоед" (Д). Наиболее логичным объяснением их возникновения является результат действия процесса "народной" этимологии. Первичный вариант "госпожинь" является краткой формой притяжательного прилагательного, образованного от имени существительного "госпожа (Пресвятая Богородица)". Но время Успения Богородицы и Успенского поста совпадает по календарю со временем жатвы (пожинок). Формальная (фонетическая) близость этих двух слов предопределяет сближение их значений, что ведет за собой переделку фонетической и словообразовательной структуры исконного варианта: жать, пожинки (мотивирующая основа) → госпожинь день (производящая база) → о (предлог) + съпожинь день (мясоед) (производный вариант). Вторичный вариант настолько осваивается носителями языка, что стремится стать узуальным.

III. Хрононимы отражают не только общие языковые законы, но и имеют свои особенности, которые интересно проследить на уровне семантики. Возьмем, к примеру, тот пласт хрононимов, который образован от аппеллятивов, обозначающих важнейшие вехи священной христианской истории. "Словесные обозначения событий христианской священной истории в силу их единичности легко превращаются в онимы. При этом онимизации подвергаются ключевые слова, например: Покров Пресвятой Богородицы → Покров" [3, с.50-51].

Рассмотрим эволюцию хрононима с доминантой "Покров": "на Покровъ святѣя богородица" (НЛМИ), "на Покров святѣя богородици" (ИЛ), "на покровъ святѣе богородици" (ЛИВ), "на праздникъ на Покров пречистой" (ЛЛ) и тут же: "о Покрове" (ЛЛ), "на Покровъ святѣи богородицы" - "после Покрова" (А-Нл), "с Покрова" (Д), "до Покрова" (ПСб). Или хрононимы с доминантой "Крещение": "по Крещении" (НЛСИ), "от Крещение" (НЛМИ), "на Крещение" - "на Крещение господне" (ИЛ), "на Крещение Христово" (ЛЛ), "после Крещения" (А-Нл), "на Крещение" (П(Н)Л), "до Крещения Христова" (ПСб). Данные примеры позволяют прийти к выводу, что хрононимы, образованные от апеллятивов-названий ключевых событий в христианской священной истории, имеют тенденцию перехода от комбинаторного эквивалента (грамматически упорядоченной группы слов) к лексеме. В таком "виде" они и фиксируются в сознании людей.

Особый интерес представляет собой хрононим с доминантой "Рождество":

1) "межи Рожествомъ" (НЛОИ), "по Рожествѣ Христовѣ" (ИЛ), "на Рожество Христово" (ЛИВ), "Рожество Христово" (ЛЛ), "на Рожество Христово" (А-Нл), "отъ Рожества Христова" (П(Н)Л), "Рождество Христово" (Д), "после рожества Христова" (ПСб), "с Рожества Христова" - "по рожестве" (Л-17);

2) "на рожество святого Иоанна Предтечи" (ИЛ), "на Рожество Иоана Предтечи" (П(Н)Л), "на Иоанна Предтечу" - "на Иванов день" (Д), "на память Иоанна Предтеча" (Л-17);

3) "на Рожество богородици" (НЛСИ), "на Рожество пречистые" (ЛЛ), "на Рожество пречистѣя Богородици" (П(Н)Л). В православном христианском календаре данные хрононимы отражены практически в неизменном виде (за исключением фонетической замены древнерусского [z'] старославянским [zd'] на месте *dj). Но в народе они бытуют как "Рождество", "Ивана Купалы", "Рождество Богородицы". Это говорит о том, что с течением времени лексическая сочетаемость хрононимов и их семантическая наполненность также изменяются. Вероятнее всего, имеется прямая зависимость между степенью употребляемости и лексической самостоятельностью хрононима. Так, при обязательном атрибуте в единице "Рождество Богородицы", атрибут в хронониме "Рождество Христово" факультативен. И без него ясно, о чем идет речь, так как в основу номинации положен факт исключительной важности. "Рождество" закрепилось в сознании людей как безусловный хрононим, его переход в апеллятив в данной фонетикоморфемной форме невозможен. Данному хронониму соответствует апеллятив с синонимичным суффиксом – *рождение*. Таким образом, переходя из комбинаторного эквивалента в лексему, хрононим становится семантически более емким.

Вторую большую группу составляют хронимы, образованные от агнионимов (условно словообразовательную цепочку можно изобразить так: антропоним → агнионим → хроним, например: Ирина (от греческого "мир") → святая Ирина → день святой Ирины). Эти хронимы наиболее часто подвергаются народной "обработке", накладке народного (в основе своей языческого) календаря на христианский. Возможно, это объясняется, во-первых, отантропонимной природой хронима, ведь имя человека, хотя и является привычным в повседневной жизни, само по себе уже является тайной; во-вторых, славяне не стали сразу христианами до конца, они еще долго оставались язычниками, а значит, каждый христианский святой должен был выполнять какую-то только ему свойственную "функцию": оберега, осуществлять мечты о счастье, поддерживать связь с природой. С течением времени в сознании людей закрепляются те хронимы, в основе которых лежит либо агнионим исключительной важности, либо если хронологические рамки важного события в жизни святого совпали со временем не менее важного сезонного хозяйственного события. Если этого не происходило, хроним суживал сферу своего употребления.

Что касается объема денотата, то в обоих указанных типах хронимов он увеличивается. Если условно обозначить событие в священной истории или жизни святого как точку на отрезке времени, то хроним увеличивает временную протяженность как минимум до суток.

IV. Многие ученые (в частности, Ф.П.Филин) указывали на неоднородный лексический (и жанровый) состав летописей. Подробно описывая какое-либо интересное (с его точки зрения) событие или давая ему оценку, летописец начинает использовать средства живой разговорной речи, и повествование как бы убыстряется. Возвращаясь в размеренное русло повествования, автор возвращается к средствам письменной речи. Одним из таких средств является употребление хронимов. Названия отрезков времени не только придают повествованию торжественность, но и помогают придать ему особый ритм плавности, замедляют повествование, заставляют читателя задуматься и, с другой стороны, придают сказанному большую объективность и достоверность. Возможно, это происходит благодаря способности хронимов связывать разные временные пласты. Событие в жизни/смерти святого произошло давно, но хроним позволяет пережить его заново (столько раз, сколько полных лет человек жил - снова цикличность), приобщиться к вселенской тайне, осознать, что некогда жил обычный человек, но затем совершил подвиг во имя веры - и стал святым. В хрониме имплицитно заложен один из основных постулатов христианской религии (более частное его проявление можно проследить через каждый конкретный агнионим) - телесная жизнь

бренна, духовная - вечна. Каждый хрононим - это микробиблейский рассказ в свернутой форме. Поэтому если событие реальной, повседневной жизни преломляется через хрононим, совпадает с ним календарно, то и оно приобретает большую важность, конкретность и уникальность.

Возвращаясь к летописным текстам, нам хотелось бы отметить, что самым ровным, размеренным повествованием является повествование в "Новгородской летописи младшего извода", здесь же отмечается самая высокая частота употребления хрононимов - в тексте данной летописи их 124, здесь же встречается 38 уникальных (не встречающихся в других летописных сводах) хрононимов, например: "на память святого отца нашего Мелентѣя архиепископа Мелетиискаго", "на память святого мученика Еупла" и др. В отличие от наименований отрезков времени в народном календаре, которые могут быть связаны максимум "с именами трех святых" [3, с.51], "христианские" хрононимы могут быть связаны даже с именами четырех святых, например: "на память святых апостоль Прохора и Никанора, Симона и Пармена" (ИЛ), "на память святых мученик Назария, Гервасия, Протасия и Келисия" (Л-17). Конечно, такие случаи единичны, более характерной является связь хрононима с именем одного - реже двух святых.

Данная статья не претендует на полноту охвата всех хрононимных пластов. Так, в ней намеренно не охвачены хрононимы, связанные с военными действиями, с чествованием икон, контекстуальные. Они могут стать объектом специального исследования. Здесь также указаны не все, а лишь наиболее интересные и закономерные особенности исторической изменчивости хрононимов, которые хотя и являются одними из наиболее стойких онимных единиц, но все же с течением времени подвергаются некоторым структурно-семантическим, фонетическим и морфологическим изменениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белецкий А.А.* Лексикология и теория языкознания (ономастика). - Киев: Изд-во КГУ, 1972.- 208с.
2. *Введенская Л.А., Колесников Н.П.* Этимология и ее виды.- Ростов-на-Дону, 1986.- 96с.
3. *Першина К.В.* Из наблюдений над русской народной хрононимией // Восточноукраинский лингвистический сборник (Вып.3).- Донецк: Донецчина, 1997, С.48-58.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- А-Нл – Александро-Невская летопись. Полн.собр. русских летописей. Т.29.- М.: Наука. 1965.- 389с.
- Д – Домострой.- М.: Советская Россия, 1990.- 303с.
- ИЛ – Иосафовская летопись. Поли.собр. русских летописей. т.28.- М.:Наука, 1963.
- ЛЛ – Лебедевская летопись. Полн.собр. русских летописей. т.29.- М.: Наука, 1965.
- ЛИВ – Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Полн.собр. русских летописей. т.29.- М.: Наука, 1965.
- Л-17 – Летописцы последней четверти XVII в. Полн.собр. русских летописей. т.31.- М.: Наука, 1968.- 262 с.
- НЛМИ – Новгородская первая летопись младшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.- М.-Л.: АН СССР, 1950.- 640с.
- НЛСИ – Новгородская первая летопись старшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.- М.-Л.: АН СССР, 1950.
- ПВл – Повесть временных лет (по Лаврентьевской летописи 1377 г.) М.-Л.: АН СССР, 1950.
- П(Н)Л – Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Полн.собр. русских летописей. т.9.- Санкт-петербургъ, 1862.-258 с.
- ПСб – Пустозерский сборник. Сочинения протопопа Аввакума.- Л.: Наука, 1975.- 262 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№№ п/п	Доминанта	НЛсИ	НЛми	Пвл	ИЛ	ЛИВ	ЛЛ	А-Нл	П(Н)Л	Д	ПСб	Л-17	Итого	Лексические варианты
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1.	Пасха	4	8	3	7	10	5	8	13	3	3	8	72	Великъ день, на Воскресение господне
2.	Успение Богородицы	5	7	3	4	-	3	-	2	8	-	2	34	Госпожинъ день, оспожинъ день
3.	Великий пост	6	12	1	7	19	8	15	-	9	4	7	88	в великое говѣние
4.	Благовещение	-	-	1	5	5	6	2	1	-	-	1	21	Праздник благовещения пресвятыя богородицы
5.	Рождество Христово	1	-	-	3	1	5	1	3	9	2	2	27	Рождество
6.	Крещение	3	2	-	6	-	3	1	2	-	1	-	18	Крестная неделя, на Крещение Господне
7.	Троицын день	1	2	-	1	2	2	3	7	-	-	1	19	Субота пянтикоствная, святая пятьдесятница
8.	Воздвижение	3	7	1	2	2	1	1	2	-	-	1	20	Въздвижение честваго Хреста
9.	Петров пост	1	4	-	3	9	2	5	-	3	1	3	31	Петрово говѣние
10.	Покров	-	1	-	1	2	3	3	-	7	1	-	17	Покровъ святыя Богородицы
11.	Вознесение	-	1	1	2	-	-	-	2	-	1	-	7	в вознесениев день, на Вознесение Господа нашего Исуса Христа
12.	Спас	-	1	-	1	-	-	3	2	-	-	1	8	Преображение Христово
13.	Введеніев день	-	-	-	4	-	1	-	1	-	-	1	7	на введение пречистой богородицы
14.	Положения ризы	1	1	-	2	-	1	-	-	-	-	3	8	- на праздникъ святыя богородица пояса
15.	Сретениев день	-	-	-	1	1	-	-	2	-	-	-	4	на праздникъ стрѣтениа господа бога и спаса нашего Исуса Христа

1	2	3	4	5	6	7	8	9
16.	Сшествие Святого Духа	1	2	-	-	3	-	2
17.	Чистая неделя	4	10	-	5	-	3	1
18.	сыропустная неделя	4	6	1	4	5	-	4
19.	вербная неделя	6	4	-	3	-	-	-
20.	Страстная неделя	1	5	1	6	-	-	-
21.	Мясопустная неделя	3	3	-	1	3	-	2
22.	Масляная неделя	-	1	-	2	-	1	-
23.	Неделя о блудном сыне	-	-	-	5	1	-	-
24.	Фомина неделя	-	1	1	2	1	-	-
25.	Неделя о мытаре и фарисее	-	1	-	1	-	-	-
26.	на 40 святых	3	8	-	2	2	-	2
27.	суббота Лазарева	1	3	3	-	1	-	-
28.	Семенов день	3	3	-	2	-	1	-
29.	на святого Исаия	-	2	-	1	-	-	-
30.	на Николин день	2	3	-	2	-	5	4
31.	на Петра и Павла	2	2	-	-	-	1	-
32.	Павлов день	1	4	-	-	-	-	-

10	11	12	13	14	15
-	-	-	-	8	на Шествие Святого духа
7	-	1	8	39	великая недѣля
1	-	-	1	26	сырная недѣля
1	-	-	2	16	на вѣрбницу
5	-	-	3	21	цветная недѣля
-	-	-	1	13	мясопусную
1	1	-	-	6	на Масленице
-	-	-	-	6	в неделю о блуднемъ
1	-	-	1	7	Антипаеха, светлая
1	-	-	-	3	в неделю фарисейскую
1	-	-	1	19	на всѣхъ святыхъ, на 40 мученикъ, сорочины
2	-	-	-	10	воскресения Лазарева
-	8	1	4	22	Семеона Столпника Богоприимца
-	-	-	1	4	пророка Исаия, Долмацкого
-	-	-	3	19	до Николина дни осеннего, Мику- лин день, Николы Чюдотворца
7	-	-	2	14	святыхъ апостоль Петра и Павла, 12 апостоль
-	-	1	-	6	на Павла-апостола, исповѣдника

1	2	3	4	5	6	7	8	9
33.	Святой Варвары	1	-	-	-	1	1	1
34.	Святого Федора	3	5	4	4	-	1	-
35.	Петров день	2	6	-	6	-	2	1
36.	на святого Васи- лия	4	7	-	2	-	-	-
37.	на Ильин день	2	1	-	-	2	2	2
38.	Филиппов пост	1	2	-	1	-	-	-
39.	день Георгия	1	1	-	2	-	-	-
40.	день Никиты	-	1	-	-	-	-	-
41.	святого Алексея	1	2	-	2	-	1	-
42.	Архангела Гав- рила	1	2	-	1	-	1	-
43.	на святого Алек- сандра	1	2	-	-	-	-	-
44.	на святого Якова	2	1	-	2	-	-	-
45.	на Михайлов день	1	2	1	-	1	-	1
46.	на святого Ивана	1	8	-	1	-	-	-

10	11	12	13	14	15
-	-	-	1	5	великомученицы Варвары
5	-	-	2	24	святого и великомученика Федора Стратилата, Феодора Тирона
-	1	2	3	23	чюдотворца Петра, святого апостола Петра Съпадение веригамъ
-	-	-	-	13	святого мученика Василиска
-	-	-	1	10	на святого пророка Илии
1	1	1	1	8	Филипово заговѣние
1	-	-	-	5	Гюргевъ день, осенный, Юрьевъ
-	-	1	1	3	Никиты Исповедника
-	-	-	1	7	Алексеѣя челоуѣка божиа, преподобнаго Алексия
-	-	-	-	5	архистратига Гаврила
-	-	-	1	4	Александра Невского, чюдотворца
2	-	-	-	7	до Яковля дни, на святого Якова-брата господня
-	-	-	-	6	на память святого архистратига Михаила
5	2	-	1	18	Иоанна Богослова, Иоанна Златоуста, святого Иоанна Предтечи, Иванов день

1	2	3	4	5	6	7	8	9
47.	Рождество богородицы	2	2	-	-	-	1	-
48.	на Бориса и Глеба	2	1	1	1	-	-	-
49.	День святой Ирины	2	1	-	-	-	-	-
50.	на Дмитриев день	-	-	-	1	-	-	3
51.	на святого пророка Данила	1	1	-	-	-	-	1
52.	на святого Леонтия	-	1	-	-	-	1	-
53.	на святого Тарасия	1	1	-	-	-	-	-
54.	на день святого Сергия	-	-	-	1	-	2	1
55.	Судный день	-	-	-	-	-	1	-
56.	Потоп	-	2	1	-	-	-	-
57.	на святого Пантелеимона	1	1	-	-	-	-	-
56.	на святого Еремея	2	2	-	-	-	-	2
59.	на святого Климента	1	2	-	-	-	-	-

Окончание приложения

10	11	12	13	14	15
2	-	-	-	7	на Рождество святѣи богородици
2	-	-	-	7	святых великомученик Бориса и Глѣба
-	-	-	1	4	святых мученици Ирины, Агапии и Ирины
1	2	-	2	9	святых воликомученикъ Георгіа и Дмитріа
-	-	-	-	3	на святого Данила стѣльпника
1	-	-	1	4	на святого мученика Лентѣя
1	-	-	-	3	на святого епископа Тарасія
-	-	-	-	4	на память чудотворца Сергія
2	1	5	-	9	второе пришествіе
-	-	6	4	13	
1	-	-	-	3	святого мученика Пантелѣимона, великомученика
-	-	-	-	6	на святого мученика Ерміа
-	-	-	1	4	на святого отца Климента, Климен-та

ПСЛ. **ВЪЛДА*/**ВЪЛДЪ* І ЇХ ВІДБИТТЯ В СЛОВ'ЯНСЬКОМУ АНТРОПОНІМІКОНІ ТА ТОПОНІМІКОНІ

Дослідження давньої української антропонімії шляхом етимологічного аналізу має важливе значення для визначення семантики антропооснови, а також для поглибленого вивчення самої апелятивної лексики як базової основи значної частини антропонімів. Такий підхід, який передбачає розгляд антропоніма в певному етимологічному гнізді, дозволяє встановити походження не лише досліджуваної особової назви та її етимона, а й кола споріднених лексичних одиниць, які могли бути мотивуючими для розглядуваної антропооснови.

У цьому плані викликає інтерес антропонім *Байдик* (Федко *Байдикъ*, міщанин), який фіксується в описі Черкаського замку 1552 р. (АЮЗР, VII, 1, 87). У інших доступних нам джерелах аналогічні антропоніми не засвідчені. Однак про ширшу реальність його існування в минулому свідчить похідний ст. рос. антропонім *Байдиков*: Ерш *Байдиков*, каширянин, убитий у 1552 р. під Казанню; *Байдиковы*, XVI-XVII ст., Кашира й Рязань (Весел., 20). У Росії відомі також ойконіми, утворені від аналізованої назви: нп *Байдики* в колиш. Рязанській і Тульській губ., *Байдики Малые* в колиш. Тульській губ., *Байдиково* в колиш. Московській губ. (Vasmer RGN, I, 235). Пор. також споріднений український мікротопонім - поле *Байдичок* (с. Бучак Канівськ. р-н Київськ. обл.; ОКІУМ).

Антропонім *Байдик* наводиться в науковій літературі як ілюстративний матеріал під час аналізу української історичної антропонімії XVI-XVII ст. Дослідники розглядають його антропооснову тільки з семантичного боку, але походження його не з'ясовують¹.

Аналізований антропонім можна безпосередньо пов'язувати з відповідними апелятивами, відомими в східнослов'янських мовах: укр. *байдик* "дерев'яна підставка у вигляді рогульки (розкаряки) під в'їя або дишло" (Яворн., 1, 16), рос. *байдик* "палиця, ціпок, тростина, лозина" (Даль, 1, 38), діал. (донськ.) *байдик* "палиця" (СРДГ, 1, 12), (ряз.) "дрюк" (Дополнение, 4), блр. діал. *байдізік* "1. бандит, 2. безпутна людина, нероба" (Янкова, 44). На цьому етапі встановлення поход-

¹ Див.: Демчук М.О. Слов'янські автохтонні особові власні імена в побуті українців XVI - XVII ст. - К.: Наук. думка, 1988. - 119 с.; *Словник української мови XVI - п.п. XVII ст.* - Львів, 1994. - В. 2. - С.11; *Веселовский С.Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, отчества и фамилии. - М., 1974. - С.20.

ження антропоніма *Байдик* можна було б зупинитися, проте, оскільки в науковій літературі наведені вище вихідні апелювати не мають загальноприйнятної етимології, вважаємо за потрібне з'ясувати їхнє походження. Так, існує думка про запозичення слова *байдик* з угорського **bajd* (**bajdak*) в значенні “куріпка”². Разом із тим, автори “Етимологічного словника української мови”, на наш погляд, слушно пов’язують *байдик* із *байда* “колода, чурбак”, однак на глибший рівень етимології не виходять³. Польський дослідник Ф.Славський вбачає зв’язок *bajdyk* із *bajda* “базика, брехун”, яке в свою чергу походить від дієслова *bajdac* “розмовляти”⁴. Остання версія нам видається непереконливою з погляду семантики, оскільки не зрозуміло, звідки виникло значення “палиця, ціпок, дрюк”.

На наш погляд, цей апелювати можна тлумачити на слов’янському ґрунті: *байдик* < **бълдик*, що сягає базового нсл. **бълдикъ*⁵, який в ході історичного розвитку зазнав певних фонетичних трансформацій: 1) незаконної реалізації групи *ьl / > al* замість очікуваного *-ол- / -ов-*⁶ та 2) зміни плавного *l* в *j*, так звана солодкозвучність⁷. Реконструйоване **бълдикъ* розглядаємо як похідне утворення з суфіксом *-икъ* (у слов’янських мовах виконує демінутивну функцію⁸) від **бълда* / **бълдъ* (де *d* – детермінатив). До цих праформ слід додати також ряд слов’янських лексем, що кваліфікуються дослідниками або як неясні, або як запозичення з інших мов⁹: ст. укр. *байда* “паля, велика загострена колода” (XVII ст., Тимченко, 149), укр. *байда* “видовбаний човен” (Яворн., 1, 16), “велика скибка хліба” (Желех., 1, 10), “скибка, шматок

² Парасунько В.С. До питання про походження виразу *байдики бити* // Наукові записки. Т. XXXIII. - К.: Рад. школа, 1963. - С. 105 - 109.

³ Етимологічний словник української мови. - К.: Наук. думка, 1982. - Т.1. - С.116.

⁴ *Stawski F. Słownik etymologiczny języka polskiego* - Kraków, 1969. - Т.1. - S.25.

⁵ У реєстрі “Етимологического словаря славянских языков” (під ред. О.М.Трубачова) ця праформа відсутня.

⁶ Козлова Р.М. Структура праславянского слова (Праславянское слово в генетическом гнезде). - Гомель, 1997. - С. 15 - 30.

⁷ Козлова Р.М. До етимології імені Аскольдъ (Аскольдь, Оскольдь) // Ономастика України першого тисячоліття нашої ери. - К.: Наук. думка, 1992. - С.105 - 110.

⁸ *Słownik prastłowiański / Pod red. Sławskiego F.* - Wrocław, 1976. - Т. I. - S. 90.

⁹ Див.: Етимологічний словник української мови. - К.: Наук. думка, 1982. - Т.1. - С. 115 - 116; *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. - Мінск: Навука і тэхніка, 1978. - Т.1. - С.277-278; *Етимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. - М.: Наука, 1974. - В.1. - С.140-141; *Этимологический словарь русского языка / Автор-составитель Н.М.Шанский*. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. - Т. I. - Вып. 2. - С. 12.

хліба” (Гр., 1, 20), укр. діал. *байда* (хліба) “шматок, кусок” (Онишкевич, 1, 40), “великий шматок (переважно хліба)” (МСБГ, 1, 14), “шмат, шматок” (Брилін., 11), *байда* “великий шматок хліба, більший від скибки” (Корзонюк, 69), рос. діал. *байда* “висока скеля” (Элиасов, 58), “вид судна, човна” (СРНГ, 2, 53). Цей апелятив простежується й в західнослов’янських мовах, зокрема він відомий в багатьох значеннях у польській мові: пол. *bajda* “окраець, скиба, корито” (SJP, 1, 83), діал. *bajda* I. “1. ноша, яку несуть у плахті на плечах; 2. вид тимчасової колиски з полотнища, зав’язаної на двох киях; 3. фартух (дитячий); 4. про вид зачіски; 5. волоть очерету; 6. розмішана глина”, II. “доросла вівця”, III. “велика скиба; шматок або скибка, окраець” (SGP, 1 (2), 283-284).

Псл. **bьlda/*bьldь* знаходить своє продовження в ряді інших апелятивів, ускладнених різними суфіксами: укр. *байдак* “великий млин на Дніпрі, розташований, як правило, на березі річки, біля великої скелі або скелястого острова” (Яворн., 1, 10), “вільне місце” (Желех., 1, 10), діал. *байдажок* “кілок для розправлення підкрилка ятера” (Дзендз., 38), *байдак* “велика крижина” (Берл., 28), *байдаки* “селезні, що злітаються до гурту, коли качки перебувають із виводками” (Чаб., 1, 58), *байдіха* “кухонний тарган, *Periplaneta orientalis*”, *байдоба* “т.с.” (Верхрат., 34), *байдурка* (сиру) “круг, грудка” (Онишкевич, 1, 40), ст. рос. *байдак* “річкове судно” (СлРЯ XI - XVII ст., 1, 66), діал. *байдак* “саморобний човен у вигляді двох зв’язаних разом дерев’яних корит” (АОС, 1, 93), “рід товстого тесу” (ПОС, 1, 93), “невеликий плавучий водяний млин” (СРНГ, 2, 53), “товста дошка (для підлоги або стелі)” (там же), блр. *байда* стар. “паля” (Носович, 12), діал. “велика скиба чого-небудь” (ТС, 1, 37), пол. *bajdak* “рід водного судна без даху” (SJP, 1, 83), діал. *bajdak* “1. великий човен без даху; 2. Зрізаний стовбур дерева; 3. жердина”, *bajdas* “великий човен без даху” (SGP, 1 (2), 284-287). До наведених слов’янських одиниць, на нашу думку, правомірно додати семантично споріднені: укр. (діал.) *бавда* (в/у < л в результаті української рефлексії сполучення *ьl*)¹⁰ “кілька стручків укупі (у квасолі), грудка, гудз” (ЕСУМ, 1, 77), *балда* “великий молот, велика сокира” (там же), рос. діал. *балда* “1. палиця для гри в гилку; 2. висока незграбна жінка; заросле озеро, в якому багато карасів” (ЯОС, 1, 32), “великий ковальський молот” (Мельниченко, 28), “бияк, молот” (Элиасов, 59), “1. голова, 2. лайл. малорозвинена людина” (АОС, 1, 102), блр. *балда* “нижня ручка поздовжньої пилки” (ЕСУМ, 1, 126), чеськ. *balda* “дрючок; телепень”, слн. *balda* “чурбак, поліно”

¹⁰ Півторак Г.П. Формування і діалектна диференціація давньоруської мови. - К.: Наук. Думка, 1988. - С. 209.

(ЕСУМ, 1, 126), пол. діал. *balda* “мішечок на палиці для затикання димоходу” (SJP, 1, 90). Як видно з наведених прикладів, псл. **blďь-* – багатопланова основа, проте проілюстровану лексику можна об’єднати за спільною ознакою “щось кулястої, опуклої, нерівної форми”. За цією ознакою вона сягає і.-є. кореня **bel-* “кулястий, опуклий”¹¹.

Антропонім *Байдик* – прізвиськового походження. Це лексико-семантичне утворення, що з погляду структури може порівнюватися з сучасними українськими прізвиськами, оформленими суфіксом *-ик*: *Бараник*, *Бобик*, *В’юник*, *Зубик*, *Кізлик*, *Усик* та ін. (Редько СУП, 129). Щодо мотивації антропооснови пор., напр.: укр. *байда* “гулящий, волоцюга” (Б.-Н., 49), “1) гульвіса, безтурботна людина; 2) прізвисько незграбної жінки” (Гр., 1, 20), *байдич* “нероба, ледар, той, хто б’є байдики” (Яворн., 1, 16), діал. *байда́* зневажл. “неповоротка, незграбна людина” (Корзонюк, 69), *байдала́* “нероба, ледар” (Чаб., 1, 58), *байдїй* зневажл. “ледар” (МСБГ, 1, 14), рос. діал. *байда́к* “нероба” (СРДГ, 1, 12), “1. пустун, бешкетник; дурень; 2. ялівка” (СРНГ, 2, 53), *байду́га* “безтурботна людина” (Фасмер, 1, 107), блр. діал. *байда́* “дурень, бовдур”, *байдак* “нероба, гультяй” (ТС, 1, 37), пол. діал. *bajdala* “незграбна, нерухлива, безпорадна в житті людина; нездара, дурень”, *bajdak* “1. нерозторопна людина, 2. людина недорозвинена розумово або фізично; незграбна, нерухлива людина; нездара”, *bajdas* “недорозвинена, наївна дитина; дурень”, *bajdus* “незграбна людина, нездара” (SGP, 1(2), 284-287). В антропооснові *Байдик* основною семантичною ознакою слід визнати вказівку на певні зовнішні вади людини або на вади поведінки. Очевидно, розвиток семантичних значень апелютивів відбувся за схемою: щось кулястої, опуклої форми > повна, товста людина > незграба, вайло > ледар > дурень. Останні два значення виникли внаслідок метонімічного переносу, це т.зв. переносні значення. Отже, семантику антропооснови можна відновити як **“незграба, вайло”* (характеристика за зовнішніми рисами) або **“ледар, дурень”* (характеристика за психічними властивостями). З огляду на проведений аналіз, коло споріднених антропонімів можна розширити за рахунок численних слов’янських особових назв: ст. укр. *Байда*: Марко *Байда*, 1649 р. (Р., 140), ст. рос. *Байда*, селянин, 1545 р., Новгород (Весел., 20), ст. пол. *Bauda (Bawda)*, 1447 р. (SSNO, 1, 110); суч. укр. *Байда* (фіксується у Волинській, Дніпропетровській, Київській, Кримській, Миколаївській, Черкаській обл.; як прізвисько функціонує в Ровенській і Сумській обл.), блр. *Байда* (Бірыла, 34). Цей ряд продовжують антро-

¹¹ Детальніше про це гніздо див.: Козлова Р.М. Некоторые аспекты методики выявления балтизмов в славянских языках // Bałtosłowiańskie związki językowe. - Wrocław - Warszawa - Kraków, 1990. - С.215-227.

поніми, ускладнені різними суфіксами: укр. *Байдак* (1777 р.), *Байдала* (прізвище в Львівській обл.), *Байдан* (Одеська обл.), *Байдацький* (Хмельницька обл.), *Байдаченко* (Київська обл.), *Байдачний* (Чернігівська обл.), *Байдашников*, *Байдецький*, *Байдук* (1095 р.), *Байдюк* (Житомирська й Київська обл.)¹², *Байдич* (Унбегаун, 217); блр. *Байдаў*, *Байдобу*, *Байдук*, *Байдак*, *Байдакобу*, *Байдукобу* (Бірыла, 34), рос. *Байдалин* (Бірыла, 34), болг. *Байдаков*, *Байданов* (Займов, 262; Илчев, 59), *Байдессев*, *Байдюков* (Илчев, 59), ст. пол. *Vaudak* (*Bawdak*), 1423 р. (SSNO, 1, 110).

На слов'янському терені простежуються також географічні назви, пов'язані з наведеними вище антропонімами: в Україні - с. *Байдівка* в Старобільському р-ні Луганської обл. (АТУ-1987, 47), с. *Байдакове* в Онуфріївському р-ні Кіровоградської обл. (АТУ-1987, 157), став *Байдів* (ОКІУМ) і р. *Байдаківка* на Кіровоградщині (СГУ, 29), р. *Байдалів Яр* у Вінницькій обл. (СГУ, 29); у Білорусі - нп *Байдак* у Могильовській обл. (Рапан. Магіл., 23), нп *Байдаки* в Гомельській (Рапан. Гомел., 26) та Мінській обл. (Рапан, Мінск., 27).

Таким чином, проведене етимологічне дослідження на антропонімному та апелятивному рівнях, підтверджує питоме слов'янське походження антропоніма *Байдик* та його вихідного апелятива.

УМОВНІ СКОРОЧЕННЯ

- АЮЗР – *Архив Юго-Западной России*, изд. Временною комиссиею для разбора древних актов. - К., 1859 -1914 (римська цифра означає частину, арабська - том).
- АОС – *Архангельский областной словарь*. - М.: Изд-во МГУ, 1980. - Вып. 1.
- АТУ-1987 – *Українська РСР: Адміністративно-територіальний устрій України на 1 січня 1987 р.* - К., 1987.
- Б.-Н. – *Білецький-Носенко П.* Словник української мови. - К.: Наук. думка, 1966. - 421 с.
- Берл. – *Берлізов А.А.* Лексика рибальства українських говорів Нижнього Подністров'я.- Чернігів, 1959.- 82 с.
- Брилін. – *Брилінський Д.М.* Словник подільських говірок. - Хмельницький, 1991. - 116 с.
- Верхрат. – *Верхратський І.* Нові знадоби до номенклатури і термінології природописної народної. - Львів, 1908. - 84 с.

¹² За матеріалами ономастичної картотеки Інституту української мови НАН України.

- Весел. – *Веселовський С.Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, отчества, фамилии. -М., 1974. - 382 с.
- Гр. – *Гринченко Б.Д.* Словарь украинского языка.- Киев, 1907.- Т.1.
- Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. - М., 1955. - Т. 1.
- Дзендз. – *Дзендзелівський Й.О.* Словник специфічної лексики говірок Нижнього Подністров'я // Лексикографічний бюлетень. - К., 1958. - Вип. 6. - С. 36-54.
- Дополнение – *Дополнение к опыту областного великорусского словаря.* - Спб., 1858. - 328 с.
- ЕСУМ – *Етимологічний словник української мови.* - К.: Наук. думка, 1982. - Т. 1.
- Желех. – *Желеховський Є., Недільський С.* Малоруско-німецький словар. - Львів, 1886. - Т. 1.
- Корзонюк – *Корзонюк М.М.* Матеріали до словника західноволинських говірок // Українська діалектна лексика. - К.: Наук. думка, 1987. - С. 62-267.
- Мельниченко – *Мельниченко Г.Г.* Краткий ярославский областной словарь. - Ярославль, 1961. - 224 с.
- МСБГ – *Матеріали до словника буковинських говірок.* - Чернівці, 1971. - Вип 1.
- Носович – *Носович И.И.* Словарь белорусского наречия. - Спб., 1870. - 756 с.
- ОКІУМ – Ономастична картотека Інституту української мови.
- Онишкевич – *Онишкевич М.Й.* Словник бойківських говірок. - К.: Наук. думка, 1984. - Ч. 1.
- Опыт – *Опыт* областного великорусского словаря. - Спб., 1852. - 275 с.
- ПОС – *Псковский* областной словарь. - Ленинград: Изд-во Ленигр. ун-та, 1967. - Вип. 1.
- Р – *Ресстр* Війська Запорозького 1649 року. - К.: Наук. думка, 1995. - 588 с.
- Рапан. Гомел. – *Рапановіч Я.Н.* Слоўнік назваў населеных пунктаў Гомельскай вобласці. - Мінск: Навука і тэхніка, 1986. - 240 с.
- Рапан. Магіл. – *Рапановіч Я.Н.* Слоўнік назваў населеных пунктаў Магілеўскай вобласці. - Мінск: Навука і тэхніка, 1983. - 240 с.
- Рапан. Мінск. – *Рапановіч Я.Н.* Слоўнік назваў населеных пунктаў Мінскай вобласці. - Мінск: Навука і тэхніка, 1981. - 359 с.
- Редько СУП – *Редько Ю.* Сучасні українські прізвища. - К.: Наук. думка, 1966. - 215 с.
- СГУ – *Словник* гідронімів України.- К.: Наук. думка, 1979.- 780 с.

- СлРЯ XI-XVII – *Словарь русского языка XI - XVII вв.* - М.: Наука, 1975. - Вып. 1.
- СРДГ – *Словарь русских донских говоров.* - Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1975. - Т. 1.
- СРНГ – *Словарь русских народных говоров.* - М.-Л.: Наука, 1966. - Вып. 2.
- ТС – *Тураўскі слоўнік.* - Мінск: Навука і тэхніка, 1982. - Т. 1.
- Унбегаун – *Унбегаун Б.* Русские фамилии.- М.: Прогресс, 1989.- 443 с.
- Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. - М.: Прогресс, 1964. - Т. 1.
- Чаб. – *Чабаненко В.А.* Словник говірок Нижньої Наддніпряниці. - Запоріжжя, 1992. - Т. 1.
- Элиасов – *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. - М.: Наука, 1980. - 471 с.
- Яворн. – *Яворницький Д.* Словник української мови. - Катеринослав, 1920. - Т. 1.
- Янкова – *Янкова Т.С.* Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны. - Мінск: Навука і тэхніка, 1982. - 431 с.
- SGP – *Słownik gwar polskich.* - Wrocław - Warszawa – Kraków, 1981. - Т. 1 (Z. 1).
- SJP – *Karłowicz J., Krynski A., Niedzwiedzki W.* Słownik języka polskiego. - Warszawa, 1902. - Т. 1.
- SSNO – *Słownik staropolskich nazw osobowych.* - Wrocław –Warszawa -Kraków, 1965. - Т. 1, Z. 1.
- Vasmer RGN – *Russisches geographisches Namenbuch / Berg. M.Vasmer.* - Wiesbaden, 1963. - Bd. 1.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО КАК АКТУАЛИЗАТОР КОННОТАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ АНТРОПОНИМОВ

Любой художественный текст всегда прагматичен, так как его содержательная информация и эмоциональная насыщенность направлены на читателя. Реализуется авторская программа-максимум воздействия на читателя (максимум - потому что это конечная цель создания большинства художественных произведений, но следует иметь в виду и существование художественных текстов, не предназначенных для печати) разными средствами, некоторые из которых необычны и даже парадоксальны с точки зрения логики и грамматики. Одним из них является использование собственных имен в форме множественного числа.

К постулату о несочетаемости понятий собственного имени и грамматической категории множественности необходимы некоторые объяснения. Не нуждается в доказательстве определенная консервативность грамматических форм, связанная с тем, что описание именно грамматической системы любого языка основывается на устойчивых законах, больше связано с логикой мысли, а значит, и с абстрактными понятиями. Логическая понятийная система, безусловно, существует в любом другом ярусе языка, но проявляется она в меньшей степени, нежели в грамматике. Грамматические формы более "связаны", они не могут изменяться или варьироваться - за редким исключением - в зависимости от ситуации или желания говорящего, а любое несоблюдение нормы всегда наказуемо: оно приводит к ошибке или к неверному пониманию высказанного. Вот почему грамматические категории изначально лишены способности проявлять выразительность, "художественность", а попытка стать средством образности будет входить в противоречия с грамматическими законами и требованиями языка. Как заметил В.В. Одинцов, "слово всегда существует в какой-то форме: та или иная грамматическая форма как будто не является результатом свободного выбора писателя : когда писатель находит нужное слово, он не выбирает форму, она диктуется законами языка" [7: 28] Проявление собственными именами своего эмоционально-характеризующего потенциала чаще всего связано с актуализацией семантики онимов, с "говорящим" контекстом и т.д., нежели с определенными грамматическими формами.

Таким образом, исследование форм слов менее всего связано с изучением коннотативных возможностей тех же слов. Изучение же функций собственных имен в художественном тексте, напротив, прежде всего связано с их способностью эмоционального воздействия,

которое осуществляется разными языковыми средствами - и грамматическими в том числе, даже несмотря на то, что "грамматические формы с трудом поддаются художественной трансформации" [2: 127]. И в грамматике, как отметил Г.О. Винокур, "во многих случаях возможны такие поэтические значения, которые мотивированы "ближайшими значениями", свойственными данной форме в языке общем" [1: 56].

Уникальная способность языка посредством потенциальных свойств грамматических форм создавать выразительные художественные образы наиболее ярко, по отношению к онимам, проявляется в грамматической категории множественности, которая может быть одним из средств актуализации коннотативного компонента значения антропонимов. Но дело в том, что антропоним, как и любое другое собственное имя, призван обозначать только одно лицо; по словам Е.Куриловича, "... собственное имя, связанное с одним конкретным индивидуумом, принципиально не приложимо к другим индивидуумам. Вместо того, чтобы просто обозначать, собственное имя называет" [4: 252]. Употребление собственного имени в единственном числе - условие его существования, негласный "договор" между участниками коммуникации, ведь иначе просто отсутствует смысл в самом наличии онимов, именно они являются средством конкретизации и индивидуализации какого-либо *одного* объекта. Собственное имя, конечно, не единственный способ указания на определенный объект. Язык обладает достаточными ресурсами для выполнения функции выделения и идентификации: это и дейктические слова, и определенный лексический состав, и различные описательные конструкции, и синтаксические образования. Но использование имен собственных с этой целью, во-первых, самый экономный языковой способ и, во-вторых, он может быть в некоторых случаях и самым выразительным.

Вот почему имя по своему назначению не может и не должно иметь форму множественного числа, если под множественным числом понимать "неопределенное множество однородных предметов" [8: 530]. За собственным именем закреплена форма единственного числа самим языком.

Специфичность любого антропонима состоит, в первую очередь, в выполняемой им функции называния "единичного" денотата, неповторимого и уникального даже тогда, когда одним "фонетическим" именем названо несколько лиц. Обобщающее значение отдельного онима исключено, невозможно по причине совершенно противоположного его функционального назначения. Появление формы множественности (которая и представляет что-либо в обобщающем значении) у антропонимов - свидетельство сдвига в семантике слова, преодоления своей исконной единично-назывной природы, противо-

речит самой сути собственного имени. Такая парадоксальная, неординарная связь (собственное имя – множественное число) и создает условия для проявления именем выразительных возможностей.

В исследованиях по ономастике отмечается отсутствие дополнительного значения у собственных имен, означающих репрезентативное множество, то есть у группы лиц, называемой "по одному из ее представителей" [5: 584]. Речь идет о так называемом эллиптическом множественном числе. Отсутствие коннотации у подобных имен может наблюдаться в случае употребления имени в разговорной речи или в официально-деловом стиле. Тогда, действительно, назначением таких имен будет являться лишь выполнение функции называния нескольких лиц по семейно-родовому признаку, не имеющему никакого другого значения, кроме исключительно официального. Но в художественном произведении каждая деталь (в том числе и имя собственное) может использоваться как средство выражения эмоционально-оценочных значений. И потому антропонимы в эллиптическом множественном числе не только демонстрируют грамматические отношения между словами, не только фиксируют факт существования лиц, связанных одной родовой принадлежностью (эти "паспортные" данные совсем не важны), но, главное, вносят в текст характеризующую информацию. Так, "потомственный рабочий пенсионного возраста", говоря с гордостью о своей семье: "Мы, *Телескоповы*, по механической части, слуги индустрии", имеет в виду, конечно, не родство семьи биологическое или определенные юридические отношения, а объединенность профессиональную, сходство вполне конкретных наклонностей, привязанностей и умений (Зб) (здесь и далее все примеры приводятся из произведений В. Аксенова). А рассказ старого еврея своему внуку о предках, "самарских фон Штейнбоках" (Ож), - об ощущении причастности к духовной общности людей, которое, давая внутренние силы и надежду, помогало выжить не одному поколению. Необычное антропонимическое образование от имени Никита - *Никитяне*, - "Так называли эту часть семейства Градовых" (Мс), также коннотирует определенные признаки, раскрывая дружественные, близкие отношения между любящими друг друга людьми. И "семейство *Харитоновых*" (Пж) воспринимается не как множество разных лиц или лиц, объединенных одной фамилией, а как одно целое.

Увеличивается нагрузка собственных имен в форме множественного числа, причем, не информативная, а экспрессивная, и в случае упоминания автором фамилий знаменитых, известных: "У преподавателей Норвичской школы ...основные русские фамилии: *Осоргины*, *Родзянки*, *Волконские* и даже *Нарышкины*" (Б); Андрей Лучников говорит о встречах "на вторниках у *Беклемишевых*, или на четверггах у *Оболенских*, или на пятницах у *Нессельроде*" (ОК); о героине Марье

Николаевне - "урожденная Якубович, из "тех *Якубовичей*" (Мс): Павел Дуров о себе - "Я, увы, не из тех, знаменитых Дуровых" (Пж): о чемпионе Москвы по боксу Александре Шереметьеве: "не из "тех" Шереметьевых" (Мс).

Таким образом, "обыгрывается" автором и окружается эмоционально-экспрессивным ореолом не просто грамматическая форма множественного числа собственного имени. Отсутствующая в других условиях (официальные документы, разговорная речь и т.п.) коннотация имени, которое называет членов одной семьи и выполняет только функцию выделения, номинации, экономя при этом языковые средства, в художественном произведении открыто проявляется, иногда даже не нуждаясь во вспомогательном контексте. Антропонимы как языковой знак, используя внутренние резервы самого языка, на первый взгляд, не способные к участию в формировании сознания у слова, раскрывают свои выразительные возможности в самых неожиданных формах, в частности, в форме множественного числа.

В произведениях В. Аксенова наибольшую группу образуют собственные имена в форме множественного числа, имеющие обобщенное значение признаков, свойств, которые характерны для множества лиц, не имеющих семейного родства. Значение таких имен и их роль в тексте объяснить не всегда просто, так как многие из них связаны с сугубо авторскими ассоциациями, интерпретация которых будет всегда условной и, скорее всего, не отражающей истинные причины появления этих имен в тексте. Коннотации их не регулируются контекстом, они индивидуальны, субъективно-авторские. Речь идет, например, о следующих онимах: из рассказа о впечатлениях о первом посещении Америки - "Москвич оглядел дымную комнату. Славные рожи *Джонов Уэйнов, Гарри Куперов, Грегори Пеков, Кларков Гэйдлов* весело подмигивали ему" (Нон); Дрожжину снится, что девочки названы *Азалиями*, пять мальчиков *Диего*, четверо *Вадимами*"(36); "В наше время это взморье напоминало Невский в час гуляний. Шествовали отцы семейств, всевозможные *Александры Борисовичи*" (Нг).

Функционирование же других собственных имен, напротив, не только "самодостаточно", но и является своеобразным ключом к пониманию некоторых макроконтекстных связей - связей развернутых, глубоких, предполагающих не только семантическое взаимодействие контактных слов, - то есть эти имена сами собой образуют уникальный контекст. Говоря о возможности создания контекста онимами, мы имеем в виду тот факт, что не всегда контекст создает условия для выражения определенного значения лексическими единицами, но реализация смысла отдельных эпизодов может осуществляться не тогда, когда процесс формирования фразы уже закончен. Участие каждого компонента высказывания, роль его семантики и грамматической

формы (а прежде всего выбор этих компонентов) чаще всего заранее обусловлен его конечной целью. Значение лишь создающейся, будущей фразы уже известно ее создателю, и каждый элемент "работает" на материальное воплощение ее смысла в целом. Не собственные имена нуждаются в контексте для проявления в полной мере своего значения, а своей "квантитативностью" сами создают его, передавая тем самым не только информацию содержательную, фактуальную, но и подтекстовую. Коннотация таких антропонимов как "семантическая модификация значения, включающая в себя совокупность семантических наслоений, чувств, представлений о знаке..." [З: 108], проявляется даже в минимальном лексическом окружении. Дополнительные пояснения к собственным именам в таких случаях не нужны, они сами являются средоточием смысла. Так, писатель Лео Бар после случайного знакомства на пляже с русским думает: "Вот она и Россия, думал Леопольд Бар, покачиваясь и сдерживая стенания, покачиваясь и слушая рассказ об операции. Только еще России не хватало здесь в эту ночь. Все эти дяди Яши и тети Тоси..." (Пж). А восклицание повествователя: "Где ты, мое еврейство? Все эти Гинзбурги, Рабиновичи, Ашкенази" (Нг) может дать повод для развернутых рассуждений о роли конкретных людей и в целом всей нации в культурно-эстетическом воспитании не одного лишь героя произведения. Коннотации вызваны типичными ассоциациями, которые, в свою очередь, обычно стандартны при восприятии таких имен. Контекстная связанность коннотативных значений в данном случае минимальна, в отличие от большинства других коннотаций имен, жестко обусловленных текстом. Тот дополнительный эмоциональный оттенок значения, который собственные имена содержат кроме (сверх) своего денотативного содержания, проявляется потому, что они выступают в большей мере в функции характеристики, а не номинации конкретных лиц и являются членами условного "синонимичного" ряда: писатели, врачи, музыканты и т. д.

Последний пример особенно интересен демонстрацией явления, которому весьма затруднительно дать однозначное объяснение. Так, непросто определить, что первично в подобных случаях: дополнительное эмоционально-экспрессивное значение собственных имен создает условия для "притягивания" к себе синонимов или, наоборот, возможность равноправного их функционирования в синонимическом ряду апеллятивов создает коннотацию. Теория собственного имени и коннотаций не дает оснований для колебаний: безусловно, первично "созначение", приводящее к появлению синонимов, которые имеют ту же эмоционально-оценочную окраску. Но этому утверждению препятствует следующее: изменение восприятия определенной личности вызывает разные синонимичные ряды его характеристик, что сказыв-

вается на появлении совершенно иной коннотации собственного имени данного денотата. Антропоним становится словом качественным, характеризующим, подобным имени нарицательному. Проследить это можно на примерах изменения антропонимного значения (т.е. значения, приобретенного именем от его носителя) собственного имени поэта Демьяна Бедного, политического деятеля М. Горбачева, хорошо известной личности Павлика Морозова и т.д. И потому вполне допускаема возможность привлечения к себе собственным именем ряда синонимичных слов, усиливающих проявление его коннотации.

Способность же антропонимов в форме множественного числа самим создавать контекст подтверждают следующие примеры: в отрывке из книги об Америке говорится о восприятии американцами иностранных имен, хотя понятие "иностраный" для страны эмигрантов само по себе абсурдно: "Американец, встречая в новой книге иностранные имена, откладывает ее в сторону. Забавно для страны, где добрая половина населения состоит из *Джонов Домбровичей* и *Джейн Дзапарелло*" (Б). Сочетание антропонимических лексем - репрезентантов разных наций (Джон и Джейн - традиционные и распространенные имена английские, фамилия Домбрович - славянская, Дзапарелло - итальянская) - является маркированным членом ряда, в который, кроме онима, гипотетически входит немаркированное, нейтральное апеллятивное слово: Джон - американец, Дзапарелло - итальянец и т.д. Примечательно, что замена собственных имен нарицательными словами, называющими национальность, будет равноценной только в информативном плане, эмоционально-экспрессивное содержание фразы при этом полностью утратится. Таким образом, подобные собственные имена в форме множественного числа призваны служить не идентификатором конкретных денотатов, а привлекаются для номинации неопределенного множества лиц, обладающих "набором" некоторых типичных свойств. Грамматическая форма множественности и национальный характер имени, объединившись, и дают возможность метонимического его употребления, приближают его к апеллятиву. Такие онимы, становясь на путь приобретения значения нарицательных имен и "нагружаясь" тем самым дополнительным значением, коннотативны.

Собственным именам вымышленных персонажей, имеющих форму множественного числа, свойственна функция характеристики и оценки в той же мере, что и, например, качественным именам. Но свойство это не является обычным и естественным. Напротив, только некоторые "качественные" имена могут проявить свой коннотативный потенциал, когда соблюдаются условия целостного восприятия художественного произведения, когда собственные имена сами образуют эмоциональный контекст и когда у антропонимов появляется

возможность "подтвердить" свои экспрессивно-оценочные свойства такими же значащими синонимами.

Говоря о выразительных возможностях собственных имен в форме множественного числа, нельзя не остановиться на исторических антропонимах, столь широко используемых в художественных произведениях. Если вымышленным именам, кроме функции индивидуализации, свойственна и функция прагматическая, то исторические имена, прошедшие испытание временем, "которое является необходимым условием для превращения собственного имени в имя-образ" [6: 184], в большинстве своем коннотативны. Форма множественного числа этих имен только усиливает их выразительные возможности.

Воздействие нескольких факторов, а именно: широкая известность имени большому кругу лиц и частая их "повторяемость" (воздействие книг, периодической печати, различных телевизионных передач, кинофильмов) - способствует тому, что определенные качества денотатов воспринимаются либо обобщенно, они кажутся присущими многим другим субъектам, становятся типичными, и потому историческое имя собственное становится и именем-характеристикой, либо свойства денотатов являются уникальными, необычными, и тогда историческое имя становится именем-символом. Следует заметить, что А.В. Суперанская считает возможным включение исторических собственных имен в сообщение на правах семантически значимых, а не только номинативных слов, и говорит об их постепенной апеллятивации, когда они приобретают "некоторую долю интеллектуальной информации, которая бы позволила установить его связь с логико-предметными рядами" [9: 7]. Но, говоря о степени воздействия "интеллектуальной информации" собственного имени на степень его коннотативности, нужно иметь в виду не только объем этой информации, но также интеллектуальный и культурный уровень воспринимающего лица. При отсутствии такого условия исторический антропоним будет нейтральным, не вызывающим абсолютно никакого эмоционального эффекта. Анализ явления смещения лексического значения у исторических онимов в форме множественного числа приводит также к необходимости определить, все ли исторические имена обладают одинаковой "степенью" (объемом) коннотации; какая зависимость между известностью денотата и коннотативным значением его имени; есть ли закономерность появления коннотации у определенных семантических групп исторических имен.

Изучение антропонимикона произведений В. Аксенова позволило выделить следующие группы исторических имен, отличающихся друг от друга объемом коннотативного значения: 1) исторические СИ мифических лиц, отделяемых от современности очень большим отрезком времени - всегда однозначно коннотируемы независимо от

условий их употребления и контекста; 2) исторические СИ политических деятелей - однозначно коннотируемы только в контексте, в других условиях они могут вызывать разные ассоциации; 3) исторические СИ деятелей искусства - или коннотативно окрашены в контексте, или вообще не имеют дополнительного эмоционального значения; 4) исторические СИ литературных персонажей - выполняют лишь номинативно-различительную функцию.

Так, собственные имена *Клеопатры*, *Мессалины* (Знж), *Заратустры* (Нг), *Гомеры* (Нг) в любом контекстуальном употреблении будут иметь только определенные коннотации, у автора они не сопровождаются какими-либо характеристиками или определениями, это обращения или номинации, уже ставшие метафорическими. Обращает на себя внимание тот факт, что мифонимы даже в форме единственного числа имеют символическое значение, например: "...подъехал Зил, из него вышел *Герострат*. В руках нес канистру с бензином" (Пж); о терроре 30-х годов - "как будто ящик *Пандоры* открылся" (Мс); о персонаже Марии Кулаго - *Юдифь* (Ож); обращаясь к придуманному идеальному образу, эталону, Морковников вздыхает: "О *Прометей*", интересна антонимичная номинация встречного прохожего - "*не-Прометей*" (Знж).

Очевидно, что чем более по времени удалены исторические лица, тем больше их имена "обрастают" устойчивой, не изменяющейся коннотацией. Такая стабильная оценочность не всегда свойственна именам современности, фиксированной ономастической семантики в этих случаях нет. Явлению этому можно дать следующие объяснения: во-первых, происходят изменения самих денотатов, что обязательно приводит и к появлению другой эмоциональной окрашенности имени, и, во-вторых, определенные события объективного характера в общественной жизни, в политике и т.д. дают основания для переосмысления недавнего прошлого, что опять-таки сказывается на восприятии имен этого прошлого. А временная удаленность имен древних, мифологических создает непреодолимые препятствия для возможности субъективно их оценить, возникновение новых ассоциативных связей становится невозможным. Такое устойчивое созначение наблюдается практически у всех мифологических имен; в произведениях В. Аксенова они, например, следующие: "Памфилову *Деметры* подбросили удачу"; "На берегу моря видны следы *Ахиллов*" (Нг).

По сравнению с мифонимами, занимающими самую высокую позицию на шкале коннотативности, собственные имена политических деятелей вызывают однозначные ассоциации лишь в контексте. Например, при сопоставлении: американский журналист замечает - "... у *Иосифов* только одна родня в мире - *Адольфы*" (Мс); негативная оценка одного лица усиливается за счет сопоставления с таким же

отрицательным другим. Увеличивается семантическая нагрузка собственных имен в окружении эмоционально окрашенных апеллятивов и в следующих случаях: "...отправлявшие на смерть *Блюхеры, Дыбенки, Беловы, Каширины*", "Повторяются ошибки и у Гитлера. Значит, и там есть бездарности, свои *Ворошиловы* и *Буденные*, и Вильгельм Кейтель, значит, не семи пядей" (Мс); об октябрьской Москве 1993-го года - "Средь ражих детин смертоносцами с профилями *Ильичей* и *Иосифов* неслись комсомолки сороковых и пятидесятых" (Нг); вводя в повествование нового героя с комсомольским прошлым, ставшего бизнесменом, - Павлика Морозова (до него уже встретились "друзья по боевой комсомольской дружине" Павел Власов и Павка Корчагин), автор иронично замечает: "Скажут, у нас тут урожаем на *Павлов* пошел. Ну что же поделаешь, не *Савлов* же считать" (Нг). Подбор имен одиозных личностей, конечно, не случаен, и обусловлен он общей направленностью произведений против догм пропагандистско-коммунистической идеологии, равно как и любой другой, политически ориентированной.

В других случаях обобщающее значение "квантитативных" антропонимов проявляется сложнее, ассоциации при отсутствии четко выраженной авторской позиции могут быть разными, хотя амплитуда их колебаний, конечно, не велика: на стенах кабинета висят "портреты *Дзержинских*" (Нг); "В китайском ресторане можно услышать разговор об экономических санкциях против режимов *Ярузельских*" (Б); восклицание персонажа: "О, *Марксы* живы!" (Пж).

Окказиональные образования, типа: "0, эти кожаные изделия, почему вам выпало отмечать своим размножением исторические вехи России? Сначала большевички, свердловчане, *троцкоградцы*, киргизоподобные *фрунзенята* и *котовичи-ворошилы* явились огромной паровозной гопой, чтобы строить новый мир своих кожаных утопий" (Нг) - по степени обобщающего значения и графическому оформлению можно назвать нарицательными, но глубокая связь с образом конкретного денотата при этом сохраняется.

Семантическая группа собственных имен деятелей искусства включает номинации с контекстуальной окраской и номинации безоценочные. Обобщающее значение первых и создает экспрессивное значение. Эти антропонимы к тому же не только сами являются характеристиками, но характеризуют и номинатора. Так, могущественный чиновник гневно произносит тираду: "Ну, а зачем письма-то писать? - с первыми нотками угрозы, с далеким пока что жаром пролетарской кузницы вопрошает Флегон Афинович. - Зачем сочинять и подписывать эти - вплетается нотка брезгливости - "письма протеста"? Все эти *Синяевские-Даниэли, Гинзбурги-Галансковы*, неужели не надоело?" (Нг). Любители-шахматисты на обращение к ним Владими-

ра Телескопова "*Фишеры! Петросяны! Тиграны!*" с обидой отвечают: "Именами оскорбляют" (Зб). Могут собственные имена выступать и в качестве своеобразного сравнения некоторых свойств денотатов с действующим персонажем: "Афанасий грянул хором, далеким, как сто *Кобзонов и Хилей*" (Ож).

Особую группу образуют слова, графически оформленные как нарицательные. Но полного перехода онимов в совершенно другой категориальный разряд, по всей вероятности, нет. Процесс этот характеризуется противоположными тенденциями. С одной стороны, свидетельствует о принадлежности таких антропонимов к группе нарицательных слов их обобщающее значение, распространяемое на многие объекты, совершенная утрата ими своей основной функции - индивидуализации, что позволяет объединить в одном смысловом ряду неопределенное количество лиц, в обычных условиях не имеющих ничего общего. Наблюдается это явление, например, в следующих случаях: "крупнейший из ныне живущих европейских эссеистов Л. Бар, думая о современной литературе, замечает: "Сейчас этих *жсоргжандов* куча развелась, и иные даже пишут под мужскими псевдонимами. Не удивлюсь, если Эмиль Ажар окажется бабой" (Пж); Савва Китайгородский о новом приятеле своей жены думает: "Может быть, один из этих новомодных советских *хемингуэев*"?" (Мс). Сопутствующий атрибут "эти" актуализирует обобщенность характерологической черты, не оставляет никакой возможности для уточнения и конкретизации, а значит, способствует переходу онима в разряд апеллативов. Никакой информации об обсуждаемом лице нет, не проявляет деонимный апеллатив и индивидуализирующего качества, а не имея этих условий, слово не может претендовать на статус имени собственного.

Но с другой стороны, нельзя не учитывать и тот факт, что на многие объекты проецируется семантика и эмоционально-экспрессивный "ореол" имени лишь одного лица, происходит реализация суггестивных возможностей именно данного онимного слова, связанного, в первую очередь, с единственным и неповторимым индивидуумом. И даже грамматическая форма множественности и графическое изображение "нарицательности" не могут полностью лишить имя связанных с ним денотативных ассоциаций, как, например, и в данных случаях: "Он явно тосковал по прежней жизни, где помнилось ему все то, что было пропето *окуджавами, галичами, висоцкими, верониками долиными*, все то московское, волнующее, непонятное..." (Нг); из несобственно-прямой речи известного хоккеиста, "любимца народа", Левы Малахитова: "Иные злыдни, доморощенные *салъери*, делали вид, что не узнают его, а если и узнают, то плюют на него, что он им уже надоел ... и становилось ясно, какая он важная персона для них, для их отжатой и высохшей жизни" (Зб); "силуэт фигуры исчез, как в

каких-нибудь *ренуарах*" (Нг). Столь часто встречаемое в произведениях В. Аксенова имя писателя-символа 60-х Э. Хемингуэя, безусловно, сохраняет ассоциации, вызываемые уникальностью его личности и таланта, даже в форме множественного числа, и потому нарицательным слово можно назвать лишь условно. В нем проявляется восхищение всемирно известным человеком, недаром "анти-герой" Мемозов, личность неприятная и злобная, отвергает все идеалы и высокие стремления молодых строителей нового города таким необычным образом - посредством имени: "Научный персонал вынесет на свалку всех своих *хемингуэев*. Не смешите меня своим Хемингуэем" (Знж).

Значимо окказиональное образование от имен собственных Толстой и Достоевский в мрачных рассуждениях о России: "Теперь его жгло: Россия, Россия ... - как будто бы что-то бросил на произвол судьбы. Да что мне жалеть о чужой стране? Где они, все эти *толстовские*?" (Пж). Пройдя большой путь развития коннотации, имя собственное как бы окончательно закрепляет ее на последней, наивысшей ступени экспрессивности - в форме множественного числа. Максимальная символическая обобщенность здесь проявляется так же, как в отантропонимических образованиях, сохранивших коннотацию собственного имени. Наибольшую выразительность данное явление демонстрирует, когда онимное слово становится понятием; так, персонаж о подавляющей правящей идеологии и перевернутых представлениях своего поколения с горечью говорит: "В пору нашей юности банный шариковский мир разбух от крови и приобрел черты мрачного незыблемого величия, а удаленное *понятие* "зоценко", как ни крути, было крохотным гнойничком. Понадобилось немало лет, чтобы увидеть спокойную фигуру. Тогда мы признали истинным именно этот мир, мир маленьких спокойных одиночек, мир поэтов" (Ож).

Таким образом, говорить о полном переходе слова из одного разряда в другой преждевременно. Подобные случаи можно квалифицировать, скорее, как тенденцию перехода исторических собственных имен с символическим значением в нарицательные. Неповторимое семантическое своеобразие онимов не исчезает, смысловая "метка" имени денотата является основным компонентом значения нового слова, которое по существу своему не столько новое, сколько преобразившееся "старое", исходное - имя собственное. Назвать такие ситуации не деонимными апеллятивами, а *нарицательным употреблением* собственного имени - значит точнее и объективнее охарактеризовать это явление. Подобные собственные имена прошли все стадии, необходимые для превращения обычного имени в имя-символ или имя-образ: 1) широкая известность денотата; 2) достаточно длительное временное сохранение известности; 3) устойчивость вполне определенных коннотаций онима; 4) возможность имени реализовать

свои эмоционально воздействующие возможности в разных контекстуальных условиях.

Последнюю группу онимов в форме множественного числа образуют имена литературных или кинематографических персонажей. Коннотацию, в отличие от подобных имен в единственном числе (например, из разговора маршалов о затягивающемся открытии Второго фронта: "*Васе Теркину* придется самому отдуваться" (Mc); об особом духе в американском женском колледже: "*Наташа, Соня, Никола, Денисов, Долохов*, весь этот вальс начальных глав "Войны и мира" (Б) и т.п., они не проявляют, а выполняют лишь номинативную функцию. Например: "... в мире бродят славные дурачки - юнги *Билли*, ковбои *Гарри*, красавицы *Мэри* и *Нелли*" (Пж); на народной ярмарке "ренессансных удовольствий", в которой обыватели с удовольствием принимают участие, - "Отелло в джинсах, Гамлет в шортах, Шейлок в гавайской рубашке, а некоторые *Офелии* и *Дездемоны* обнажены самым колдовским образом" (Нон); побывав впервые в американском кинозале, "Москвич глазам своим не поверил: *Уэйны, Пеки, Куперы* и *Гейблы* спокойно спешивались и отпускали своих коней" (Нон).

Таким образом, несмотря на то, что роль грамматических форм в большинстве случаев сводится лишь к оформлению слов, некоторые грамматические категории тоже могут участвовать в создании выразительности текста, но не сами по себе, не просто существованием какого-либо явления как такового, а проявлением его в ситуациях, где оно в обычных условиях невозможно. Маркировка множественности не может быть обычным явлением или случайным, она всегда обусловлена содержанием художественного текста в целом. Антропонимы в форме множественного числа перестают выполнять свое первоначальное назначение - называть отдельное единичное лицо. Имя приобретает значение обобщенности, характеризуя тем самым некоторое множество лиц. Использование таких антропонимов не проходит "бесследно" для художественного произведения, они значимы и являются выразительным средством реализации авторского замысла, создают подтекстовый фон. А смещение лексического значения у исторических собственных имен происходит в сторону приобретения символического значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Г.О. Об изучении языка художественных произведений // О языке художественной литературы. - М.: Высшая школа, 1991. - С. 32-63.
2. Ковалев В.П. Языковые выразительные средства русской художественной прозы. - К.: Вища школа, 1981. - 184 с.

3. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. -192 с.
4. Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Очерки по лингвистике. Сборник статей. - М.: Изд-во иностр. лит., 1962. - С.251-266.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Сов. энциклопедия, 1990. - 685 с.
6. Михайловская Н.Г. Об употреблении собственных иноязычных имен в современной русской поэзии // Имя нарицательное и собственное. - М.: Наука, 1978. - С.180-188.
7. Одинцов В.В. О языке художественной прозы. Повествование и диалог, - М.: Наука, 1973. - 104 с.
8. Розенталь Д.Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. - М.: Просвещение, 1976. - 543 с.
9. Суперанская А.В. Аппеллятив-онома // Имя нарицательное и собственное. - М.: Наука, 1978. - С.5-33.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Б – В поисках грустного бэби. – Аксенов В. В поисках грустного бэби. Книга об Америке. - М., 1991.
- Зб – Затоваренная бочкотара. – Аксенов В. Право на остров. - М.: Моск. рабочий, 1991.
- Знж – Золотая наша железка. – Аксенов В. Золотая наша железка. Юмористическая повесть с преувеличениями и воспоминаниями. - Юность, 1989. -№ 6, 7.
- Мс – Московская сага. – Аксенов В. Московская сага. - Юность, 1991. -№ 5-11; 1992. -№9; 1993. - №3.
- Нг – Негатив положительного героя. – Аксенов В. Негатив положительного героя. - М.: Вагриус. Изограф, 1996.
- Нон – Круглые сутки нон-стоп. – Аксенов В. Право на остров. - М.: Моск. рабочий, 1991.
- Ож – Ожог. – Аксенов В. Ожог. - М.: "Огонек"- "Вариант", 1990
- ОК – Остров Крым. – Аксенов В. Остров Крым. - Юность, 1990. - № 1-4.
- Пж – Поиски жанра. – Аксенов В. Право на остров. - М.: Моск. рабочий, 1991.

ОНОМАСТИКА ПОЕЗІЙ ЛІНИ КОСТЕНКО: ЗБІРКА "ВІТРИЛА"

Свою другу збірку поезій "Вітрила" Ліна Костенко опублікувала в 1958 р. Збірка включає 46 віршів та обсягну поему "Казка про Мару". Серед віршів поетеса скористалася онімами тільки в п'яти творах (11% поезій збірки), застосувавши лише топоніми й антропоніми. При цьому антропонімів на всі вірші збірки ужито всього три, у тім числі й наймення літературного персонажа: "і жартами, достойними *Брюньйона*, перемовлялись древні старики" [3, 23]. Зіставлення веселого героя й оповідача роману "Кола Брюньйон" Ромена Роллана, середньовічного скульптора по дереву, трударя й оптиміста, з тяжкою й плідною працею виноградарів є несподівано доречним. Це - ономастична знахідка.

А два інші антропоніми - то ще один крок до майбутніх "Силуетів" поетеси. Утім, прекрасний вірш "В Париж прибуває поїзд", у якому "безсмертний Віктор Гюго | проводить сина свого" - "хлопця, що вмер від ран" [3, 20], туди не потрапив: відбір поетеси був дуже вимогливим. Зате інший, "Лідія Койдула на чужині" став у "Силуетах" другою позицією [4, 222-223]. Збережено й авторську примітку: "Лідія Койдула - естонська поетеса ХІХ ст. Койдула - в перекладі: вранішня зірка", що містить енциклопедичну інформацію, паралельно роз'яснюючи зв'язок тексту з антропонімом й екзотичну для вкраїнця естонську самоназву країни: "І кажуть, така я світла, | неначе *вранішня зірка...* | Еєсті! Над чужиною | тій зірці сходити гірко" [3, 14].

Цей онім *Еєсті*, ужитий у вірші 4 рази - "І плакала жінка: | - Еєсті! | Країно моя чудесна!"; "Еєсті моя, Еєсті!" (в естонській мові, до речі, початковий голосний цієї назви є довгим, але односкладовим: подвоєння літери е - графічний засіб фіксації довготи), - став найуживанішим топонімом збірки. Шість інших топонімів з'являються тут лише по одному разу. Серед них костенківський улюбленець *Дніпро* та *Карпати*: "Ще над Дніпром клубочиться задуха" [3, 50], "Ой, круто ж ви стали, мої Карпати!" [3, 31]. При цьому макрооронім *Карпати* знаходить у тому ж вірші й оронімічну деталізацію: "Може, кому милозвуччя недосить: | дикі слова і чудні повтори. | Як заспіває - мов заголосить, | чутно від Грегота до Чорногори" [3, 32]. І гора *Грегім* (за сучасною орфографією - *Грегім*, з початковим проривним г), і гірське пасмо *Чорногора* - у межах Гуцульщини (пор. 9, 139, 148), але далеченько одне від одного: дуже вже гучним був "тужливий наспів" гуцулки. Позначення "від Грегота до Чорногори" підключається до вжитого вище слова *милозвуччя*: саме в цьому ключі сприймаються

вжиті поряд назви. Тут маємо онімичне втілення "такого розкошування в звуках, як у Тичини або в Ліни Костенко", про що писав І.Кошелівець [5, 23].

У "Вітрилах" топоніми перевищують використання антропонімів і за вжитками, і за своєю кількістю - сім проти трьох. При тому всі антропоніми та три топоніми (пор.ще: "В Париж прибуває поїзд | зі станції Орлеан" [3, 20]) сягають за межі України. Ліна Костенко починає виходити на позиції своєї онімичної глобальності, що охоплює увесь світ.

Ширше представлені в збірці оніми, які можна дещо парадоксально визначити як невластні. Йдеться про слова *сонце*, *місяць* і *земля*, які теоретично є власними назвами, бо іменують одиничні об'єкти, але в мовній практиці, зокрема і в поетичних творах Ліни Костенко, за всіма ознаками функціонують як назви загальні. Тут зустрічаємо, поряд із *сонцем* та *землею*, також і лексему *місяць*, цілком відсутню у першій збірці поетеси "Проміння землі": "Зрізи на пнях - | наче *місяць* у *повні...*" [3, 24]; "*Місяць* вирізав шпару в небі | ледь *помітним серпом* з латуні" [3, 56]. З'являється вона зі своїм традиційним супроводом (у *повні*, *серп*) й органічно включається у віршові тексти з характерними назвами "Папороть" і "Ніч". Але *сонце* в збірці переважає, освітлюючи аж шість її віршів: "Погасло багаття *сонця*" [3, 7]; "Червоне *сонце* незастиглим зливком | пливе повільно поміж двох степів" [3, 47]; "*сонце* огрядне, з рум'янцем на вилицях" [3, 31]. Принаймні двічі й слово *земля* ужито в сенсі "планета" (а не "грунт"): "Відчуваю | спокійний рух *землі* навколо сонця" [3, 42]; "Розметавши ріки, як руки, | спить земля в м'якому просторі" [3, 56]. Цей образ сплячої красуні-землі, центральний у вірші "Ніч", обростає деталями ("та й відкрилися ніженьки босі і гаряче плече пустелі") і засвідчує глибоке захоплення, ніжні почуття поетеси до світу людей.

Що ж до "Казки про Мару", яку В.С.Брюховецький кваліфікує як "перший великий твір" Ліни Костенко [1, 27], то тут при розгляді ономастичного простору твору слід мати на оці загальну розбіжність функціонування власних назв у віршах та поемах. Передусім ідеться про те, що в поемі, як правило, маємо розгорнений сюжет, низку взаємопов'язаних подій і, відповідно, їх учасників - дійових осіб, персонажів. Вони мають якось іменуватися, і їх іменування треба багаторазово повторювати. Ця обставина ономастично ріднить поеми з прозовими творами. Але те, що в прозі є цілком узвичаєним явищем, у поемі приживається не дуже добре. Проблема онімичних повторень у великому поетичному творі, гадаємо, є вагомим (але кепсько вивченим) чинником побудови ономастичного простору. Кожен поет розв'язує цю проблему в своїй індивідуально-авторській манері, але викликає вона перед кожним. Поема - то поезія, а поезія не терпить по-

вторень, якщо вони не мають спеціального стилістичного, функціонального узаasadнення (яке спостерігаємо, наприклад, у повтореннях фольклорних поетичних текстів). Тут зустрічаємо й розмаїте варіювання номінації, і усунення онімів, і винесення їх за межі тексту шляхом запровадження більших чи менших елементів драматургічної структури. Найявністю персонажів зумовлена й вища імовірність появи в поемі - порівняно з віршем - створених чи дібраних митцем власних імен, що не належать історичним особам чи якимсь іншим реальним денотатам, що є, отже, фіктонімами [7, 30]. "Казка про Мару" убрана у фольклорні шати. Відповідне розв'язання має і її ономастичний простір. Це проявляється і в мінімальному заповненні цього ономастичного простору, і в конкретних онімах, і в типово казковому хронотопі: час дії - "Це було *за царя Тимка*, як земля була тонка - пальцем ткнеш і воду п'єш", з добре репрезентованою у фольклорі формулою вказівки на казкову давнину; місце дії - просто *село* та його околиці: "Край села стояла хатина" [3, 61].

Ономастично позначені лише чотири персонажі цієї поемі-казки: головна героїня *Марися* (так вона названа 27 раз), дівчина *Галя* (згадується 6 разів), яку любив Марисин обранець, та двоє чаклунів, що доклали рук до перетворень Марисі - *Мудра Баба*, чи просто *Баба* (20 разів) і *Дурний Чоловік* (9 разів). Мати Марисі називається просто *мати* (10 раз), *німічна жінка* (1 раз), а той її обранець, "найкращий у всьому повіті, | у повіті | і в цілмі світі" [3, 92] - *хлопець* (5 разів), *парубок* (3 рази). Імена застосовано лише там, де без них обійтися неможливо, а дібрані вони у згоді з фольклорними традиціями.

Особливо ваговитим є ім'я *Марися*. Ця розмовно-побутова форма, типова для сільського антропонімікону, просто вказує на найуживаніше в минулому календарне ім'я. Але саме це ім'я набуває двозначності: "Охрестили дитину - *Марія*. | А прозвали її - *Мара*" [3, 63], бо то "нелюдська дитина знайшлась", "двосликою народилась": "Як поглянеш з правого боку - | то хороше дитя, нівроку. | Личко біле, наче намітка. | Око - сонцем прогріта квітка. | ...Як поглянеш з лівого боку - | ой, потворне ж дитя, нівроку! | Рудувата пляма на скроні. | Ніс без ніздрі. | Повіки червоні" [3, 62-63]. Власне, фонетична близькість онімів *Марія (Марися)* та *Мара* і визначила вибір саме цього календарного імені.

Трагічне перетворення цієї нещасної дівчини полягало в тім, що її потворну зовнішність Дурний Чоловік загнав у душу, яка стала потворною. Українська мова знає і слово *мара* "замазура, неохайна жінка" (це Марися до перетворення), і *мара* "привид, злий дух, що запаморочує людей" (це Марися після перетворення). Етимологи вважають ці два слова, що обидва сягають праслов'янської давнини, генетичне різними, пов'язуючи перше з праслов'янським **marati*, пор.рос.

марать "бруднити", а друге - з *морь*, *морити* (і *мерти*, *смерть*), з чергуванням *о - а*, історично - чергуванням короткого та довгого *о* [8, 204-207]. Ліна Костенко їх поєднала, злила воедино, побудувавши на тому основний конфлікт твору. І тому саме ймення *Мара*, вжите в тексті поеми-казки лише двічі, винесено в її заголовок. У принципі заради поезії можна поєднати що завгодно із чим завгодно. Але в даному разі, гадаємо, інтуїція поета сягнула глибше наукових студій. Чому б то мали з'являтися в мові аж дві різних за коренем *мари*, і обидві погані? Швидше то все ж семантична динаміка одного з походження слова.

Тут ономастична проблема перетнулася з проблемою "поезія і наука", яку В.П.Григор'єв (і не лише він) настійно й успішно прикладає до В.Хлебникова [6, 103-109 та ін.], з'ясовуючи також і український компонент його ідіолекту, у тім числі й автоім'я *Велимир* [2, 200]. В іншій площині і з іншим діапазоном ця проблема виникає і при вивченні костенківської творчості з її глибокою інтелектуальністю та стрімким летом напруженої думки.

Ім'я *Гая* діbrane з настановою на антонімічність, яка в цьому випадкові могла бути виражена тільки фонетичне: "душа у *Галі* ніби сонце, | а у тебе темна й завидюща" [3, 91]. Добір вдалий. Узято популярне в народному ономастиконі і в фольклорі, пісенне ім'я, за будовою і звуковим складом зовсім не схоже на форму *Марися*.

Наймення *Мудра Баба* - це, зрештою, витворений поетесою замінник, описове позначення *відьми*. Адже ця остання лексема походить від давнього *відати* "знати". Пор.: "Зведіть з лица потворність і коросту. | Ви ж *Мудра Баба*, | це вам дуже просто. | - Я *Мудра Баба*. | У-у-у, я дуже *мудра*! | Я *знаю* все, що робиться в природі" [3, 69].

Складніше з найменням *Дурний Чоловік*. Коли Мудра Баба порадила Марисі - "Піди до *Дурного Чоловіка*", та заперечила: "Мудра Баба не допомгла, а дурний чоловік допоможе?!" На це відьма дала розгорнуте пояснення, витлумачивши й наймення: " - Е, то він же не просто дурний. | Глупота його незбагненна. | Уявляєш? | Усе, що мав, - | все геть чисто роздав нужденним" [3, 72]. І далі: "А дурний чоловік надривався, | допомгти усім намагався... | Дивували всі, дивували, | визирали на нього з вікон. | Насміхалися, кепкували | та й назвали *Дурним Чоловіком*" [3, 72-73].

Ця шляхетна людина, альтруїст-інтелігент ("Іде дідок, | немов грибок, | окулярами виблискує" - [3, 80]), подалася на старість в екологи, захисники природи: "Побачиш хату, | дим волохатий - | то Дурний Чоловік звір'ям їсти варить. | ...хто роздавить коника | чи билину розтопче, - | з тим Дурний Чоловік | і говорити не хоче" [3, 74].

І поетеса вибудовує для цього персонажа спеціальне природно-екологічне онімічне оточення: "Ітимеш по дорозі | до *Перехрестя*

Блискавиць | (там, де розчахнута береза | упала на дорогу ниць). | Ити-меш по стежині | до *Трав'яного Туника*, | де стежка тоншає, петляє | і раптом у траві зника" [3, 73-74]. Гра у великі літери перетворює назви оживлених квітів на оніми. На початку твору - "Попідтинню уночі | спали *кручені паничі*" [3, 61] - квіти вже анімалізуються, але ще позначаються звичними загальними назвами (мала літера). Коли ж Марися прямує до Дурного Чоловіка, рослини ніби випростовуються, сміливішають, а їх назви стають власними (велика літера): "Материнка журиться. | Болиголов хмуриться. | Вигріваються Котики. | Насміхаються Ротики" [3, 75]. І далі: " - Сидить і кисне! - | обізвася *Глід*" [3, 75]. А як Марися вже одержала свою потворну душу й обізвала Дурного Чоловіка (якого перед тим іменувала *дідусем*) *нахабою* та *старим луб'ям* (як і згодом Мудру Бабу - *каргою*), рослинне відродження щезає: "Лиш тирса сипалась на трави | і стружка падала на *глід*" [3, 85]. Власна назва *Глід* повернулася до стану загальних: *глід*.

Ліна Костенко не була б Ліною Костенко, якби вже тут, у своїй першій поемі-казці, не виявила ономастичної майстерності й ономастичної специфіки у побудові художнього твору. Фахівці небезпідставно говорять про "недосконалість... першого великого твору" поетеси [1, 27]. Є й психологічна неузгодженість та недостовірність, і певний дидактизм. Але ці зрозумілі недозрілості не сягають ономастичного простору, побудова якого в поемі-казці видається дуже вдалою.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Брюховецький В.С.* Ліна Костенко. Нарис творчості. - К., 1990.
2. *Григорьев В.П.* Грамматика идиостиля: В. Хлебников. - М., 1983.
3. *Костенко Л.* Вітрила. Лірика. - К., 1958.
4. *Костенко Л.* Вибране. - К., 1989.
5. *Кошелівець І.* У хороший Шевченків слід ступаючи...// Василь Симоненко. Берег чекань. - 2-е вид. - Мюнхен, 1973.
6. *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль / Отв.ред. В.П. Григорьев.* - М., 1990.
7. *Теория и методика ономастических исследований / Отв. ред. А.П.Непокупный.* - М., 1986.
8. *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева.* - М., 1990. - Вып. 17.
9. *Hrabec S.* Nazwy geograficzne Nuculsczyzny. - Kraków, 1950.

СТРУКТУРА ТА ФУНКЦІОНУВАННЯ АНТРОПОНІМІВ У НОВЕЛАХ М.ХВИЛЬОВОГО (1921-1923 рр.)

У ранній прозі М. Хвильового превалюють музичні, загалом слухові образи. Перша збірка новел "Сині етюди" включає в себе такі героїко-романтичні новели, як "Солонський Яр", "Легенда", "Кіт у чоботях". Герої-революціонери цих творів захищають завоювання революції не шкодуючи свого життя. Однією з найважливіших проблем для автора була проблема розбіжності мрії й дійсності. А звідси й у його новелах майже завжди два часові плани: непривабливе сьогодення і протиставлене йому омріяне майбутнє або манливе минуле, що відбивається в сюжеті таких новел, як "Синій листопад", "Арабески", "Дорога й ластівка". Усе високе, романтичне, гарне співвіднесене з минулим або майбутнім, лише там вбачає автор пошукуваний ідеал.

Романтичні позитивні герої письменника живуть поза своїм часом, у мріях про ідеальне майбутнє або в спогадах про ідеальне минуле. Марить минулим редактор Карк, болісно прагнучи з'єднати розірвані історичні зв'язки ("Редактор Карк"). Він почувається закинутим у це міжчасся, що потворну дійсність, де можна лише жертвовно терпіти. Так само немає місця в пореволюційній дійсності і Вероніці ("Силуети") та самозреченій чекістці Мар'яні ("Заулок").

Господарями життя виступають невмирущі крамарі й столоначальники. Світ, здавалося, перевернувся й переплавився в революційних огнях, але вони змогли вижити і пристосуватися до нових умов. Саме про них розповідає автор у новелах "Заулок", "Кімната ч.2", "Свиня".

Ідеалом гуманізму, гармонійною світобудовою, де все - заради людини, була для М. Хвильового описана в новелі "Чумаківська комуна" прекрасна "загірна комуна", образ якої зустрічається і в пізніших творах автора.

Музична інструментованість його новелістики помітна і на рівні композиційному, і в синтаксичній будові фрази та діалогу і, зрештою, на рівні слова взагалі та власних назв (далі ВН) зокрема. Ономастичний простір творів М. Хвильового, великий і різноманітний, вбирає в себе одиниці різного порядку, але перевага надається саме антропонімам, які є найбільшим і найвиразнішим шаром поетонімів з усіх секторів ономастичного простору досліджуваних творів. Антропонімикон новел М. Хвильового відповідає узвичаєній побутовій формі назви-

вання осіб на Слобожанщині. Така номінація створює ефект типовості. У досліджених творах працює як внутрішня форма, так і структура антропоніма. Пропонована розвідка дозволяє простежити роль, яку відіграють одно-, дво- і тричленні антропонімічні поетоніми в цих новелах М. Хвильового.

Антропонімікон новел побудований за такими моделями (у порядку частотності): 1 - власні імена (77); 2 - прізвища (49); 3 - ім'я та по батькові (18); 4 - ім'я та прізвища (15); 5 - прізвиська, що інколи дорівнюють прізвищам (8); 6 - ім'я, по батькові та прізвище (1). Дво- і тричленні моделі зустрічаються відносно рідко. І в більшості випадків таке вживання має на меті познайомити читача з діючою особою, дати їй характеристику (найчастіше негативну, проводячи паралелі з відомими героями творів М.В.Гоголя).

Одночленні моделі - найбільший шар антропонімів, що є дотриманням традиційних іменувань літературних героїв і реальних осіб. До складу цієї групи входять власні імена, прізвища і прізвиська. Найчисленнішими серед них є власні імена, які представлені в повній формі та різними варіантами імен.

Проаналізовані антропоніми є порушенням української традиції іменування (традиційно здрибнілі форми імен у народному іменнику витіснили повні та набували їх функцій). Можливо, це можна пояснити мовною ситуацією в Україні 20-30-х років, вживанням "суржика" української та російської мов, яким говорить частина неосвіченого населення і який використовують урядові комунікати та інші офіційні документи. Отже в дослідженому антропоніміконі повних імен - 45 (56%) і неповних - 32 (42%).

Використовуючи повну форму імені, М. Хвильовий вмотивовує її соціально, показує характер персонажа, своє ставлення до нього. Так, ім'я *Марія* є найулюбленішим для автора, ним названі головні героїні новел "Синій листопад" і "Арабески". І кожного разу це уособлення самої революції, авторського ідеалу, героїчної жінки в солдатській гімнастерці, "сіроокої юнки, з багряною полоскою на простріленій скроні" ["Арабески", 6, 319]. Гірка її доля, можливо, через це вона і *Марія* (етимологія цього імені - "гірка").

Герої новел Хвильового-романтика постають перед нами найчастіше як символічні узагальнення, ніж індивідуалізовані характери, що і пояснює застиглу форму цих імен: *Вадим, Остап, Юхим, Сидір, Єпифан, Варфоломій, Варвара, Валентина, Марія, Зоя*. Хоча не можна не помітити ретельної роботи письменника над добором цих імен; кожне з них відповідає соціальному стану персонажів: *Єпифан, Сидір, Христина* - селяни; *Вадим* - комісар бригади, інтелігент; *Валентина*,

Варвара, Зоя, Марія - комуністи, "жінщини революції", які після неї продовжують партійну роботу.

Неповні форми імен найчастіше марковані за соціальними і віковими ознаками. Так імена *Прися, Горпина, Христя* належать жінкам-селянкам, що працюють в місті уборщицями, куховарками тощо. *Стасик, Макс, Дема, Антошка, Володька, Соня, Манька, Стенька, Нюся, Вівдя, Лунька* - так звуть дуже молодих людей або дітей. Для підкреслення фамільярних або ніжних стосунків між персонажами автор використовує імена *Наталка, Наталочка, Зоїчка, Дюнічка, Мар'янка, Юхимушко, Аркаша*. Імена *Юрко* і *Мишко* належать персонажам з яскраво негативною характеристикою, що підтверджується і контекстом. "... В Дамаївці партизани вбили двох комуністів, а Мишко втік.

Із повіту приїхав карний загін. І Мишко знову збирав продподаток, але в Комарівку їздив рідко, бо боязко було..." ["Життя", 6, 128].

І, нарешті, схильність М. Хвильового надавати неповторності суспільно спорідненим словам, яка також служить і для характеристики персонажів, простежуємо на імені *Гапка*. "Отже про глухе слово Гапка. Гапка - глухо, ми її не Гапка, а товариш Жучок. Це так, а то-глухо.

А от гаптувати - це яскраво, бо гаптувати: вишивати золотом або сріблом.

... Гаптований - запашне слово, як буває лан у вересні або травні в сіновалах - трави, коли йде з них дух біляплавневої осоки" ["Кіт у чоботях", 6, 157].

Відштовхуючись від традицій офіційного іменування на прізвища, М. Хвильовий називає тільки прізвищами службовців громадських установ, вчених і літераторів, військових: професор *Канашкін*, товариш *Ларіков*, редактор *Карк*, випусковий товариш *Шкіц*, пан-футурист *Семенко*, комісар *Вольський*, червоноармієць *Коптяев*.

Добре знаючи правила іменування у військовому і літературному оточенні, М. Хвильовий виділяє ці різні групи, об'єднані у даному випадку спільним принципом називання. Він щедрим потоком сипле власні імена, серед яких є українські, російські, іспанські, єврейські, німецькі: "... - народні бунти, селянські повстання, Хмельниччина, Павлик, Трясило"; "... німці, поляки, петлюрівці - ще, ще, ще.... Колчак, Юденіч, Денікін - ще, ще, ще..." ["Життя", 6, 125]; "У церкві співали мелодії з Леонтовича - кажуть він загинув химерне..." ["Шляхетне гніздо", 6, 221]; "філософія Маха, Гегель. Кант..." ["Чумаківська комуна", 6, 225] - усі наведені приклади фраз з однокомпонентними поетонімами, які з'являються на сторінках творів тільки раз, несуть в собі якусь незначну додаткову інформацію і зникають, щоб більше не повернутися. Такі вкраплення прізвищ у канву новели надають їй дос-

товірності. Спрацьовує властивість оніма, виділена В.Д.Бондалетовим, - "підкреслено конкретне називання" [1, 143].

Серед виділених однокомпонентних антропонімів-прізвищ повертають увагу яскраво конотативні: *Яблuchкіна, Петушков, Райський*, які функціонують в сатиричній новелі "Свиня".

У деяких випадках, уточнюючи, про яку особу йдеться, автор додає до прізвища характеризуючий атрибут, добирає відповідне оточення навколо поетоніма: "Про мову моїх творів можна прочитати в професора Сулими" ["Вступна новела", 6, 127]; Онищенко з комнезаму ["Солонський Яр", 6, 183]. Характеризуючий апелює стоїть у перепозиції: *комісар Вольський, панфутурист Семенко, випусковий товариш Шкіц, редактор Карк, професор Канашкін*.

Позицію між прізвищами і прізвиськами займають оніми *Мазій, Бубирець, Зідул*, які виступають єдиним засобом називання, їх на рівних підставах можна віднести і до прізвищ, і до прізвиськ – через їх яскраву конотативність. На жаль, автор в тексті не дає обґрунтування цим поетонімам, навіть приховано, тим більше, що це персонажі другорядні.

Отже, добираючи прізвищну форму номінації, М. Хвильовий виділяє службовців, вчених, літераторів і військових, спираючись на життєвий досвід, знання цих соціальних груп.

Властивість втілювати в тій чи іншій формі соціальну, вікову, національну характеристику, оцінку автором значенності героя у певній соціальній групі або традиційності називання у ній зумовлюють появу двочленної моделі антропонімів. Склад двочленних іменувань несе відомості про способи номінації осіб у різному соціальному оточенні. Ім'ям і прізвищем (прізвиськом) прозиваються, в основному, селяни, незалежно від віку і матеріального становища: *Гордій Прань і Остап Забийворота* - хуторяни.

Називання за моделлю "ім'я та прізвище", характерне для певної частини українського середовища, перш за все селянського, і поширюється, крім селянського, на різні кола міського населення: "наш меценат Раїса Азарх" ["Вступна новела", 6, 127]; "Йосип Гордієнко, спец з Упродкому, завжди виголений і свіжий, немов хлоп'яча ковзалка" ["Чумаківська комуна", 6, 221]; "Іван Іванов - пітерський слюсар, а українську мову знає краще за українців" [там же, 6, 228].

Іншою двочленною формулою - "ім'я + по батькові" письменник користується при називанні інтелігентів і у звертанні до поважних осіб та людей старшого віку: вчитель *Митро Юхимович*, наркоми *Григорій Федорович* та *Сергей Петрович*.

Для того, щоб показати персонажа у сатиричному світлі, автор теж використовує цю антропоформу. Так, міщан, які вміють пристосуватися до будь-яких умов життя, до будь-якої влади, він називає, ніби шанобливо, *Степаніда Львівна* і *Аркадій Андрійович*, *Карл Іванович*: "Христосик Карло Іванович, во благообразії: русява борідка, а в сірих очах смирення..." ["Свиня", 6, 260]. Продовжують ряд сатиричних образів *Анфіса Павлівна* і *Павлина Анфісівна*. Грою цих слів показана однаковість цих міщанок. Однакові не тільки мислення, світосприймання, а навіть антропонімні форми їх імен.

З XVI ст. - періоду становлення прізвищ на Україні – двочленні типи іменування, як правило, склалися з календарного імені яке стояло на першому місці, і слова, що містило в собі додаткову інформацію про цю людину (прізвища-прізвиська). Право ж користуватися іменами по батькові мали лише представники верхівки суспільства. Існує думка (О.В. Суперанська, В.О. Никонов, О.В. Сулова), що наймення по батькові є специфічною особливістю тільки росіян. В новелі "Редактор Карк" М. Хвильовий підтверджує це такими словами: "Григорій Савич Сковорода - так російська інтелігенція любить: Григорій Савич, Ніколай Романович, Владимир Ільїч, Тарас Григорович" ["Редактор Карк", 6, 140].

Отже, як відбиття реальної антропонімії початку XX ст. в антропоніміконі раннього Хвильового зустрічається переважна більшість одночленних поетонімів та поетонімів, що складаються з імені та прізвища.

Таким чином, двойменна антропонімна система новел М. Хвильового представлена двома основними типами:

I. Власне ім'я та прізвище (прізвисько)

II. Власне ім'я та по батькові.

Антропоформула "ім'я та прізвище" виступає у трьох варіантах:

1. Повне ім'я та прізвище: *Аркадій Любченко*, *Іван Іванов*, *Юліан Шпол*, *Леонід Гамбарський*, *Йосип Гордієнко*, *Матвій Юхименко*, *Раїса Азарх*.

2. Особове ім'я у розмовній формі та прізвище: *Олесь Досвітній*, *Олесь Слісаренко*, *Савко Гордієнко*.

3. Особове ім'я та прізвисько: *Остан Забийворота*, *Гордій Прань*.

Належність цих антропонімів до третього варіанту досить умовна. Ними іменуються епізодичні персонажі, і говорити напевно, що власні імена Забийворота і Прань є прізвиськами, як, доречі, і прізвищами, неможна. Але те, що їх вживає стара баба-свекруха, яка,

можливо, продовжує традиції іменування мешканців свого селища, дає нам право кваліфікувати їх як прізвиська.

За свідченнями дослідників української антропонімії, тричленна форма іменування побутувала на Україні недовго і становила атрибут привілейованості. "... Поступово діапазон вживання тричлених іменувань на Україні та в Білорусії було звужено, особливо на західноукраїнській території, яка входила до складу шляхетської Польщі, де діяла двойменна антропонімічна система ", – зазначає Л. Масенко [2, 31]. Для народного середовища властиве сприймання цієї формули як нетипової, панської. Тому навіть при першому знайомстві персонажа з читачем М. Хвильовий подає двочленну антропонімну формулу "ім'я та прізвище" або одночленну, яку подекуди доповнює іншими лексемами: "*Тьотя Бася – фанатичка*", "*професор Канашикін*" або: "Юліан Шпол, автор комедії *"Катина любов, або будівельна пропаганда"*, мовчки ступає за мною..." ["Вступна новела", 6, 123]. Тобто, відреконструюючи свого героя, автор вдається до більш звичних в побуті форм.

Стилю М. Хвильового властивий динамізм. Авторське мовлення не уповільнюється, зупиняючись на докладних описах і характеристиках. Оповідач одразу вводить читача в курс подій, побіжно знайомлячи із своїм героєм. Тому безперечно зайвою була б докладна деталізація, що полягає у називанні по батькові, до того ж за такою формою іменування, яка не є дуже поширеною. Тож вилучається найслабший елемент у називанні персонажа. Тому перевага віддається двочленим іменуванням. Називання за трьома компонентами в досліджених новелах ми зустріли тільки один раз: у новелі "*Арабески*" - *Пульхерія Іванівна Жоха*. Цей антропонім несе на собі смислове навантаження, яке впливає з його етимології (*жох* – розм. "пройдисвіт"). У розповіді, де він з'являється, йдеться про директора видавництва, оточеного підлабузниками і пройдисвітами: "А Пульхерія Іванівна завідує в мене редвидатом... І потім вона така енергійна, така розбитна..."

О, Пульхерія Іванівна не проморгне..." ["Арабески", 6, 318].

Таким чином, склад антропонімікону новел М. Хвильового багатий і різноманітний. ВН тут виконують різні функції, серед яких найголовнішими є номінативна і характеристична. Виявляючи свої ономастичні особливості, антропоніми підпорядковують їх вимогам художнього тексту.

Завдяки високій активності і своєрідним ознакам ВН становлять важливий елемент стилю письменника, його мовної палітри і виявляють при цьому власну манеру ономастичного письма автора. Це виявляється у таких позиціях:

- письменник має тенденцію до вживання антропоформул, властивих Слобожанщині - його батьківщині;
- він часто вдається до антропонімів, побудованих за моделлю реальних онімів, що посилює достовірність оповіді;
- серед антропонімів існують улюблені автором оніми, які він використовує в кількох творах.

Дослідження антропонімікону новел М. Хвильового показало, що письменник свідомо спирається на українську традицію називання осіб. Використання одно- та двочленних антропонімів, тісна взаємодія форм російських та українських антропонімів, засвоєння художнім текстом прізвиськ, подібних прізвищам, свідчать про орієнтацію митця та реальний антропонімікон Східної України 20-30-х років нашого сторіччя. Антропоніми становлять елементи загального ономастичного письма М. Хвильового, яке відбиває мову різних верств населення та мовні особливості того національного середовища, в якому формувався письменник.

Склад антропонімікону кожної новели відповідає вимогам жанру, манері розповіді, загальному спрямуванню художнього тексту, що виявляється у доборі різних антропонімічних формул. Номінативна функція, яку виконують літературні антропоніми М. Хвильового, сприяє створенню своєрідної авторської характеристики персонажа, що виявляється через подану в антропоформі вказівку на вік, стать, соціальну та національну паспортизацію, стосунки з іншими персонажами, авторське ставлення до персонажа тощо.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Бондалетов В.Д.* Русская ономастика. - М.: Просвещение, 1983. - 124 с.
2. *Масенко Л.Т.* Українські імена і прізвища. - К.: Товариство "Знання" УРСР, 1990. - 48 с.
3. *Никонов В.А.* География фамилий. - М.: Наука, 1988. - 192 с.
4. *Суперанская А.В.* Имя через века и страны. - М.: Наука, 1990 - 192 с.
5. *Суслова Т.Д.* Антропонимы в тетралогии В.Т. Катаева "Волны Черного моря" (Антропонимические модели и их функционирование). Автореф. дисс... канд. филол. наук. - Одесса, 1986. - 16 с.
6. *Хвильовий М.Г.* Твори: У 2-т. - К.: Дніпро, 1990. - Т. 1. - 650 с.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОТОНИМНОГО ПРЕФИКСОИДА *EURO-*

Выбор из достаточно широкого спектра значений, связанных с тем или иным деривационным процессом, и закрепление за производными словами лишь определенных смыслов, всевозможные затемняющие первоначальную мотивацию семантические модификации и развитие новых значений создают, в конечном итоге, семантическую уникальность дериватов. Благодаря ей они приобретают статус индивидуальных лексических единиц, семантика которых не всегда укладывается в рамки деривационных правил.

В связи с этим интересно проследить закономерности в развитии деривационных потенциалов, наметившихся у английского префиксоида *Euro-* на синхронном срезе всего в пять лет. Фактическим материалом послужили примеры из английской прессы ("The Guardian", "The Times"). Предпосылкой к развитию словообразовательной активности префиксоида *Euro-*, несомненно, стали его регулярность в образовании новых слов и серьезные экстралингвистические причины, выразившиеся в виде политических, экономических и дипломатических процессов по сближению европейских государств. Префиксоид *Euro-*, в силу своей онимной природы, мог быть также назван "онимным префиксоидом", так как все дериваты, созданные с его помощью, имеют в своем составе сему "принадлежность к европейскому континенту". Автором исследования зафиксировано более 90 дериватов, имеющих в своем составе префиксоид *Euro-*, большую часть из которых составляют онимные окказионализмы (см. приложение к статье).

Каждое реальное, узуальное слово закреплено в языке знаком отдельного фрагмента действительности, а в реальной речи, являющейся отражением этой действительности, определенное слово языка в соответствующей ситуации представляет собой номинативно обязательный факт с точки зрения системы и нормы языка на определенном синхронном срезе. Окказиональное же слово является факультативным, необязательным, не необходимым фактом с точки зрения номинации в указанном выше смысле, так как за таким словом в языковой классификации реальной действительности не закреплен с обязательностью ни один из ее фрагментов. Вот почему авторские окказионализмы в подавляющем своем большинстве остаются на периферии речи. Но мы являемся свидетелями довольно редких случаев, когда новообразование при своем появлении сразу же, без речевой апробации, становится фактом языка. Можно проследить точную датировку их появления. В январе 1996 года стало фактом языка ново-

образование *the euro*, созданное и утвержденное главами стран-участниц Общего рынка в качестве официальной денежной единицы для использования в рамках этой экономической и политической организации: *the euro* (*юро, евр*) должен быть введен в обращение в 1999 году. Таким образом, решение глав правительств о принятии единой денежной единицы в рамках ЕЭС "прописало" префиксид Euro- в языке на правах слова. Этому решению предшествовали дебаты в политических кругах, что нашло отражение на страницах прессы и, соответственно, в языке. Следующие примеры подтверждают это с убедительностью: A possible compromise is that each country might be able to add the name of its own currency to the prefix "Euro", giving rise to the Euro-mark, Euro-franc, the Euro-schilling (Возможным компромиссом может стать то положение, при котором каждая страна сможет присоединить к названию собственной валюты префикс Euro-, вызвав к жизни Евро-марку, Евро-франк, Евро-шиллинг.- Daily Telegraph, December 18, 95). Наиболее ярые противники введения единой валюты приводили, по их мнению, убедительные доводы, свидетельствующие о пагубности данной финансовой операции: ...anything starting with "Euro" has been a disaster, from Euro-tunnel and EuroDisney to EuroLeisure and Eurocore (...любое начинание, имевшее в своем названии префикс Евро-, было неудачным, взять, к примеру, Евротоннель через Ла Манш и ЕвроДисней-ленд, Евроотдых и Еврокопирование.- Daily Telegraph, May 13, 95). Рядовые англичане выражали свое отношение к введению единой валюты в многочисленных письмах и заявлениях в редакции газет, задавая один и тот же традиционный вопрос: So is there any reason to cast away the pound we know for the euro we don't? (Есть ли смысл отбрасывать в сторону фунт стерлинга, которому мы доверяем, и заменять его на совершенно ненадежный "евр"?- Daily Telegraph, 5. 1. 95.).

Предвыборная борьба, развернувшаяся в Англии в 1997 году между консерваторами и лейбористами, широко освещалась в прессе. Противники обменивались неллицеприятными замечаниями в адрес лидеров двух главных политических партий. Нас, естественно, не могла не заинтересовать лингвистическая сторона этих прений. Вот один из примеров, наиболее ярко освещающий накал политических страстей:

Vote, vote for Tony Blair (The Times, April 5, 97)
 Chuck old Major out the door –
 If it wasn't for the Law
 I would punch him on the jaw,
 As we don't want Euro-euro-Major any more.

Неизвестный автор этих стихотворных строчек призывает избирателей голосовать за Тони Блэра, не забывая при этом "выставить надоевшего Мэджера за дверь и свернуть ему набок челюсть", так как народ более не желает видеть сторонника объединения Европы и введения евра. Уникальное компактное окказиональное образование Еуго-еуго-Мажог возможно перевести на русский язык, к сожалению, только описательным способом, что не передает заложенной в нем экспрессивности, усиливающейся за счет повторения слов Еуго в значении "сторонник объединения Европы" и еуго в значении "сторонник введения единой валюты".

Прочно завоевав в течение пяти последних лет свое место в лексиконе, образование еуго стало развиваться в соответствии с лингвистическими законами, демонстрируя при этом общие для словообразовательных процессов закономерности, а именно, - способность к образованию по продуктивным моделям новых окказиональных языковых единиц. Например: They determined to prevent the anti-euro manifestos. (Они намеревались предотвратить появление публикаций, направленных против евра. - Daily Telegraph, December 5, 96); I is also reliable reported that Mr. Major would prefer to rule out euro- entry in the next Parliament (Как стало известно из надежных источников, М-р Мэджер сообщит о разработанных правилах перехода к единой валюте - евр - на следующем заседании Парламента. - Daily Telegraph, December 5, 96). The vast majority of people, and all but three Cabinet ministers agree to a non-euro commitment for the next Parliament (Подавляющее большинство людей и все министры Кабинета, не считая троих, согласны, что при обсуждении этого вопроса в Парламенте необходимо занять твердую позицию, направленную против введения евра. - Daily Telegraph, December 5, 96).

Когда в 1820 году английский поэт Колридж ввел в обиход новообразование "mammonolaty" - *поклонение маммоне* (богатству), он не предполагал, что это слово не только войдет в состав английской узуальной лексики, но и что в конце XX столетия по этой же модели будет создан окказионализм еуго+olaty (евр + *идолопоклонничество* = *европоклонничество*): The German central bank went to war with the Kohl government over the euro-olaty (Центральный банк Германии "пошел войной" на правительство Коля, которое стало "европоклонником" - The Guardian, May 29, 97). И хотя компонент -olaty не зафиксирован ни одним словарем в качестве аффикса, можно отметить, что у этой морфемы появились потенциальные возможности пополнить список словообразовательных средств (об этом свидетельствует еще один пример, который будет приведен ниже) [1, с.1514].

Новообразование еуго входит в состав многочисленных атрибутивных образований, в которых выполняет роль препозитивного оп-

ределения, причем слово *euro* может на письме отделяться дефисом, а может и нет; этот факт дает право утверждать, что атрибутивный комплекс стоит на грани сложного слова: *But only countries that had signed up the monetary unit would be subjects of euro-zone* (Но только страны, подписавшие договор о единой валюте, могут стать субъектами евро-зоны. - *The Guardian*, May 29, 97); *The eurobanknotes have been designed by famous painters* (Евробанкноты были разработаны лучшими художниками. - *The Guardian*, May 27, 97) [2, с.129].

Экстралингвистические причины, которые обусловили появление новообразования *euro*, обозначающее единую европейскую валюту, послужили также толчком и для развития полисемантической у отонимного префиксоида *Euro-*, который стал функционировать в языке в качестве полноценного слова. Теперь словом *Euro* именуют также и сторонников объединения Европы: *The Euros have various arguments, all of them very bad* (Сторонники объединения Европы имеют различные аргументы, но все они плохи. - *Daily Telegraph*, May 4, 97). Лучшим доказательством того, что префиксоид *Euro-* стал частью лексикона, является употребление определенного артикля *the* и показателя множественного числа - окончания *-s*, которые представляют собой главные формальные признаки такой части речи, как имя существительное. И наконец, оформление слова *Euro* морфемой *'s* - показателем родительного падежа - убеждает в правомерности отнесения новообразования *Euro* в значении "сторонник объединения Европы и введения единой валюты" к лексикону, принятому языковым коллективом: *But the Euros's principal argument is that all British politicians since Gladstone have been lamentable custodians of the British currency.* (Но главный аргумент сторонников объединения Европы состоит в том, что все британские политики со времен премьера Гладстоуна были никчемными опекунами английской валюты. - *Daily Telegraph*, January 4, 96).

Новообразование *Euro*, помимо денотативного значения, может иметь и коннотативные созначения и выражать различные эмоциональные и экспрессивные оценки, используя словообразовательные элементы, которые обладают значением оценочности. Например, суффикс *-let* имеет коннотативное значение уменьшительности, пренебрежительности, которое переносится и на слова, образующиеся по модели с этим суффиксом: *We were wrong to talk in terms of Eurolets* (Мы были не правы, употребляя терминологию жалких Евросторонников. - *Daily Telegraph*, December 3, 97). Образование *Euro*, обозначающее "сторонников объединенной Европы", легко образовало по существующей модели *N + N* сложные слова *Euro-ins* и *Euro-outs*: *The relations between the so-called the Euro-ins and Euro-outs are quite clear* (Отношения между так называемыми сторонниками объединения Ев-

ропы в Парламенте и в партии оппозиции достаточно ясны. - Daily Telegraph, December 16, 97). Эти же слова обладают полисемантической, если образуются по другой модели - N + prep: The summit will consider the-views of the Euro-outs and Euro-ins (Встреча на высшем уровне будет рассматривать взгляды сторонников и противников объединения Европы. - Daily Telegraph, December 14, 97).

Совершенно неожиданным было появление в лексиконе новообразования *euro*, обозначающего подвид кенгуру, выведенного путем селекции в Австралии. Экстралингвистические "отголоски" непрекращающегося процесса за объединение Европы достигли далекого континента и стали главной причиной и мотивацией при наименовании кенгуру, выведенного в результате объединенных усилий многих фермеров. We see a small variety of kangaroo called a euro (Мы видим небольшое количество кенгуру, названных *euro*. - The Times, April 5, 97).

Интересным, на наш взгляд, является сочетание онимного суффиксоида *Euro-* с различного рода морфемами (компонентами), обладающими свойствами аффикса и конкретными лексическими значениями: *idoltry*, *phoria*, *phobia*, *schism*, *nomics*, etc. Например: Mr. Clinton slightly spoiled the mood with a tribute to John Major with his Euro-idoltry, but not even that stopped Mr. Blair smiling (М-р Клинтон слегка испортил общее настроение, отдав должное Дж.Мэджеру с его европоклонничеством, но даже этот факт не смог заставить М-ра Блэра прекратить источать улыбки. - The Guardian, May 30, 97); Throughout the continents the Europhoria of Maastricht 92 has become the Europhobia of 96 (На всех континентах евроэйфория после подписания Маастрихтского договора 1992 года сменилась на еврофобию 1996 года. - Times, April 3, 97); The Pioneers of Euroschism have seen it all before (Все, кто стоял у истоков "евроереси-", предвидели это заранее. - The Guardian, April 3, 97). Как видно из вышеприведенных примеров, отонимный префиксоид *Euro-* обладает широкими сочетаемостными возможностями при создании потенциальной лексики.

Известно, что на каждом языковом уровне расхождение между традиционно и ситуативно обозначающим проявляются по-разному. Для фразеологии эта специфика связана с авторскими преобразованиями фразеологических единиц. На примерах окказиональных фразеологических единиц, использующих в своем составе отонимный префиксоид *Euro-*, можно проследить заметное "оживление" идиом вследствие разрушения семантической монолитности фразеологизмов [3, с.167]. В политическом лексиконе уже закрепились такие понятия-термины, как *Euro-fanatics* (еврофанаты - сторонники объединения Европы) и *Euro-sceptics* (евроскептики - противники объединения Европы): In government Labour will be split between Euro-fanatics and

Euro-sceptics (В правительстве лейбористы разделятся на еврофанатов и евроскептиков. - Daily Telegraph. December 18, 97). Появление в газетной лексике фразеологического единства Major plays Euro-sceptic card (Мэджер разыгрывает евроскептическую карту. - Daily Telegraph, April 4, 97) не вызывает удивления, так как читатель уже подготовлен к восприятию этого авторского преобразования фразеологической единицы. Ее авторское преобразование весьма действенно и при создании комического эффекта: The Eurosceptic-in-Chief started his election tour in the Midlands (Главнокомандующий от евроскептиков начал свой предвыборный тур с центральных графств Англии. - The Times, May 22, 97); As with his Beethoven biography Immortal Beloved, the film has that Euro- pudding taste (Что касается экранизации его книги "Бессмертный любимец" (биография Бетховена), то картина отличается несомненной европудинговой тяжеловесностью" - цитата из рецензии американского критика на фильм совместного производства Англии и Германии. - The Times, May 22, 97). Ирония, заключенная в окказионализме Europudding, основывается на аллюзии pudding taste - 'глупый выбор; тяжеловесное рассуждение; вязкий, как пудинг'.

Идея объединения Европы стала причиной оживления в языковом творчестве. Появилось немало сторонников создания нового международного искусственного языка - Europanto: Based on the idea of Esperanto, Europanto is intended as an expression of the ideal of the united Europe (Основываясь на идее Эсперанто, Европанто является выражением идеала объединенной Европы. - The Guardian, April 30, 97).

Суммируя все вышеизложенное, можно сделать вывод, что вошедшие в словарный состав (institutionalized) и принятые языковым коллективом производные слова образуют две группы производной лексики, границы между которыми диффузны и подвижны. Одну из них составляют слова, во всех своих аспектах отвечающие продуктивным правилам словообразования и не нарушающие регулярность деривационных процессов; во вторую группу входят дериваты - исключения из этих правил, причем "исключающей" слово из правила может оказаться любая - морфологическая, семантическая, синтаксическая, фонологическая его сторона, отражающая нерегулярность словообразования. Слова первой группы не требуют для своего описания специальных словарных статей, так как вся необходимая для их порождения и распознавания информация заложена в уже имеющихся в словаре описаниях производящих основ, аффиксов и соответствующих лексических правилах, фиксирующих продуктивные деривационные процессы. Этой же информации явно не хватает для того, чтобы получить достаточно ясное представление о структуре, семантике и синтаксических свойствах дериватов второй группы, куда могут быть занесены производные, имеющие в своем составе отонимный

префиксоид *Euro-*. Корреляция же узуальных и окказиональных слов составляет в общей своей совокупности тот лексический фонд, в котором хранятся наши знания о мире и из которого в процессе коммуникации происходит выбор единиц, необходимых для выполнения коммуникативных потребностей.

Синхронный срез глубиной всего в 5 лет в бурной истории развития полноценного лингвистического значения у отонимного префиксоида *Euro-* позволяет утверждать, что новообразование *euro* для обозначения единой валюты потеряло онимный характер, подтверждением чему может служить изменение в написании: *The Euro* - *euro* и может быть причислено к узуальной апеллятивной лексике.

Собранный нами корпус примеров может послужить лексикографическим материалом для составления словарной статьи, описывающей новообразования, которые содержат отонимный префиксоид *Euro-*, и новообразований, функционирующих в языке уже в качестве самостоятельных лексических единиц. Словарная статья может иметь следующий вид:

<i>Euro</i> I	сторонник объединения Европы.
<i>Euro-in</i>	1. сторонник объединения Европы в правящей партии; 2. сторонник объединения Европы.
<i>Euro-out</i>	противник объединения Европы в оппозиционной партии; противник объединения Европы.
<i>euro</i> II	1. название единой европейской валюты; 2. название подвида кенгуру, выведенного путем селекции в Австралии.
<i>Euro-</i> III	отонимный префиксоид; образует разные части речи, имеющие в своем составе сему "принадлежность к европейскому континенту".

Каждое слово, которое имеет в своем составе префиксоид *Euro-*, становясь компонентом фразеологического сочетания, приобретает двойственную сущность: оно входит в состав структурно и семантически сложного целого, сохраняя при этом потенциальные качества самостоятельной лексической единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, Jan Svartvik. A Comprehensive Grammar of the English Language. Longman, London & N.Y., 1979.*
2. *Potter S. Changing English. Andre Deutsch, 1975.*
3. *Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. - Л.: Просвещение, 1973.*

SUPPLEMENT:

1. Euroagnostic;
2. Eurobank;
3. Eurobanknote;
4. Eurobasher;
5. Eurobimbos;
6. Eurobonanza;
7. Eurobureaucracy;
8. Eurocapital;
9. Eurocash;
10. Euroconsciousness;
11. Eurocrat;
12. Euroclub;
13. Eurocritic;
14. Eurocoin;
15. Eurocurrency;
16. Eurocrisis;
17. Eurocrisis;
18. Eurocharm;
19. Eurocredulousness;
20. Eurodebate;
21. Eurodivide;
22. Eurodeficit;
23. Eurodisney;
24. Eurodinosaurs;
25. Euro-dragon;
26. Euro-dissenter;
27. Euro-emblem;
28. Euro-enthusiast;
29. Euro-eye;
30. Euroeuphoria;
31. Eurofanatic;
32. Euro-fanaticism;
33. Euro-federalism;
34. Eurofest;
35. Eurogloom;
36. Euro-gateway;
37. Euro-hero;
38. Euroholic;
39. Euro-idealism;
40. Euro-ins;
41. Euro-outs;
42. Euro-idolatry;
43. euroolatry;
44. Eurojargon;
45. Eurologo;
46. Euroleague;
47. Euromood;
48. Euromanager;
49. Euro-minded;
50. Euro-Mp;
51. Euro-metaphor;
52. Euronightmare;
53. Euronomics;
54. Euronaut;
55. Euro-ogre;
56. Euro-phobia;
57. Europhoria;
58. Europartner;
59. Europhiles;
60. Europlan;
61. Europrobabilities;
62. Europanto;
63. Europolicy;
64. Europudding (taste);
65. EU-rope;
66. Eurorebel;
67. Eurorule;
68. Euroregion;
69. Euro-rascal;
70. Eurostar;
71. Euro-sceptical;
72. Eurosport;
73. Eurosong;
74. Eurosymbol;
75. Euro-sign;
76. Euro-seat;
77. Euro-something;
78. Euro-stat;
79. Euroschism;
80. Eurotune;
81. Eurotunnel;
82. Eurotarget;
83. Eurotension;
84. Euro-tax;
85. Euro-torture;
86. Eurotoilet;
87. Eurotrash;
88. Euro-V.I.P.;
89. Eurovision;
90. Eurowoman;
91. Euroworks;
92. Eurowide;
93. Eurozone;
94. anti-Euro mood;
95. arch-Europhobe;
96. Eurosceptic-in-Chief;
97. Euro-friendly;
98. Euro-inclined.

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ЛОЖНОЙ ОМОНИМИИ ПРИ ФОНОГРАФИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЗАИМСТВОВАННЫХ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Одной из наиболее актуальных проблем при передаче французских собственных имен (СИ) русским и украинским языками, является проблема так называемой «ложной омонимии», суть которой состоит в том, что в результате фонографических преобразований, проводимых при этой передаче, в языках-приемниках – украинском и русском – возникают ложные омонимы, т.е. омонимичными становятся СИ, во французском языке таковыми не являющиеся. Так, например, одинаково передаются в языке-приемнике (как русском, так и украинском) такие имеющие разный графический, а порой и фонографический облик французские СИ, как

Beunes [bɛп]	Бэн, Бен;	Foucauld [fuko]	Фуко, Фуко;
Vains [bɛ̃]	Бэн, Бен.	Foucault [fuko]	Фуко, Фуко.
Lys (la) [lis]	Лис, Лис;		
Litz [lis]	Лис, Лис.		

Количество таких примеров, как показывает исследование фактического материала, весьма значительно. В основе этого явления лежат следующие факторы.

Чтение иноязычного написания имеет свои трудности, ввиду того, что одни и те же буквы и их сочетания в ряде языков могут иметь двоякое и даже тройное прочтение. По мнению А.В.Суперанской, особенно сложны для озвучивания письменные слова таких языков, как английский и французский [4, с.106].

Во французском языке один и тот же звук может графически изображаться по-разному, иными словами, французским орфограммам характерна полифония, а фонемам свойственна полиграфия. Эта характерная особенность французского языка является результатом процесса, обусловленного целым рядом исторических и этимологических причин. В конечном счете, французская орфография приобрела характер, позволяющий ряду исследователей считать ее орфографией «иероглифической». Так, в частности, Л.В.Щерба указывает: «Эта на первый взгляд странная историческая и этимологическая орфография французского языка имеет, однако, оправдание, ибо она перерастает в орфографию «иероглифическую». Дело в том, что во французском языке имеется множество омонимов: так, слова *sain, saint, sein, ceint,*

cing (слитная форма), *seing* - все произносятся одинаково «*sẽ*»; слова *sans*, *sang*, *cent*, *(tu) sens*, *sent* произносятся «*sã*» и т.д. Таким образом, смысл в этих словах связан непосредственно с графическим значением, как это имеем в иероглифах» [1, с.146]. Вышесказанное совершенно справедливо и для французских СИ, с той оговоркой, что не смысл, а передаваемая ими информация, в том числе и экстралингвистическая, непосредственно связана с их графическим обликом.

Таким образом, уже в языке-источнике, т.е. на первом этапе фонографического освоения заимствуемого СИ, мы имеем дело с рядом омофонов-гетерографов, например, *Bidault* [*bido*] – *Bidaut* [*bido*], *Blesmes* [*blem*] – *Blême* [*blem*], а также, правда, в значительно меньшем количестве, омографов-гетерофонов. Г.Г.Крючков подчеркивает, что графическая омонимия свойственна во французском языке именам собственным [2, с.113], произношение которых без специальных словарей вообще довольно часто затруднительно даже для носителей языка (что немыслимо для СИ украинского и русского языков, где каждый носитель языка может, опираясь на графический образ СИ, правильно воспроизвести его фонетический облик, если не принимать во внимание вопрос о правильной постановке ударения):

Oust
 / \
 [u] (река в Бретани);
 [ust] (город в департаменте Арьеж).

Paris - [*paris*] - Gaston Paris, французский ученый;
 Pâris - [*pari*] - Antoine Pâris, французский финансист.

Основных причин возникновения ложной омонимии при фонографической адаптации французских СИ три:

1. Как отмечает В.А.Никонов, фонетические различия между языком подлинника и языком принимающим бывают разного рода. Самый наглядный случай, – когда в принимающем языке нет звука, наличного в языке подлинника [6, с.59]. Так, русский и украинский языки не располагают необходимыми средствами для передачи ряда фонем французского языка, имеющих смысловозначительное значение.

В частности, в русском и украинском языках отсутствуют:

а) Носовые гласные, часто служащие во французском языке для дифференциации сходных по звуковому составу СИ:

Viane [*vjan*] - Виян, Віян;

Vian [*vjã*] - Виян, Віян.

Le Pen [*lõpɛn*] - Ле Пен, Ле Пен;

Le Pin [*lõpẽ*] - Ле Пен, Ле Пен.

В результате фонографической адаптации в языках-приемниках имеем ложные омонимы:

Camp [kɑ̃] - Кан, Кан;
Caen [kɑ̃] - Кан, Кан;
Cannes [kan] - Кан, Кан;
Kann [kan] - Кан, Кан.

б) Открытость и закрытость гласных, их долгота и краткость, несущие во французском языке смысловозначительную нагрузку, при передаче по-русски и по-украински французских СИ также не отражаются, создавая тем самым еще один источник ложной омонимии:

Ré [re] (остров) - Рэ, Ре;
Retz [re] (фамилия) - Рэ, Ре.

Beaune [bon] (город в департаменте Côte-d'Or) - Бон, Бон;
Bonnes [bɔ̃n] (город в департаменте Vienne) - Бон, Бон.

в) Передача французских лабиализованных [œ] и [ø] посредством русского э, украинского е, используемых также для передачи французских [e] и [ε], передаваемых буквами и буквосочетаниями *ei, ai, au, è, é, ê, ë*, в свою очередь ведет к росту количества ложных омонимов:

Eure [œr] - Эр, Ер (река, приток Сены);
Eure [œr] - Эр, Ер (департамент в Верхней Нормандии);
Aire [εr] - Эр, Ер (приток реки Эн).
Feurs [fœr] - Фер, Фер;
Fer [fεr] - Фер, Фер.

II. Следующей важнейшей причиной возникновения ложных омонимов является наличие во французской фонографической системе значительного количества так называемых немых букв, произносившихся на определенных этапах исторического развития французского языка, но в настоящее время не звучащих. Как указывает В.Г.Гак, немых букв во французской графике немало [1, с.13]. Это в первую очередь *h* и конечное *e*, а также, в ряде случаев, *s, l, g* и большинство конечных согласных.

1) Наиболее частотным в этой группе причин возникновения ложных омонимов является наличие в СИ немого *h*:

Haroué [aʁue] - Аруэ, Аруе;	Aiguille [εgɥij] - Эгюй, Егюй;
Arouet [aʁue] - Аруэ, Аруе.	Aiguilhe [εgɥij] - Эгюй, Егюй.
Harée [aʁe] - Арэ, Аре;	Anse [ɑ̃s] - Анс, Анс;
Arrée [aʁe] - Арэ, Аре.	Hanse [ɑ̃s] - Анс, Анс.

В этом случае встречаются также:

а) комбинации непроизносимого *h* и других непроизносимых согласных внутри одного слова:

Mouthier [mutje] - Мутье, Мут'е; Lhomme [lɔm] - Лом, Лом;
Moutier [mutje] - Мутье, Мут'е. Lomme [lɔm] - Лом, Лом.

Такие комбинации наиболее характерны для СИ, пришедших во французский ономастикон сравнительно недавно из германских языков (в основном немецкого и идиша):

Gérard [ʒerɑr] - Жерар, Жерар; ^
Gerhardt [ʒerɑr] - Жерар, Жерар;

Bernard [bernaʁ] - Бернар, Бернар;
Bernhardt [bernaʁ] - Бернар, Бернар.

б) сочетание чередования назальной/оральной гласной с наличием в СИ непроизносимого *h*:

Rohan [roɑ̃] - Роан, Роан;
Roanne [roɑ̃n] - Роан, Роан.

2) Наличие в СИ немого конечного *e*, либо (реже) *e* беглого служит источником ложных омонимов:

Briare [brijɑr] - Бриар, Бриар; Blume [blym] - Блюм, Блюм;
Briard [brijɑr] - Бриар, Бриар. Blume [blym] - Блюм, Блюм.
Epron [ɛprɔ̃] - Эпрон, Эпрон;
Eperon [ɛprɔ̃] - Эпрон, Эпрон.

3) Содержащие (обычно либо произносимую в середине слова *s*, либо исчезнувшую и обозначаемую *accent circonflexe* в именах нарицательных) немую *s* французские СИ, переданные по-русски или по-украински, могут становиться в языках-приемниках ложными омонимами французских СИ, не содержащих немую *s*:

Belle-Ile [belil] - Бель-Иль, Бель-Иль (остров);
Belle-Isle [belil] - Бель-Иль, Бель-Иль (фамилия).

Duchâtel [dyʃatɛl] - Дюшатель, Дюшатель;
Du Chastel [dyʃatɛl] - Дюшатель, Дюшатель.

Mousnier [munje] - Мунье, Мунье; Blesmes [blɛm] - Блем, Блем;
Mounier [munje] - Мунье, Мунье. Blême [blɛm] - Блем, Блем.

Guesde [gɛd] - Гед, Гед; Ain [ɛ̃] - Эн, Ен;
Guède [gɛd] - Гед, Гед. Aisne [ɛn] - Эн, Ен.

При этом ложными омонимами могут становиться три СИ и даже более:

Duchesne [dyʃɛn] - Дюшен, Дюшен;

Duchenne [dy]εn] - Дюшен, Дюшен;

Duchêne [dy]εn] - Дюшен, Дюшен.

Менее часто встречается ложная омонимия в результате наличия в СИ

а) непроизносимого *l*

Vaulx [vo] - Во, Во;

Vaux [vo] - Во, Во.

б) непроизносимого *q*

Bouc [buk] - Бук, Бук;

Marc [mark] - Марк, Марк;

Boucq.[buk] - Бук, Бук;

Marcq [mark] - Марк, Марк.

Особую и очень важную подгруппу в этой группе составляют многочисленные ложные омонимы, возникшие благодаря чрезвычайно распространенным среди французских СИ непроизносимым конечным буквам и буквосочетаниям.

Наиболее частотны среди непроизносимых финалей французских СИ: *-t, -et, -d, -ds, -s, -x*.

Renau [rəno] - Рено, Рено;

Bidos [bido] - Бидо, Бидо;

Renaud [rəno] - Рено, Рено;

Bidault [bido] - Бидо, Бидо;

Renault [rəno] - Рено, Рено.

Bidaut [bido] - Бидо, Бидо.

Barrot [baro] - Баро, Баро;

Thibaud [tibo] - Тибо, Тибо;

Barraud [baro] - Баро, Баро;

Thibault [tibo] - Тибо, Тибо.

Barrault [baro] - Баро, Баро;

Barreau [baro] - Баро, Баро.

Riou [riju] - Риу, Риу;

Vaud [vo] - Во, Во;

Rioux [riju] - Риу, Риу.

Vauds [vo] - Во, Во.

Сливаясь с ложными омонимами, возникшими в силу других причин, эти ложные омонимы могут образовывать в языках-приемниках целые группы ложных омонимов, которые бывает крайне сложно идентифицировать:

Vaulx [vo] - Во, Во;

Vaux [vo] - Во, Во;

Vaud [vo] - Во, Во;

Vauds [vo] - Во, Во;

Veau [vo] - Во, Во.

3. Наконец, третьим основным источником появления ложных омонимов при передаче французских СИ средствами русского и украинского языков можно считать характерные для французского языка синонимичные написания, т.е. возможность передачи одной и той же фонемы различными буквами или буквосочетаниями. Поскольку ни

для русского, ни для украинского языка это явление не характерно, то в этих языках разные французские буквы и сочетания передаются одними и теми же русскими или украинскими буквами.

Синонимичные написания очень широко распространены во французском языке. В.Г.Гак считает, что ни одна фонема французского языка (если учитывать удвоение согласных букв) не передается одним каким-нибудь постоянным способом [1, с.13]. Для ряда фонем имеется пять и более способов графической передачи, например, звук [ʃ] передается посредством *il, ill, i, i, y*; звук [ɛ̃] с помощью *in, im, un, um, ain, aim, en, ein, eim*. Такое огромное количество синонимичных написаний в языке-доноре создает чрезвычайно благоприятные условия для формирования адаптируемых СИ в языках-рецепторах, не имеющих необходимого графического материала для дифференцированной передачи синонимичных написаний. Так, девяти буквосочетаниям во французском языке: *in, im, um, un, ain, aim, en, eim, ein* соответствует лишь два украинских или русских, - 'ен, ен', эн, ен.

В области французского консонантизма можно указать на следующие буквы, дублирующие друг друга при передаче на письме согласных звуков: *c-s; c-g; x-c, s; g-j*.

В свете исследуемой проблемы наибольшее практическое значение имеют такие дублирующие написания:

1) s - z

Sézanne [sezɑ̃] - Сезан, Сезан (город);

Cézanne [sezɑ̃] - Сезан, Сезан (фамилия художника).

Bazaine [bazɛ̃] - Базен, Базен;

Bazin [bazɛ̃] - Базен, Базен;

Basin [bazɛ̃] - Базен, Базен.

Bezance [bɛzɑ̃sɑ̃] - Безансон, Безансон (фамилия);

Besance [bɛzɑ̃sɑ̃] - Безансон, Безансон (город).

2) c - k

Karr [kɑr] - Кар, Кар;

Care [kɑr] - Кар, Кар.

3) v - w

Widal [vidal] - Видаль, Видаль;

Vidal [vidal] - Видаль, Видаль.

Наконец, отдельную группу составляют ложные омонимы, возникшие в результате передачи по-русски и по-украински французских СИ, графический облик которых в языке-источнике имеет настолько

мало общих черт, что невозможно выявить в их составе синонимичные написания, и их фонетическая омонимичность является следствием взаимодействия факторов, трудно поддающихся классификации. Например:

Hexmes [ɛm] - Эм, Ем;	Sampaix [sɑ̃pɛ] - Сампе, Сампе;
Hem [ɛm] - Эм, Ем.	Sempè [sɑ̃pɛ] - Сампе, Сампе.
Vaires [vɛʀ] - Вер, Вер;	
Vergt [vɛʀ] - Вер, Вер.	

Таким образом, возникновение ложной омонимии при передаче французских СИ средствами русского и украинского языков является следствием отсутствия необходимого фонетико-орфографического материала в языках-реципиентах (отсутствие в русском и украинском языках ряда звуков, имеющих в французском языке, невозможность адекватной передачи средствами этих языков французских немых букв и синонимичных написаний).

В русской и украинской транскрипции в силу вышеуказанных факторов, ведущих к появлению ложных омонимов, пропадает фонематизм языка-источника и по ней очень часто невозможно восстановить исходный графический облик слова в языке-доноре, а, по мнению А.В.Суперанской, без этого транскрипция теряет свою практическую ценность [4, с.106].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гак В.Г. Французская орфография. - М.: Просвещение, 1985.
2. Крючков Г.Г. Современная орфография французского языка. - Киев: Вища школа, 1987.
3. Никонов В.А. Русская адаптация иноязычных личных имен. - В кн.: Ономастика. - М., 1969. С.54-78.
4. Суперанская А.В. Теоретические основы практической транскрипции. - М.: Наука, 1978.
5. Щерба Л.В. Фонетика французского языка. - М.: Высшая школа, 1963.

ГРАФИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН С РЕФЕРЕНТНЫМИ КОННОТАЦИЯМИ

Собственные имена (СИ), представляя собой особый раздел лексики и особый объект лингвистического исследования, являются своеобразными и с точки зрения их графического оформления. Общеизвестно, что в русском, украинском, английском и многих других естественных языках СИ подаются с прописной буквы, принцип употребления которой семантический - отмечать определенный тип лексической единицы. Тем не менее в разделе орфографии, рассматривающем систему правил употребления прописных и строчных букв, как отмечает В.Ф.Иванова, сохраняется много непоследовательностей, которые связаны с переходными явлениями в языке, а именно, переосмыслением СИ с референтными коннотациями и введением их (окказионально или узуально) в разряд нарицательных имен (Иванова, 1991: 166). "Пограничное" положение такого рода слов между собственными и нарицательными единицами, отсутствие кодифицированных стандартов оформления на письме позволяют им иметь несколько вариантов написания: с прописной буквы и строчной, в кавычках и без них. Кроме того, графическое оформление коннотативных онимов (в дальнейшем – коннотонимы, или КО) отличается как в синхронном, так и диахронном плане. Так, употребление такого рода онимов даже одним автором часто характеризуется непоследовательностью, например: у Чехова - Дон-Жуан (Драма на охоте)/донжуан (Отставной раб), у Тургенева - Геркулес (Дворянское гнездо)/геркулес (Конец); у Салтыкова-Щедрина - народная Немезида (Пошехонские реформаторы)/народная немезида (Господа ташкентцы); в украинском языке: у О.Гончара - Альпи (Прапорonoсці)/альпи (Твоя зоря) и т.д. Такая "непоследовательность" в написании зафиксирована в словарях, например, словаре английского языка Webster, англо-русском словаре под редакцией В.К.Мюллера; большинство русских толковых и энциклопедических словарей отмечают варианты случаи употребления некоторых коннотонимов.

Бывают случаи, когда мена прописной и строчной буквы в слове служит стилистической функции. Автор намеренно использует СИ и омонимичное ему нарицательное для создания аллюзии. Так, например, О.Уальд в романе "Портрет Дориана Грея" употребляет оппозитивную пару *a Narcissus* (коннотоним *Нарцисс* в значении "человек, влюбленный в свою внешность")/ *a narcissus* (цветок нарцисса) для достижения поставленных им образных целей повествования (O.Wilde. The Picture of Dorian Gray.- Kiev: Dnipro Publishers, 1978, p.9,

р.77). Нас интересуют те случаи, когда авторы употребляют именно коннотонимы, опираясь при их графическом оформлении на свои представления об этом классе имен.

Изменения в написании СИ можно проследить и в диахроническом плане. Слово, относительно регулярно употреблявшееся с прописной/строчной буквы, например, в XIX веке, в настоящее время столь же последовательно меняет свою графическую оформленность соответственно на написание со строчной/прописной буквы: Дон-Жуан (Тургенев. Новая повесть; Шевченко. Близнецы); донжуан (Теленеделя, № 7, 12-22 февраля 1998г.; № 47, 20-30 ноября 1997 г.); Ловелас (Ловлас) (Пушкин. Письмо А.Н.Вульффу от 27.10.1828г., Письмо А.Н.Вульффу от 16.10.1829 г.; Тургенев. Рудин); ловелас (Теленеделя, № 7 12-22 февраля 1998 г., № 10, 5-15 марта 1998 г.); Зоил (Суперанская, 1965: 30); зоил (Лермонтов. Сашка; Некрасов. Тонкий человек, его приключения и наблюдения).

Таким образом, можно говорить о синхронных и диахронных вариантах написания СИ с референтными созначениями, обусловленных каждая своим набором достаточно четко выводимых причин.

Как представляется, отсутствие нормативной базы написания КО связано с неопределенностью их статуса в языке. Коннотативные онимы относят либо в разряд нарицательных имен существительных (Суперанская, 1973: 115-117), либо в разряд собственных (Отин, 1986: 186), впрочем, в любом случае оговаривая их особый статус. А.В.Суперанская отмечает, что написание "названий лиц по именам и фамилиям известных героев с прописной буквы лишь традиционно" (Суперанская, 1965: 28), поскольку такие слова произошли от собственных имен. Однако, приобретая референтные коннотации в результате лексико-семантической деривации (сначала на уровне лексико-семантического варьирования), КО не теряют семантической и, следовательно, графической связи с производящей основой, поскольку речевое значение слова предполагает наличие в его значении элемента ядерного (виртуального) значения (Денисова, 1996: 75). Языковое значение собственных имен, как отмечается многими лингвистами, сводится к самому понятию "собственное имя" с возможным эксплицированием родового признака при наличии специфических онимных аффиксов (Мозговой, 1992: 96). Семантическая деривация, приводящая к образованию окказиональных коннотативных онимов, позволяет им удерживать в своей семантической структуре понятие проприальности, что дает возможность таким словам, наряду с характеризующей, выполнять идентифицирующую функцию. Это, в частности, проявляется в том, что коннотативные онимы могут употребляться в регулярных ономастических моделях, например: Ловлас Николаевич (Пушкин. Письмо А.Н.Вульффу от 16.10.1829), Париж на Миссисипи (А.Лаурин-

чюкас. Врата страха), Стамбул на Рейне (Теленеделя, № 21, 21-32 мая 1998 г.).

Подобное толкование семантической структуры коннотативного онима объясняет возможность появления отрицательного термина при ономастической метафоре, трактуемой как сокращенное противопоставление типа: не ..., а ... (Арутюнова, 1990: 18; Вежбицкая, 1990: 144), тогда как при нарицательном означаемом отрицание не употребляется.

Ср.: Нет, я не Байрон, я другой (Лермонтов. Нет, я не Байрон...).

Я не какой-нибудь Катон (Тургенев. Холостяк).

Он чуть-чуть не Шекспир (Гоголь. Ревизор).

Я не Иоанна д'Арк (Толстой. Война и мир).

Я не Дон-Жуан какой-нибудь (Шевченко. Художник) и т.д.

В подобных конструкциях СИ имеют коннотативное значение, накладывающееся на языковое значение с имплицитруемым родовым признаком (в данном случае с СИ-антропонимами - лицо, но это может быть любой родовой признак в соответствии с классами онимов). В симилиативной оппозиции такого типа сравниваются имена одного класса объектов: лицо – лицо, животное – животное, город – город и т.д., в отличие от нарицательных оппозиций с преимущественным сопоставлением разных классов объектов, например, лицо – животное, лицо – вещь. Именно поэтому оппозиции с СИ легко разрешаются как в положительную сторону (признание наличия подобия), так и в отрицательную. Это же, на наш взгляд, свидетельствует о том, что прописная буква коннотативных онимов выполняет ту же семантическую функцию, что и в "чистых" СИ.

Употребляя строчную букву, говорящий "отмежевывает" КО от СИ, выводя на первый план характеризующую функцию коннотонимов. Но в КО (особенно окказиональных) такой графический облик обусловлен, думается, и несколькими другими причинами. По мнению А.В.Суперанской, иногда написание прописной или строчной буквы в онимах с референтными созначениями зависит от отрицательной или положительной коннотации имен, поэтому "слова, обозначающие хороших людей, принято писать с прописной буквы "из уважения к ним", а подобные им слова, обозначающие плохих людей, - со строчной" (Суперанская, 1965: 28). Это правило, естественно, не является абсолютным, так как есть написания с прописной и строчной буквы при любых коннотациях, например: иуда (Данилевский. Мирович)/Иуда (Мамин-Сибиряк. Горное гнездо). Ср. также ряд КО как с положительной, так и отрицательной коннотациями, оформленные графически единообразно: гамлети, собакевичі, донкіхоти (О.Гончар. Твоя зоря). Тем не менее, это одна из реально существующих особенностей оформления КО на письме.

Известно, что полной апелляции коннотативных онимов способствует деактуализация денотата имени или выход самого имени из активного употребления (Отин, 1991: 43). Таким образом, коннотативный оним, являясь промежуточной ступенью между СИ и нарицательными именами, имеет определенные ассоциативные связи с денотатом имени, образом объекта с наиболее характерными его признаками. Степень соотношения коннотонима и соответствующего образа неодинакова. Если автор текста связывает коннотоним и образную производящую основу, меняя лишь предметно-понятийную соотношенность имени, что может происходить в том случае, если денотат имени не деактуализирован, имеет неугасшие ассоциативные связи с производным коннотонимом, то оним будет удерживать прописную букву, как бы графически закрепляя эти ассоциативные связи. Если для автора сообщения денотат деактуализирован настолько, что ассоциативные связи исходного СИ и коннотонима разрываются, нет нужды сохранять прописную букву, коннотоним ощущается говорящим собственно нарицательной единицей, которая подчиняется правилам написания нарицательных имен. Рассмотрим, например, варианты употребления слова *Амфитрион* со значением "гостеприимный, радушный хозяин" – мифоконнотонима, образованного от СИ *Амфитрион* – мифонима, обозначающего героя греческих мифов, мифологического царя Амфитриона, позднее изображенного в комедии Мольера гостеприимным хозяином:

1) "–Смотри! – возглашал басом Парутин, говоривший всякому без исключения "ты", выразительно грозя пальцем *амфитриону*. (Некрасов. В тот же день в 11 часов утра...).

2) "Например, если у *амфитриона* не имелось собственного карапузика, то вечеринка украшалась карапузиком-хитаном, взятым напрокат". (Шевченко. Художник).

3) "Ты здесь, *Амфитрион* веселый,
Счастливец добрый, умный враль!... " (Пушкин. В кругу семей, в пирах счастливых...).

В первых двух текстах КО *амфитрион* выражает основное значение "хозяин", являясь, таким образом, синонимом к нарицательному существительному. В тексте поэтической речи *Амфитрион* – коннотоним с яркой образной символикой, с богатой коннотацией, что возможно при актуализированном денотате производящего СИ.

Следовательно, автор текста, в зависимости от перлокутивной установки, наделяет или лишает КО ассоциативных связей с образом денотата, что, соответственно, отражается на оформлении СИ на письме.

Постепенная деактуализация денотата имени может привести к тому, что КО частично либо вовсе потеряет связи с денотатом производящего СИ. В этом случае коннотативные онимы становятся нарицательными существительными, прочно входят в язык. Это длительный процесс, поэтому на разных этапах развития языка онимы могут ощущаться как коннотонимы или как нарицательные единицы, что проявляется в их графическом оформлении. Примеры подобной диахронической мены написаний выше уже приводились, дополним перечень таких онимов:

Меценат (Тургенев. Обед в обществе английского литературного фонда) - совр. меценат - "покровитель искусств" (см.: Орф. словарь рус. яз.- М.: Русский язык, 1987); Эскулапий (Нарежный. Российский Жилблз...) - совр эскулап - "врач"; Ирод (Чехов. Черный монах) - совр. ирод - "мучитель"; Геркулес (Некрасов. Песня о труде) - совр. геркулес - "силач" и т.д.

Особенно ярко проявляется несоответствие" между статусом коннотонима и его графическим оформлением в том случае, если оним представлен в форме множественного числа, поскольку "здесь индивидуальное название особенно резко порывает с обозначением одного индивидуума и начинает даваться группе лиц, объединенных какими-то общими свойствами" (Суперанская, 1965: 29). В самом деле, употребляя форму *Сократы, Шерлоки Холмсы, Иваны Ивановичи, Званки, "Одиссеи"* и т.д., мы не индивидуализируем, а обобщаем. Однако форма множественного числа в разряде имен собственных не уникальна. Она используется для обозначения простого множества однородных СИ: 2 Маши, 3 Реченска и т.д. Кроме того, множественное число используется при образовании анхистонимов и генетлонимов. Семейные и династические имена - это слова *pluralia tantum*, например, Ивановы, Романовы, *the Whites, the Wildes* (в английском языке для маркирования таких групп онимов используется определенный артикль). Побочные коннотации генетлонимов обычно бывают шире, чем у других имен (Суперанская, 1973: 178), что дает возможность таким онимам служить производящей основой для образования коннотативных СИ, у которых коннотация актуализируется в их семантике. Иногда в одном тексте сосуществуют омонимичные анхистонимы, генетлонимы и коннотонимы, например: "Было бы прискорбно, если бы для одного из *Талагаевых* конец наступил в подобной схватке; и Талагаев воскликнул: "Ну, уж нет! *Талагаевы* кончают не так!" (Тургенев. Конец). В украинском языке:

Що ті римляне убогі!

Чортзна-що - не Брути!

У нас Брути! І Коклеси!

Славні, незабуті! (Шевченко. І мертвим, І живим...).

В данных контекстах сосуществуют СИ *pluralia tantum*, обозначающие семейное имя (Талагаевы), имя рода (Бруты) - производящие основы и производные от них коннотативные онимы.

В контексте "He was a Twomey end Twomeys were never trusted" (Susan Hill. Halloran's Child) ["Он был одним из Тоуми, а Тоуми никогда не доверяли" (другие)] противопоставлены имя в единственном числе *a Twomey* со значением "представитель рода *the Twomeys*" и оним в форме множественного числа *Twomeys*, отсутствие артикля при котором позволяет его квалифицировать как коннотативный антропоним. В данном случае производящая основа - СИ в единственном числе, что является более продуктивной моделью образования коннотативных онимов, по сравнению с моделью СИ *pluralia tantum* → КО *pluralia tantum*. Таким образом, наличие омонимичной КО формы множественного числа в разряде "чистых" онимов и то, что переход СИ → КО любой из рассмотренных словообразовательных моделей осуществляется в речи без усилий, способствует удерживанию прописной буквы в коннотонимах.

Из вышеизложенного можно сделать такие выводы:

- 1) Прописная буква в коннотативных онимах выполняет ту же семантическую функцию, что и в "чистых" СИ, маркируя наличие семы проприальности в составе их значения.
- 2) Строчная буква в коннотативных онимах может быть обусловлена:
 - а) признанием автором текста узуального характера коннотаций СИ и его потенциального статуса нарицательной единицы языка;
 - б) негативными коннотациями СИ, стремлением графически "принизить" обозначаемый СИ денотат (ср.: употребление прописной буквы в нарицательных существительных, если они наделены особой патетикой или символикой типа Родина, Мать, Совесть и т.д.).
- 3) Прописная буква в КО *pluralia tantum* ставится в соответствии с семантическим принципом ее употребления, т.е. так же, как и с именами *singularia tantum*, что связано с реальным функционированием в языке "чистых" СИ *pluralia tantum*.

Кавычки, наряду с парными запятыми, парными тире, относятся к выделяющим пунктуационным знакам, "служащим для обозначения границ элементов предложения, которые или дополняют, поясняют содержание предложения в целом или его частей, или выражают отношение к высказыванию" (Розенталь, 1984: 720). Кавычки, являясь графическим средством выделения слов-названий, используются также в качестве "зрительного сигнала" различного рода словесных новообразований (Иванова, 1991: 33), маркируя на письме особое, необычное значение слова.

Следует отметить, что кавычки в КО не являются абсолютным показателем окказионального характера созначений онима. Окказиональные слова "сравнительно редко даются в кавычках", "отсутствие кавычек не может служить доказательством, что данное слово - не окказионализм" (Фельдман, 1957: 71). Кавычки при окказиональных словах, на наш взгляд, являются своеобразным авторским знаком, демонстрирующим, что автор знает об особом характере употребляемого слова и хочет обратить на это внимание читателя. Кавычки служат факультативным пояснительным средством выделения переносного значения онимов при отсутствии у них нового словесно-фонетического комплекса.

Кавычки также позволяют избежать недоразумений, связанных с возможным соотношением коннотативного онима с его каноническим значением в том случае, когда по условиям контекста требуется такая дифференциация. Например, в тексте Салтыкова-Щедрина, рассказывающем о Париже и его жителях, отсутствие кавычек могло бы привести к двусмысленной интерпретации содержания: "...хозяин" в такого рода заведениях, предпочитает сибаритствовать, ежели он "Альфонс", или живет под башмаком и ведет книги" (Салтыков-Щедрин. За рубежом), коннотоним *Альфонс* со значением "мужчина, живущий за счет женщины" мог быть воспринят как антропоним, принадлежащий нерусскому ономастикону. Кавычки в данном случае компенсируют недостаточную "прозрачность" контекста.

В английском языке кавычки, также имея выделительную функцию (Hornby, 1984: 769) практически не употребляются для маркирования СИ с метафорическим переносом, хотя очень часто встречаются при метонимическом переносе наименования. Видимо, это объясняется тем, что неопределенный артикль при метафорических онимах является достаточным показателем наличия у слова переосмысленного значения. При метонимическом переносе отсутствие общих сем в составе значений производного и производящего СИ принуждает автора сообщения прибегать к дополнительным графическим показателям наличия переосмысления, ср.: *Big Bertha* - "немецкая пушка большого калибра" (по имени жены фабриканта оружием) / "большая толстая женщина". Разграничению данных значений в тексте (при сохранении прописной буквы в написании) может способствовать употребление кавычек с одним из слов (как уже говорилось, регулярно маркироваться будут СИ с метонимическим переносом, как более "отстоящие" от канонического значения СИ).

Как уже говорилось, кавычки в собственных именах могут быть собственно графическим средством выделения слов-названий (произведений, учреждений, книг, журналов и т.д.). При окказиональном или узуальном переходе СИ в разряд коннотонимов эта выделитель-

но-пояснительная функция сохраняется, например: "... сколько *"Прохожих"*, *"Проезжих"*, *"Иксов"*, *"Зетов"* и др. трудолюбцев..." (Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге). *"Прохождение"*, *"Проезжие"*, *"Иксы"*, *"Зеты"* - псевдонимы авторов газет и журналов. Или: "Но скажите, ради бога, что такое эти *"Энеиды"*, эти *"Освобожденные Иерусалимы"*, *"Потерянные раи"*, *"Мессиады"* (Белинский. О русской повести и повестях г. Гоголя). "В театре... играют какие-нибудь *"Филатки"* (Гоголь. Невский проспект); Многих американцев пугает поступь "черных пантер" (С.Кондрашев. Блики Нью-Йорка) и т.д., где "Энеиды" и др. - коннотоним на базе СИ, обозначающего название произведения, "Филатки" - КО от СИ-названия пьесы, "черные пантеры" - КО от СИ-названия организации. В таких случаях основная функция кавычек - выделительная - сочетается с функцией разграничения коннотонимов и "чистых" СИ. В случае утери КО прописной буквы как маркера проприальности ("черные пантеры") кавычки остаются единственным показателем того, что СИ имеет переосмысленное значение.

Таким образом, кавычки при коннотативных онимах выполняют такие функции:

1) основную выделительную функцию при названиях литературных произведений, газет, журналов и других групп онимов; данная функция аналогична функции кавычек при собственно СИ;

2) выделительно-разграничительную функцию для контекстно обусловленного маркирования переносного значения;

3) функцию "зрительного сигнала", маркирующую на письме особое, не обычное значение слова.

В последнем случае кавычки являются факультативным знаком и употребляются в соответствии с намерениями автора обратить внимание читателя на ненормативность онимного функционирования в тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры.- М.: Прогресс, 1990. - С.5-32.
2. *Вежбицкая А.* Сравнение - градация – метафора // Теория метафоры.- М.: Прогресс, 1990. - С.133-152.
3. *Денисова С.П.* Типологія категорій лексичної семантики. Дис. ... доктора філол. наук.- Київ, 1996. – 500 с.
4. *Иванова В.Ф.* Современная русская орфография М.: Высш. шк., 1991. - 192с.
5. *Мозговий В.І.* Чи є значення у власних назв // Структура і функції ономастичних одиниць.- Донецьк: ДонДУ, 1992. - С.95-101.

6. **Отин Е.С.** Развитие коннотонимии русского языка и его отражение в словаре коннотонимов // *Этимология*. 1984.- М.: Наука, 1986.- С.186-191.
7. **Отин Е.С.** Материалы к коннотационному словарю русских онимов // *Номинация в ономастике*. Сб. науч. трудов.- Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. - С.45-51.
8. *Современный русский язык* / Под ред. Д.Э.Розенталя.- М.: Высш. школа, 1984. - 735с.
9. **Суперанская А.В.** Прописная и строчная буква в собственных именах разных категорий // *Орфография собственных имен*.- М.: Наука, 1965. - С.25-43.
10. **Суперанская А.В.** Общая теория имени собственного.- М.: Наука, 1973. - 368с.
11. **Фельдман Н.И.** Окказиональные слова и лексикография // *Вопр. яз.*-1957. - № 4. - С.64-73. .
12. **Hornby A.S.** *Oxford Student's Dictionary of Current English*.- Moscow – Oxford: Prosveshchenije Publishers – Oxford University Press, 1984.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

(ПО СЛЕДАМ VII ВСЕУКРАИНСКОЙ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ)

В двух сборниках – публикациях статей и тезисов докладов по материалам VII Всеукраинской ономастической конференции¹ помещено (в соответствии с последовательностью в сноске) 22 и 109 материалов. Из 131 научной работы 46 (более 35%) тем или иным образом связаны с проблемами ономапозетики. Вместе с материалами, примыкающими к обозначенной области, образуется довольно внушительный корпус исследований. В этом факте можно усматривать не просто проявление интереса к одному из самых молодых разделов ономастики, но и тенденцию развития научной дисциплины в целом, причем не только в Украине.

Среди работ, тематически примыкающих к ономапозетическим, есть коллективное сообщение симферопольских ученых «Имя и контекст» [36], которое хочется не просто назвать, но процитировать, поскольку изложенное ниже мнение может исполнить роль камертона: «Современная ономастика представляет собой картину и чрезвычайного богатства научной мысли и явного ее кризиса. Есть очень много тонких частных наблюдений, растет интерес к тем аспектам онимизации, которые недавно были под запретом или под подозрением (религиозные, национальные, социальные и т.д.). Вместе с тем остро не хватает нового и притом обобщающего подхода» [36, с.132]. Нельзя не согласиться с этим выводом авторов, по крайней мере, применительно к поэтической ономастике.

Чтобы определиться в принципах и обозначить акценты предстоящего анализа материалов конференции, предпримем небольшой экскурс в историю.

Поэтическая ономастика – наука молодая не только по возрасту, но и по тому, что до сих пор не определилась с собственным(!) именем. По-видимому, всякая дисциплина возникает в недрах науки из первоначального неясного «томления духа», спорадического внимания к явлениям определенного порядка. Поэтическая ономастика в этом отношении более чем показательна. Постоянный интерес к поэтическим возможностям собственных имен вместе с формированием ономастики как раздела языкознания, изучающего собственные имена во всем их многообразии, оформился к пятидесятым годам теперь уже уходящего XX века в *ономастику поэтическую*, многие годы, однако

(как тут не вспомнить известную шутку о сапожнике без сапог), жившую то почти безымянной, то скрывающейся под множеством (в чем-то, безусловно, похожих) именовании.

Исследователи, полагавшие, что поэтическая ономастика - дисциплина лингвистическая и прерогатива стилистики, отстаивали или поддерживали определение «*стилистическая*». Тем, кому по душе было изучение поэтики собственных имен исключительно в пределах художественной литературы, импонировало определение «*литературная*». Для тех, кто был увлечен перипетиями потрясавшей филологию XX века борьбы идей вокруг проблем поэтики, ближе было определение «*поэтическая*». К.Б. Зайцева в текстах лекций 1973 года отмечала: «Отрасль лингво-стилистики, изучающую СИ в художественной литературе, мы называем *стилистической ономастикой*, а ее подотделы - соответственно *стилистической антропонимикой*, *топонимикой* и т.п. Такой же терминологии придерживался С. Гавор² и др. М.В. Карпенко в своем конспекте лекций спецкурса использовала термин *литературная антропонимика*.³ Этот же термин применял Л.М. Щетинин⁴. Э. Магазаник как в реферате своей диссертации⁵, так и в статьях⁶ говорит о *поэтической ономастике и поэтике имен*»⁷. В польской ономастике вначале получило распространение понятие *nazewnictwo stylistyczne*⁸, а в последнее время все большую популярность приобретает термин *onomastyka literacka*. Под таким названием вышел последний большой сборник работ, объединивший доклады на VIII Общепольской ономастической конференции и несколько тематически сходных статей других авторов⁹. Вместе с тем утверждение о всеобщем признании этого термина было бы преждевременным. Известный польский ономаст К. Рымут выразил недоумение по поводу того, что, хотя исследования в области *onomastyki literackiej* интенсивно ведутся в Польше начиная с пятидесятых годов, существование данной области исследований не зафиксировали ни *Encyklopedia języka polskiego*, ни *Literatura polska. Przewodnik encyklopedyczny*, ни *Wstęp do onomastyki*¹⁰, ни издание славянской ономастической терминологии, предпринятое под эгидой Международной Комиссии Славянской Ономастики¹¹. Даже библиография по этому разделу ономастических исследований издается только с 1983 г.¹² В англоязычной литературе по проблемам поэтики собственных имен использовались, по данным К.Б. Зайцевой, термины *literary onomastics* «литературная ономастика»¹³, *study of names in fiction* «наука об именах в художественном произведении», а также *names in literature* «имена в литературе», *names in literary work* «имена в художественном произведении»¹⁴. Как бы там ни было, но к настоящему времени, по крайней мере в русской и, шире, восточнославянской ономастике, более или

менее стабильно стал использоваться термин *поэтическая ономастика*. В последнем издании «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В.Подольской зафиксирован именно этот термин-словосочетание и рядом с ним в круглых скобках как «равноправный синоним» подан однословный термин *ономастопэтика*¹⁵.

Нынешнее состояние науки о поэтике собственных имен в известной мере определяет тенденции и направления научных исследований в этой области. Как и положено на начальном этапе, влияние юной матери-ономастики на развитие ребенка намного ощутимее скрытого в «генетическом коде» воздействия другого ее родителя – поэтики. Так, среди анализируемых работ некоторые [2, 13, 46] имеют явно лингвистический уклон, а ссылки на художественные произведения в них – не более, чем указание на источник информации^а. Но гены есть гены. И поэтому одновременно с развитием «поднадзорного» все больше и больше авторов работ, посвященных ономастике литературных произведений, отходят от чисто лингвистических трактовок и начинают описывать материал в том единственно верном ключе, который только и возможен при исследовании *художественной речи*^б.

Изучение собственных имен в литературных произведениях имеет определенную традицию в русистике, украинистике, полонистике^с. Отдельные работы, затрагивающие эти проблемы, публиковались в СССР еще в конце 50-х годов. Но существенный прорыв в этом направлении исследований произошел значительно позднее. Среди прочих можно назвать пионерские работы В.Н. Михайлова, Э.Б. Магазаник, Ю.А. Карпенко, А. Вилконя, К. Гурского и др. Именно в их работах 70-80-х годов в полную силу зазвучала мысль о необходимости тесно увязывать исследования поэтики собственных имен с поэтикой соответствующих художественных произведений. Сегодня уже очевидно, что исследование проприальных единиц, функционирующих в художественной речи, вне действия созидających и преобразующих «силовых линий» литературного произведения либо обесмысливает

^а Отстаивая свой взгляд на специфику исследований в области ономастопэтики, я ни в коей мере не отрицаю важности и необходимости исследований иного рода.

^б Одной из первых работ, показывающих специфику литературной ономастики сравнительно с ономастикой общенародной, стала опубликованная в Польше статья видного украинского ономаста Ю.А. Карпенко «Специфика имени собственного в художественной литературе» (*Onomastica XXXI*, 1986. - S.6-21).

^с Кроме названных наиболее значительных школ славянской ономастопэтики, существенный вклад в общее дело вносят ученые Словакии. В других странах исследования поэтики собственных имен носят нерегулярный характер.

усилия, либо переводит исследование в узко лингвистические рамки (что, по сути, приводит к подмене объекта исследования).

К упоминавшейся выше группе скорее лингвистических, чем ономапотических работ (из числа представленных на VII Всеукраинской ономастической конференции) можно отнести исследование Т.Р. Антонюк (*Киев*), в котором описаны аутохтонные имена-компози-ты, откомполитные дериваты, отапеллятивныы имена и некоторые другие характерные для древней Руси способы именования людей, реалистически воспроизведенные в романе Р. Иванченко «Отрута для княгині» [2]. Н.М. Журавлева (*Запорожье*) изучала интересный по материалу (украинская народная лирика) пласт украинских женских именований, разнообразно представленных в фольклорных песнях: 1) полными и народно-разговорными вариантами, часто маркированными уменьшительно-ласкательными или огрубляющими суффиксами; 2) многочисленными патронимами (выделены две основные группы: суффиксальные образования на *-ова* и суффиксальные патронимы на *-івна*); 3) тремя группами андронимов: субстантивными формами на *-иха* и *-ка*, а также адъективами на *-ова*; 4) описательными формами [13]. В работе Я.М. Шебештян (*Ужгород*) обращено внимание на недостаточно (а может быть, и плохо) изученную группу собственных имен - зоонимов, выполняющих характеризующую функцию в народных и литературных сказках [46]. Ценные как сами по себе, так и в силу вовлечения в сферу интересов поэтической ономастики нового материала, эти исследования страдают от недостаточного внимания именно к поэтике проприальных единиц. Утверждения типа 1) описываемое явление богато представлено в исследуемом материале [13, с.59], 2) жанр исторического романа налагает свои требования на формирование антропонимного пространства произведения [2, с.10], 3) деривационный потенциал и активность зоонимикона украинцев убедительно прослеживаются в народных и литературных сказках [46, с.195], с точки зрения поэтической ономастики, – тривиальны. А замечания о характеризующей функции отапеллятивных имен и некоторых имен-комполитов [2, с.10-12], о разнообразии типов женских именований в народнопесенной речи [13, с.61], к сожалению, не меняют положения.

Несколько работ, из числа представленных на конференции, посвящены проблемам, связанным с передачей собственных имен в текстах переводов художественных произведений [5, 17, 18, 19, 48]. Анализируя переводы на немецкий язык произведений М. Кошобинского «Fata Morgana», «Тіні забутих предків» и А. Чайковского «За сестрой», Н.Я. Бияк (*Тернополь*) отмечает недостаточность транслитерирования некоторых собственных имен, содержащих в оригинале ощу-

шаемую носителями языка внутреннюю семантику (при переводе фамилии **Волик** на немецкий язык – **Wolyk** – немецкий читатель не сможет обнаружить связи с апеллятивом **вол**); указывает на отсутствие в немецком языке адекватных способов передачи словообразовательных особенностей украинских андронимов (**Підпариха** передается описательно – **Pidparas Frau** <дружина Підпари>, а **Кандзюбиха** то транслитерируется – **Kandsjubycha**, то описывается – **die alte Kandsjuba** <стара Кандзюба>) [5, с.20]. Две работы И. Капулкиной (*Днепропетровск*) отражают проблемы передачи патронимов [18] и этнонимов [17] «Слова о полку Игореве» в новых англоязычных переводах С. Зенковского, В. Набокова, И. Петровой и Р. Говеса. В первой из них отмечается: 1) единство подхода всех переводчиков к передаче мужских патронимов с помощью аналитических конструкций (оба **єстьє Святѣслава** – **We two are sons of Svyatoslav** [И. Петрова], **We both are Svyatoslav's sons** [В. Набоков], **We are both the sons of Svyatoslav** [С. Зеньковский], **are both sons of Svyatoslav** [Р. Говес]); 2) оригинальность подхода каждого из переводчиков к передаче патронима-прозвища **Гориславичь** (**The Son of Woe** [И. Петрова], **Child of Malglory** [В. Набоков], **son of mis fortune** [С. Зеньковский], **Oleg Yorislavich** [Р. Говес]) [18, с.76]. Что касается второй работы, то в ней затронуты проблемы, пограничные с поэтической ономастикой. Татьяна Кобаль (*Ужгород*) при анализе перевода поэтической ономастики словацких романтиков на украинский язык обозначила подходы поэта-переводчика Ивана Мацинского к решению проблем адекватной передачи поэтонимов на украинский язык. В работе было обращено внимание на случаи передачи собственных имен перифразами (**ohnivá Itala** – **Аппенінська земля**), на способы перевода словацких фразеологизмов с ономастическим компонентом (**hlas volajúci v Sahare** – **глас вопіючого в пустині**) и т.д. [19, с.86]. А черновицкий исследователь Н.П. Щербань [48] выделил два основных способа передачи немецких фразеологизмов с компонентом «собственное имя» на украинский язык: перевод с помощью полных или частичных фразеологических эквивалентов и (единственный среди авторов, коснувшихся проблем передачи ономастических единиц литературного текста средствами другого языка) сформулировал свое понимание проблемы критериев выбора приема перевода. К сожалению, из текстов тезисов других исследователей неясно, обращают ли авторы внимание на непоследовательность переводчика при выборе способа передачи поэтонимов и, что немаловажно, ограничиваются ли они только констатациями или предлагают свое решение проблем, возникающих при переводе собственных имен художественных произведений.

Наблюдающееся вот уже более сорока лет оживленное внимание к изучению истоков культуры, мифологии, фольклора, паремиологии не могло не отразиться на ономастических исследованиях. На конференции в Днепропетровске в некоторых работах были представлены результаты исследования поэтики ономастических единиц в фольклоре [6, 13, 21, 26, 28, 45, 46], функционирования ономастических компонентов фразеологизмов, пословиц, загадок [15, 29, 39, 48]. Обращает на себя внимание интерес, проявленный исследователями поэтики собственных имен к украинской народной песне. Г.И. Бондаренко и Р.Ф. Суровцева (*Славянск*) проанализировали лексико-семантические особенности функционирования наиболее популярных собственных имен в украинских народных песнях. Представленные в различных формах имена Григорий (Григорій, Григір, Грицько, Гриць, Грицуненько, Гринь, Ригор), Галина (Галина, Галинонька, Галинка, Галя, Галюня, Галюся, Галочка), Анна (Ганна, Гандзя, Ганночка, Ганнуся, Аня, Анютка, Анничка, Анюточка, Нюся, Нюрочка) иллюстрируют характерные для украинской народной песни применения собственных имен с художественными целями [6, с.21-23]. Собственные имена, функционирующие в народной песне, описаны и в упоминавшейся выше работе Н.М. Журавлевой (*Запорожье*) [13]. Песня вдохновила и И.В. Магрицкую (*Луганск*). Эта работа заслуживает внимания как тем, что построена на собранном автором полевом материале (свадебные песни), так и тем, что в ней 1) показано влияние ближайшего к имени контекста на высокую экспрессивность демунивативных суффиксов, 2) обращено внимание на проявления эмоциональной окрашенности онимов, употребленных в индикативе, когда они являются средством квалификации величаемого лица, 3) отмечено не только влияние контекста на поэтоним, но и воздействие последнего на экспрессивную силу песни [28, с.116-117]. Последняя в этом ряду работа носит компаративный характер. О.В. Черемных (*Донецк*) анализирует антропонимику украинских и болгарских (распространенных среди болгар, живущих в Украине и Молдавии) народных песен. Сопоставительное рассмотрение антропонимов в фольклорной песне дает автору основания для выявления как общих, так и специфических черт поэтики собственных имен [45, с.191-192]. В тезисах доклада С.Т. Лавриненко (*Измаил*) утверждается мысль о существенном отличии фольклорной ономастики от литературно-художественной. Обосновывается она тем, «что сказочный образ с учетом специфики фольклорного обобщения наделяется «чертами групповой индивидуализации»^d, благодаря чему и становится типом в полном

^d Автор тезисов ссылается здесь на монографию Н.В.Новикова «Образы восточнославянской волшебной сказки». - Л., 1974.

смысле». Исходя из этой посылки строятся последующие рассуждения, касающиеся типизации собственного имени в украинской народной сказке [26, с.111]. Е.Г. Захарченко (*Днепропетровск*) в работе, посвященной сопоставительному анализу русских и украинских пословиц с ономастическим компонентом, показывает национальную специфику паремий с именем собственным и их тесную связь с национальной картиной мира и ментальностью данного народа [15, с.67-68]. Ономастический элемент в украинских фразеологизмах различной грамматической структуры, описанный в работе Л.В. Мельник (*Луганск*) [29, с.119-120], представлен или как компонент с обобщающим значением, или как наименование-символ, образованный от основ, лексическая оболочка которых намекает на определенные черты характера или поведения человека. Попытка исследователя интересна тем, что, кроме антропонимического материала, привлекались другие группы онимов – топонимы, гидронимы, ойконимы, зоонимы. Г.А.Онищенко (*Днепропетровск*) анализировались собственные имена в структуре загадки. Получены результаты «отрицательного» характера: 1) имя не имеет прямой связи с закодированным денотатом; 2) имя не имеет никакого отношения к образам-обобщениям; 3) имя не несет смысловой нагрузки [39, с.139]. Единственный позитивный вывод касается обусловленности функционирования имен природой жанра загадки, а это вселяет надежду на то, что работа Г.А.Онищенко еще не поставила всех точек над «і» в исследовании ономастического материала этого уникального явления.

Публикация Н.С.Колесник (*Черновцы*) [21] непосредственно связана с описанной выше группой работ, но ее теоретический характер и, в известном смысле, дискуссионность требуют несколько более подробного рассмотрения. Суть высказываний исследователя сводится к необходимости выделения фольклорной ономастики в специфическое научное направление. Желание как следует разграничить области научного поиска само по себе заслуживает всяческого одобрения. Более того, только проводя демаркацию собственных владений, начинаешь понимать, чем же, собственно говоря, обладаешь. К каким же выводам приходит автор? Во-первых, утверждается, что фольклорная ономастика не вписывается ни в одно из определений (и названий) науки, изучающей собственные имена в эстетической функции. С этим нельзя не согласиться. Потому-то и в начале данной статьи нашлось место для разговора о статусе нашей, испытывающей «родовые муки», науки. Во-вторых, доказывается специфичность объекта исследования. Выводы, касающиеся специфики фольклорной ономастики, также не вызывают сомнения. И единственное, с чем трудно согласиться, так это именно с пафосом работы. Поскольку основные «за» связаны со

спецификой фольклорной ономастики, попытаемся обнаружить основные «против», скрывающиеся в неспецифической области того же объекта исследования. Первое, на что следует обратить внимание: и собственные имена фольклора, и собственные имена художественной литературы суть *поэтонимы*, то есть имена в специфическом эстетическом употреблении. Это сходство, так сказать, функциональное. Второе сходство онтогенетическое: и фольклорные, и литературно-художественные поэтонимы имеют общих «родителей». И их, как и положено в «нормальном» генезисе, двое: проприальная система культуры и поэтика. Следующий фактор – филогенетический. Поэтика литературно-художественной ономастики – результат *всего* развития эстетического отношения к имени, включая не только фольклорный, но и предшествовавшие ему этапы. Теперь остановимся на некоторых частностях. Любое научное направление, кроме специфического объекта исследования, должно располагать специфическими приемами и методами исследования, стремиться к реализации специфических целей и, наконец, описывать результаты исследований специфическим метаязыком. Думается, что с этой стороны различий у литературно-художественной и фольклорной ономастики намного меньше, чем сходств. Попытка же изучать региональную и общенациональную онимию на фольклорном материале вряд ли имеет отношение к исследованию поэтики собственных имен. Из сказанного следует, что изучение поэтики фольклорного ономастикона удобнее осуществлять все-таки в рамках единого научного направления – поэтической ономастики, не забывая при этом, что «фольклорная ономастика» весьма специфична. Такой подход перспективен и для самой поэтической ономастики, поскольку дает серьезные основания для создания общей теории поэтики собственных имен.

Часть материалов конференции представляет интерес тем, что вовлекает в сферу ономапоэтики ранее не изучавшееся под этим углом зрения творчество некоторых авторов (малая проза О. Маковей [8], поэтическое наследие И. Манжуры [12], творчество Г. Тютюника [31], Т. Зинкивского [47] и т.д.), а также отдельные произведения (роман А. Чайковского «Сагайдачный» [38], повесть Г. Хоткевича «Довбуш» [41], роман П. Кулиша «Чорна рада» [44], роман Р. Иванченко «Отрута для княгині» [2] и др), тоже не бывшие объектом для исследователей поэтики собственных имен. Выделяется работа И.Е. Овчаренко (*Донецк*), затрагивающая проблему заглавий литературных произведений – библионимов. Автор ограничивает материал библеизмами, к которым относит и библейские собственные имена, и словосочетания, «которые являлись крылатыми словами еще до того, как стали библионимами («Земля обетованная»)), и восходящие к Библии словосочетания,

ставшие «крылатыми» в функции библионимов («Власть тьмы»), и выражения, функционировавшие «вне и до Библии (выделено мною. – В.К.)» [37, с.134], но получившие известность благодаря Библии^е. Традиция выделения заглавий произведений в самостоятельный вид онимов восходит к Ю.А. Карпенко, который считает, что заглавие как компонент произведения является предложением, а как название представляет собой единицу лексического уровня^ф. К сожалению, текст тезисов не позволяет выяснить, пытался ли их автор разобраться в целом ряде сложных моментов, связанных с отнесением заглавий к онимам, и пытался ли описать влияние поэтики библеизмов на поэтику библионимов.

Среди публикаций, непосредственно посвященных поэтике собственных имен в художественной литературе, некоторые выделяются оригинальной постановкой вопроса и не менее интересными попытками их решения. В докладе авторского коллектива симферопольских исследователей «Росія і чужина (на матеріалі лірики Й.Бродського, В.Набокова і п'єси М.Булгакова "Втеча")» показана роль ономастического материала в организации структуры художественного пространства в рамках оппозиции "свое–чужое" и описан механизм превращения реальных онимов в средство реализации эстетических установок авторов. Анализ «эмигрантской лирики» Бродского и Набокова, а также пьесы Булгакова «Бег», отнесенной авторами к явлениям «внутренней эмиграции», позволил им выделить этапы перехода реальных онимов в поэтонимы (первый этап - отбор; далее - за счет влияния авторского контекста - накопление коннотаций, подкрепление аллюзиями, связывание онимов с устойчивыми ассоциациями, превращение их в символы) [1, с.3-4]. Работа привлекает внимание как конкретным материалом, так и выводами обобщающего характера. Тезисы В.В. Горбань и Н.Г. Ивановой (*Одесса*) представляют интерес как попытка осмысления «другой стороны» ономапоэтического исследования. Компонентный синтез вместе с компонентным анализом, по мнению авторов, являясь неперемнным условием единого аналитико-синтетического процесса познания, дают возможность исследовать

^е Столь широкое понимание термина «библеизм» вряд ли имеет строгое лингвистическое обоснование.

^ф См. по этому поводу: Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. - 2-е изд., переработанное и дополненное. - М.: Наука, 1988 и работы Ю.А.Карпенко: Назва твору як об'єкт ономастики (переважно на матеріалі творчості М.Бажана) // Повідомлення української ономастичної комісії.- Київ, 1975.- Вып.13.- С.3-10; Специфика имени собственного в художественной литературе // Onomastica. - 1985. - Т.31; Заглавия произведений В.П.Катаева // Русское языкознание.- Киев, 1988.- Вып.17.- С.36-41.

содержательную структуру онимов. ИмPLICITные пресуппозиционные семы онима и эксплицитные пресуппозиции дискурса, вступая в импликационные отношения, создают семантическую структуру поэтического имени собственного. В семантической структуре имени собственного выделяется ядро, в котором до коммуникации присутствует набор фиксированных денотативных пресуппозиционных сем, а в процессе коммуникации дискурс актуализирует «вызванные» денотативные пресуппозиционные и коннотативные семы из периферии [9, с.35]. Днепропетровским исследователем Ю.В. Датченко была предложена функционально-семантическая характеристика ономастических компонентов в поэзии. Материалом послужило творчество Н. Чернявского. Обращено внимание на имена-поэтизмы. Этим термином названы коннотонимы, которые в результате активного употребления «приобрели широкое коннотативное содержание и даже перешли в слова-символы, имена-ситуации» [10, с.43], являются потенциально «сильными» средствами образности. По Ю.В. Датченко, имена-поэтизмы имеют большое значение для создания «второго семантического плана». В первом семантическом поле реализуются прямые значения имен, во втором – обобщающе-символические. М.В. Кудряшова (*Харьков*) собственные имена художественных произведений считает особым типом ономастов – единиц качественно отличных и от апеллятивов и от собственных имен как элементов ономастической системы. Исходя из специфики мотивированности, идейно-художественной и эстетической значимости ономастов в поэзии, автор публикации считает собственные имена художественно-образными доминантами идиостиля украинских неоклассиков [24, с.106-107]. Широко распространенные ономаты используются многими поэтами, превращаются в регулярный элемент поэзии литературного направления, что дает возможность интерпретировать их в качестве экспрессем поэтического языка. Теоретический характер имеет сообщение Г.П. Лукаш (*Донецк*). В нем представлен опыт структурно-семантической характеристики ономастического пространства художественного произведения. К описанию привлечены понятия структурной целостности и иерархической подчиненности единиц ономастикона, показана их зависимость от функциональной направленности и требований универсалий художественного текста, зависимость от авторского замысла, идиостиля, жанра произведения. Антропонимия отнесена к ядерной части ономастического пространства произведения. Второй слой образует топонимия. Остальные группы онимов, по мнению автора, составляют фоновую часть поэтонимии. Далее в работе идет речь о специфике семантики коннотативных онимов и ее подчиненности категории образности художественного произведения [27, с.113-

114]. Не все теоретические работы в равной степени удачны. Так, некоторые возражения вызывают взгляды Л.О.Белея (*Ужгород*). Автором выделены 5 периодов развития литературно-художественной антропонимии. Ценная сама по себе попытка введения классификационных признаков в развитие литературно-художественной антропонимии, к сожалению, неудачна не в смысле хронологических рамок периодов (что само по себе также не бесспорно), а в плане выводов автора о причинах состояния литературно-художественного антропонимикона того или иного периода. В частности, первому периоду развития новой литературно-художественной антропонимии (1798 - 30-е годы XIX века) дается общая негативная оценка на том основании, что она «грунтувалася на канолах класицизму» и поэтому ее отличает «антропонімічний натуралізм та емоційно-експресивна незбалансованість». К тому же «негативно позначилася на кількісному та якісному складі ЛХА і вузькоговіркова база літературно-художньої антропонімії цього періоду». Столь же оригинально охарактеризована литературно-художественная антропонимия четвертого периода (начало XX столетия - середина 80-х годов XX века): вследствие политических катаклизмов «природний процес розвитку нової української літературно-художньої антропонімії» был нарушен. «Соціальна значущість ЛХА XX ст. часто зводилася до реалізації заполітизованої бінарної опозиції «ЛХА персонажа-радянської людини – ЛХА персонажа-ворога соціалізму», что и привело, по мнению автора, к негативным последствиям – «суттєвому звууженню виражальних можливостей ЛХА» [4, с.17-18]. Широта взглядов и глобальность выводов, базирующихся на социологизированных экстралингвистических факторах, представляются сомнительными. Некоторые авторы касались не общетеоретических, а частных проблем. В.Я.Мороз (*Днепропетровск*), обратившись к изучению конструкций с «називним уявленням» [32, с.37-38], которые имеют тематический элемент — собственное имя лица, предмета, явления, показывает, что использование в конструкциях с именительным представлением (Пешковский) собственных имен влияет на них следующим образом: собственное имя приобретает экспрессивность, когда оно используется для выражения эмоций, воспоминаний, мыслей и раздумий автора. Собственные имена могут составлять экспрессивный зачин высказывания. Именительному представлению свойственны также функции уточнения, пояснения понятия.

Н.И.Вовчук и И.М.Самборская (*Ровно*) представили опыт классификации окказиональных собственных имен в русской поэзии 60-80-х годов XX века. Этот материал, неоднократно привлекавший внимание исследователей, разделен авторами на группы по типу коннотаций: 1) ономастические окказионализмы, содержащие в структуре

лексического значения компонент «культура»; 2) наименования, содержащие политико-социальные коннотации; 3) группа онимов с интеллектуально-оценочными коннотациями [7, с.32]. К этому сообщению по характеру анализируемого материала примыкает доклад И.П. Зайцевой (*Луганск*), посвященный взаимодействию ономастической и апеллятивной лексики в поэтическом тексте. По мнению автора, «в поэтической речи, нацеленной на постоянное обновление слова ... окказиональное И<мя> С<обственное> ... вследствие разового использования не утрачивает полностью свойств апеллятива и в то же время обогащается свойствами И<мени> С<обственного>» [14, с.66]. Такие лексические единицы, объединяющие сигнификативность апеллятива с денотативностью собственного имени, являются преобразованными онома – особыми поэтическими номинативами. Это понимание специфики окказиональных поэтонимов, равно как и утверждение автора о том, что «как апеллятив, так и И<мя> С<обственное>, становясь элементами художественной структуры, приобретают свойство «балансировать» между апеллятивной лексикой и И<менем> С<обственным>» [14, с.65] представляются достаточно обоснованными⁸.

В особую группу могут быть отнесены работы, построенные на материале сатирического и комического использования собственных имен. Исследование ономотологических единиц в форме характеризующих фамилий в сатирических произведениях О. Маковея (автор – О.В. Гонюк) раскрывает несколько любимых писателем приемов создания комического эффекта. Отмечены: а) прием деониматизации – возрождения внутренней формы СИ - как способ создания комического и преобладание негативно-оценочных характеризующих фамилий (**Микола Крикливець, Лизунович, Масненький**); б) алогизм в соотношениях между именем и фамилией (**Иван Кадильник**); в) создание характеризующих фамилий методом основосложения (**Маня Вирвидубівна, Иван Вертипорох, Василь Тягнибіда**) [8, с.7-10]. Если «говорящие имена» в целом и характеризующие фамилии, образованные методом основосложения, в частности, регулярно оказываются в поле зрения ономастов, то «алогичные» поэтонимы, функционально сближающиеся с оксюморонами, которые изучаются в русле поэтики собственных имен в различных (не только сатирических) жанрах, еще

⁸ Ср. с нашей трактовкой специфики собственных имен в эстетической функции, упоминающейся в ряде публикаций: «Поэтонимы – это всегда и только балансирующие по оси «апеллятив-онома» *поэтические имена*, запечатленные и установленные воспринимающим сознанием в некое мгновение своего вечного движения».

ждут своих исследователей. К ряду исследований они и сатирических произведений относятся также статья Л.П. Кричун (*Кировоград*) [23] и работа Т. Наумовой (*Мариуполь*) [34]. Исследование Л.П. Кричун отличает внимательное отношение к фундаментальным аспектам поэтической ономастики, теоретическая обоснованность подхода к проблеме номинации персонажей. Автор переносит на ономастический материал традиционное для стилистики понимание слова в литературном произведении как двуплановой единицы, соотносящейся одновременно с общелитературным языком и со словесной структурой художественного текста. Особенностью ономастики сатирических произведений Л.П. Кричун считает ее участие в реализации постоянной оппозиции «исходного, первичного» и «представленного», порождающих комический эффект. Известный ономапоэтический прием сатирического изображения, подчеркивающий желание комического персонажа через смену имени сменить общественный статус, иллюстрируется именем главного героя дилогии Чорногуза «Аристократ із Вапнярки», «Претенденти на папаху»: «Ти був *Євграф Сідалко*, а тепер ти – *граф Сідалковський*, аристократ із Вапнярки»^h (подчеркнуто автором статьи. - В.К.) [23, с.104]. В статье отмечена роль контекста в развитии семантики антропонимов (даже в тех случаях, когда антропоним имеет прозрачную этимологию), органичность связи ономастических единиц с текстом художественного произведения. Т. Наумова (*Мариуполь*) исследовала «антропонимический юмор» Владимира Самийленко. В его творчестве обнаруживаются ассоциативные (Петро Притика, Харко Лелека) и оценочные антропонимы (Тонконоженко, Товстолоб, Грандіозов, Верховоденко), макаронические пародийные прозвища (Марков - Мраков, Трепов - Трьопкін) [34, с.44-45]. Все они, по мнению исследователя, способствуют донесению идейного содержания произведения, раскрытию характеров героев и их психологии.

О.Е. Денисовой (*Одесса*) проанализированы собственные имена как средство создания жанрово-детерминированного хронотопа приключенческих романов. Автор приходит к выводу, что хронотоп как формально-содержательная категория в значительной мере определяет выбор имен как для персонажей-актантов, так и для действующих лиц, имеющих исторические прототипы [11, с.45-46]. На конференции были представлены еще несколько работ, затрагивающих близкие к названной выше проблемы. Так, Е.А. Калинин (Одесса), изучая жанрообразующую роль онимов в научной фантастике, приходит к выводу о том,

^h Цитировано автором статьи по: Чорногуз О. Твори в двох томах. - Том другий. - К., 1986. - С.183.

что одной из существенных стилистических функций топонимов, гидронимов и астронимов является закрепление событий за конкретным географическим пространством. А вымышленная ономастика обретает художественную реальность за счет включения в ее состав уже известных читателю реальных собственных имен [16, с.75]. Г.С.Ковалевская (Одесса) в результате функционального анализа астронимической лексики в художественных текстах приходит к выводу о существовании астронимов, представляющих поэтический универсум (Солнце, Луна). Солнце репрезентирует общечеловеческие понятия, соотносимые с философскими категориями добра, воли, жизни, надежды, Родины. Луна имеет характер индивидуально-авторской символизации и связана с фольклорными мотивами, понятиями любви, дали, спутника и т.д. [20, с.87].

О работе Куприна над именником своих произведений для приведения в соответствие национальности героя национальным чертам антропонимикона пишет Н.Л. Королева (Одесса). Описательная направленность исследования не снижает его значения для ономапозтики. Тонкие наблюдения позволили обнаружить как реалистические приемы воспроизведения особенностей национальных черт имен собственных, так и случаи, когда национальность героя эксплицируется автором путем присоединения характерных финалий к апеллятивам (герой-итальянец **Макаронни**), а также прийти к выводу, что именно финалии способствуют распознаванию «национальности» фамилии [22, с.96-97]. С.Ю. Жарко (Днепропетровск) заинтересовали диалектные особенности антропонимии в поэтическом наследии И.Манжуры, известного не только поэтическим творчеством, но и фольклорно-этнографическими разысканиями. В работе показано, что главным источником основного корпуса имен в поэзии Манжуры являются неантропонимические фамилии – отапеллятивные образования на основе диалектной лексики, отражающие сложную систему духовной, материальной и культурной жизни украинцев [12, с.55-56]. Оценочный заряд собственных имен в историческом романе в стихах «Маруся Чурай» Лины Костенко исследовали одесситы М.Р.Мельник и Э.В.Боева. Основное внимание авторы сосредоточили на раскрытии внутренней формы поэтонимов романа. Обращено внимание на приемы соположения в двучленных антропонимических формулах элементов с положительной и отрицательной коннотацией, чем определяется комический эффект поэтонимов. Не остались без внимания фонетические особенности имен [30, с.121-122]. В тезисах доклада И.В. Мурадян (Одесса) отмечено, что для творчества Пушкина характерно: 1) использование античных имен (лицейский период) а) в прямом значении (Гименей, Меркурий); б) для усиления образности вместо русских слов (вино -

Вакх, сон - Морфей); в) в стилистическом плане для придания торжественности повествованию; 2) со временем в использовании собственных имен у Пушкина наметились: а) отказ от типа 1.б.; б) использование античных имен в сатирической функции (ода "Вольность"); в) смена символики: имя **Овидия Назона** из символа легкой эротической поэзии становится символом поэта-изгнанника; в) отказ от условных имен в любовной лирике; г) приверженность определенному кругу античных имен в произведениях о поэте и поэзии. Для поэзии Шевченко использование античных собственных имен было столь же органично. Поэт часто использовал античные имена в символической функции (**Сатурн, Пенелопа, Филимон и Бавкида**); встречаются античные имена-реминисценции (в повести «Музыкант» главный герой называет своего спутника **Вергилием** - намек на персонаж Данте); события современности соотносятся с античностью (Николай I назван **Нероном**); античные имена используются в сатирической функции [33, с.40-41].

О. Курилов (*Запорожье*) в своей работе сконцентрировал внимание на функционировании собственных имен-символов в поэтических текстах в роли обращения. Он выделил две группы – оценочно-нейтральные и оценочно-характеризующие обращения, показал разные синтаксические позиции и обстоятельства возникновения различных стилистических эффектов. И остается сожалеть, что верные и нужные ономапозитике наблюдения, чреватые оригинальным продолжением, завершились, в общем-то, тривиальными выводами: «Таким чином, приклади посвідчують те, що ВН-символи¹ як звернення можуть починати думку автора і ефективно її закінчувати» [25, с.110]. М.Б. Михина (*Донецк*) на материале произведений Г. Тютюнника попыталась представить палитру стилистических оттенков неофициальных имен персонажей структуры «имя + отчество». Автору удалось обнаружить более десяти оттенков стилистической окраски названных номинаций [31, с.127-128]. Можно было увеличить или уменьшить количество выявленных оттенков, поскольку система стилистических помет такого рода в достаточно полном виде попросту не существует, но прибегать к фигурам умолчания по факту формирующего влияния контекста¹ на стилистическую окраску описываемого материала, по-

¹ ВН - собственные имена (укр. *власні назви*).

¹ Ср. в связи с этим известную мысль В.П. Григорьева: «... Можно утверждать, что отношения между словом и контекстом в художественной речи двусторонни. Контекст более или менее «проявляет» ... определенное ... значение слова. С другой стороны, слово в художественной речи само активно создает свой контекст - ту словесную «плазму», в которой иррадирует экспрессия...» (Григорьев В.П. Поэт и слово. Опыт словаря. - М.: Наука, 1971. - С.72).

видимому, не следовало. Как бы там ни было, именно эта работа ставит «на повестку дня» задачу разработки системы стилистических помет к описанию ономастического материала художественных произведений. Специального обсуждения требуют и вопросы спецификации словесных контекстов, в которых проявляются эмоционально-образные свойства поэтонимов.

Не может не вызывать сожаления тот факт, что в некоторых публикациях встречаются недостаточно оригинальные наблюдения, «общие места» и выводы, в равной мере приложимые к любому материалу. Вот несколько примеров: Имена героев глубоко продумываются автором и служат средством раскрытия идейного содержания произведения» [5, 10]; «Имя героя выделяет его среди других персонажей; имя выступает символом героя, его личности, характера; имя ... служит индивидуализации персонажа; имена отражают социальное неравенство героев» [44]; «Поэт подбирает антропонимы «под персонажи» в зависимости от их характера, внешних признаков, привычек, манер» [12]; «Выбор автором тех или иных имен в значительной мере (а может и вообще) не случаен»; «[вид онима] в художественном произведении выполняет определенные стилистические функции; в тексте они способствуют выражению одной из главных задач произведения» [16] и т.д.

Обзор материалов конференции позволяет высказать мнение о состоянии исследований в области поэтической ономастики. Для развития украинской поэтической ономастики характерным является расширение сферы привлекаемых к исследованиям источников, вовлечение в круг изучаемого материалов фольклора и эпоса, рост внимания к изучению паремий с ономастическим компонентом, поиски метаязыка в равной мере адекватного описанию любых проявлений поэтики собственных имен в широком спектре контекстов от традиционно формульных фольклорных и фразеологических до современных литературных во всем многообразии направлений и жанров.

Перспективы развития поэтической ономастики в Украине вряд ли отличаются от насущных потребностей ономастической науки во всем мире. Поэтика собственных имен прежде всего нуждается в разработке общей теории (включая философские и логико-языковые, семиотические и культурно-эстетические аспекты), способной охватить все стороны этого многосложного явления. Среди частно-теоретических проблем, нуждающихся в развитии, можно назвать такие: «поэтоним в контексте» (от самого узкого, до «понимаемого как широчайший принцип»¹⁶); «поэтоним и жанр»; «лексикографические проблемы поэтической ономастики». Целый ряд вопросов, входящих в сферу перечисленных частно-теоретических проблем, также нуждается в прояснении. Для украинской поэтической ономастики существен-

ное значение приобретает координация исследований ономастики конкретных литературных произведений, поэтики собственных имен в творчестве писателей, представляющих вершинные достижения украинской литературы.

СПИСОК РАБОТ ПО ПРОБЛЕМАМ ПОЭТИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКИ^k.

1. *Абрамова О.Ю., Грибенникова О.О., Мисюк А.В.* Росія і чужина (на матеріалі лірики Й.Бродського, В.Набокова і п'єси М.Булгакова "Втеча") (с.3-4).
2. *Антонюк Т.Р.* Слов'янські автохтонні імена в романі Раїси Іванченко "Отрута для княгині" (с.10-11).
3. *Ачилова В.П., Власенко В.В.* Чи є у Бога власне ім'я? (с.12-13).
4. *Белей Л.О.* Про періодизацію української літературно-художньої антропонімії кінця XVIII - XX ст. (с.17-18).
5. *Бияк Н.Я.* Передача літературних антропонімів у німецьких перекладах української художньої прози (с.20).
6. *Бондаренко Г.І., Суворцева Р.Ф.* Лексико-семантичний аспект чоловічих та жіночих імен в народних піснях (с.21-23).
7. *Вовчук Н.І., Самборська І.М.* Групи okazіональних власних імен в художніх творах (на матеріалі російської поезії 60-80-х рр. XX ст.) (с.32).
8. **Гонюк О.В.* Прізвище та ім'я героя як засіб сатиричного зображення в малій прозі О.Маковея (с.7-10).
9. *Горбань В.В., Иванова Н.Г.* Компонентний синтез імени собственого в поетическом тексте (с.35).
10. *Датченко Ю.В.* Функціонально-семантична характеристика ономастичних компонентів у поезії Миколи Чернявського (с.43-44).
11. *Денисова О.Е.* Антропонимия англоязычного приключенческого романа (с.45-46).
12. *Жарко С.Ю.* Антропоніми в поетичній спадщині І.Манжури (с.55-56).
13. *Журавльова Н.М.* Жіночі найменування у мові української народної лірики (с.59-61).
14. *Зайцева И.П.* Взаимодействие ономастической и апеллятивной лексики в поетическом тексте (с.65-66).
15. *Захарченко Е.Г.* О национальной специфике пословичных имен собственных (с.67-68).
16. *Калинюк Е.А.* Жанрообразующая роль онимов в научной фантастике (с.75).

^k Звездочкой(*) в списке помечены работы, опубликованные в сборнике *Дослідження з ономастики.*

17. ***Капулкіна І.О.** Етноніми "Слова о полку Ігоревім" та їх відтворення в нових англомовних перекладах (с.25-28).
18. **Капулкіна І.О.** Про перевираження патронімів (на матеріалі англомовних перекладів «Слова о полку Ігоревім») (с.76).
19. **Кобаль Т.** Поетична ономастика словацьких романтиків в українських перекладах Івана Мацинського (с.85-86).
20. **Ковалевська Г.С.** Механізми астронімічної символізації (с.87-88).
21. **Колесник Н.С.** Умови визначення фольклорної ономастики як специфічного наукового напрямку (с.94-95).
22. **Королева Н.Л.** Национальный аспект в изучении фамилий (на базе произведений А.И.Куприна (с.96-97).
23. **Кричун Л.П.** Проблеми номінації персонажів у сатиричному тексті (на матеріалі творів О. Черногуза, Є. Гуцала, П. Загребельного (с.103-105).
24. **Кудряшова М.В.** Поетична ономастика українських неокласиків (с.106-107).
25. **Курілов О.О.** Особливості функції власних назв-символів у поетичних текстах (с.110).
26. **Лавриненко С.Т.** Типізація власного імені в українській народній казці (с.111-112).
27. **Лукаш Г.П.** Структурно-семантична організація онімної лексики художнього тексту (с.113-114).
28. **Магрицька І.В.** Антропоніми та їх функції у весільних піснях Луганщини (с.116-117).
29. **Мельник Л.В.** Ономастичні елементи в українських фразеологізмах (с.119-120).
30. **Мельник М.Р., Босва Е.В.** Оціночний заряд власних імен у романі "Маруся Чурай" Ліни Костенко (с.121-122).
31. **Міхіна М.Б.** Неофіційні іменування у творах Григора Тютюника (особове ім'я та ім'я по батькові) (с.127-128).
32. ***Мороз В.Я.** Власні назви в конструкціях з називним уявленням (с.37-39).
33. ***Мурадян И.В.** Использование античных собственных имен в произведениях А.С.Пушкина и Т.Г.Шевченко (с.40-41).
34. ***Наумова Т.** Антропонімічний гумор Володимира Самійленка (с.44-45).
35. **Ніцевич А.О., Тхор Н.М., Голубенко Л.М.** Взаємодія етимології антропонімів та художнього тексту (с.131).
36. **Новикова М.О., Вовк М.О., Гедзельман О.О., Ішханян Ю.В.** Ім'я і контекст (с.132-133).
37. **Овчаренко И.Е.** Библиизмы в качестве заглавий литературных произведений (с.134).

38. *Олинська В.Ю.* Антропоніми роману А. Чайковського "Сагайдачний" (с.137-138).
39. *Онищенко Г.А.* Власні імена людей в структурі української народної загадки (139).
40. *Павликівська Н.М.* Топонімія художніх творів Юрія Фельковича (с.142-143).
41. *Панкова Н.О.* Антропоніми в повісті Г. Хоткевича "Довбуш" (с.147-148).
42. *Попова І.С., Олійник Н.П.* Про один аспект використання власних імен у художньому тексті (с.157-158).
43. *Собка Т.А.* Антропоніми як засіб створення психологізму (орієнтир В. Підмогильного для розуміння літературного образу) (с.165-166).
44. *Стопченко Н.Ю.* Антропоніми в романі П. Куліша "Чорна рада" (с.169-170).
45. *Черемних О.В.* Функціонування жіночих антропонімів в українських і болгарських народних піснях (с.191-192).
46. *Шебештян Я.М.* Структурні особливості літературно-художніх зоонімів (с.195).
47. *Школа Г.М.* Антропоніми у творчій спадщині Трохима Зінківського (с.196-197).
48. *Щербань Н.П.* Фразеологізми з компонентом антропонімом у німецькій мові та способи їх перекладу (с.199-200).

ЛИТЕРАТУРА

¹ *Дослідження з ономастики.* - Збірник наукових праць. Статті та тези за матеріалами VII Всеукраїнської ономастичної конференції 1-3 жовтня 1997 р./ Наук. ред.: В.О.Горпинич.- Дніпропетровськ, 1997.- 64с.; *Питання сучасної ономастики.* Статті та тези VII Всеукраїнської ономастичної конференції (1-3 жовтня 1997р.). - Дніпропетровськ, 1997. - 235 с.

² *Gawor S.* O funkcjach nazw osobowych i miejscowych w tworczości Ignacego Krasinskiego // *Onomastica.*- vol.X. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1965. S.205.

³ *Карпенко М.В.* Русская антропонимика. Конспект лекций спецкурса. - Одесса: ОГУ, 1970. - С.13, 14 и т.д.

⁴ *Щетинин Л.М.* Слова, имена, вещи. Очерки об именах. Ростов-на-Дону, 1966. - С.119.

- ⁵ **Магазаник Э.Б.** Поэтика имен собственных в русской классической литературе. Имя и подтекст. Автореф. канд. дисс. - Самарканд, 1967. - С.4.
- ⁶ **Магазаник Э.Б.** Имена собственные в художественной литературе // Русская речь. - №3. - 1968. - С.23-24.; Поэтика имен и эзопов подтекст в повести Гоголя «Вий» // Труды Самаркандского гос. ун-та, новая серия. - Вып.123. - Ч.2. - Самарканд, 1963. - С.117-123.
- ⁷ **Зайцева К.Б.** Английская стилистическая ономастика. Тексты лекций. - Одесса, 1973. - С.30.
- ⁸ **Piszczkowski M.** Niektóre zagadnienia nazewnictwa stylistycznego// Ономастыка - vol.III. - Wrocław - Warszawa - Kraków, 1957. - S.116-128.
- ⁹ **Ономастыка литерачка** / Pod red. M.Biolik. - Olsztyn, 1993.
- ¹⁰ **Górniewicz H.** Wstęp do onomastyki. - Gdańsk, 1988
- ¹¹ **Osnoven sistem i terminologija na slowenskata onomastika.** - Skopje, 1983.
- ¹² **Rymut K.** Ономастыка литерачка а inne dziedziny badań nazewniczych // Ономастыка литерачка / Red. M.Biolik. - Olsztyn, 1993. - S.15-20
- ¹³ **Maurer W.R.** Another view of literary onomastics // NAMES. - vol. 11. - №2. - June 1963. - P.106-114; **Gerus-Tarnawecy I.** Literary onomastics // NAMES. - vol.16. - №4. - Dec.1968. - P.312-324.
- ¹⁴ **Rudnickyj J.B.** Functions of proper names in Literary work // Stil und Formprobleme in der Literatur. - Heidelberg, 1960. - P.378-373.
- ¹⁵ **Подольская Н.В.** Словарь русской ономастической терминологии. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.:Наука, 1988. - 192с.
- ¹⁶ **Лосев А.Ф.** Знак. Символ. Миф. (Труды по языкознанию). - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. - 480 с.

ХАРАКТЕР ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ СЛОВ ПРИ КОННОТАТИВНЫХ ОНИМАХ

Семантическая деривация предполагает появление у слова нового значения в процессе более или менее длительного употребления. Существенную роль в образовании переносного значения играют слова, выступающие при именных производных в качестве уточнителей. Ведущая роль здесь принадлежит определениям, которые "дают нам ключ, помогающий проникнуть в природу номинации" (Арутюнова, 1977: 308). Использование лексических средств для производства новых значений обусловлено нереализованностью аффиксальных средств языка при лексико-семантическом словообразовании. Таким образом, новое значение производной единицы при актуальной производящей основе проявляется в определенном синтагматическом окружении.

Способность иметь при себе определяющее слово не является специфическим свойством коннотативных онимов (далее – КО). "Чистые" СИ (далее – СИ) также обладают способностью иметь при себе атрибуты. Однако роль определяющих слов при КО и СИ резко отличается. Рассмотрим две омонимичные конструкции с КО и СИ, структурная формула которых такова: $N_0 \xrightarrow{\text{attr}} N_k$, где N_0 – признаковый член, N_k – базовый член, стрелка указывает на отношение атрибутивного типа:

1. Рыжеволосый Антошка – N_k – СИ;
2. Рыжеволосый Антошка – N_k – КО.

1. Конструкция с атрибутом при СИ ориентирована на денотат имени. СИ называет объект, а атрибут имеет характеризующую функцию, называя один из признаков денотата (объекта обозначения именем).
2. Конструкция с атрибутом при КО ориентирована не на денотат, а на сигнификат имени, поскольку КО, в отличие от СИ, понятийно опосредован (Отин, 1986: 186). Значение КО *Антошка* можно определить как "лицо (мужского пола) с рыжими волосами". Как видим, значение КО имплицитно сему "рыжие волосы". Но тот факт, что "вторичные переносные обозначения обладают лишь потенциальной семантикой, т.е. не фиксируют определенное содержание, а лишь нечетко очерчивают некую семантическую область с вероятностной структурой" (Никитин, 1973: 99), заставляет говорящего эксплицитно выражать актуальную сему в соответствии с контекстуально-ситуативными условиями речи. В данном случае определение семантически связывает-

ся с качественно-оценочным компонентом значения КО, усиливая или подчеркивая этот компонент.

Отдельную группу в составе КО с определяющими атрибутами составляют СИ с референтными созначениями, прочно вошедшие в язык именно как составные наименования со связанным значением, например: *Северная Пальмира, Прекрасная Елена, народная Немезида, ветхий Адам, бедный Йорик, двуликий Янус* и под. Данные наименования могут быть истолкованы в терминах фразеологии, поскольку обладают рядом структурных признаков, характерных для фразеологических единиц: переносным образным значением, экспрессивной насыщенностью, семантической заменимостью словом. Из представленных КО данного типа лишь сочетание *двуликий Янус* включено во фразеологический словарь русского языка под редакцией А.И.Молоткова (М.: Рус. яз., 1986). Остальные сочетания продолжают оставаться в разряде "крылатых слов", которые, по мнению составителей фразеологического словаря, "могут быть прототипами фразеологизмов русского языка" (см. указ. словарь, с.16). Данные сочетания зафиксированы в известной книге Ашукиных (см.: Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. - М.: Худож. лит., 1988.). Такие сочетания слов имеют общезыковые коннотации и активно употребляются в языке. Например: "На другой день я простился с моими знакомыми и, кажется, навсегда оставил *Северную Пальмиру*" (Шевченко. Художник); "Это старая, даже вечная тема – Пьеро и Коломбины. Коломбина здесь называется *Прекрасной Еленой*. У Жироду ... *Елена Прекрасная* – инертная материя... Концепция Фолкнера другая. У его Елены безмерные требования..." (Гинзбург. О старости и об инфантильности); "Противоречия... больше не продуктивны. А это значит, что все же совлечен *ветхий Адам* девятнадцатого века" (там же); "Результат этот (разграбление евреев – Е.Б.) ...был приятен некоторым тенденциозным писателям, приявшим на свою часть если не поддерживать погромы, то по крайней мере извинять их с точки зрения какой-то *народной Немезиды*" (Лесков. Еврей в России).

В английском языке на языковом уровне также функционирует немало составных наименований с КО, например: а Cheap Jack, а Merry Andrew, а Smart Aleck, perfidious Albion и др. (см.: Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. - М.: Рус. яз., 1984).

Иногда коннотативный оним имеет в качестве производящей основы готовое составное наименование – СИ, часто терминологического характера типа *Каменный век, Варфоломеевская ночь, Мамаево побоище*, в англ. яз.: Wall Street, Madison Avenue, the "Holy Alliance" и под. Данные составные именные названия характеризуются родовидовым членением объекта при его номинации для создания специфического обозначения нового объекта за счет выделения в нем по-

стоянного для него признака (Телия, 1981: 173). Эти сочетания вступают в отношение производности с метафорическими или метонимическими сочетаниям, например:

Каменный век (хрононим) → Каменный век (КО со значением "стояние крайней неразвитости чего-л.")

the "Holy Alliance" (идеоним) → the "Holy Alliance" (нерушимый союз").

В результате лексико-семантического процесса словообразования термины детерминологизируются, сохраняя атрибутивную структуру и приобретая коннотативные значения. Например: "Даже "сухой рационалист" Илья не мог не отметить, что в этом что-то было: пахло театром. И все-таки восторга он не испытывал. "Каменный век!" заключил он для себя" (Мочалов. Первые уроки театра); "-Что слышно? Никак *варфоломеевскую ночь* хотят устроить!" (Вс.Иванов. Голубые пески).

Составные наименования с КО типа: $N_0 \xrightarrow{\text{attr}} N_k$, где N_k – КО, а N_0 – признаковый член (прилагательное, числительное, местоимение, наречие), а также существительное в родительном падеже, за исключением рассмотренных выше групп, являются свободными сочетаниями, хотя в большинстве случаев определение мыслится в непосредственной связи с базовым словом-КО, что графически маркируется кавычками: "современный Нострадамус", "малороссийская Сафо" и под. Такие КО имеют следующие группы определений:

I. Определения, не привносящие специальный аспект в КО, лишь квалифицирующие их:

а) К первой группе можно отнести определения, характеризующие КО темпорально, например: прил. современный, древний, новый, сегодняшний, последний, будущий, тогдашний и т.д. Например: "На другой же день *будущая Патти* пробует у профессора Маккарони голос" (Куприн. Будущая Патти); "Мчат здесь мистеры добрые и недобрые, белые, черные, старые, молодые. Правдивые, лживые. *Современные донкихоты* и, возможно, *современные гамлеты, собакевичи* (О.Гончар. Твоя заря. Пер. О.Гончара); "Было время, когда глуповцы *древних Платонов и Сократов* благочестием посрамляли; нынче же не токмо сами Платонами сделались, но даже и того горяче..." (Салтыков-Щедрин. История одного города). В англ. яз.: Possibly he took me for a Latter-day Jack the Ripper (J.London. The People of the Abyss).

Большинство прилагательных такого рода являются специфическими маркерами наличия в СИ переосмысленного значения, поскольку употребляются только с КО. Особо выделяется в этом ряду прилагательное *новый*, активно употребляющееся в составных сочетаниях с КО: "Собеседники стояли с раскрытыми ртами, смотря на

обличителя Чурилки, как будто ждали, что вот-вот придет *новый Моисей* и извлечет из этого кремня огонь" (Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге); "Может быть, и в киргизской степи возник бы новый *Санто-Франциско*" (Шевченко. Близнецы).

Ср. продуктивную модель трансонимизации в пределах одного класса или разных классов онимов: Каховка → Новая Каховка; Одесса → Новая Одесса; Геликон (эргоним) → Новый Геликон; York → New York; England → New England → New England of the West и под., где производящие онимы проходят стадию коннотонимизации по модели имени (Суперанская, 1973: 116).

Генетивные конструкции в пределах данной группы определенных с КО не очень частотны. Это, по всей видимости, обусловлено их книжным происхождением, на что в свое время обращал внимание Ф.Л.Буслаев (см.: Буслаев, 1963: 460). Приведем некоторые примеры генетивных конструкций с КО: "Это был Диоген наших дней..." (Шевченко. Близнецы); "Мелодрама "Воробей" ...повествует о *Ромео и Джульетте* середины прошлого века" (Теленеделя, № 9, 26.02.-08.03. 1998 г.).

б) Ко второй группе относятся определения с локативными характеристиками. Данная группа весьма обширна и включает прилагательные и существительные в род. пад., указывающие на различные сферы приложения признака КО. Вот лишь некоторые примеры, которые были отмечены нами в составе сочетаний: русский, малороссийский, полтавский, доморощенный, уездный, полковой, черноземный, местный, С-Петербургский и т.д. Например: "...Белинский заслуживает звание *русского Лессинга*..." (Тургенев. Воспоминания о Белинском); "Чтобы себя более показать и задобрить хозяев кибитки, *полтавские Амфионы* смгнулись, раздули щеки пуще прежнего и с ужасным криком заревели..." (Нарежный. Два Ивана, или Страсть к тяжбам). В англ. яз.: You took me for a country Johnnie Raw, with no more mother-wit or courage than a porridge-stick (Stevenson. Kidnapped).

В данной группе встречаются генетивные конструкции атрибутивного типа, например: "*Леди Макбет Мценского уезда*" (название произведения Н.Лескова), "*Гамлет Щигровского уезда*" (название произведения И.С.Тургенева), а также "*Вестминстерское аббатство родины твоей*" (Некрасов. Есть и Руси чем гордиться...); "*Аристофан наших сходов*" (Тургенев. Рудин). В англ. яз.: "*the Mary and Joseph from the train station*" (US News and World Report, Des.31-Jan.7.1991).

Локативные отношения могут затрагивать не только территории, но и области приложения качественного признака КО, например, в сочетаниях "*негритянский Бродвей*" (А.Лауринчюкас. Врата страха), "*Мекка абстракционизма*" (там же) определяющие слова локализуют качественный признак до видового в соответствии с реальной сферой

его применения. Сюда же относятся сочетания типа "*Радиевый Монблан*" (Платонов. Эфирный тракт), "*Клондайк лунных месторождений*" (из телепрограммы "Время" от 6.03.1998 г.) с выделительно-атрибутивными отношениями между элементами.

Ряд составных наименований с локализацией признака строятся по регулярной ономастической модели словообразования, например: *Париж на Миссисипи* (Лауринчюкас. Врата страха), *Стамбул на Рейне* (Теленеделя, № 21, 21.05-31.05.1998 г.).

в) Локативные характеристики могут дополняться социальными характеристиками наименований. В этом случае используются такие определения: советский, пролетарский, буржуазный, капиталистический, религиозный и т.д. Например: "Одна аульская стенная газета даже назвала Северный Кавказ *"восточной советской Англией"*, вследствие наличия одного морского берега и четырех парходов, которые пока не плавали" (Платонов. Сокровенный человек). "*Пролетарский Илья Пророк*" (название заметки из газеты "Градовские известия" в рассказе А.Платонова "Город градов"). Ср. также генетивную конструкцию такого рода – "*Коран американских фашистов*" (Лауринчюкас. Врата страха).

г) Отдельной группой в составе определений, не привносящих специального аспекта в КО, являются атрибуты (чаще прилагательные) со значением подлинности, достоверности факта имяобозначения. При онимной метафоре, как при метафоре вообще, истинное содержание выражения, как известно, неадекватно прямому значению составляющих его элементов (Арутюнова, 1990: 12). Определения данной группы еще больше усиливают "напряжение" метафоры, повышая ее "поражающую" способность. К данной группе относятся такие определения: настоящий, истинный, подлинный и т.п. Например: "Паша отозвалась из другой комнаты и через минуту явилась с кофейником и чашками на подносе, *настоящая Геба*" (Шевченко. Прогулка с удовольствием и не без морали); "*Истинный ты Езон!*" (Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо). В англ.яз.: "By some he is called a *"thorough-bred Englishman"*, by some, *"a genuine John Bull"* (Dickens. Barnaby Rudge); "He contradicted everything I said before the assembled company, and made me look *a proper Charley*" (ECI).

д) Следующая группа определений тесно примыкает к предыдущей. Это также усиливающие определения (обычно прилагательные), указывающие на завершенность, полноту проявления признака: совершенный, сплошной, сущий, редкий и т.д. Например: "Стоило побывать у цирка "Космос", где намечался концерт группы ("*Мумий Тролль*" – Е.Б.) и послушать приветствия фанатов – ни одного Ивана там или Игоря, *сплошные Джонсы, Джексы и Джулли*" (Теленеделя. № 19, 05.03.-15.03.1998 г.); "*Федосья ... как-то особенно старательно*

вытирала пыль и кончила тем, что обратилась ко мне с следующим воззванием: "*Самый невероятный Фома!*" (Мамин-Сибиряк. Черты из жизни Пепко).

е) В роли интенсификаторов при КО могут выступать местоимения *какой, этакий, весь, весь этот* для усиления или выделения особенного, значительного характера качества или свойства. Например: "*Все эти Чурилки, Алеши Поповичи, Ильи Муромцы* – все они с детства волновали мое воображение" (Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге); "*Ванька-Каин эдакой...*" (Тургенев. Холостяк); "*Ах ты, Талейран этакой!*" (Тургенев. Затишье). "Ну, брат, *какой же ты Кавур!*" (Тургенев. Воспоминания о Белинском).

Поскольку значительная часть КО способна выражать свернутую пропозицию как образное представление, толкование действительности и ее оценку, чаще всего они занимают в предложении место сказуемого или приложения. В других позициях они употребляются со вспомогательными элементами, в частности местоимениями. В составных конструкциях с КО употребляются указательные, притяжательные, определительные и неопределенные местоимения.

а) Указательные местоимения *этот, сей* как вспомогательные элементы при КО указывают на оним, не упомянутый предварительно, но определенный для участников коммуникации, поэтому в большинстве случаев эти местоимения находятся при КО с узуальными коннотациями. Например: "Не по нутру мне *этот Ванька-Каин*" (Лермонтов. Маскарад). "*Новая сия Иезавель* навела на наш город сухость" (Салтыков-Щедрин. История одного города). Местоимения *этот, сей* в данном случае усиливают оценочный компонент значения КО (чаще пейоративного плана). Местоимение *сей*, уже в начале XIX века представлявшееся устаревшим (Розенталь, 1984: 339), используется также как стилистически ненейтральный компонент высказывания (чаще с ироническим оттенком).

б) Основная функция притяжательных местоимений *наш, ваш, мой, твой, их, свой* – локализация качественного признака онима, направленная на носителя посессивного признака. Например:

Благодари меня, о женский пол!
Я - Демосфен твой: за твою свободу
Я рад шуметь! (Лермонтов. Сашка);

"...Вбежала или, лучше сказать, впорхнула в павильон ранней птичкой *моя прекрасная Елена* и повисла у меня на шее" (Шевченко. Прогулка с удовольствием и не без морали). "*Это наш Нимврод египетский...*" (Л.Толстой. Юность); "Вскипят хаосом ... из самой дымки сотканные *ваши фудзи, карпаты, кавказы, альпы и кордильеры*" (О.Гончар. Твоя заря). В англ. яз.: "A century and a half ago Wettornich

and Alexander tried to build up their "Holy Alliance..." (Labour Monthly, Febr., 1962).

в) Определительные местоимения *разный, всякий, любой* (= всякий), неопределенное местоимение *какой-нибудь* служат для выделения одного или нескольких предметов из целого класса. Возможность иметь определительные местоимения является специфическим свойством КО. Например: "Все это бог знает кто - или немцы: Ге, Фе, Де - и весь алфавит, или *разные Ивановы, Семеновы, Никитины, или Иваненко, Симоненко, Никитенко* (Л.Толстой. Воскресенье). "*Какой-то русский геркулес...* тотчас выхватил его (нож - Е.Б.) из рук Талагаева" (Тургенев. Конец); "... казался мне необыкновенно уютным, теплым и красивым, хотя столичному человеку живется в нем так же скучно и неуютно, как в *любой Чухломе или Кашире* (Чехов. Огни).

Числительные также могут выполнять функцию определителей при КО, причем, как порядковые, так и количественные. При СИ числительные обозначают простое множество объектов или номер по порядку. Объекты при этом, хотя и номинированы одинаково, рассматриваются как индивидуальные. При КО числительные определяют не отдельные объекты, а классы объектов. Порядковое числительное *второй* – наиболее употребительное в составных конструкциях такого типа. Его значение, трактуемое как "вполне заменяющий первого, настоящего" (см.: Ожегов, соотв. статья), позволяет числительному служить показателем переносного значения онима. В этом случае оно соотносимо с английским местоимением *another* с аналогичным значением (см.: Hornby, соотв. статья). Ср.: "...иной подумает, что я *второй Буанаротти...*" (Шевченко. Прогулка с удовольствием и не без морали); "He thinks he is *another Napoleon*" (Hornby, 1984: 24). Подобные составные наименования употребляются преимущественно в предикативной позиции. Генетивные конструкции типа *Марлон-70-х* также занижают в основном позицию предиката. Для других позиций необходимы вспомогательные элементы.

КО могут определяться наречиями меры и степени, что свидетельствует о наличии в их семантической структуре качественного компонента. Это также является подтверждением того, что КО, в отличие от СИ, имеют пропозиционный тип семантики. Вот некоторые примеры составных наименований с определяющими наречиями: "Он *чуть-чуть не Шекспир*" (Гоголь. Ревизор); "Князь Р. ... был *Грандиссон во всех отношениях*" (Гоголь. Портрет). "Да вы Сарданапал, Николай Иванович!... нет, вы *просто Сарданапал* (Салтыков-Щедрин. Губернские очерки); "Какой это у тебя барин грозный – *ни дать ни взять Иоанн Предтеча*, наевшийся акрид... одних акрид, без меда!" (Тургенев. Новь). В англ. яз.: "Swithin smiled and nodding at Bosinney said: "Why, you are *quite a Monte Cristo*" (Galsworthy. The Man of Property).

II. Существуют определения при КО, которые не только классифицируют, но и характеризуют оним или денотат, им обозначенный. К данной группе относятся:

а) Прилагательные, усиливающие, уточняющие или подчеркивающие семантику КО. Такие определения ориентированы на "внутреннюю форму" КО. Они отражают стремление говорящего конкретизировать актуальные в коммуникативной ситуации семы, например:

Ну, муза, – ну, скорее, – разверни

Запачканный листок свой подорожный! –

Не завирайся, – тут *зоил безбожный...* (Лермонтов. Сашка);

"Не только умеренный немец, но и рыжий Джон-Буль стал бы в тупик, увидя, как уплетал мой едва проснувшийся родич сухари с чаем" (Шевченко. Прогулка с удовольствием и не без морали); "*Утонченная Европа и дикая, неумытая Азия* уживались друг с другом" (Данилевский. Минович); "...Если кто спасется на летающих дисках, то только лишь самые праведные и совершенные – атланты "*современных гибнущих атлантид...*" (О.Гончар. Твоя заря). В англ. яз.: "...it was an error to judge of him by the standards proper to *the everyday Browns, Joneses or Robinsons*" (Caine. Cobwebs of Criticism). Определения при КО в этих случаях конкретизируют характер метафорической аналогии.

б) Вторую подгруппу составляют референтно-ориентированные прилагательные. Количество подобных определений весьма велико. Их основная функция – характеристика денотата обозначения. Например: "*Маленький Меркурий*, гордясь великой доверенностью господина, стрелой помчался в лавочку (Лермонтов. Герой нашего времени);

Оживает наша тихая

Палестина, – к Рождеству

Разоденусь, как купчиха. я

И копейку наживу. (Некрасов. Приметы);

"На прощанье даю вам, а особливо тебе, *старый фалалей*, добрый совет, не быть слишком легковверным..." (Нарежный. Бурсак). В англ.: "He found the master of the puppet show belabouring the back and ribs of *his poor Merry Andrew* (H.Fielding. Tom Jones).

в) Отдельную подгруппу представляют денотативно направленные определения, выражающие субъективную оценку говорящим номинируемого им объекта (чаще по качественно-отрицательному основанию): *чертовый*, *проклятый*, *дорогой*, *милейший* и т.д. Позитивные коннотации в большинстве своем связаны с регулярными для СИ моделями с обращением. Например: "Ну, не хитрите, не скрывайтесь же, *милейший мой Немврод*, великий ловец станowych перед губернатором" (Салтыков-Щедрин, Губернские очерки); "*Милый мой, обожаемый царь Соломон!*" (Куприн. Яма).

Итак, можно сделать вывод, что определительные слова при КО весьма разнообразны. В позиции атрибута при коннотонимах могут находиться прилагательные, местоимения, числительные, определительные наречия, существительные в родительном падеже. Определения при КО стремятся установить связь с качественным компонентом значения онима, лексикализируя наличие переосмысления, эксплицируя актуальные в коммуникативной ситуации семы, характеризуя денотат обозначения. При этом большинство определений выполняет оценочно-усилительную функцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. - М.: Прогресс, 1990. - С.5-32.
2. *Отин Е.С.* Развитие коннотонимии русского языка и его отражение в словаре коннотонимов // Этимология. 1984. - М.: Наука, 1986. - С.186-191.
3. *Никитин М.В.* О семантике метафоры // Вопр. яз. - 1979. - № 1. - С.91-102.
4. *Телия В.Н.* Типы языковых значений // Связанное значение слова в языке. - М.: Наука, 1981. - 270 с.
5. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. - М., 1963. - Ч.1.
6. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. - М.: Наука, 1973. - 358 с.
7. *Современный русский язык* / Под ред. Д.Э.Розенталя. - М.: Высш. школа, 1984. - 735 с.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Ожегов – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю.Шведовой. - М.: Рус. яз., 1987. – 750 с.
- ЕСИ – *Wood F.T.* English Colloquial Idioms. London and Basingstoke, 1970.
- Hornby – *Hornby A.S.* Oxford Student's Dictionary of Current English. – Moscow-Oxford: Prosveshcheniye Publishers – Oxford University Press, 1984.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Е.С.Отин

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ НЕНОРМАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)¹

СТРЕЛКА. 1. Место встречи уголовных «авторитетов», воров, проституток, наркоманов. 2. Тайное совещание «авторитетов». 3. Место свидания, встречи и сама встреча. Например, в «исповеди» криминального «авторитета» С. Белогреева, напечатанной в 9-м номере газеты «Мегаполис-Экспресс» за 1998 г.: «Две недели назад наконец-то на *стрелке* с авторитетами договорились о создании в академии секретного отдела»; «Потом авторитеты без нее будут на *стрелке* решать, что им делать, кого убирать и как убирать - физически или морально. Компромата у нас на всех хватит». Ср. еще: «Наконец - смотаться в Новокузнецкий аэропорт на «*стрелку*» с братками-соседями: собственно, для них и предназначался маленький праздник» («Калейдоскоп», 1998 г., №3 (40), с.31); «Кроме того, “первые ласточки перестройки” (речь идет о ресторанах, появившихся в перестроечные годы - Е.О.) исторически облюбованы братками (им в то время больше негде было собираться) и до сих пор несут ауру всевозможных *стрелок*, разборок и т.д.» («Экспресс-газета», 1998 г., №12(169), с.22).

Жаргонизм *стрелка* употребляется и в составе словосочетания *забить стрелку* ‘договориться о встрече, назначить встречу’ (*забить* - ‘зарезервировать’, ‘занять место, очередь’: «Стрелку забили» возле спорного магазина на территории Центрального узла связи морского флота» («Аргументы и факты», 1998 г., №15 (912), приложение «Москва», с.5); «Ребята из московского “Черного кута” «забивали стрелку», проверяли их. На встречу никто не явился» («Калейдоскоп», 1998 г., №3 (40), с.31) и *проколоть стрелку* ‘не явиться на встречу в условленном месте’ (Балдаев-II, 63).

В 30-40-е годы слово *стрелка* в городском молодежном жаргоне употреблялось еще со значением ‘место, где встречается с целью знакомства молодежь’. Можно было услышать выражения типа: «Ты вчера был на стрелке?»; «А где у вас тут стрелка?»; «Пойдем вместе на

¹ Начало публикации см: «Восточноукраинский лингвистический сборник». Изд-во “Донеччина”. Донецк (вып. 2, 1996, с.150-165; вып. 4, 1998, с.53-81).

стрелку» и под. В это время парни уже *стреляли* за понравившимися им девушками. Автор, тогдашний второклассник, хорошо помнит первую «встречу» с этим непонятным для него глаголом - в речи школьницы, доверительно сообщившей о неравнодушном к ней отношении ученика из параллельного класса: «А он уже давно стреляет за мной...» Из нижеизложенного станет ясно, что данный жаргонизм был мотивирован существительным *стрелка* 'место встречи «тусующейся» молодежи'.

Жаргонизм *стрелка* был образован от бессуффиксной усеченной основы *-стре-*. Кроме него, она представлена в народно-разговорной словоформе *стрел* 'встретил'. Ср. еще другие ее структурные состояния: 1) бесприставочное: *стрётить, стречать, стрéнуть, стречáнье, стрéта, стрéча, стрéчный, стрётный* (Даль-IV, 345); 2) приставочное, с усеченной основой: *встрéна* 'встреча', *встрéнить* 'встретить' (*встрéнил* 'встретил'), *встрéниться* 'встретиться', *встрéнуть(ся)* 'встретить(ся)' (СРНГ-5, 215-216). Ср. у С.Есенина: «... С лаем ливисто ошалелым / Меня *встрел* молодой ее сын» («Сукин сын»). Производящей базой суффиксального жаргонизма *стрелка* могли быть оба варианта усеченной основы: *стре-* и *встре-*. В последнем случае в разговорной речи произошло упрощение труднопроизносимого начального звукосочетания (*встр-* > *стр-*). Словообразовательная модель та же, что и у слов из группы *potina loci* *раздевалка, умывалка, ожидалка, читалка* и др. (глагольная основа + суф. *-лк(а)*).

Смысловое развитие производного *стрелка*, очевидно, протекало так: *стрелка*₁ 'место (вначале - помещение), где встречаются' → *стрелка*₂ 'всякое место встречи, в т.ч. и на улице, в саду, парке' → *стрелка*₃ 'место встречи флиртующей молодежи' → *стрелка*₄ 'место встречи уголовных «авторитетов»'. В середине века эти значения уже синхронно сосуществовали в слове.

Войдя в социодialeкт («феню»), жаргонизм *стрелка* постепенно утрачивал смысловую мотивацию глаголом *встретить* (*стретить, встренуть, стренуть, стреть*) и вступил в паронимическую зависимость от общеязыкового слова *стрелка*. Произошло замещение его основы, и *стрелка* стала восприниматься как производное от *стрела*. Такая же судьба постигла и глагол *стрелять* 'ухаживать, ходить за кем-либо, добываясь расположения', возникший на базе *стрелки*₃ 'место встреч, свиданий'. В настоящее время он уже сравнительно редко встречается в молодежном городском сленге. В современном просторечии гораздо более распространен глагол *стрелять* со значением 'доставать, добывать, прося у кого-нибудь', например: «Стрелять сигареты у сослуживцев»; «Стрельни закурить» (ТСРЯ-96г., 762; СМА, 454), а в воровском жаргоне - еще 'попрошайничать', 'заниматься

профессиональным нищенством' и 'красть, воровать' (Балдаев-2, 63; СМА, 454). Значения 'просить' и 'попрошайничать' развились в нем из более раннего 'ухаживая, добиваться расположения', а 'красть' – из 'доставать, прося' (благодаря утрате последней семы), ср.: «А я у него незаметно шапку стрельнул» (запись 1995 г.). Одно из них (второе) присутствует в жаргонном фразеологизме *стрелять на якоре* 'попрошайничать сидя, притворяясь калекой'.

Глагол *стрелять* с этими тремя последними производными значениями стал мотивирующим словом для существительного *стрелок*, в городском просторечии имеющего значение 'тот, кто просит (выпрашивает) что-то', а в «фене» – 'нищий' и 'вор'.

СТРЁМА. Это слово употребляется только в составе словосочетаний *стоять на стрёме, ставить на стрёму*, а также в команде *на стрёму!* Его значение: 'стража, караул'. Кроме того, В.И.Далем оно было отмечено и как междометие – «окрик мазуриков и жуликов друг на друга: Стрема! берегись, есть опасность» (Даль-IV, 328). Ему посвятили небольшую статью в четвертом томе "Толкового словаря русского языка" под ред. Д.Н.Ушакова его составители Г.О.Винокур и С.И.Ожегов (ТСРЯ-IV, 556). Например: «В Ярославской области подростки, но уже под руководством взрослых, опустошали чужие квартиры по такому сценарию: одни режут телефонные провода, другие взламывают дверь, третьи стоят на «стреме», четвертые вывозят награбленное» («Труд», 1998 г., 9 июня). Словосочетания *быть на стрёме, стоять на стрёме* входят в один ряд с речевыми оборотами: *стоять на атасе, стоять на атанде, стоять на цинку, стоять на шухере*. Примечательно, что все входящие в их состав существительные способны, как и *стрёма*, употребляться в функции междометных слов (правда, в современной «фене» *стрёма* эту способность уже утратила). Ср. словесные оповещения об опасности и сигналы, призывающие к бегству: *шухер! атас! цинк! атанда!* Тот, кто «стоит на стрёме», или *стремит, стремачит* 'следит', – *стремач, стрёмщик (стрёмщица)*. Употребляется также форма повелительного наклонения *стремй* – при наказе стоять на страже, быть стрёмщиком.

В современном московском арго В.С.Елистратовым были отмечены и другие суффиксальные производные с основой *стрём-*: *стрёмка* 'то же, что и стрёма' и 'тот, кто следит, сторожит что-либо, т.е. «стоит на стрёме», или «стрёмит», «стрёмает»; *стрёмки* (мн. ч.) – 'то же, что и стрёма' (ср.: «Я на стрёмках с самого утра»).

Появилась также группа слов, мотивированных основой *стрём-* со значениями 'тревога, беспокойство; страх' и 'готовность к чему-то': *стрёмать (стрёмить)* 'пугать, запугивать', *стрёматься* 'бояться'

(«Пусть бабы стремяются»); *стрёмно* ‘опасно’, ‘боязно, страшно’ («Что-то мне стрёмно домой идти»); *стрёмный* ‘опасный’; *стрёмщик* ‘трус, малодушный’ (от *стрёматься*, *стрёмиться*, ‘бояться’) (ОМА, 454-455).

Существительное *стрёма* этимологически родственно глаголу *стрямить(ся)* с общеславянской основой **strǫm-*. Оно сберегает древнее значение этой основы, присутствующее также в донском диалектном глаголе *стремить* ‘торчать’ (ДС, 312), прилагательном *стремоухий* ‘с торчачими, поднятыми ушами’, т.е. чуткий, по В.Далю – «у кого всегда ушки на макушке» (Даль-IV, 328), а также в существительном *стремнина* ‘крутизна, утес’ и в омонимичном жаргонном прилагательном *стрёмный* со значением ‘сильный, крутой (о характере); бесстрашный, резкий’. Ср. в словосочетании *стрёмный чувак* ‘человек, от которого неизвестно чего ждать; сорви-голова’ (СМА, 455). Исконным значением слова *стрёма* или *стрём* было ‘что-то резко выделяющееся на местности, возвышающееся, «торчащее» на ней’, т.е. удобное для обозрения, наблюдения тому, кто на нем находится. Поэтому *стоять на стрёме* когда-то буквально значило ‘стоять на возвышении и наблюдать’.

КАДРИТЬ(СЯ). Ухаживая, добиваться близких отношений (с девушкой, женщиной, реже - с парнем, мужчиной). «Солист группы “Нана” Соколов *кадрил* в темном уголке молоденькую девчужечку и думал, что их никто не видит» («Экспресс-газета», 1998 г., №10/167).

Мотивирующей базой этого жаргонного глагола была усеченная основа названия танца *кадриль* (*кадр-*), очень популярного в рабочей и мещанской среде первых десятилетий XX века. Вначале этот глагол имел значение ‘танцевать кадрили’. Групповой танец *кадриль* исполнялся только четным количеством пар, которые располагались квадратом. В русском языке это слово – с XVIII в., из франц. *cuadrille* ‘группа (из четырех человек)’ и ‘кадриль’; во французском – из испанского (ср. исп. *cuadro* ‘четырёхугольник’) (Черных-I, 366). Дальнейшие смысловые сдвиги в глаголе связаны с изменениями его залоговых характеристик. Развив способность иметь при себе прямое дополнение (выраженное именованями лиц), глагол *кадрить* получает значения ‘добиваться расположения к себе партнера в ходе танца’, ‘знакомиться, сближаться, склонять к взаимности, флиртовать’ (сначала в процессе танца, а потом и без него), а его префиксальное производное *закадрить* ‘познакомиться с девушкой’ в жаргоне уголовников развивает значение ‘вовлечь в половую связь’ (Кучинский-УЖ, 297, 310). Например: «А сразу по прибытии из Штатов на какой-то тусовке *закадрил* заслуженную артистку республики Таню

Ветрову...» («Экспресс-газета», 1988 г., 19/176, с.4). Ср. еще *подкадрить* 'познакомиться' (Кучинский-УЖ, 356).

В свою очередь, жаргонизмы *кадрить* 'добиваться близких отношений; ухаживать', *кадриться*, *подкадрить* и *закадрить* 'познакомиться', 'вступить в любовную связь' порождают, благодаря обратному словообразованию, новые корневые слова *кадра* 'девушка', 'проститутка', *кадр* 'молодой мужчина, парень', 'друг, приятель, любовник' (*кадры* - 'друзья'): «Мадам опять со своим *кадром* прикандыбала...»; «*Кадру* видал Лёхину? Чувырла какая! Страшнее атомной бомбы» (РФ, 95). Ср. также в устойчивом словосочетании *рисовать кадры* 'искать знакомство с женщинами легкого поведения', 'искать половых партнеров' (Кучинский-УЖ, 310, 368). Глагол *рисовать* в «фене» употребляется также в значении 'смотреть', т.е. *рисовать кадры* букв. 'высматривать себе девушек', 'искать половых партнеров' (Балдаев-П, 16). Таким образом, жаргонизмы *кадр*, *кадра* и *кадры* и по значению, и по происхождению ничего общего не имеют с общеязыковыми широко известными словами *кадры* 'штатные сотрудники', 'постоянный состав воинских частей' и *кадр* 'отдельный снимок на киноленте'. От существительного *pluralia tantum кадры* в просторечии, благодаря обратному формообразованию, возникли словоформы ед. числа муж. и жен. рода *кадр* 'работник, сотрудник' и *кадра* 'работница, сотрудница', которые чаще всего встречаются в составе словосочетаний с иронической окраской: *ценный кадр*, *ценная кадрa* (ср.: "Какой ценный кадр!").

ПАПИК. Влиятельный покровитель-любовник; состоятельный «друг» (у проституток, манекенщиц и др.). Например: «Но первый этап пресыщения такими разовыми «клиентами», у которых сегодня «денег завались», а завтра на сигареты нет, быстро проходит, и начинаются поиски *папика*. <...> В ход идут самые разнообразные методы для обольщения «объекта» и пресечения конкуренции менее наглых конкуренток. Зато в случае победы действия «дочки» *папика* похожи на действия солдат, захвативших окоп противника и опустошающих блиндажи, сметая съестное, одежду и все прочее, что сложно раздобыть. Ведь краток миг жизни мотылька» («Калейдоскоп», 1998 г., №3 (40), с.15; из статьи о московских манекенщицах). В «фене» отмечаются и другие случаи подобного употребления слов со значением 'отец, родитель' для обозначения начальников, всякого рода заступников, «авторитетов». Начальник отряда или неформальный лидер «неприкасаемых» в лагере - *папа* (а в женской колонии *мама*, *мамочка*); главарь, «авторитет» - *пахан* (РФ, 147, 148). Значение 'отец' слово *пахан* сберегает и в вульгарном просторечии (соответственно

паханя, паханша, паханка - 'мать, родительница'). В слове *papa* отмечается также значение 'управляющий (учреждением)'. Существительным *papa* с последним значением мотивированы глаголы *pāpatъ* 'указывать' и *pāpāritъ* 'руководить', 'возглавлять', 'приказывать' (Кучинский-УЖ, 253). Именно *papa* с последним значением становится производящей базой для слова *pātik*, образованного по нерегулярной для нарицательных существительных модели (от существительных муж. рода на *-a* уменьшительно-ласкательные формы при помощи суффикса *-ик* не образуются; такие производные встречаются только среди антропонимных гипокористик типа *Толик, Вовик, Геник, Юрик, Славик* и др.).

КИПИШ. Шум, скандал, беспорядок, драка. Слово имеет несколько фонетических и словообразовательных вариантов. Кроме заголовочного, это еще: *хипеж* 'шум', *кипеж* 'то же', *хипиш* 'шум, скандал', *кипитъ* 'шум'; производные глаголы *хипежитъ, хипешитъ, кипешитъ, хипецитъ* (все со значением 'шуметь'); *кипишиться* 'скандалить, возмущаться'; *хипежник* 'скандалист'; *хипежный* 'шумный' (Балдаев-2, 123). В разговорной речи «прижился» оборот *поднять кипиш (хипеж)* 'расшуметься' (то же, что и *поднять хай*). В «фене» известно также словосочетание *не в кипеж* 'не свой', которое произносится в том случае, «если кто-то незнакомый появляется, чужой и не "вписывается в ситуацию", как говорится» (РФ, 136). Например, в старой песне русских карманников (щипачей): «А ты, ментяра, продери в натуре, В на хавиру, карась, протусуй! А коль *не в кипеж*, канай-ка к профурам И на хариус биксу фалууй». «Не в кипеж» - это быть в состоянии отчуждения, непричастности к той среде, компании, где *кипешуют*, часто поднимают *хипеж* (ср. в одном из куплетов известного «Гоп со смыком»: «Пайку получаем двести грамм, / С вечера заводим тарарам...»). В жаргоне зеков радио и магнитофон - это *коробка с кипешем* (Кучинский, 318).

Наряду с приведенными выше, В.С. Елистратов отмечает также бытующий в московском арго последних десятилетий звуковой вариант с конечным *-с*: *хипес (хипис)* 'шум, скандал, крик'. На основании этого он считает *хипеж* изменением начальной формы *хипес* (СМА, 523), которая, в свою очередь, возникла от наименования мошенничества - существительного *хипес*, когда «женщина завлекает мужчину-жертву на квартиру, где сообщники обворовывают его или, шантажируя, вымогают ценности», устраивая скандал, поднимая крик (Балдаев-2, 123). В основе же названия этого вида грабительства, по мнению В.С.Елистратова, лежит жаргонное наименование женского полового органа - *хипа* (СМА, 523). Такое происхождение жаргонизма *кипиш* 'шум', 'скандал' нам представляется маловероятным.

Первичной формой слова следует считать *кiпеж*. Она была образована при помощи суффикса *-еж* от глаголов *кипеть*, *кипятиться* с переносными значениями 'горячиться', 'быть взволнованным, несдержанным' и, отсюда, шумным, крикливым, скандальным. Семантически близко ему структурно тождественное диалектное существительное *кiпёж* 'сильное кипение соляного раствора при выварке соли', впервые записанное в середине прошлого века (СРНГ-ХІІІ, 214). Одинаковы по морфемному составу также жаргонизм *кiпеть* 'шум' (Кучинский, 195) и диалектное слово *кiпеть* 'кипяток'. В отличие от литературной речи, где присутствует лишь безударная глагольная основа *-кип-*, в народных говорах представлены оба ее акцентных варианта – безударный и ударный: *кiпень* и *кiпёнъ* 'кипяток', *кiпльй* 'кипяченый' (*кiпла вода*), *кiпом кiпётъ* 'горячиться' (СРНГ-ХІІІ, 215-217). В жаргонном слове *кiпеж* соединились две «нетипичные» в акцентном отношении морфемы – корневая *кип-* и суффиксальная *-еж* (ср. одномодельные просторечные слова с ударным суффиксом *грабёж*, *долбёж*, *кутёж*, *скулёж* и книжные *мятеж*, *рубеж*), что определенным образом тоже повлияло на экспрессивную окраску этого слова. Параллелью к смысловому развитию жаргонизма *кiпеж* ('кипение', 'кипяток' → 'шум, беспорядок') можно рассматривать и диалектное существительное *кiповёнъ* 'шум, крик, волнение в толпе' (СРНГ-ХІІІ, 216).

После ослабления, а затем и полной утраты мотивационной зависимости жаргонизма *кiпеж* от глагола *кипеть* в экспрессивной жаргонной речи стали возможны изменения в его звуковой оболочке – замена начального *к* на *х* (*хiпеж*, *хiпеш*, *хiпиш*) и срединного *п* на *б*(*бр*), откуда *хiбиш* 'шум', 'скандал' и *хiбрить* 'кричать', 'говорить громко' (Кучинский, 344); *хiбеж*, *хiбеш*, *хiбес* (СМА, 522).

ХАВИ́РА. 1. Воровской притон. 2. Квартира, комната. 3. Тайник. 4. Компания блатных (Кучинский, 401; Балдаев-2, 112). Варианты слова: *хавёра* 'те же значения'; *хавiрка* 'квартира, помещение, комната' (РФ, 197). В составе словосочетаний: *взять хаверу* 'украсть из квартиры' (Кучинский-УЖ, 134), *залепить хавиру* 'обворовать квартиру' (там же, 177). Экспрессивный глагол *залепить* в «фене» в устойчивых глагольно-именных словосочетаниях выступает с общим значением 'сделать, совершить' (например, *залепить потворку* 'изнасиловать', *залепить мокруху* 'убить', *залепить лапу* 'избить' и др.). Нам известна только одна попытка объяснять происхождение слова *хавира*, принадлежащая В.С. Елистратову: «От уг(оловного) “хавир” – тот, кто в случае скандалов незаметно возвращает украденное в чужой карман, “хавировать” – делать то, что делает “хавир”, “хавира” – притон; или

от “хевра” – воровская компания; возможно, связана с “хибара”, “хибарка”, “хибурка” – дом, лачуга; ср. нем. жарг. *Kalbora* – место, где прячут краденое, воровской тайник. Первоначально из древнееврейск. *chewer* – содружество, друг или из цыг(анского) *havig* – другой, второй» (СМА, 516). Ниже предлагается иная этимология этого слова.

Существительное *хавира* имеет основу *хов-* из *ховать* ‘прятать’. Появление «псевдосuffixов» *-ир-* (*-ыр-*) и *-ер-* было вызвано контаминацией (скрещением) глагола *ховать* и существительных *квартира*, *квартира*, *фатера* (последние два – устаревший и разговорно-диалектный варианты литературного слова). Схема этого процесса: *хов (хав)* [а-] + [кварт]и*ра* или [кварт]е*ра*, [фат]е*ра* = *хавира*, *хавера* (в прямых скобках – части слов, сократившиеся после контаминации). Первичный смысл возникшего образования *хавира* / *хавира* – ‘помещение, где прячется (*ховаётся*) краденое, где укрываются сами воры’. Позднее на базе уже этого слова образовались глаголы *хавырить* (от *хавира*) и *ховерить* (от *ховера*). Кроме значения ‘прятать’, они используются иногда и в значении ‘хоронить’. В украинском глаголе *ховати*, проникшим в русскую «феню», присутствуют оба эти значения.

У этих глаголов появляется и другая линия смыслового развития – ‘сделать что-то тайно, незаметно’, отразившаяся в таких производных, как: *хави́рить*, *хави́рнуть* ‘незаметно подсовывать (подсунуть), подкладывать (подложить) кому-то похищенное, боясь разоблачения’. Отсюда рука вора, совершающая эти действия, именуется *хóва* (отглагольное флексийное существительное, мотивированное словом *ховать*). Производными глагола *хавырить* (*хавырить*) ‘прятать’ стали жаргонизмы: *хови́ра* (*ховыра*) ‘женщина, укрывающая краденое’; *ховы́рник* ‘вор, утаивший часть добычи от своих сообщников’ (Кучинский, 406). Благодаря семантической контаминации существительного *хавира* (*хови́ра*) ‘воровской притон’, ‘компания блатных’ и глагола *хавырить* (*хови́рить*, *хави́рить*) возникло префиксально-постфиксальное производное *схови́риться* ‘собраться (в притоне)’ (Кучинский-УЖ, 316). В эту группу, вероятно, не следует включать слово *хави́р(ь)* ‘посторонний человек, которому в случае опасности карманный вор подбрасывает краденое’. Более других это слово семантически и фонетически может быть связано с цыганским *havig* ‘другой’ (см. выше цитату из СМА, 516).

Существительное *хавира* (*хавыра*), *хавёра*, *хавырка* ‘квартира’ послужило базовым словом для его производных: *хавер* ‘мужчина’, ‘любовник’, т.е. тот, кто посещает тайный воровской притон – *хаверу* (отсубстантивное флексийное существительное); *хаверка* ‘майка’ (суффиксальное существительное: *хавер-ка*, т.е. рубашка без рукавов и

воротника, в которой, сняв верхнюю одежду, остается посетитель или жилец *хаверы*); *хавырка* 'влагалище' (лексико-семантический способ словообразования, связанный с употреблением слова *хавёрка*, *хавырка* 'помещение, комната, квартира' и особенно 'тайник' в переносном смысле; ср. другие подобные метафорические использования слов для передачи значения 'vulva': *норка*, *бункер*, (*лохматый*) *сейф*, *копилка*, *лоханка*, *кошелка*, *корыто* и др.).

БЛИН. Асемантизированное вводное слово, выступающее как «смягчающий» синоним грубого «паразитического» вводного слова *блядь* в матизированной устной речи, по своей функции тождественное словам-«паразитам» *понимаешь*, *понимаеш*, *понял* и др. Некоторыми оценивается как приемлемый вульгаризм в эмоциональной разговорной речи. Закоренелыми носителями тюремного и воровского жаргона - «фени» иногда воспринимается как нетипичное для их среды «облагороженное» слово, как, например, в случае, описанном корреспондентом газеты «Комсомольская правда» (26 мая 1998 г.): «Нину Арсентьевну Богданову, бывшую заведующую почтой, зовут в деревне Бобровец Тверской области *Блинихой*. Прозвище дали из-за того, что вместо матерщины, обычной для деревни, населенной «тюремщиками» (так здесь зовут бывших зеков, работавших на лесозаготовке), она употребляет слово «блин» и вообще слывет «интеллигенткой». И еще там же: «Оборачиваться не стала, только «блином» ругнулась, решила, что соседский сорванец не послушал ее, увязался». Кроме того, *блин* выполняет роль словесного знака-детерминатива, указывающего на принадлежность говорящего к криминализованной среде «новых» дельцов постсоветского времени. «Новый украинец», – пишет в «Комсомольскую правду» (5 июня 1998 г.) ее читатель из Донецка Ю.Таран, – может владеть украинским языком, но в его лексиконе должны быть такие термины, как *блин*, в натуре, круто, братва, трахнуть, тачка, бабки, капуста, Канары, омары, дивиденды». Замена вводного слова-«паразита» *блядь* на более «пристойное» *блин* вызвана тенденцией к эвфемизации запретных обсценизмов и матизмов русской вульгарной речи и социалекта в связи с возникающими потребностями в расширении границ их употребления. Достигается это путем частичного разрушения или преобразования звуковой цепи слова – отсечения звуков или замены их другими звуками. Носителями («хранителями») прежнего значения становятся оставшиеся от разрушенного слова инициальные звуки, иногда усиленные эмфатическим повтором. Например: *еть(ся)*, *еé*; междометие *ё-моё!* из *чужо моё!*; *ху* или *ху-ху* в выражении «А *ху* (или *ху-ху*) не *хо* (или *хо-хо*)?» и др. Таким образом возникает и вариант *бля*, как правило, используемый в

роли вводного слова-«паразита». Ср. в одной из песен А.Галича: «Ты ударишь – я, *бля*, выживу, / Я ударю – ты, *бля*, выживи!»

Происходят также замены обсценизмов нейтральными словами с общими начальными звуками или звукосочетаниями: вместо *блядь* – *блин* и *бляха* с тем же значением (РМ, 17). Ср. еще целый ряд синонимичных слов «на три буквы»: *chuj* – *фик* (соответственно *фика* ‘vulva’² (Росси-П, 433; СВЯ, 110) – *хорь* (РМ, 273) – *хрен* – *хер*. Последнее слово, издавна бытовавшее в русском языке как название церковнославянской буквы х, стало заместителем (помен vicarium) обсценизма *chuj* благодаря одинаковости инициального звука и своей «трехбуквенности». Немногим известно, что в первой половине XIX в. слово *хер* в речи бродячих торговцев – офеней, лежащей в истоках современной «фени», служило для обозначения пьяного человека. Ср. в повести В.Ф.Одоевского «Живой мертвец» (1844 г.): «*Хер* какой-то...» Появление такого значения в слове *хер* было обусловлено впечатлением от графического рисунка буквы, похожей на неуверенно стоящего человека с широко расставленными ногами и поднятыми руками. Вспомним у А.С.Пушкина в «Истории села Горюхина»: «Тогда, растопыря ноги на подобие буквы хера и подбочась на подобие ферта, произнес следующую краткую и выразительную речь...» Впоследствии произошла дисфемизация слова *хер* ‘penis’, и оно превратилось в такое же вульгарное (хотя и несколько «смягченное») слово, как и его первичный синоним, эвфемизмом которого когда-то был *хер*. Как легко заменяемый компонент он присутствует в той же лексико-фразеологической группе, о которой говорилось выше (ср.: на *chuj*, на *хер*, на *фиг*, на *хрен*; ни *chuj*а себе, ни *хера* себе, ни *фига* себе; *chujovina*, *херовина*, *фиговина*, *хреновина* и др.).

ЛОХ. Широко распространенное в уголовной «фене» и в современном молодежном жаргоне слово со значением ‘недалекий, бестолковый человек, доверчивый разиня, пострадавший от жулика или его потенциальная жертва’. Реже встречается его фонетический вариант

² Заимствование из немецкого (ср. нем. ficken ‘совершать половой акт’). В годы немецкой оккупации Украины в русской и украинской речи распространился жаргонизм *фики-фики*, с которым связаны *фик* и *фика*. Обсценный жаргонизм *фик*, проникший в тюремно-лагерный жаргон послевоенных лет, тоже испытал «эвфемизацию» посредством замены конечного согласного *к* на *г* и паронимического сближения со словоформами существительного *фига* ‘кукиш’, в результате чего возникла еще одна параллельная лексико-фразеологическая группа: *фиг* ‘penis’, речевые обороты *на фиг*, *на фига*, *ни фига* (себе), *фигня* и др., в которых на месте корневого слова и основы *фиг*, *фиг-* легко восстанавливаются *chuj*, *chuj-*, *хер*, *хер-*.

лѣх с тем же значением (Кучинский-УЖ, 217), который можно рассматривать как промежуточное звено между *лох* и усеченной аллегорической формой коннотативного антропонима *Лѣха*, т.е. *Лѣха* → *Лѣх* → отантропонимный (точнее - отконнотонимный) апеллятив *лѣх*. И совсем редко отмечается вариант *лах* (Балдаев-1, 231). В жаргоне базовый коннотативный антропоним (коннотоним) *Лѣха* зафиксирован с значениями 'глупый, тупой, бестолковый человек' (СВЯ, 52) и 'потерпевший, который приехал из сельской местности' (БМ, 140). С первым значением он встречается и в современном московском городском арготизме (СМА, 21). Таким образом, для жаргонизма *лох* можно реконструировать следующую словообразовательную цепь с исходными (вершинными) личными именами *Алексей* и *Александр*: а) отантропонимные варианты имен первой ступени словопроизводства *Алѣха* → *Лѣха* → *Лѣх* → б) коннотонимы *Алѣха*, *Лѣха*, *Лѣх* и в) отконнотонимный апеллятив *лѣх* с последующим изменением в *лох* (и очень редко *лах*).

Широко распространившееся в 80-90-е годы в молодежном жаргоне слово *лох*, скорее всего, сформировалось не в нем, а проникло в него из другой территориально- и социодialeктной среды. Примечательно, что отконнотонимное производное *лох* со значением 'мужик' было обнаружено В.Д.Бондалетовым еще в 1961 г. в условном языке ремесленников и торговцев села Мстера Вязниковского района Владимирской области. Отмечено оно также в составе поговорки «сивоха сивонит лоха», т.е. 'стужа морозит мужика' (Бондалетов, с. 95, 102). В последующие десятилетия, став экспрессивным сленговым словом, оно заметно расширило свою известность и сферу употребления.

Уместно отметить, что в производной форме первой ступени *Алѣха*, а также второй и третьей *Алѣша* и *Алѣшка* в просторечии, территориальных диалектах и жаргонах развиваются и другие референтные коннотации пейоративного плана: 'лгун' и 'хвастун, бахвал' (СРНГ-1, 234, 247; МСИ, 21). Коннотативный оним *Алѣша* проник и в украинскую диалектную речь Нижнего Приднепровья, например: «Та наш Сашко такий ал'оша, шо його й дитина обдуре» (Чабаненко-1, 50). С конца XVII в. в русском языке отмечается еще одно направление смысловой эволюции производных форм *Алѣша* и *Алѣшка* - они становятся носителями референтных коннотаций 'дворовый человек' и 'слуга'. Например, в «Записках Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 г.», в записи 1695 г., обнаруживается след такого употребления формы *Алѣша* (во мн. ч.) с первым значением: «В то жь время брали даточныхъ на Москвѣ у всѣхъ полатныхъ людей на пожарь бѣгать и караулы стеречь вмѣсто стрѣльцовъ, и прозвание имъ было Алѣши» (ЗЖ, 41). Ср. также отконнотонимный апеллятив *алѣшка* в «Записках Степ-

няка» А.И.Эртеля (1883 г.): «Ну, сижу я, братец ты мой, - только хватъ - алёшка... «Господин Серафим Миколаич здесь? - спрашивает... »; «Он знает это, но является «енаральша» с своим «алёшкой», с своей каретой... » В авторской сноске сказано, что «слово это, кажется, свойственно всей крестьянской России». В начале XX в. этот отконнотонимный апеллатив из крестьянской речи и городского просторечия попадает в жаргон преступников («феню»), порождая при этом новый коннотативный оним *Алексей Алексеевич* (БМ, 6).

Отконнотонимный апеллатив *лох*(←*лѣх*) послужил базой для образования других арготизмов: глагола *лохануться* 'допустить оплошность', 'дать себя обмануть', существительных *лохтач* 'неопытный вор', *лохтарь* 'эстонец', 'латыш', 'литовец' (Балдаев-2, 37) - с интерфиксальным *-т-* между основой и суффиксом *-арь*, сложного слова *лохотронщик* 'жулик, имеющий дело с лохами', например: «Съемка позволяет накапливать информацию и дает возможность опознавать «лохотронщиков», угонщиков автомобилей и карманных воров» («Аргументы и факты», №34 (931) приложение «Москва», №34 (268), 1998 г., август), *лоховка* 'дешевая проститутка'.

В последнее время слово *лох* широко проникло в жаргон школьников, пополнило лексику настенных и назаборных надписей (типа «Петька - лох»), вошло в детские дразнилки («Лох объелся блох» и др.) и жаргонную фразеологию, например: *бомбить лоха* (*лохов*) 'грабить', *обуть лоха* 'обмануть неблатного (фраера), впервые осужденного', *помыть лоха* 'огрابتь жертву', *развести лоха* 'вовлечь жертву в картежную игру', 'завлечь жертву в укромное место с целью ограбления', *швырнуть лоха* 'совершить мошенничество', *лох сиволопный* 'сельский житель', 'колхозник', *лох с регалиями* 'богатая жертва шулера', *трудоющийся лох* 'простой человек - жертва шулера' (Балдаев-1, 42, 231, 337; Балдаев-2, 37, 75, 86, 157).

ДОПОЛНЕНИЯ К РАНЕЕ НАПЕЧАТАННЫМ СТАТЬЯМ

НА БУГАЯ (см.: ВЛС-4, 1998 г., с.64-65). Вот как описывает работу современных «бугайщиков» («бугай») – подкидываемый кошелек пострадавший от них в Москве, на рынке в Лужниках («Луже»), один из «челноков» из Донецка: «Ну, как бывает: «Ой, мужчина, мужчина, вы кошелек потеряли!» Первая реакция - раз, раз себя по карманам: нет, все в порядке, мой кошелек вроде бы пока на месте. А чей же тогда этот? Перед вами стоит миловидная девушка, сама невинность, с «найденным» кошельком в руках. «Что же с ним теперь делать? Давайте хоть посмотрим, что там, внутри...» Давайте, и самому интересно, сколько в том кошельке может быть. Сумма оказывается не очень

большая - как раз столько, чтоб у вас слегка закружилась голова от предчувствия легкой добычи.

Возникает вопрос, что с находкой делать. Хозяина нет, и едва ли он отыщется. О том, чтоб поискать какой-нибудь стол находок, если и приходит мысль, то так же быстро и уходит, как правило. Потому что девушка, наивно и доверчиво улыбаясь, предлагает деньги поделить: не выбрасывать же, в самом деле!

Все вроде бы «честно», все довольны... Но тут, как из-под земли, объявляется «владелец» кошелька. Отпираться бесполезно, есть свидетели, которые все видели. Самой девушки, правда, нет - ее можете и не пытаться искать, не найдете. А «хозяин» напирает, и сумму называет многократно большую, чем было в кошельке...

И ты с опозданием понимаешь, что попался на дешевую уловку, но влип недешево, крепко. И отнимут у тебя все до копейки, и жаловаться некому – скажи спасибо, что самого в милицию не отвели» («Донецкий кряж», 1998 г., 11-17 июня (№ 269).

НА ШАРУ (см.: ВЛС-4, 1998 г., с. 67). Добавление к последнему абзацу:

Выражение *шаром-даром* (взять) представляет собой редуцированное наречие, состоящее из семантически ясного общеязыкового наречия *даром* и его жаргонного эквивалента *шаром* с тем же значением. Последнее слово было записано в 1961 г. В.Д.Бондалетовым в деревне Бортниково, Вязниковского района, Владимирской области (Бондалетов, с. 109). Оно входит в группу "словарно-фонетических" арготизмов. Это слова "общенародного языка, фонетический облик которых изменен тем или иным механическим способом "маскировки": *шумать* 'думать', *шрйтва* 'бритва', *цукно* 'сукно', *фильто* 'пальто', *вэкчело* 'человек' и др. (там же, с. 35, 38).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Балдаев 1, 2	– <i>Балдаев Д.С.</i> Словарь блатного воровского жаргона. В двух томах. М., "Кампала", 1997.
БМ	– <i>Словарь языка преступников</i> («блатная музыка»). Составил по материалам ОГПУ-НКВД-МВД А.А.Макаренко. Тверь, 1991.
Бондалетов	– <i>Бондалетов В.Д.</i> Условный язык русских ремесленников и торговцев. Рязань, 1974.
ВЛС-4	– <i>Востокукраинский лингвистический сборник.</i> Вып. 4. Донецк, 1998.

- Даль-IV – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4. СПб., 1882.
- ДС – *Миртов А.В.* Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929.
- ЗЖ – *Записки* Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 г. СПб., 1840.
- Кучинский – *Кучинский А.В.* Преступники и преступления. Законы преступного мира. Обычай, язык, татуировки. Энциклопедия. Донецк, 1998.
- Кучинский-УЖ – *Кучинский А.В.* Преступники и преступления. Законы преступного мира. Лагерная живопись, условный жаргон. Донецк, 1998.
- МСИ – *Кондратьева Т.Н.* Метаморфозы собственного имени. Опыт словаря. Изд-во Казанского ун-та, 1983.
- РМ – *Русский* мат. Толковый словарь. Составитель Т.В.Ахметова. Изд-во «Глагол». М., 1996.
- Росси-2 – *Росси Жак.* Справочник по ГУЛАГУ. В двух частях. М., 1991 (часть 2-я).
- РФ – *Быков В.* Русская феня. Смоленск, 1994.
- СРНГ -I – *Словарь* русских народных говоров. Вып. первый. Изд-во «Наука». М.-Л., 1965.
- СРНГ-5 – *Словарь* русских народных говоров. Выпуск пятый. Л.: Наука, 1970.
- СРНГ-13 – *Словарь* русских народных говоров. Выпуск тринадцатый. Л.: Наука, 1977.
- СМА – *Елистратов В.С.* Словарь московского арга. М.: «Русские словари», 1994.
- ТСРЯ-IV – *Толковый* словарь русского языка. Под ред. Д.Н.Ушакова. Т. IV, 1940.
- ТСРЯ-96 – *Ожегов С.И.* и *Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.; Изд-во «Азъ», 1996.
- Чабаненко – *Чабаненко В.А.* Словник говірок Нижньої Наддніпрянщини. Т.І, Запоріжжя, 1992.
- Черных-I – *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка, М., 1993 (в двух томах; том первый).

ЛЕКСИЧЕСКИЕ, СИНТАКСИЧЕСКИЕ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИЗМЫ В НОВОГРЕЧЕСКОМ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Изучение последствий языковых контактов между народами вновь стало актуальным в наши дни из-за возросшего интереса к идее В.Гумбольдта о наличии в каждом языке своеобразной “языковой картины мира”. Сравнивая языки, ученые стремятся установить подобия и различия в языковом отображении реального мира, а также очертить те явления в каждом из них, которые появились под влиянием других языков. Исследования этого направления в первую очередь касаются теории номинации, членения семантического пространства каждого языка (семантические поля, лексико-семантические, тематические группы и т.п.), особенностей словообразовательных систем и т.д. В одном ряду с ними стоят проблемы анализа последствий языковых контактов, т.е. осознание путей лексических заимствований, калькирования, семантических заимствований и параллелей в способах выражения тех же понятий различными языками, общности направлений семасиологического развития слов. Эти явления помогают осознать когнитивные функции языков, которые осуществлены средствами каждого языка и направлены на отображение познанной действительности.

Объектом нашей статьи являются паремиографические, а также лексические, синтаксические, фразеологические параллели в современных украинском, русском и новогреческом языках. Эти языки имеют многочисленные подобные параллели, которые обусловлены письменными и устными контактами народов.

В свое время по поводу существования параллелей в греческом и западноевропейских языках писал известный французский ученый Ш.Балли [1, с.57]. Он отмечал, что причиной появления параллелизмов являются условия формирования общей европейской культуры. На нее повлияла византийская культура. Именно она - преемница античной культуры - передавала европейским народам критерии добра и зла, прекрасного и безобразного, полезного и вредного, т.е. способствовала появлению общей ноотропии, а также понятий и слов, ее передающих. Общность путей познания мира также ведет к образованию параллелей в назывании общих понятий о явлениях внешнего мира.

Параллели в избранных нами для анализа языках описаны с разной степенью полноты. Так, в украинистике к наиболее изученным относятся греческие заимствования в современном языке. Им посвящены статьи и монографическое исследование А.Д.Пономарева [2; 3]. Вопросы, касающиеся калькирования в украинском языке, построения его единиц по образцу греческих слов и словосочетаний, существования лексических, а также других параллелей, лишь поставлены в украинистике или украинской эллинистике.

Параллельные пословицы и крылатые выражения в греческом и украинском языках частично упоминаются в работах общего плана [4;5;6;7;8;9;10;11;12]. Прямое отношение к теме нашей статьи имеют исследование И.Тимошенко о византийских пословицах и славянских параллелях к ним [13, в этой работе отсутствует украинский материал], статья А.Пономарева о некоторых лексических и синтаксических параллелях украинского и новогреческого языков [14], монография Н.Андриотиса о параллельном семасиологическом развитии в греческом и других языках [15, в которой также отсутствуют параллели с украинским], книга М.Триандафиллидиса, в которой проанализированы пословицы и крылатые выражения из греческой истории и литературы [16].

Сравнительное изучение греческих и славянских пословиц, обнаружение параллелей в паремииграфии имеет большое теоретическое и прикладное значение, поскольку они отображают последствия контактирования культур и языков, а также общность путей формирования аксиологических критериев у разных народов. Кроме пособия В.М.Мокиенко [17], мы не знаем ни одной современной монографической работы, специально посвященной этой теме в славистике. Между тем, известно, что античные, византийские и новогреческие пословицы, поговорки, крылатые выражения обогатили фольклорный фонд и литературы народов Западной Европы. Речь идет об их изучении в историческом плане, с точки зрения их происхождения, т.е. о поиске ответа на вопрос, откуда, когда и как они пришли в наши языки - вследствие контактов между литературами или путем устного общения, а также в плане их функционирования в языках на современном срезе их существования.

В 1985 году в Украине вышла небольшая книжка под названием "Тремцькі прислів'я і приказки", составленная Виктором Соколом и переведенная с новогреческого на украинский А.Пономаревым [18]. В нее вошла лишь небольшая часть греческих пословиц и поговорок, представленных в многочисленных и часто многотомных афинских изданиях. В предисловии к книге В.Соколом называет некоторые украинские параллели греческих пословиц. Наиболее интересными из

них являются параллели к греческим пословицам, которые распространены в Украине: *Не мала баба клопоту, то купила порося и Про вовка помовка*. Первая восходит к византийской рукописи XV в. Ее более ранняя форма *Не хватало бабе черта, так она купила себе свинью* (*Δεν είχε η γιάγια τον διάβολο, αγόρασε το γουρουνί*) - к рукописи XII в. [18, с.10]. Вторая пословица соотносится с древнегреческой пословицей, известной в современном языке как *Θυμηθηκαμε τον λυκο. Νατος είναι μπροστα μας*. В.Соколюк пишет также, что широко употребляемая украинская пословица *Хто полює двох зайців, жодного не має* имеет своим первоисточником басню Эзопа “Собака и мясо”. Она распространена в новогреческом языке в форме *Οποιος κυνηγαι δυο λαγους, δεν πιανει κανενα* [18,с.6].

Нам удалось собрать свыше 200 пословиц, параллельно функционирующих в новогреческом и современных восточнославянских языках. О каждой из них можно писать отдельную статью. У каждой из них своя история. Вспомним, например, *укр. лити воду, рус. лить воду* со значением “говорить или писать неконкретно, неинтересно и т.п.; вести бессодержательные разговоры”. По всей вероятности, это выражение восходит ко времени использования древними греками сосуда с дырками (*η κλεψυδρα*), в который наливали воду для измерения времени произнесения речей в судах. Представляется очень естественным разговор в те далекие времена между двумя сидящими рядом в суде собеседниками, один из которых спрашивает другого “Он все еще льет воду?”, т.е. болтает. С таким же переносным значением употребляем сегодня и мы это выражение.

Далее приводим неполный список параллельных пословиц в украинском, греческом и русском языках, которые могут стать предметом дальнейшего научного изучения:

1. Що посієш, те й пожнеш
 Ο, τι σπειρεις, θα θερισεις
 Что посеешь, то и пожнешь
2. Крапля камінь точить
 Και η σταγονα τρωει την πετρα
 Капля камень точит
3. Багато галасу даремно
 Εγινε πολυς θορυβος για το τιποτε
 Много шума из ничего
4. Язык без кісток, але кості перемелює
 Η γλωσσα δεν εχει κοκαλα και κοκαλα τσακιζει
 Язык без костей, но кости перемалывает

5. Σβινγя шукає багнуоку
Ο χοιρος τη λασπη κυνηγαι
Свинья ищет грязь
6. Початок - півсправи
Η αρχη είναι το ημισυ του παντιος
Начало - половина дела
7. Βιν вартий своєї долі
Είναι αξιος της τυχης του
Он достоин своей судьбы
8. Знання - сила
Η γνωση είναι δυναμη
Знание - сила
9. Σπільна біда об'єднує людей
Η κοινή δυστυχια ενώνει τους ανθρωπους
Общая беда объединяет людей
10. Учись задовольнятися тим, що маєш
Μαθε να αρκεστεις σ'αυτα που εχεις
Учись довольствоваться тем, что имеешь
11. Не відкладай на завтра того, що можеш зробити сьогодні
Μην αναβαλλεις για αυριο ο, τι можεις να εκτελεσεις σημερα
Не откладывай на завтра того, что можешь сделать сегодня
12. Χто поспішає, той спотикається
Οποιος βιαζεται, σκονταφτει
Кто спешит, спотыкается
13. Βіда навчить
Τα παθηματα μαθηματα
Беда научит
14. Ιρжа їсть залізо, а вода - камінь
Η σκουρια τρωει το σιδερο και το νερο - την πετρα
Ржавчина ест железо, а вода - камень
15. Κραще пізно, ніж ніколи
Καλλιο αργα παρα ποτε
Лучше поздно, чем никогда
16. Χто рано встає, тому бог дає = Χто рано спить, той удень
голодний сидить
Οποιος κοιμαται το πρωι, πειναι την ημερα
Кто рано встает, тому бог дает

17. Немає диму без вогню
 Δεν υπαρχει καπνος χωρις φωτια
 Нет дыма без огня
18. Який сліпий не хоче світла
 Ποιος τυφλος δε θελει φως
 Какой слепой не хочет прозреть
19. Ніхто не знає, що йому на роду написано
 Κανεις δεν ξερει το γραφτο του
 Никто не знает, что ему отроду написано
20. Він не вартий його мизинця
 Δεν αξιζει ουτε ισαμε το νυχακι του
 Он не достоин даже его мизинца=Он его мизинца не стоит
21. Риба гниє від голови
 Το ψαρι αλο το κεφαλι βρομαει
 Рыба гниет от головы
22. Хоч очі виколи = носа свого не бачу
 Δεν βλεπω τη μυτη μου
 Ни зги не видать
23. Закон не має зворотної сили
 Ο νομος δεν εχει αναδρομικη ισχυ
 Закон не имеет обратной силы
24. Одна ластівка весни не робить
 Ενα χελιδони δεν φερνει την ανοιξη
 Одна ласточка весны не делает
25. Горбатого могила виправить
 Τον καμπουρη μονον ο ταφος θα τον ισιωσει
 Горбатого могила исправит
26. Скільки голів, стільки думок
 Οσα μυαλα, τοσες γνωμεις
 Сколько голов, столько умов
27. Хто посіє вітер, пожне бурю
 Οποιος σπερνει ανεμους, θεριζει θυελλες
 Кто посеет ветер, пожнет бурю
28. Альфа і омега 'самое главное в чем-л.; основа чего-л.'
 Ειναι το αλφα και το ωμεγα
 Альфа и омега

Среди пословиц и поговорок, относительно стойких словосочетаний встречаются такие, которые характерны только для украинского и греческого языков и которых нет в русском:

1. Сплю з курми
Κοιμάμαι με τις котες
2. Що трапилося, те трапилося=минулося - забулося
Ο, τι έγινε, έγινε. Πέρασμενα ξεχασμενα
3. Все, що він сказав, вийшло правдою
Όσα μου ειπε, βγηκαν αληθεια
4. Брати ноги на плечі
Παιρνω τα ποδια μου στον ωμο μου

Все они носят разговорный характер.

Подобие языковых картин мира анализируемых языков обнаруживается в метафорических способах образования сравнений и синтаксических сравнительных конструкциях. Так, когда мы видим густой дым, мы говорим *хмари диму*, русские - *облака дыма*, греки - *τα συννεφα καπνου*, густую пыль - *хмара пилу*, *облако пыли*, *το συννεφο σκονης*. У разбушевавшегося огня мы выделяем языки - *язики полум'я*, *язики пламени*, *οι γλωσσες της φωτιας*. На колосьях пшеницы, ржи, ячменя мы различаем нечто похожее на человеческие усы, - *вусики колосків*, *усики колосьев*, *το старι που εχει μαυρα μουστακια (αυανα)*. У капусты, чеснока, сыра мы видим головки: *рус.* головка сыра, чеснока, *κεφαλι τυρι*, *скордо*, у пилы (гребешка, расчески) - *зубы*: *τα δοντια του πριονιου (της χτενας)*.

При подчеркивании необычайной силы и храбрости украинцы говорят: *бився, мов лев*, русские - *дрался, как лев*, греки - *παλευονται σαν λιονταρια*. Хитрого человека мы сравниваем с лисой, греки - с *αλεπου*; упрямого и грубого - с ослом, *γαιδарος*, голодного - с волком, греки говорят: *τρωει σαν λυκος* 'Ест, как волк'.

В украинском, русском и новогреческом языках густые или черные тучи покрывают (*укр.*вкривають) небо:

Τα μαυρα συννεφα σκελασαν τον ουρανο

Черные тучи покрыли небо

Συννεφα πυκνα καλυψαν τον ουρανο

Густі хмари вкрили небо

Человек летает (витает) в облаках

Людина літає (витає) в хмарах

Πετα στα συννεφα

К подобным метафорическим высказываниям либо словосочетаниям можно отнести также: *укр.* *голова родини*, *гр.* *ο αρχηγος της*

οικογενείας, рус.глава семьи; *зрізати дорогу, κοβω δρομο*, срезать дорогу 'сокращать путь'; *зрізати когось на іспитах, κοβω каποιου στη εξεταση*, срезать кого-либо на экзаменах 'проваливать кого-либо на экзаменах'; *відрізати телефон, κοβω το τηλεφωνο*, отрезать телефон 'отключать телефон'; *висіти на волосині, κρεμομαι απο μια τριχα*, висеть на волоске 'пребывать в неопределенном положении'; *поплатитися головою, πληρωνω με το κεφαλι μου*, поплатиться головой 'погибнуть'; *відрізати світло, κοβω το ρευμα*, отрезать свет 'отключить свет'; *стати на слизьку (погану) дорогу, παιρνω како δρομο*, избрать плохой путь 'терять правильный путь в жизни'; *його вкусила якась муха, каποια муγα τον τσιμπησε*, его укусила какая-то муха 'быть сердитым, не в настроении'; *литу гіркі сльози, χυνω πικρα δακρια*, проливать горькие слезы 'сильно плакать'; *падати на ліжко, περτω στο κρεβατι*, падать на кровать 'сильно хотеть спать'; *це в нього в крові, то εχει στο αιμα*, это у него в крови 'унаследовано'; *кров крижаніє в жилах, то αιμα παρωνει στις φλεβες*, кровь стынет в жилах 'кому-то страшно'; *бути між життям і смертю, εμαι μεταξυ της ζωης και θανατου*, быть между жизнью и смертью 'едва остаться в живых'; *не пускати когось і на поріг, ουτε στο κατωφλι δεν τον αφηνω να περασει*, не пускать кого-то и на порог 'не разрешать войти'; *ділити разом хліб і сіль, μαζι φαγαμε ψωμι και αλατι*, делить вместе хлеб и соль 'вместе питаться, преимущественно в тяжелых материальных условиях'.

Многие подобные параллельные словосочетания используют метафору для характеристики состояния человека:

укр.волосся стає дибки, гр.σηκωνεται η τριχα μου, рус.волосы станювятся (поднимаются) дыбом; *рвати на собі волосся, τραβω (ξεριζωνω) та μαλλα μου*, рвать на себе волосы; *мати сліпу віру (довіру), εχει την τοφλη εμπιστω συνη*, слепо верить (доверять); *закритими очима, με та κλειστα ματια*, с закрытыми глазами; *бачити на власні очі, βλεπω με τα ιδια μου та ματια*, видеть собственными глазами; *на очах у когось, μπροστα στα ματια (καποιου)*, на глазах у кого-либо; *очам своїм не вірити, δεν πιστευω στα ματια μου*, глазам своим не верить; *це вище моїх сил, αυτο ειναι πανω απο τις δυναμεις μου*, это выше моих сил; *бути в силі=мати силу, εχω τη δυναμη*, иметь силу; *знаю свої сили, γνωριζω τις δυναμεις μου*, знать свои силы; *нашорошувати (=наставляти) вуха, στηνω αυτια*, наставить уши.

О вине, легко возбуждающем человека, греки говорят: *То κρασι του χτυπησε στο κεφαλι*; украинцы - *Вино йому вдарило в голову*, русские - *Вино ему ударило в голову*. Некоторые параллельные словосо-

четания очерчивают способ существования или стиль поведения человека:

укр. брати собі в голову, гр. βαζω στο κεφαλι μου, рус. брать в голову ‘надумать’; *викидати з голови, βυαζω απο το κεφαλι, выбрасывать из головы* ‘перестать думать о чем-л.’; *класти голову (на плаху), βαζω το κεφαλι μου, класть голову (на плаху)* ‘ручаться’; *віятися (б.лукати) по світах, γυριζω τον κοσμο, бродить по свету* ‘постоянно менять место пребывания’; *битися головою об стінку, χτυπω (χτυπιεμαι) το κεφαλι μου στον τοιχο, биться головой об стенку* ‘очень переживать’; *ламати собі голову, σπλω το κεφαλι μου va..., ломать себе голову* ‘напряженно думать’; *піднімати на ноги, σηκωνω στο ποδι (στο подарι), поднимать на ноги* ‘заставлять кого-либо активно действовать’; *носити воду ситом, κουβαλω νερο με το κοσκινο, носить воду решетом* ‘даром тратит время на что-либо’; *задирати носа, σηκωνω την μυτη ψηλα, задирать нос* ‘хвастаться’; *не бачити далі свого носа, δεν βλεπω πιο μακρια απο τη μυτη του, не видеть дальше своего носа* ‘заботиться лишь о себе’; *водити когось за ніс, серνω (трафω) капоиου απο τη μυτη, водить кого-либо за нос* ‘обманывать кого-либо, не выполняя обещанного’; *скрізь встромляти свого носа, χωνω παντου τη μυτη μου, везде совать свой нос* ‘бесцеремонно вмешиваться во что-либо’; *відпустити з миром (=подобром), αφηνει va φυγει με το καλο, отпустить с миром* ‘не наказывая’; *робити щось заради прекрасних очей, канω кати για та ωραια ματια, делать что-нибудь ради прекрасных глаз* ‘ради симпатии, хорошего отношения к кому-либо’; *розрубати Гордійє вузол, κοβω τον γορδιο δεσμο, разрубить Гордеев узел* ‘смело решать какой-либо сложный вопрос’; *вцілити в око, βαζω στο ματι, попасть в глаз* ‘делать именно то, что нужно’; *жити своїм розумом (=мати свою думку), εχω δικη μου γυωμη, жить своим умом* ‘придерживаться своих взглядов’; *проливати кров, χωνω αιμα, проливать кровь* ‘гибнуть, защищая кого-, что-либо’; *проливати (=кидати) світло на щось, χωνω (ριχνω) φως πανω σε кати, проливать свет на что-либо* ‘делать что-либо понятным’; *робити щось на око, канω кати με το ματι, делать что-либо на глаз (=глазок)* ‘без точного расчета, приблизительно’; *щоб очі мої більше тебе не бачили, va μην σε ιδουν та ματια μου, чтоб глаза мои тебя больше не видели* ‘для выражения неудовлетворенности кем-либо’; *розкривати комусь очі на щось, ανογωω капоиου та ματια, раскрывать кому-либо глаза на что-то* ‘объяснять кому-либо что-то скрытое’; *кидати слова на вітер, λεγω λογια στον αερα, бросать слова на ветер* ‘напрасно, даром что-либо говорить’; *йти проти вітру, πλεω конτρα στον αερα, идти против ветра* ‘действовать самостоятельно, вопреки устоявшимся традициям’; *віддава-*

ти належне, αποδίω та δεονта, отдавать должное 'достойно оценивать кого-, что-либо'; *відправляти на той світ, στελλω στον άλλο κοσμο, отправлять на тот свет* 'лишить кого-либо жизни'; *потрапити в ціль, χτυπω στο σημαδι, попасть в цель* 'сказать, сделать именно то, что нужно'.

Приведенные выше словосочетания обнаруживают общность формирования фразеологического значения на основе использования метафоры. Обязательным компонентом их значения является элемент оценки поведения кого-либо, совпадающей во всех сравниваемых языках.

Остановимся более детально на одном примере, отображающем общность ноотропии трех народов. В новогреческом, украинском и русском языках встречается параллельное словосочетание, отрицательно характеризующее поведение человека, в котором используется слово ветер. Украинцы, употребляя выражение *куди вітер віє*, говорят о человеке беспринципном, изменяющем свои убеждения в зависимости от обстоятельств. Этому украинскому выражению, как и *тримати (=держати) ніс за вітром*, эквивалентно русское *держать нос по ветру*. Новогреческое выражение *опω φυσαει ο ανεμος* и структурно, и семантически адекватно украинскому *куди вітер віє*. От него в новогреческом разговорном языке образовалась широко распространенная инициальная (по первой букве всех слов) аббревиатура *Ο.Φ.Α.* - *Ειναι Ο.Φ.Α.* - т.е. он (или она) *Ο.Φ.Α.*

Часто параллельные в разных языках адъективно-субстантивные и глагольно-субстантивные словосочетания не только отображают семантически эквивалентную метафорическую основу их построения, но и обнаруживают общность контекстов употребления, дающих различные характеристики человеку (от общей к частным):

вони відрізняються між собою, як день і ніч, διαφερουν μεταξυ τους οσο η μερα απο τη νυχτα, они отличаются между собой, как день и ночь; гострий розум, ο οξυς νους, острый ум; жвавий розум, το ζωντανο μυαλο, живой ум; світлий розум (=голова), η φωτεινη διανοια, светлый ум (=голова); людина великого розуму, ο ανθρωπος με μευαλη διανοια, человек большого ума.

О человеке с курносим носом украинцы говорят: *у нього кирпатий (задертий) ніс*, греки - *εχει την ανασηκω (ανασηκωμενη) μυτη*, , русские - *у него вздернутый нос*; с крючковатым носом - *людина з загнутим, орлиним носом, ο ανθρωπος με γυρπη μυτη, человек с крючковатым, орлиным носом.*

Список параллелей можно продолжить предложениями и словосочетаниями, передающими близкие значения в сравниваемых языках, в составе которых представлены лексемы, построенные по одному

семантическому образцу, но с помощью средств каждого языка. Так, украинскому предложению *Дороги наші перехрестилися* в греческом отвечает *Οι δρομοί μας διασταυρώθηκαν*. И в украинском, и в новогреческом подчеркнуты слова - глаголы, производные от существительных *хрест* и *σταυρός*. Их дополняют следующие изосемные примеры:

1. Ця дитина замкнулася в собі
Αυτο το παιδι κλειστηκε στον εαυτο του
Этот ребенок замкнулся в себе
2. Схрещувати рослини
Διασταυρώνω ποικιλίες φυτών
Скрещивать растения
3. Чорна пляма ‘что-то, что позорит кого-нибудь’
Η σφαγή αυτή των αιχμαλώτων αποτελεί μαυρο κηλίδα
για τον πολιτισμένο κοσμο
Це забивання полонених становить чорну пляму для цивілізованого світу
4. Озброїтися мужністю й терпінням і рушити
Οπλιστηκε με θάρρος και υλομονη και ξεκίνησε
Вооружился мужеством и терпением и пошел
5. Озброєний до зубів
Οπλισμενος ως τα δοντια
6. Бажаючи чи ні, прибув з нами
Θελοντας η ου, ηρθε μαζί μας
Желая или нет, прибыл вместе с нами
7. Не маючи, що сказати, мовчав
Μην εχοντας τι να λει, σωπασε
Не имея, что сказать, молчал
8. Вступати в контакт з людьми
Ερχεται σε επαφη με τους ανθρωπους

В приведенных далее примерах также подчеркнуты подобные параллельные образования:

9. Аби не гірше
Και ου χειροτερα
Лишь бы не хуже
10. Мене розбирає сміх
Με πιανουν τα γελια
Меня разбирает смех

11. Лопнути (=луснути) зо сміху
Σκασαμε απο τα γελια
Лопнуть со смеху
12. Ненавидіти до смерті
Μισει μεχρι θανατου
Ненавидеть до смерти
13. Сказати в обличчя
Λεω καταμουτρα
Сказать в лицо
14. Боротися до останньої краплі крові
Μαχομαι μεχρι τελευταιας ρανιδας αιματος
Борются до последней капли крови
15. Цього вимагає загальна думка
То απαιτει η κοινη γνωμη
Этого требует общее мнение

Параллелизм обнаруживают сочетания, построенные на одинаковой синтаксической основе в разных языках. Так, выделяется группа адъективно-субстантивных словосочетаний:

<i>Украинский</i>	<i>Новогреческий</i>	<i>Русский</i>
духовне життя	η πνευματικη ζωη	духовная жизнь
духовна спадщина	η πνευματικη κληρονομια	духовное наследие
спільне життя	η κοινη ζωη	совместная жизнь
родинне життя	η οικογενειακη ζωη	семейная жизнь
смертельна боротьба	ο θανασιμος αγωνας	смертельная борьба
хліб насущний	ο ελιουσιος αρτος	хлеб насущный
гіркий смак	η πικρη γευση	горький вкус
гірка правда	η πικρη αληθεια	горькая правда
батьківський дім	το πατρικο σπιτι	отцовский дом

В отдельную многочисленную группу объединяются субстантивно-глагольные словосочетания:

<i>Украинский</i>	<i>Новогреческий</i>	<i>Русский</i>
поставити п'есу	ανεβαζω ενα θεατρικο еργο	поставит пьесу
стримуй нерви	συκρατα τα νευρα σου	сдерживай нервы
стримувати сльози	συκρατω τα δακρυα	сдерживать слезы

мені трапилося бути	μου ετυχε να ημουν	мне выпало быть
накинутися на їжу	ριχτηκα στο φαї	наброситься на еду
переконатися з власного досвіду	πειθομαι αλο την πειρα μου	убедиться на собственном опыте
робити дослід	κανω πειραματα	делать опыты
давати клятву (=обіцянку, привід, бій, віру)	δινω орко (υποσχεση, αφορμη, μαχη, πιστη)	давать клятву (=обещание, повод, бой, веру)
брати відпустку	παιρνω αδεια	брать отпуск
проводити (приємно) час	περνω τον καιρο ευχαριστα	проводить (приятно) время
тримати когось замкненим	κρατω каποιον κλεινωμενο	держать кого-либо взаперти
голова крутиться=паморочиться	το κεφαλι γυριζει=ζαλιζεται	голова кружится
дорога повертає	ο δρομος στριβει	дорога поворачивает
губити час	χανω τον καιρο	терять время
сповнений життя (=радості)	ειναι γεματος ζωη (χαρα)	переполненный жизнью (=радостью)=исполненный жизни (=радости)

Так же, как и предыдущая, в сравниваемых языках многочисленна группа субстантивно-субстантивных словосочетаний:

<i>Український</i>	<i>Новοгреческий</i>	<i>Русский</i>
умови життя	οι συνθηκες της ζωης	условия жизни
верстви (прошарки) населення	τα στρωματα του πληθυσμου	слои (прослойки) населения
відсутність досвіду	η ελλειψη της πειρας	отсутствие опыта
галузь промисловості (мистецтва)	ο κλαδος της βιομηχανιας (τεχνης)	отрасль промышленности (искусства)
вершина щастя	το κορυφωμα της ευτυχιας	вершина счастья
дух часу	το πνευμα του καιρου	дух времени
каса взаємодопомоги	το ταμειο αλληλοβοηθειας	касса взаимопомощи
взаємодія (двох) сил	η αλληλεπιδραση (δυο) δυναμεων	взаимодействие (двух) сил
батарея парового опалення	ο σωληνας κεντρικης θερμανσης	батарея парового отопления

Параллелизм об'являють різні пропозиційні конструкції, семантично еквівалентні різноманітним висловам:

<i>Український</i>	<i>Новогрецький</i>	<i>Руський</i>
більше всього на світі	περισοτερο απ' ολα στον κοσμο	больше всего на свете
ні за що в світі	για τιποτα στον κοσμο	ни за что на свете
з усіх сил	με ολες τις δυναμεις	изо всех сил
ударити з силою	χτυπω με δυναμη	ударить с силой
час від часу	απο καιρο με τον καιρο	время от времени
з часом	με τον καιρο	со временем
ні більше, ні менше	ουτε λιγο ουτε πολυ	ни более, ни менее
на віки віків	στους αιωνες των αιωνων	на веки веков
у тісній взаємодії з...	σε στενη συμπραξη (συνεργασια) με...	в тесном взаимодействии с...

Многі паралельні адективно-субстантивні, субстантивно-субстантивні і глагольно-субстантивні словосполучення використовуються в порівнюваних мовах як терміни різних областей знання:

<i>Український</i>	<i>Новогрецький</i>	<i>Руський</i>
внутрішній світ людини	ο εσωτερικος κοσμος του ανθρωπου	внутренний мир человека
закони суспільного розвитку	οι νομοι της κοινωνικης αναπτυξης	законы общественно-го развития
надзвичайний закон	ο εκτακτος νομος	чрезвычайный закон
рушійні сили	οι κινητηριες δυναμεις	движущие силы
робоча сила	η εργατικη δυναμη	рабочая сила
робочий день	η εργατικη μερα	рабочий день
англійська сіль	το αγγλικο αλας	английская соль
морська сіль	το θαλασσινο αλας	морская соль
важка вода	το βαρυ υδωρ	тяжелая вода
протічна вода	το τρεχουμενο νερο	проточная вода
дощова вода	το βροχινο νερο (=το βροχο νερο)	дождевая вода
цивільна авіація	οι πολιτικη αεροπορια	гражданская авиация

поточний рахунок	ο τρεχουμενος λογαριασμος	текущий счет
особовий рахунок	ο ονομαστικος λογαριασμος	лицевой счет
обчислювальна машина	η λογιστικη μηχανη	счетная машина
державний службовець	ο δημοσιος υπαλληλος	государственный служащий
приватний службовець	ο διοτικος υπαλληλος	частный служащий
відповідальний службовець	ο αρμοδιος υπαλληλος	ответственный служащий
постійний службовець	ο μονιμος υπαλληλος	штатный служащий
позаштатний службовець	ο εκτακτος υπαλληλος	внештатный служащий
банківський службовець	ο τραπεζικος υπαλληλος	банковский служащий
банківський капітал	ο τραπεζικο κεφααιο	банковский капитал
неперервний робочий день	το συνεχες ωραριο	непрерывный рабочий день
перерваний робочий день	το διακεκομενο ωραριο	прерванный рабочий день
розсіяне (розлите) світло	το διαχυτο φως	рассеянный (разлитый) свет
закон тяжіння	ο νομος βαρυτητας	закон тяготения
сила волі	η δυναμη θελησης	сила воли
сила притягання	η δυναμη της ελξεως	сила притяжения
встановлювати закони	εγκαθιστω νομους	устанавливать законы
відкривати рахунок	ανοιγω λογαριασμο	открывать счет
передавати когось у руки правосуддя	παραδιδω καποιον στα χερια της δικαιοσυνης	передавать кого-либо в руки правосудия

Среди параллельных словосочетаний, иллюстрирующих изосемию понятий, встречаются многочисленные семантические заимствования. Они составляют фонд интернационализмов, поскольку входят в несколько (более трех) разноструктурных языков. О некоторых подобных образованиях в сравнении с украинским пишет С.В.Семчинский [19, с.129]. Далее приводим примеры тех из них, которые встречаются в сравниваемых языках:

<i>Український</i>	<i>Новогрецький</i>	<i>Русський</i>
видати вексель	εκδίδω γραμματίο	выдать вексель
вінчати лавровим вінком	στεφανώνω με δαφνοστεφανο	венчать лавровым венком
вийти переможцем	βγαίνω νικητής	выйти победителем
відкривати серце	ανοίγω την καρδιά	открывать сердце
відкривати вогонь	ανοίγω πυρά	открывать огонь
озброювати знаннями	οπλιζώ με γνώσεις	вооружать знаниями
гасити вапно	σβηνώ ασβέστη	гасить известь
час квапить	ο καιρός βιάζει	время торопит
ділити спадок	μοιράζω την κληρονομία	делить наследство
натискати на гальма	πατώ τα φρένα	нажимать на тормоза
акції піднімаються (падають)	οι μετοχές ανεβαίνουν (πεφτούν)	акции поднимаются (падают)
озброюватися мужністю (терпінням, знаннями)	οπλιζομαι με θάρρος (υπομονη, γνώσεις)	вооружаться мужест- вом (терпением, зна- ниями)
озброєний до зубів	οπαισμενος ως τα δόντια	вооруженный до зубов
абсолютне алібі	το τελειο αλλοθι	абсолютное алиби
дорожні пригоди	τα τροχαία δυστυχηματα	дорожные происшеств- вия
загальна військова повинність	η καθολικη στρατιω- τικη υποχρεωση	общая воинская повинность
частини світу	τα μερη του κοσμου	части света
сіль землі	το αλας της γης	соль земли
яблуко розбрату	το μηλον της εριδος	яблоко раздора
буква закону	το γραμμα του νομους	буква закона
розквіт промисловості	η ανθιση της βιομηχανιας	расцвет промышлен- ности
презентація книжки	η παρασταση του βιβλιου	презентация книги
у розквіті сил	στην ακμη των δυναμεων	в расцвете сил
на краю світу	στα περατα του κοσμου	на краю света
вічна йому пам'ять	αιωνια του μνημη	вечная ему память
річ у собі	το πραγμα καθ' εαυτο	вещь в себе
написані закони	οι αγραφοι νομοι	написанные законы

Одни из них появились в глубокой древности типа гр.ο *επιουσιος αρτος*, укр.хліб *насущний*, рус.хлеб *насущный*. Другие - сравнительно недавно. Так, выражение *Πτραν πρασινο φως και αρχισαν την δουλεια* (укр.*Одержали зелене світло* (т.е.разрешение) *і почали роботу*, рус.*Получили зеленый свет и начали работу*) приобретает права гражданства во многих языках, начиная со второй половины XIX в. под влиянием распространяющегося по миру светифора.

До сих пор мы анализировали параллелизм единиц синтаксического уровня языка - предложений и словосочетаний. Первые являются преимущественно пословицами, обобщающими опыт людей в емкой, выразительной форме, делающей их доступными для многих людей. Это обеспечивает их переход из языка в язык, и, следовательно, создает основу для появления параллелизмов. Подобные своеобразные клише, содержащие моральную оценку событий и людей, вошли в общечеловеческую сокровищницу мудрости. Словосочетания-параллелизмы по функционально-семантическому признаку делятся на две группы. Одни из них - термины, являющиеся обобщенными наименованиями научно познанных явлений и предметов объективного мира. Другие относятся к словосочетаниям-фразеологизмам. Их функциональное предназначение - в выражении оценки фактов, событий, людей.

В анализируемых языках обнаруживается давно отмеченный лингвистами параллелизм судеб семасиологического развития слов. Обнаружение его в историческом аспекте требует скрупулезного сбора и анализа достоверного фактического материала. Возможно, одним из способов решения этой проблемы может быть, кроме этимологического анализа, накопление параллелизмов в развитии значения слов в современных языках, а затем последующий ретроспективный анализ фактов.

Для примера вкратце остановимся на параллелизме семантической структуры глаголов *падати* в украинском и *πεφτω* в новогреческом языках по материалам толковых словарей. Как известно, последнее, давая лексико-семантические варианты многозначного слова в отдельных рубриках толкования, пытаются отобразить производность прямых и переносных значений слова от основного (как правило, первого в толковании) [20;21;22]. В качестве примера используем сокращенное представление семантической структуры названных глаголов по данным словарей украинского и новогреческого языков:

Український	Новогрецький
<u>падати</u>	<u>πεφτω</u>
1.Падати вниз; // Випадати. Падає град (дош ¹ , сніг і т.ін.); По обіді впали перші краплі дощу;	1.Πεφτω κατα; // Ριχνομαι. Πεφτει χαλαзи (βροχη, χιονι); Το απογευμα επεσαν οι πρωτες σταλες της βροχης;
2.Випадати (про волосся, зуби, шерсть); У неї випало волосся;	2.Αποσπωμαι. Επεσαν τα μαλλια της;
3.Нападати, з'являтися (про хворобу); Напала хвороба на домашню птицю і знищила її	3.Εμφανιζομαι. Επεσε η αρρωστια στα πουλερικα και τα ρημαζε;
4.Падати, зменшуватися, знижуватися (про те, що має вартість); Впали ціни на овочі;	4.Χαμηλωνω. Επεσαν οι τιμες των λαχανικων;
5.Потрапляти, попадати в якесь становище; Потрапити в руки ворога	5.Τυχαινω. Επεσαν στα χερια των εχθρων;
6.Випадати, припадати на когось, що-небудь; Йому випав виграш (у лотерею); Від всієї роботи кожному випала мала сума; Коли випадає в цьому році Великдень;	6.Κερδιζω, αναλογω. Του επεσε το λαχειο; Απ' ολη τη δουλεια του καθενος του επεσε μικρο ποσο; Ποτε πεφτει φετος το Πασχα;
7.перен. Робити якимось, доводити до певного стану; Він упав у велику бідність;	7.Καταντω. Επεσε σε μεγαλη φτωχεια;
8.перен. Скочуватися, падати морально; Як ти впав так?	8.Καταντω. Πως επεσες ετσι; Πως καταντησες;
фраз. Несподівано зустріти. Упасти, як сніг на голову	9. Επεσα πανω του

Аналізуючи семантичну структуру приведених глаголів, зауважимо дивовижний паралелізм в утворенні їх метафорических (3,4,5), переносних (6,7,8), а також фразеологіческих значень. Цей паралелізм спостерігаємо також в розвитку значень іменісних. Обратимося з цією метою до аналізу значень слів *укр. камінь*, *рус. камень* і *гр. η πετρα*. Толковні словари цих трьох мов [20; 21; 22] в якості основного подають значення ‘тверда горна порода в

¹ В отличие от українського, де зустрічаємо *іде дощ* і *падає дощ*, в руському можливо лише словосполучення *идет дождь*. В українському існує також паралельне грецькому вираження *впала темрява – επεσε σκοταδι*.

виде сплошной массы или отдельных кусков'. В производных значениях этих слов также обнаруживается параллелизм. Украинцы, русские и греки говорят об ожесточившемся человеке как об обладателе каменного сердца: *Εκαγε πετρα την καρδια του*, укр.серце його закам'янило (=стало кам'яним), рус.сердце его окаменело (=стало каменным). В этих языках камнями называются твердые тела, образующиеся в почках: укр.каміння в нирках, гр.οι πετρες στα νεφρα, рус.камни в почках; налет на зубах: укр.каміння на зубах, гр.οι πετρες πανω στα δοντια, рус.камни на зубах. Среди фразеологических сочетаний, связанных со словом *камень*, отмечен интернационализм: укр.камінь спотикання, гр.η πετρα του σκανδαλου, рус. камень преткновения.

Общность судеб семасиологического развития демонстрируют также слова:

1) укр.братися, рус.взяться, гр., πιανω, приобретающие значение 'начинать': *Πιανω δουλεια αυριο*, начинаю работу завтра, починаю роботу завтра; *επιασε τη συζητηση*, начал беседу, почав бесіду; *επιασαν τα κρυα*, начались холода, почалися холоди; *ξαφνικα επιασε δυνατη βροχη*, неожиданно начался сильный дождь, несподівано почався сильний дощ; *επιασε να μεγαλωνει*, начал расти, взявся рости;

2) укр.розв'язувати, рус.развязывать, гр.λυω → *освобождавать, звільняти*, *ελευθερωνω*: *ο σκυλος λυθηκε και αρχισε να τρεχει*, собака отвязалась и начала бежать, собака відв'язався і почав бігти;

3) укр.бракувати, рус.не хватать, гр.λειπω, λειπομαι → *нужно, потрібно, χρειαζομαι*: *μου λειπεις πολυ*, ты мне очень нужен, мені тебе бракує=ти мені дуже потрібен; *μου λειπουν τα ευγραφα*, мне не хватает документов, мені бракує документів;

4) укр.дивитися, рус.смотреть, гр.βλεπω, κοιταζω, προσεχω → *заботиться, турбуватися, περιпоιουμαι*: *προσεχε τα παιδια*, смотри за детьми (=заботься о детях), дивись за дітьми; *προσεχε το αυτοκινητο*, смотри за автомобилем, дивись за автомобілем;

5) укр.думати, рус.думать, гр.στοχαζομαι, σκεπτομαι, συλλογιζομαι → *смотреть, дивитися, βλέπω*: *σκεψου τι να κανεις*, думай, что делать, подумай, що робити; *δες τι να κανεις*, посмотри, что делать, подивись, що робити; *να βλεπεις, να στοχαζεσαι*, смотри, думай; дивись, думай;

6) укр.цілитися, націлюватися, рус.целиться, нацеливаться, гр.σκοπευω → *намереваться, намірюватися, σχεδιαζω*: *σκοπευει να γινει γιατρος*, намереваться стать врачом, намірюється стати лікарем; *σκοπευει να παει*, планирует пойти, планує піти;

7) укр.бути позбавленим, рус.быть лишенным, στερουμαι → мне нужно, мені потрібно, χρειαζομαι: Το παιδι στερεϊται та παιχιδια, Ребенок лишен игрушек, Дитині потрібні іграшки;

8) укр.капати, рус.капать, σταζω → собирать(ся), накопиться, збиратися, накопичуватися, συλλεγω (о деньгах): εσταξε πενηντα δραχμες, напало 50 драхм, напало 50 драхм;

9) укр.класти, βαζω → набирати, рус.набирать (вес), παχαινω: στις διακοτες εβαζε μερικα κιλα, на канікулах він набрав кілька кілограмів, на каникулах он набрал несколько килограммов;

10) укр.хвиля, рус.волна, κυμα γойдаться на хвилях, качаться на волнах, κυμαινομαι → перен.хвилюватися, волноваться, ανησυχω;

11) укр.викликати, зумовлювати, рус.вызывать, обусловливать, провоцировать, προκαλω → καθοριζω: αυτο προκαλει τη μολυνση του περιβαλλοντος, це викликає забруднення довкілля; это вызывает загрязнение окружающей среды;

12) укр.нести, рус.нести, φερω → народжувати, рождать, производить, γεννω: η γατα μας εφερε перси τρια γατακια, кішка принесла нам минулого року трьох кошенят; кошка принесла нам в прошлом году трех котят;

13) укр.косити, рус.косить, θεριζω → вбивати, убивать, σκοτωνω πολλους μαζι: Η χολερα θερισε το μισο πληθυσμο αυτης της χωρας, холера выкосила половину населення цієї країни; холера выкосила половину населения этой страны;

14) укр.сіяти, рус.сеять, σπερνω → розповсюджувати, поширювати, распространять, διαδιδω: Εσπειρε τον πανικο, сіяти паніку, сеять панику.

Анализ показывает, что перечисленные значения, по-видимому, первоначально появились в разговорной речи во всех сравниваемых языках. В отличие от названных параллелей семасиологического развития слов, существующих в трех сравниваемых языках, фиксируются и те, что свойственны только новогреческому и украинскому. Они также встречаются в разговорной речи:

1) укр.брати участь, рус.принимать участие, гр.παιρω, λαμβανω μερος;

2) укр.взялося вечоріти, πηρε να βραδιαζει: πηραν να ανθιζουν οι κερασιες, взялися цвісти черешні; πηραν να λειωνουνε τα χιονια, почали (=взялися) танути снігу;

3) укр.хапати, рус.хватать, гр.πιανω: πιαστηκε η κοιλια μου, мене схопив живіт;

4) укр.розв'язувати проблеми, завдання, гр.λυνω та προβλήματα, τις ασκησεις;

5) укр.купу-скупчувати, гр.ο σωρος → σωρευω=συλλεγω, μαζευω: σωρευτηκαν πολλα προβλήματα, скупчилося багато проблем; εκανα ενα σωρο δουλειας, зробила купу роботи;

6) укр.луна→відлунювати, гр.η ηχω→αυτηχω: Τα βουλα αυτηχουσαν αλο τις φωνες μας, гори відлунювали нашими голосами;

7) укр.рухати, рус.двигать, гр.κινω→συκινω, укр.зворушити (где подобно греческому производный глагол сохраняет корень, ср.κινω и двигаю, рухаю), рус.волновать. Ср.также гр.συκινηση, укр.зворушення, рус.волнение; συκινητικός, зворушливий, волнующий; ασυκινητος, незворушний, равнодушный.

Ученые отмечают, что появление параллелизмов во многих языках обусловлено, кроме языковых контактов, чаще всего психологическими причинами, общностью познавательных процессов и признаков, ставших основой номинации, которые зачастую осознаются при помощи метафоры (сравнения), а также метонимии (смежности) и имеют одинаковое прагматическое назначение - оценку. Систематизация лексических, синтаксических и фразеологических параллелизмов в сравниваемых языках неминуемо предполагает также изучение отличительных черт построения номинаций, осознания специфики образов, используемых в качестве мерила подобных ситуаций и событий. Они составляют предмет самостоятельного исследования. В этой статье вспомним лишь некоторые примеры отличий, чтобы показать возможность изучения их в зависимости от принадлежности языка к определенной языковой группе. При данном подходе устанавливаются различия, отличающие новогреческий от близкородственных украинского и русского языков. С другой стороны, в каждом из них определяются отличия, различающие их между собой. Во всех этих случаях сначала фиксируется основа сравнения - семантика лексемы, свободного или фразеологического словосочетания. Затем очерчиваются подобия и различия.

Так, украинцы, желая выразительно описать образ жалкого, смешного на вид человека, употребляют выражение *як (=мов) мокра курка* (рус.мокрая курица). Греки предпочитают говорить в этом случае о мокрой кошке: *σαν βρεμενη γατα*. Они используют образ общипанной курицы для сравнения с полысевшим человеком: *Επεσαν τα μαλλια του κι 'εγινε σαν μαδημενη kota*.

В сравниваемых языках, например, наблюдаем параллелизм образования названий мяса по его принадлежности определенным животным или птицам. В украинском и русском языках они образуются

по модели *производящая основа существительного-названия животного+суффикс -ин(а) → производные существительные в женском роде, называющие разновидность мяса:*

укр. свиня (ж.р.)	→	свинина (ж.р.)
баран (м.р.)	→	баранина (ж.р.)
теля (с.р., со значением невзрослости)	→	телятина (ж.р., со значением молодого мяса)
рус. свинья	→	свинина
баран	→	баранина
теленоч	→	телятина

В этих языках параллельно с производными словами существуют эквивалентные расчлененные наименования разновидностей мяса, оформленные как словосочетания прилагательного, соотносительного с производящим существительным-названием животного или птицы, и существительного *мясо*: *укр. свиняче, бараняче, теляче мясо; рус. свиное, баранье, телячье мясо*. В новогреческом функционирует словообразовательная модель *основа существительного, называющего животное²+ суффиксы -ει(ος), ησι(ος), ιν(ος) → производное слово в среднем роде - наименование мяса определенной разновидности*:

το πρόβατο	→	το πρόβειο 'баранина'
ο χοίρος	→	το χοιρίνιο 'свинина'
το βοϊδί	→	το βοειών 'говядина'

По значению им эквивалентны словосочетания, состоящие из относительного прилагательного, производного от существительного-наименования животного, и существительного *мясо το κρεας* (ср.р.): *το αρνι → το αρνησιο κρεας* 'баранье мясо', *το γουρουνι → το γουруνησιο κρεας* 'свиное мясо', *ο χοίρος → το χοιρίνιο κρεας* 'свиное мясо', *το βοϊδί → το βοειών κρεας* 'говяжье мясо'.

На фоне описанных словообразовательных моделей оформления наименований сортов мяса в сравниваемых языках показателен параллелизм словосочетания и эквивалентного ему однословного наименования в украинском и русском языках: *куриное мясо = курятина*. Во всех трех языках относительное прилагательное этого словосочетания образуется от существительного женского рода, ср.: *укр. курка, курица → курятина, куряче м'ясо; рус. курица → курятина, куриное мясо; гр. η kota → το котησιο κρεας*. Этот параллелизм тем более интересен, что во всех современных сравниваемых языках для наименования

² Производящие слова могут оформляться во всех трех родах.

самца используются лексемы, не имеющие общего корня со словом *курица* и, следовательно, не являющиеся словообразовательными производными: *укр.півень*, *рус.петух*, *гр.ο πετεινος*, *ο κοκορας*. Он становится еще более выразительным на фоне другого параллелизма, также связанного с названием петуха и существующего во многих европейских языках, - словом *курок* - наименование части ударного механизма в ручном огнестрельном оружии. Этимологический анализ показывает семантическую мотивацию этого наименования словом *петух*. В основу построения наименования положено подобие фигур: курока, т.е. фигурная мишень в виде петушка. В “Этимологическом словаре украинского языка” отмечено, что слово *курок* соотносится со словом *[кур]* *петух*, функционирующим в его диалектах. Оно классифицируется как заимствование из русского, который, в свою очередь, заимствовал его из польского *kurek*. В последнем это слово образовано как калька *нем.der Hahn курока; кран; петух* [36, т.ІІІ, с.156].

В новогреческом для обозначения курока также используется существительное *петух ο πετεινος*, т.е. слово, полученное в современном языке путем семантического словообразования. Во всех трех языках устанавливается параллелизм словосочетаний *укр.звести курока*, *рус.взводить курока*, *гр.σηκωνω τον πετεινο*.

Отмеченные параллелизмы еще более усиливаются словообразовательными параллелизмами типа:

рус.петух → *петушиться* ‘вести себя подобно петуху, держаться высокомерно, бодро, храбро;

гр.ο κοκορας → *жокоревоцаи*

В украинском в этом случае эквивалентный вышеупомянутым словам глагол отсутствует, но функционирует равнозначное ему фразеологическое словосочетание *ходити (=виступати) півнем (=рус.ходить петухом)*. Этот параллелизм усиливается свойственным всем трем сравниваемым языкам фразеологическим сочетанием *укр.кури сміються, курам на сміх* ‘выставлять себя в смешном виде’; *рус.курам на смех*; *гр.ειναι για να γελαυ*.

Отличия и параллели наблюдаются также на уровне контекстной реализации семем многозначных слов в сравниваемых языках. Наличие общих компонентов семантики у греческого прилагательного *χλωμος*, украинского *блідий*, русского *бледный*, содержащих оттенки белого и желтого (от лимонного до темно-желтого), позволяет употреблять их в параллельных контекстах в этих языках:

κιτρινος σαν το λεμονι

блідий (жовтий), як лимон

бледный (желтый), как лимон

χλωμος σαν το кері
блідий (=білий), як віск
бледный (=белый), как воск

Однако в новогреческом у слова *χλωμος* есть синоним - лексема *πελιδνος*, которая равнозначна украинському словосочетанию *мертво блідий*, русскому *мертвенно бледный, бледный, как смерть*, поэтому в нем возможно выражение *Εγινε πελιδνος απο το φοβο* *Со страху он стал бледным, как смерть.*

В анализируемых языках мы можем установить подобие и различие сравнения внешнего вида человека (“ в цвете”) с его внутренним состоянием, чувствами. Украинцы, греки, русские от гнева и стыда краснеют: *укр. червоніти від гніву, сорому; рус. краснеть от гнева, со стыда; гр. κοκκινίζω απο το θυμο, τη υτροπη.* От холода они синеют: *укр. синіти від холоду, рус. синеть от холода, гр. μελανιαζω απο το κροο.* Однако от страха греки желтеют *κιτρινίζω απο το φοβο*, а украинцы и русские от него зеленеют: “*πρασινίζουν*”: *укр. зеленіти від страху, рус. зеленеть от страха.*

На фоне параллелизмов-словосочетаний в сравниваемых языках обнаруживаем заметные отличия в реализации глагольного управления в сочетаниях глагола и существительного. Так, новогреческие глаголы, обозначающие мыслительную деятельность человека *σκεπτομαι, συλλογίζομαι, στοχαζομαι* ‘думать’, употребляются в беспредложных конструкциях в отличие от предложных в украинском и русском:

σκεπτομαι τους γονεις μου
думаю про своїх батьків
думаю о своих родителях;

συλλογίζεται τα περασμενα
думає про минуле
думает о прошлом

Беспредложное управление характерно также для новогреческих глаголов *βλεπω, κοιταζω, προσεχω*³ ‘видеть, замечать’:

βλεπω τον αδερφο μου
бачу свого брата
вижу своего брата;

³ Последнее в ряду слово *προσεχω* в одном из своих значений эквивалентно русским *остерегаться, быть внимательным*, украинским *остерігатися, бути уважним*.

προσεχω το αυτοκινητο
звертати увагу на машину
обращать внимание на машину

В отличие от украинского и русского языков, где глаголы *рус. видеть*, *укр. бачити* употребляются в беспредложных конструкциях *видеть брата*, *бачити брата*, а синонимичные им *смотреть* и *дивитися* могут использоваться в беспредложных *смотреть фильм*, *овитися фільм* и предложных конструкциях *смотреть на доску*, *овитися на дошку*, новогреческие глаголы *βλεπω*, *κοιταζω*, *προσεχω* всегда используются в беспредложных конструкциях:

κοιταζω τον πατερα μου
дивлюся на батька
смотрю на отца

Греческое существительное *η αναγκη* (в русском ему соответствует необходимость, в украинском - потреба, необхідність) требует после себя употребления предлога *απο* 'от' в отличие от соответствующих русских и украинских существительных, после которых употребляется предлог *в*:

εχει αναγκη αλο αμμεση γιατρικη βοηθεια
він має потребу в негайній медичній допомозі
он испытывает потребность в неотложной медицинской помощи

Греческий глагол *συυχαίρω* (*рус. приветствовать*, *укр. вітати*) употребляется с предлогом *για* (при обозначении причины-цели), эквивалентные ему украинский и русский глаголы сочетаются с предлогом *з* (*с*), указывающим на объект-повод:

συυχαίρω για τη νικη
вітаю з перемогою (точнее, ради победы)
приветствую с победой

Число подобных примеров можно значительно увеличить, но это задача сравнительного анализа синтаксических систем языков, в пределах которого определяются синтаксические эквиваленты (по структуре, значению, коммуникативному назначению и т.п.).

В этой статье мы попытались очертить прежде всего круг параллелизмов, обнаруживаемых в общих тенденциях семасиологического развития слов, которые обладают близкими значениями в разных языках, эквивалентность предложений, а также близких по значению, грамматической форме и лексической реализации фразеологических,

терминологических и свободных сочетаний. Результаты проведенного сравнения названных единиц помогают осветить подобие фрагментов языковых картин мира.

Многочисленные параллелизмы в сравниваемых языках - явление неслучайное. Греческая культура издавна (особенно после принятия христианства) была компонентом культуры восточных славян. Духовная общность способствовала образованию параллельных языковых форм выражения принятых норм этики, канонов общей веры, общих понятий взаимообогащенных культур.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. - М., 1955.
2. *Пономарив А.Д.* Лексика греческого происхождения в современном украинском языке // АКД. - К., 1974.
3. *Пономарів О.Д.* Грецизми в українській мові // Записки історико-філологічного товариства Андрія Білецького. - К., 1997. - Вып.1. - С.21-27.
4. *Коваль А.П., Коптілов В.В.* Крилаті вислови в українській літературній мові. - К., 1975.
5. *Горецький П.Й.* Лексика і фразеологія // Курс сучасної української літературної мови / За ред.Л.А.Булаховського. - К., 1951. - Т.1. - С.26-125.
6. *Чередниченко І.Г.* Нариси з української фразеології. - К., 1952.
7. *Скрипник Л.Г.* Фразеологія української мови. - К., 1973.
8. *Медведев Ф.П.* Українська фразеологія: Чому ми так говоримо. - Харків, 1977.
9. *Зорівчак Р.П.* Фразеологічна одиниця як перекладознавча категорія. - Львів, 1983.
10. *Юрчук Л.А.* Теоретичні засади реєстру фразеологічного словника української мови // Мовознавство. - 1983. - № 5. - С.23-32.
11. *Білоноженко В.М., Гнатюк І.С.* Функціонування та лексикографічна розробка українських фразеологізмів. - К., 1989.
12. *Демський М.Т.* Українські фраземи й особливості їх творення. - Львів, 1994.
13. *Тимошенко И.* Византийские пословицы и славянские параллели к ним. - Варшава, 1895. - С.1-37.
14. *Пономарів О.Д.* Про лексичні й фразеологічні паралелізмів в новогрецькій та українській мовах // Дослідження з лексикології та лексикографії. - К., 1965. - С.236-245.

15. *Αντριωτης Ν.* Παραλληλοι σημασιολογικαι εξελιξεις εις την ελληνικην και εις αλλας γλωσσας. – Θεσσαλονικη, 1960.
16. *Τριανταφυλλιδης Μ.Α.* Παροιμιακες φρασεις απο την ιστορια και τη λογοτεχνια. – Θεσσαλονικη, 1965.
17. *Мокивнко В.М.* Славянская фразеология. - М., 1980.
18. Грецькі прислів'я та приказки. - К., 1985.
19. *Семчинський С.В.* Семантична інтерференція на матеріалі слов'яно-східномовних контактів. - К., 1974.
20. Словник української мови. - К., 1970-1980. - Т.1-11.
21. Υπερλεξικο της νεοελληνικης γλωσσας. – Αθηνα, 1997. – Τ.1-6.
22. Словарь русского языка. - М., - Т.1-17.
23. Русско-украинский словарь. - К., 1968. - Т.1-3.
24. *Хориков И.П., Малев М.Г.* Новогреческо-русский словарь. - М., 1980.
25. *Иоаннидис А.И.* Русско-новогреческий словарь. - М., 1966.
26. Фразеологічний словник української мови. - К., 1993. - Т.1-2.
27. *Вирган І., Пилинська М.* Російсько-український фразеологічний словник. - 1958-1971.
28. *Коломієць М.П., Регушевський Є.С.* Словник фразеологічних синонімів. - К., 1988.
29. *Олійник І.С., Сидоренко М.М.* Українсько-російський та російсько-український фразеологічний словник. - К., 1978.
30. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX вв. - Новосибирск, 1991. - Т.1-2.
31. Фразеологический словарь русского языка. - М., 1986.
32. *Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова. - М., 1960.
33. *Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т.* Словарь фразеологических синонимов русского языка. - М., 1987.
34. *Αντριωτης Ν.Π.* Ετυμολογικο λεξικο της κοινης νεοελληνικης. – Θεσσαλονικη, 1995.
35. Етимологічний словник української мови. - К., 1982-1989. - Т.1-3.
36. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. - М., 1964-1973. - Т.1-4.

НОМИНАЦИЯ ДОЖДЯ И ПОГОДЫ (ПО ОТНОШЕНИЮ К ДОЖДЮ) В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В свое время К.Паустовский высказал мысль о полезности составления такого словаря русского языка, который содержал бы слова, имеющие отношение к природе. Его назначение, по мнению писателя, - давать представление как об окружающей среде, так и о богатых возможностях языка. Практическая ценность такого словаря не вызывает сомнений, поскольку он в концентрированном виде отразил бы и общечеловеческое, и национально-особенное в видении русским народом окружающей его природы.

В такой же мере полезным представляется и описание данной лексики в ономаσιологическом аспекте. Неоднородность элементов отмеченного сектора физически воспринимаемого мира с точки зрения механизмов их восприятия человеком (видимое, слышимое, обоняемое, осязаемое, их различные комбинации) естественно ставит вопрос о приемах номинации разнообразных природных явлений. В данной статье представлены некоторые результаты наблюдений в означенном русле.

Одним из жизнеобеспечивающих явлений окружающей среды считается дождь. Характер отношения русского человека к этому природному феномену четко выявляется в таких видовых его названиях, как *божья благодать* 'дождь после засухи', *божья воля* 'дожди' [1, с.63]. В развернутом виде это отношение выражается в пословице *Велика милость Божья, коли в Николин день дождик польет* (22 мая). Для народного сознания характерно наличие твердого убеждения, основанного на длительной земледельческой практике, что сколько в мае дождей, столько лет быть урожаю. Поэтому и обращались в этом месяце к силам небесным с просьбами о ниспослании дождя: 8 мая усердно просили об этом святого Марка, которого в народе часто называют *ключником*, веря, что он владеет ключами от дождей; 22 мая просили об этом Николая Чудотворца, покровителя земледелия и скотоводства, хозяина вод земных, милостивого заступника от всех бед и несчастий: "Батюшка Никола! Дай дождя большого! На нашу рожь, на бабий лен поливай ведром".

О значимости дождя в жизни людей свидетельствуют многие пословицы и поговорки. Например: *Дает небо дождь, а земля – рожь; Без дождя и трава не растет; Зашепчет дождь тихим голосом – поднимется рожь тучным колосом*. Существует большое количество примет, связанных с прогнозированием как отдельного дождя, так и периодов, богатых/бедных дождями. Ср.: *Ласточки летают*

высоко – к ведрию, низко – к дождю; Если летом ночью не было росы, днем будет дождь; Утром трава пахнет сильнее обычного – к дождю; Грачи летом пасутся на траве – скоро будет дождь; Синие облака в апреле – к теплу и дождю; На Самсона дождь – через семь недель то ж; На Самсона-сеногноя дождь – до бабьего лета мокро (Самсон-сеногной – 10 июля); Как медь желты облака на Афанасия Афонского (18 июля) – к дождю; На Мефодия дождь (3 июля) – будет идти сорок дней. По дождю в тот или иной день прогнозировались особенности предстоящей жизни. Например: *На Благовещенье дождь – родится рожь (7 апреля); На Юрья дождь – скоту легкий год (6 мая); Коли дождь на Петров день, то сенокос будет мокрый (12 июля); До Ильина дня дождь – в загром, а после Ильина дня - из закрома (2 августа).* Столь пристальное внимание ко всему, что так или иначе связано с дождем, обусловлено тем, что слишком многое в жизни людей зависело и продолжает зависеть не только от его наличия, но и своевременности. Именно последнее заставило сказать: "Ранний дождь озолотит, а поздний разорит. Счастливы те поля, на которые летний дождь выпадет впору".

В ходе многовековой общественной практики оказались выделенными самые разные признаки рассматриваемого природного явления, о чем наглядно свидетельствует лексическая сочетаемость существительного *дождь* в литературном языке: сильный, проливной, кратковременный, небольшой, крупный, мелкий, морозящий, редкий, частый, косой, слепой, долгожданный, внезапный, теплый, холодный, весенний, летний, осенний, обложной, затяжной, ливневый, грибной; с градом, с грозой, со снегом; капли, струи, шум, шелест, начало, прекращение; собирается, начинается, пошел, полил, идет, льет, моросит, накрапывает, усиливается, хлынул, стихает, перестал, кончился, прекратился, прошел, прошел стороной; зачастили, зарядили, заладили [2, с.138-139]. Синтагматика рассматриваемого существительного свидетельствует о значительной разноплановости номинационных подходов к означиванию соответствующего референта. Отметим некоторые из них. Аналитически, с помощью прилагательных и глаголов, отражается, как изливается вода – отдельными каплями (ср. *капает, накрапывает, покапало*) или они сливаются в струи и сплошной поток (ср. *льет, льет как из ведра, проливной*); каков временной интервал между каплями по отношению к некоторой установленной практикой норме (*редкий, частый*); каков размер капель по отношению к опять-таки установленной практикой норме (*крупный, мелкий, морозящий*); как капли падают по отношению к земле – отвесно или под углом (*прямой, косой*); много или мало изливается воды (*сильный, ливневый, проливной, небольшой*); какова продолжительность дождя (*кратковременный, затяжной*); тучи обложили все небо или есть

просветы (*обложной*); какова температура воды, в какое время года идет (*теплый, холодный, весенний, летний, осенний*); какие другие природные явления его сопровождают (*грозовой, с градом*); ожидаемый или нет (*долгожданный, внезапный, неожиданный*). Означиваются различные фазы дождя: *собирается, заходит, начинается, пошел, идет, стихает, перестает, перестал, прекратился*; наличие первой фазы (*собирается*) и отсутствие последующих (*прошел стороной*) и т.д.

Особенность номинационной палитры данного явления - ее двуслойность. Первый слой составляют словесные обозначения дождя как такового или отдельных его качеств в форме субстантивов и адъективов, например, *дождь, ливень, бус, ситник, росинец; крупный, грудной, затяжной* и др. Второй слой - это словесные обозначения состояний погоды, характеризующихся наличием или отсутствием дождя. Здесь номинация осуществляется в формах существительных, глаголов, категории состояния, фразеологизмов, например, *бусит* 'идет мелкий дождь', *баглит* 'идет дождь', *дождёво* 'дождливо', *козье ненастье* 'дождливая погода в августе'.

Номинационным центром анализируемой референтной области выступает лексема *дождь*. Единого мнения о внутренней форме этого общеславянского слова в настоящее время нет. В существующих этимологиях в качестве опоры номинации выдвигаются зрительно-осязательное восприятие явления (связывают с норвежским *dysja* 'моросить, струиться', ср.-н.-нем. *dust*, англ. *dust* 'пыль'), слуховое восприятие (сопоставляют со звукоподражательным корнем - **duz-*, который представлен в литовских глаголах *duzgeti* 'звенеть', *duzgenti* 'стучать'), представление о плохой погоде (усматривают сложение двух и.-е. основ **dus-djus*, выражающее значение 'плохой день, плохая погода'). Сравнение этимологии дает основания полагать, что именование данного референта осуществляется в русле тех номинационных подходов, которые характерны для обозначения объектов, имеющих то или иное отношение к воде. Ср. *ручей струится, поток гремит, вода играет, капель звенит, водяная пыль, гремиха, гремяч* (географический термин со значениями 'речка с бурным стремительным течением; шумливый горный поток'), а также гидронимы *Звинеч, Звиняч, Звинячка, Звеняка, Гремушка* [3, с.76]. Номинация рассматриваемого явления опирается на сопоставление его с другими, близкими по своей физической природе (дождь - вода - река - поток и под.). При этом следует отметить, что объяснение через и.-е. **dus-djus* 'плохой день, плохая погода' предполагает наличие более сложной ономаσιологической ситуации, для которой характерно осмысление дождя как важнейшего составного элемента погоды с одновременным выражением оценки такого ее состояния, когда идет дождь. В прин-

ципе такой ход "номинационной мысли" вполне мог иметь место, и одним из доказательств этого можно считать русское диалектное существительное *непогодица* 'сильный дождь'. Такой способ подхода к номинации рассматриваемого референта характеризуется четко выраженной позицией актуализированной включенности субъекта номинации в ситуацию называния. Еще более значимой позиция субъекта номинации оказывается при назывании состояний погоды по принципу "дождь наличествует/отсутствует", которое часто носит отчетливо воспринимаемый антропоморфный характер. Ср.: *дождь идет, шел, прошел, пройдет, пошел, прошел стороной*. Такой же характер присущ названиям дождя в загадках – *долговяз, Антошка: Долгий долговяз на суше увяз; Шел долговяз, в сыру землю увяз; Посмотрю я в окошко: идет длинный Антошка*. Показательно, что и в других загадках дождь описывается в сравнении с человеческими свойствами и действиями. Ср. *Один льет, другой пьет, третий растет* (дождь, земля, трава); *Приехала баба из высокого града. Как она заплакала – все люди возрадовались* (дождевая туча); *Крупно, дробно зачастило, всю землю напошло* (4, с.179). Подобная антропоморфность – яркая черта данного жанра народного творчества, отражающая представление не просто о сопоставленности, а об изоморфности человека, явлений и объектов природы, вещей. Например: *Красна девушка по небу ходит* (солнце); *Сестра к брату в гости идет, а он от сестры прячется* (солнце и луна); *Ни окон, ни дверей – полна горница людей* (огурец); *Бабушка Андреевна сгорбившись стоит, ноженьки в землюшку, рученьки расширила, все хочет схватить* (соха); *Два кума Аввакума, две кумы Авдотьи, пять Фалалеев, десять Андреев* (сани). [5, с.56,71]. Думается, что, анализируя сферу "реалистической" номинации природных явлений, не следует сбрасывать со счетов возможность проявления в ней, пусть даже на уровне немотивируемой традиции, отголосков отмеченной стадии мировосприятия.

Родовое название *дождь* в значении 'атмосферные осадки в виде водяных капель' употребляется в русском языке повсеместно и в различных формах его существования. Кроме него, имеются и видовые однословные названия, в содержательной структуре которых выделяются дополнительные семы. Одни из этих единиц представляют собой дериваты лексемы *дождь*, в других выделяются иные основы.

Небольшой дождь обозначается на разных территориях производными существительными *дождик, дождек, дождей, дожdechек, дожdechок, дождюк*. Дождь значительной силы может обозначаться лексемой *дожжжака* (бытует в воронежских говорах), входящей в тот же словообразовательный тип, что и *ветряка, морозяка*. Это же значение присуще и суффиксальному производному *дожжина*. В архангельских и рязанских говорах ему соответствует словоформа *дожжжа*.

Ср. *дожджа была проливная: целый час дожджа шла, вот была дожджа неугасимая* [6, с.185]. Этот семантико-морфологический вариант мог возникнуть по аналогии с существительным *жара*, обнаруживающим ту же сочетаемость: *А сейчас хоть телешом рой, жара неугасимая* [6, с.135]. Словоформа *дожджа* может носить характер фонетико-морфологического варианта, семантически эквивалентного лексеме *дождь* (отмечается в псковских говорах). В архангельских говорах имеется слово *дожджовье*, с помощью которого обозначается дождь, длящийся несколько дней.

Как уже отмечалось, в говорах бытуют названия, деривационно не связанные с лесемой дождь: *бус, ситник, росинец, налой, заливень* и др. Существительное *бус* выступает обозначением мелкого дождя. Ареал его предельно широк: Камчатка, Сибирь, Урал, Алтай, Центральная Россия, Поморье. Обращает на себя внимание четкое и последовательное противопоставление слов *бус* и *дождь* на всей указанной территории. Основа этого противопоставления – наличие/отсутствие у референта признака 'мелкий'. Ср. "...чуть накрапывал бус – так называется здесь (на мурманском берегу) мелкий дождь" (1, с.302). О том, что сема 'мелкий' воспринимается носителями языка как основная в содержательной структуре лексемы *бус*, говорит наличие производных прилагательных *бусой, бусый* с фразеологически связанными значениями 'мелкий, частый' (встречаются в архангельских говорах, где сочетаются только с существительным *дождь*), а также глагольной формы *бусит* в личном и безличном значениях: *дождь бусит; на дворе бусит*. Этот глагол употребляется повсеместно. Весьма показателен в плане содержательного различия рассматриваемых названий следующий контекст: "Давеча бусило, ровно осенью, а топеричи большой такой дож пошел. Дождь бусит мелкий" [1, с.304].

Вместе с тем лексема *бус* может употребляться и для обозначения осадков переходного характера. Ср.: "Моросило нечто среднее между дождем и туманом, то самое, что на Камчатке называют бусом" [7, с.104]. В значении 'туман, наморось' данное слово употребляется практически на той же территории, что и в предыдущем. Именно в данном значении существительное *бус* было заимствовано из тюркских языков, где у него, кроме значения 'туман', имеются также значения 'пар, пасмурная погода'. Следует заметить, что некоторые контексты, содержащие формы глагола *бусить*, позволяют заключить: русскому языку не чуждо в слове *бус* и значение 'пасмурная погода'. Ср.: дождей хоть нет, но погода пасмурная; и все бусит, оттого сырость в воздухе [1, с.304].

Дальнейшее семантическое развитие этого слова наблюдается в пермских и иркутских говорах. Здесь глагольная форма *бусит* имеет

значение 'идет снег с дождем', вполне вероятно и наличие значения 'снег с дождем' в лексеме *бус*.

В говорах отмечается и целый ряд суффиксальных производных рассматриваемой лексемы, содержательно ей эквивалентных: *бусенец*, *бусенник*, *бусенок*, *бусик*, *бусовец*, *бусовик*, *бусяк*, *бусёнчик*. Только последнее из них дается в словаре с пометой "уменьш.-ласкат.", остальные же и стилистически не отличаются от своего производящего слова. Структурное усложнение названия в некоторых случаях может быть обусловлено тенденцией фонетико-парадигматического выравнивания в пределах тематических групп 'осадки', 'погода': *бусик* – *мокрик* 'мокрый снег с дождем'; *бусенец* – *мокринец* 'мокрый снег с дождем' – *росинец* 'мелкий дождь'; *бусовец* – *дождец*. Не исключено также и явление своеобразного "морфемного эксплицирования" основной семы 'мелкий' путем добавления к непроемной основе *бус*-суффиксов, ассоциирующихся в русском языковом сознании с общей идеей уменьшительности. Образцом в данном случае могла стать словообразовательная парадигма существительного *дождь*, где в производных единицах эксплицирована сема 'небольшой, незначительный по силе'.

Близкой внутренней формой к отмеченным обладают названия, соотносящиеся с лексемой *сито* (< *сеять*): *ситник*, *ситовник*, *ситега*, *ситяга*, *ситуга*, *ситуха*, *ситель*, *ситевень*, а также их фонетические варианты *читуга*, *читега*, *чит* [7, с.506]. Ср. толкование слов *ситник*, *ситовник*, *ситяга* В.И.Далем: 'мельчайший дождь, мокрая пыль, бусенец' [7, с.506]. Метафоричность данных названий вполне очевидна, в них выделяется тот же признак номинации, что и в развернутой конструкции *сеет мелкий дождик*. Распространение основы *сит*-суффиксами объясняется, видимо, теми же причинами, что и в предыдущем случае. Ср. *ситник* – *грибник* 'грибной дождь'; *ситовник* – *грибовник* 'грибной дождь'; *ситевень* – *ливень*; *ситяга* – *передряга* 'плохая холодная погода вперемежку с дождем' (< *дряга* 'судорога, дрожь') и др. Образ сита отражен и в болгарском названии мелкого дождя – *ситен дъжд*.

В лексеме *росинец* отражается сравнение мелкого дождя с росой. Употребляется она в псковских и тверских говорах в значении 'морось, осенний морозящий дождь' [7, с.483].

Кроме перечисленных, в группу названий мелкого дождя входят также следующие слова (некоторые в одном из своих значений): *морось* 'мельчайший дождик, ситник', *морох*, *мореха* 'мелкий осенний дождь', *маросейка* (< *моросейка* < *морось*) 'мелкий морозящий дождь', *морозга* (видимо, < *моросга* < *морось*) 'мелкий дождь с изморозью', *мга* 'мельчайший дождик, морось, а также густой сырой туман, метель' (ср. в укр. языке *мжа* 'мелкий частый дождь'), *мжица*,

мжичка 'мельчайший дождик при густом тумане' (курские говоры), *имжа*, *имжица*, *имжель* 'мелкий дождь, а также туман, изморозь' (брянские и смоленские говоры), *жмычка*, *жмучь* 'сырая пасмурная погода с туманом в зимнее время; мелкий дождик' (архангельские и вологодские говоры), *моргасинница* 'мелкий осенний дождичек', *челуга*, *чилуха*, *шелуга* 'нагоняемый горными ветрами мелкий дождь с туманом' (архангельские говоры). Во всех этих словах значение 'мелкий дождь' выступает как основное, однако в говорах немало и таких слов, в которых это значение носит характер сопутствующего, например, *мазгара* 'пасмурная туманная погода на море вследствие идущего мелкого дождя' [7, с.358], *мяча*, *мяч*, *мяц* 'слякоть, зимняя полудожливая погода' (< мягкий, мягкая погода), *ненастье* 'плохая холодная сырая погода, холодный дождь, нередко с ветром' [7, с.392], *памора*, *паморок*, *памрок* 'туман, выпадающий в виде мелкого дождя, пасмурная погода с мелким дождем, ненастье', *передряга* 'плохая холодная погода вперемежку с дождем' [7, с.433], *сеногной* 'дождливая погода во время сенокоса; мелкий продолжительный дождь' [ср. хроним *Самсон-сеногной* (10 июля)].

В приведенных примерах имеет место метонимическая взаимосвязанность значений 'погода' и 'дождь'; многие из них характеризуются комплексностью референтной основы, вследствие чего их внутренняя форма выражает только одну из частей их содержательного объема. Например, в существительном *паморок* – это плохая видимость (ср. *морок* 'туман, низкая облачность, черная дождевая туча, пасмурная погода', *морочная погода* 'пасмурная, темная', *морочное небо* 'в темных тучах'), *передряга* – физическая реакция человеческого организма (< *дряга* 'судорога, дрожь, спазм'), *сеногной* – гниение сена. Интересно в этом плане название *омулёвая погода* 'осенний мелкий холодный дождь, морось, бус, когда рыба омуль идет из Байкала в Селенгу и ловится на всю Восточную Сибирь' [7, с.412]. Показательно оно также и как отражающее представление о месте дождя в общей оценке состояния погоды. Нельзя не обратить внимания на аналогичность данного обозначения дождя обозначению ветра. Ср.: *Вы не дуйте-ка, низовы погоды; Ты подуй, подуй, верхова погода*. Отмеченный факт свидетельствует, что дождь и ветер выступают в народном сознании как важнейшие составляющие компоненты погоды.

Неразрывная связь дождя и погоды отражается и в названии *непогодица* – так в курских говорах обозначают сильный дождь. Большинство же названий дождя значительной силы, когда за единицу времени изливается большое количество воды, соотносятся с глаголом *лить* и его производными: *ливень*, *заливень*, *залив*, *заливина*, *налив*, *налой*.

Среди слов, обозначающих отдельные свойства дождя, немало имен прилагательных, в том числе диалектных. Так, на Урале обильный, дружный дождь называют *грудный*. Его значение четко выявляется при сопоставлении с производным наречием *грудно* 'много, вместе, кучно, тесно'. С помощью данного прилагательного обозначают и дружное таяние снега – *грудная потайка* [8, с.163]. В других местах интенсивность дождя обозначается прилагательными, производными от видовых названий дождя: *заливный, залевный, заливной* < *залив*; *заливенный* < *заливень*. Как правило, данные прилагательные сочетаются только с существительным *дождь*, однако в некоторых говорах наблюдается расширение сочетаемости прилагательного *заливенный*: *заливенная падера* 'сильный продолжительный ветер; сильная буря' (псковские говоры). Синонимом к названным является и лексема *облонный* (сибирские говоры). Скорее всего, она представляет собой фонетический вариант прилагательного *обломный*, связанного с выражением общей идеи 'очень много; в избытке': *обломная трава: ягода была обломная*. В рязанских говорах это слово обычно употребляется для обозначения обильного урожая чего-либо или большого количества каких-либо живых существ [9, с.354]. В сибирских говорах происходит расширение содержательного объема лексемы. Близким по своей внутренней форме к обозначению *обломный дождь* выступит название *дождь с обвалом*, бытующее на Дону [6, с.355]. Последнее название семантически связано с наречием *обвалом* 'очень много' (отмечается на той же территории). Кроме того, оно интересно и тем, что в нем обнаруживается параллелизм, присущий номинации снега и дождя, в частности густого снега и проливного дождя. Ср. *снег валит; снег повалил хлопьями; снегу навалило*.

В некоторых говорах значение 'очень сильный' (о дожде) выражается прилагательным *неосиленный*, в котором признак номинации отражает оценку субъектом номинации интенсивности явления, а не просто его констатацию. Деривационно данное прилагательное, как представляется, есть результат следующего семантического сдвига: 'такой, который не осилить' → 'обладающий очень большой силой'.

Основа глагола *лечь* отражается не только в названиях сильного дождя. Ее используют и тогда, когда в названии на первый план выдвигается длительность: вот идет дождь день-другой, вот и называют *левный* дождь. Встречается такое обозначение в Сибири [10, с.98]. В Архангельской области близкое значение передается прилагательным *неодольный*: дождь неодольный не сразу идет, как будто ждет чего-то [6, с.101]. В псковских и тверских говорах бытует глагол *неодолить* 'не осилить, не быть в состоянии справиться с чем-либо' [6, с.101]. Сравнивая эти две лексемы, можно предположить следующее метафорическое переосмысление: *неодольный* – т.е. такой, который идет

как бы через силу, одолевая некоторое препятствие, внутреннюю преграду.

Представление о дожде обычно ассоциативно связано с представлением о пасмурной, несолнечной погоде. Об этом уже говорилось, когда рассматривались видовые названия дождя. Ср. также семантическую структуру глагола *бухмарится*: 1. 'покрывается облаками, пасмурнеет'; 2. 'идет мелкий дождь'. Видимо, поэтому специально обозначают дождь при сияющем солнце - *слепой*.

Ономасиологически актуальным оказалось еще одно свойство дождя, имеющее хозяйственно-практическую ценность, – способствовать росту грибов, значительного подспорья в семейном рационе. Таким свойством обладает мелкий теплый дождь, обильно орошающий и напитывающий землю. Называется он *грибной, грибовой, грибовый, зубный, зубной* (< *зуба* 'гриб'). В некоторых местах, например, в Калужской области, так называют частый крупный и сильный дождь. Возможно, это объясняется тем, что на разных землях обильный рост грибов вызывают разного типа дожди. Важностью словесного обозначения данного типа дождя для говорящих объясняется образование на базе отмеченных прилагательных названий-существительных *грибник, грибовик, грибовник* (костромские, тверские, смоленские говоры), *зубник* (архангельские говоры). На Севере России встречается и название *обабочник* < *обабок* 'разновидность гриба'. В Сибири такого типа дождь называют *мягкий* [10, с.108].

Привлеченные к анализу лексемы показывают, что круг вербализованных признаков номинации данного явления в пределах национального русского языка шире того, который получил отражение в литературном языке. Многие из рассмотренных прилагательных имеют фразеологически связанные значения, что может расцениваться как проявление тенденции к синтагматико-парадигматической отделенности данной тематической группы от других, смежных с нею.

Номинация окружающей среды с точки зрения наличия/отсутствия дождя также характеризуется в говорах большим лексическим разнообразием по сравнению с литературным языком. Осуществляется она, как уже отмечалось, в формах существительных, безличных глаголов, слов категории состояния, прилагательных. Определенная часть этих единиц представляет собой дериваты существительного *дождь*. Значения 'богатый дождем, с дождем' выражаются прилагательными *дождёвый, дождивый, дождевой, дождевитый* (олонецкие, вологодские, пермские говоры). От каждого из них возможно образование слов категории состояния, хотя в "Словаре русских народных говоров" отмечено только *дождёво*. Перечисленные прилагательные имеют ту же лексическую сочетаемость, что и прилагательное *дождливый*, используемое в литературном языке. Относительное значе-

ние может передаваться прилагательным *дождяной* (ср. *ветряной*, *водяной*, *ледяной*): *дождяная капля*, *дождяная туча*.

Состояние природной среды, когда идет дождь, обозначается в ряде говоров глаголами *дождит*, *дождяет*, *дожжжает*, *дожжжается*, *дождевится*, имеющих безличное значение. С помощью безличных глагольных форм *задождило*, *задождилось* обозначается наступление периода дождей.

Словообразовательно опираясь на лексему *дождь*, создают в говорах и названия, выражающие идею 'отсутствие дождя'. Например, в пермских и архангельских говорах функционируют лексемы *бездождица*, *бездождье*, *бездожье*, *бездожь* 'период отсутствия дождей'. На территории последних наблюдается антонимическая сопоставленность названий *дожжовье* 'дождь значительной длительности, длящийся несколько дней' и *бездожье* (*бездожь*, *бездождица*). Семантическая основа их объединения – представление о длительности, превышающей некоторую установленную жизненной практикой норму. Противопоставление же осуществляется по принципу "длительное наличие – длительное отсутствие". Южнее, в псковских и тверских говорах, отмечается лексема *недождь*, синонимичная предыдущим. В литературном языке рассматриваемая деривационная ветвь существительного *дождь* отражения не получила. Не свойственно литературному языку и прилагательное *бездождный*, хорошо известным говорам антоним к *дождёвый*, *дождивый*, *дождевитый*, *дождевой*.

Весьма показательным в плане структурно-системной организации номинации данного референтного поля является наличие в говорах лексем *дождина*, *дождинья* 'дождевая капля'. Первая из них относится к тому же словообразовательному типу, что и *водина* 'водяная капля', *градина* 'частица града', выражающему отношение "целое – часть" в пределах вещественных существительных.

В Средней России встречается плоратив *дождёвины*, который, скорее всего, следует рассматривать как возникший на базе фразеологизма *дождёвую делать*, где *дождёвая* – субстантивированное прилагательное, развившееся из *дождевая погода*, *пора*. К такому утверждению позволяет прийти анализ содержания обряда, обозначаемого отмеченным устойчивым сочетанием: во время засухи собирается группа людей, обычно молодых, которая обливает водой всех встречных с целью вызвать дождь.

Эпидигматика рассмотренных лексических единиц свидетельствует о наличии тенденции деривационного объединения вокруг лексемы *дождь* словесных обозначений, входящих в те блоки, которые выделяются языковым сознанием в данной референтной области. Материал, которым мы располагаем в настоящее время, позволяет говорить о следующих из них: а) явление как таковое, с учетом разно-

видностей (*дождь, дождик, дождек, дождец, дождечек, дождечок, дождюк, дожджака, дожджина, дожджа, дожджовье*): б) наличие явления (*дождевой, дождлёвый, дождивый, дождевитый; дожджаает, дожджает, дождит, дожджается, дождевится, дожджидило, дожджидилось*); в) отсутствие явления (*бездождица, бездождье, бездожье, бездожь, недождь, бездождный*); г) субстанциональные частицы, составляющие явление (*дождина, дождинья*).

Наличие дождя может обозначаться с помощью безличных глагольных форм, которые деривационно не связаны с лексемой *дождь*. Например, *бучит* 'льет дождь', *баглит* 'идет сильный дождь', *гудит, гудаёт, драпнет* 'идет дождь с сильным шумом', *бусит, моросит, бухмарится, ситит, ситежит, моргасится, мжит* 'идет мелкий (морозящий) дождь'.

Корень глагола *бучить* выделяется во многих словах, содержательно связанных с понятием 'вода'. Ср. некоторые из них: *буча* 'глубокое место в реке, омут, водоворот (сев.-зап. области России, Воронежская обл.); река, образующаяся от падающей сверху воды; глубокая яма, заливаемая водой во время половодья'; *бучало, бучило* 'пучина, омут, водоворот, глубокая яма, заливаемая полыми водами и не пересыхающая даже летом' [1, с.323-330]. Вполне осознаваемо и семантическое сопряжение глаголов *бучить* 'идти, лить (о дожде)', *бучить* 'мыть, стирать белье', *бучить* 'замачивать бочку, кадушку, бучить 'поливать водой овес во время сушки его в печи', *бученить* 'наполнять какую-либо посудину водой' [1, с.330]. Глагольная форма *бучит* семантически близка к прилагательному *бучный* в украинском языке, где с его помощью обозначается дождь с большим ветром, бурей [7. с.106]. В приведенном прилагательном в большей степени проявляется исходная мотивация корня -бук/ч-, связанная, по мнению А.Г.Преображенского, с передачей представления о звучании [11, с.68]. Ср. также укр. *буча* 'шум'. В русском языке даная мотивация присуща глаголу *бучать*: 1. 'издавать глухой звук, гул, гудеть'; 2. 'мычать, реветь (о корове)'; 3. 'громко плакать, реветь, визжать беспрестанно (о детях)' [1, с.328]. Учитывая сказанное, можно предположить, что в содержательной структуре глагола *бучить* подверглась редуцированию сема 'с шумом', которая четко выявляется в глагольных формах *гудаёт, гудит* 'льет с шумом, гулом', а также в форме *драпнет*.

Глагольные формы со значением 'идет мелкий дождь', в отличие от рассмотренных выше, как правило, словообразовательно соотносятся с видовыми названиями-существительными: *бусит* < *бус*, *моросит* < *морось*, *ситит* < *сить*, *ситник*, *ситежит* < *ситега*, *моргасится* < *моргасинница*, *мжит* < *мга*.

В данной статье мы рассмотрели только часть названий, входящих в обозначенную тематическую группу. Специального анализа требуют названия, выражающие общие значения 'дождливая сырая погода', 'сухая погода, бездождие', 'погода с осадками переходного типа'. Предварительные наблюдения показывают их разносторонние связи с уже описанными, без них номинационная картина данного сектора физического мира не будет в достаточной мере полной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Словарь русских народных говоров*. - Л.: Наука, 1968. Вып.3.
2. *Словарь сочетаемости слов русского языка*. - М.: Русский язык, 1983.
3. *Нерознак В.П.* Названия древнерусских городов. - М.: Наука, 1983.
4. *Круглый год: Русский земледельческий календарь*. - М.: Правда, 1991.
5. *От прибаутки до былины (Русский фольклор)*. Сост. и примеч. З.Аникина. - М.: Худож. лит., 1991.
6. *Словарь русских народных говоров*. - Л.: Наука, 1986. Вып.21.
7. *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. - М.: Мысль, 1984.
8. *Словарь русских народных говоров*. - Л.: Наука, 1972. Вып.7.
9. *Словарь современного русского народного говора*. - М.: Наука, 1989.
10. *Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири*. - Новосибирск: Наука, 1972.
11. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. - М., 1958.

ОБ ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА *НЕВЕСТА*

Вопросом об этимологии слова *невеста* занимались многие языковеды-слависты [17, т. III, с. 54-55; 14, с. 90-95], но удовлетворительного его решения получено не было. Разнообразием точек зрения генетическое исследование названного слова было отмечено уже к началу нынешнего века, однако тогда же, в очередной раз обратившись к упомянутому вопросу, А.Л.Погодин отказался от обзора существующих мнений о данном слове, поскольку оно, на его взгляд, так и осталось "темным", "лингвистической загадкой" [11, с. 217]. После А.Л.Погодина разгадать эту загадку пытались и другие лингвисты, тем не менее до сих пор имя *невеста* считается "спорным в этимологическом отношении" [19, с. 564].

В предлагаемой статье мы также не будем отвлекаться на специальный разбор существующих этимологий интересующего нас слова, но так или иначе упомянем важнейшие из них – и при обсуждении избираемых оснований анализа, и при изложении решения, к которому мы намереваемся подвести читателя. Отметим только, что нас, как и некоторых других лингвистов, во-первых, не удовлетворяют искусственные попытки закрыть вопрос об этимологии слова *невеста* (см. об этом: [8, с. 143; 10, с. 97]); во-вторых, истоки тупикового состояния в исследовании слова *невеста* нам видятся в неправильном подходе к его семантике и морфологическим особенностям. Кроме того, мы поддерживаем тех критически настроенных лингвистов, по мнению которых получившие распространение толкования невесты как "незнакомой", "неизвестной", "не познавшей" (девственницы) и т.д., с одной стороны, и "еще не уведенной", "приведенной", "нововведенной" и т.п., с другой, отражают не истинное происхождение обсуждаемого слова, а лишь его вторичные, "народно-этимологические" осмысления (ср. [15, с. 18; 21, с. 289] и др.).

Относительная узость значений у славянского *невеста*, его соответствий в латыни, древнегреческом и других языках показывает, что среди различных именовании женщины оно является древнейшим, пережившим конкуренцию с иными, позднейшими, обозначениями женщины и сохранившимся только благодаря содержательной специализации. Этот факт не учитывается ни в одной из известных нам работ, посвященных названному слову.

Отнесение слова *невеста* к слою лексем, отличающихся необычайной древностью [21, с. 286], в свою очередь требует, чтобы мы подошли к нему как к "отвлеченному знаку", носителю общей идеи (ср. [16, с. 13]), в морфологическом плане, соответственно, рассматривали

как соединение изосемантических элементов [5, с.92-93]. Это означает, что принятый многими взгляд на слово *невеста* как на композит нами здесь признается. Неверной считается только различная семантизация составляющих этого композита: истолкование *pe-* (*pevesta*) как отрицания, основы прилагательного или предлога-приставки с пространственным значением, *-ves-* как корня глагола ("знать", "вести", "жениться" и др.) и *-(s)ta* как носителя семантики состояния или просто как форманта имен женского рода. Все эти элементы изначально должны были означать и означали одно и то же. Что же именно они означали? На известном, промежуточном, этапе эти элементы, безусловно, начали представлять идею 'женщины'. До того, однако, поскольку 'женщина' и 'невеста' - это, в терминах А.А.Потебни, субъективные (примысленные) значения, указанные элементы, на наш взгляд, обозначали предмет, по которому, собственно, была названа женщина, - ее детородный орган.

Следует иметь в виду, что конкуренция средств выражения в области обозначения женщины могла порождаться экзогамией, на которую обычно ссылаются при истолковании невесты как "неизвестной" (Р.Ф.Брандт и др.), соотв., таким контактом идиомов, когда происходило не только соединение элементов-лексем, обозначающих женщину, но и сужение общего понятия - сообразно особенностям ситуации.¹ Подобное сужение могло происходить лишь при условии, что носители идиомов, участвовавших в скрещении, не находились ни в каком генетическом или коммуникативном "родстве", посему могли истолковывать незнакомые части сложения, хотя и в конкретной связи с ситуацией, но, в сущности, произвольно, по собственному усмотрению.

Для славянского быта и мировоззрения весьма характерны случаи, когда осмысление термина на основе его грамматических, лексических ("народно-этимологических") и прочих характеристик формирует способ отношения к соответствующей реалии (это хорошо показано в работах Н.И.Толстого). Поэтому имеющие место попытки подтвердить этимологию *невеста* = "неизвестная" посредством отсылки к специфическим обычаям, сопровождающим вступление невесты, невестки в дом мужа [14, с.93-94], в действительности не имеют никакой доказательной силы ни для лингвистических, ни для исторических предположений.

¹ О.Н.Трубачев считает возможным говорить о преобразовании абстрактного имени в конкретное применительно к рус. диал. *свесть*, *свестка* 'свояченица, жена сестра' [14, с.140], однако возможность рассмотрения слов *невеста*, *чевестка* при опоре на принцип "конкретизации абстрактных образований" в его книге не предусматривается.

Как известно, согласно З.Фрейду, культура является продуктом вытесненной сексуальности. Из этой идеи Фрейда, в сущности, вытекает, что, опираясь на материал языка, элементы первичной идеологии и семантики возможно рассматривать как некогда перераспределенные из "сексуальной" в "несексуальную" сферу. Представляя распределение и движение первичных смыслов именно подобным образом, например, семантическое развитие глаголов *дать*, *стоять*, *стоить*, *иметь* и др. надлежит выстраивать как раз в направлении от смыслов, коррелятивных со сферой "сексуальности". В отношении *дать* и *стоять* последнее вполне оправдывается их известным самодостаточным (автосемантическим) употреблением: Так я *дать* тебе хотела! *Не дала* с таким трудом! (О.Тарутин); Валька вознамерился меня трахнуть, но у него *не стояло* (В.Токарева).

Любопытно, что, связывая пятый, новейший период в развитии этимологии с прорывом в сфере семантики, "транссемантикой", в отношении глагола *познать* В.Н.Топоров частный такой прорыв осуществил как раз в направлении, предсказываемом учением З.Фрейда: как принципиально, глоссогенетически, важные обсудил именно те значения данного глагола, которые представляют соитие мужчины и женщины [13, с.135]. Отсюда можно полагать, что и слова *весть*, *известный*, укр. *звістка* и др., даже если они действительно состоят в родстве со словами *невеста*, *невестка*, изначально все же определяются отсылкой к главному предмету некоторой ситуации. С помощью этого предмета (объекта), очевидно, и достигался эффект знания, известности, видения и пр. При этом, кроме естественно напрашивающегося предположения о сексуальном объекте ('вульве', 'женщине'), вполне вероятно здесь мысль о руке (ср. [7, с. 100]), соответственно, п р и з н а н и е этимологической с в я з и между *весть*, *ведать* и *вести*, *водить* (от 'руки'), которое, как известно, лежит в основе толкования невесты как "приведенной", "нововведенной" и т.д.

Трудности фонетического порядка, на которые обычно ссылаются, ставя под сомнение родство между словами со значением "известный" и "вести", на наш взгляд, не являются непреодолимыми. Дело в том, что соответствующие протозначения, 'женщина' и 'рука', входят в один семантический пучок (см. ниже), стало быть, имплицитно связаны участием в едином процессе номинации. Отсюда вполне закономерно, что различие в семантике сопровождается фонетической дифференциацией названных слов.

Мы считаем, однако, что конкретное соотношение звучания и семантики в этом случае следует представлять как перевернутое: слова типа *вести*, *водить* являются более древними по звучанию (вокализму корня), но характеризуются вторичной семантикой, слова типа *весть*, *известный* являются вторичными по звучанию, но характери-

зуются более древней семантикой (то есть: $a/o \rightarrow e \rightarrow \ddot{e}$). Слово *невеста*, как и слово *черт* (см. ниже), в русском языке получило соответствие-кальку поэтому не к первичному, а к вторичному элементу исторической семантической парадигмы; ср. др.-русск. *водимая* "супруга", "жена" [19, с.564]. В литовском *vėsti* 'жениться, вести невесту в дом', в свою очередь, вероятно, удерживается когнитивная и номинативная связь между смыслами 'женщина' ('вульва') – 'рука'. Эту же связь, по-видимому, отражает и укр. *привести* "родить" (о животных и людях).

Отмеченное выше еще более должно убедить читателя в том, что все семантико-смысловые специализации слова *невеста* целесообразно сводить к смыслу 'вульва', к представлению о невесте как обладательнице вульвы. В условиях матриархата элементарное обозначение вульвы (шире – детородного органа особой обоих полов) использовалось (как имя предмета-цели) в ситуациях испрашивания разрешения на удовлетворение сексуального желания. Так как вопрос имеет две предпосылки, положительную и отрицательную, и может начинаться с обозначения любой из них, названное имя-примитив вторично стало обозначать согласие или несогласие (отрицание). Таким образом, *не* в составе слова *невеста* – это еще не *не* как отрицательная частица, а только имя предмета (детородного органа), по которому и была названа невеста. Ср. русск. *chuj* (*chuj получишь* – 'не получишь') и франц. *oui* "да", соотносительные фонетически, но различающиеся характером специализаций (отрицательная – положительная).

Добавим сюда еще русск. *да* как обозначение согласия, отрицательное по семантике *-да* (*да* = 'нет') в составе укр. *вѣ-да*, *да-* в составе *да-ть* (ср. цитированный выше пример из О.Тарутина) и *-да* как элемент слова *piz-da* (полагаем, не случайно *да-* и в *дама* – какого бы не было происхождения это имя); лат. *pus-* (← *pug*) 'не' и *pugus* 'невестка'; сюда же *venia* 'позволение', 'милость', 'удовольствие', *venus* 'любовь', 'любоострастие', 'приятность' и пр. Если, к тому же, предположить в *невеста* контракцию двух *s*, т.е., вслед за некоторыми авторами (но не при *-ve-*, а при *-ves-*; ср., однако, ниже), выделить в этом слове "формант" *-sta*, то тем самым откроется возможность для сопоставления указанного *-sta* с "просительно-разрешительным" *-ста* в *пожалуйста* и т.п., а также со *ста-* в *стать* (названо по фаллу, перенявшему название вульвы), *сця-/сця-* в *сцать* (*ссать*), укр. *сця-ть/-ти* (названо по 'вульве'/'женщине' или 'урине'/'воде')² и, далее, в *тря-*

² Сюда же и укр. *ссати*, русск. *сосать*, "подсказывающие", что номинация, скорее всего, осуществилась всё же по органу-орудию, а не по объекту – г у б а м (= верхнему аналогу вульвы, называвшемуся некогда тем же словом, что и вульва).

сия (тобі), где *-сия* - обозначение нечистой силы и (вторично) продукта ее действия (лихорадки), что значит, соответственно, что у него есть связь с именованиєм 'дома, жилища' и опять-таки 'женщины' (см. ниже).

То ли в связи с чрезвычайной насыщенностью сексуальной сферы аффектом, осмыслением ее как сферы достижения пределов наслаждения, то ли на основе других ассоциативных отношений ('женщина, глава' – 'верх, предел' и т.п.) элемент *-ста* мог быть привлечен к выражению значения суперлатива. Этимология слова *невеста*, предложенная И.С.Трубецким, основывается как раз на полурекострукции, полуобнаружении этой частности в материале: *невеста*, согласно этому автору, – форма превосходной степени с суффиксом **-istho-* от прилагательного со значением "новый, молодой". Прилагательное **nevystā*, следовательно, считает Н.С.Трубецкой, первоначально значило "самая молоденькая", позднее же оно стало создаваться как *ne-vystā*, т.е. "не изведенная, не познанная еще мужчиной", а по отношению к жене брата - "та, которую не должен знать, не познанная мной" (в специфическом, сексуальном, смысле) [15, с.19-20].

В наше время на производность грамматических формантов от имени человека, названий частей его тела указывают как на очевидный факт [3, с.126], поэтому в принципе, хотя Н.С.Трубецкой не пишет о происхождении указанного суффикса, его реконструкция – при наличии достаточного числа аналогий – могла бы считаться вполне правдоподобной.³ Дело, однако, в том, что сам И.С.Трубецкой относит пример со словом *невеста* к грамматически изолированным; имя невеста признается им обломком грамматической категории, которая полностью утрачена [15, с.26]. Но существовала ли эта категория вообще? В этом вполне можно сомневаться [14, с.92]. В составе слова *невеста* его элемент *-ста* является носителем не грамматической, а лексической семантики. Он обозначает, как свидетельствуют факты, прежде всего детородный орган женщины (вульву, – на последнее косвенно указывают оттенки молодости, юности, неискушенности, соотносимые со словами *невеста* и *невестка*). Кроме отмеченного выше, подтвердить это можно ссылкой на реляцию между *-ста* в *невеста* и *-ста* в *у-ста* (сексуальное, нижнее, и верхнее лицо человека исторически обозначаются одинаково: ср. укр. *пика*, *пичка* 'лицо', 'личико' и *пичка* 'вульва'. русск. *писать*, *писька*,

³ Известную аналогию к предположению Н.С.Трубецкого представляет укр. *най*, выступающее в "разрешительном" значении ("пусть, пускай") а также являющееся префиксом суперлатива (*найкраций*).

pizda [← *пис-да*] и укр. *писок* 'лицо' и т.д.).⁴ Непосредственную аналогию к корреляции между "просительного-разрешительного" *-ста* и *-ста* в *у-ста* представляет отношение между укр. *хай* "пусть" и *хайло* (сюда же *хаять*); не случайны также связи между *пусть*, *пустить* – *пустой* (сюда же: *я-ма* – оба элемента со значением 'вульвы-женщины'), *харя* – харить 'futuere', *я* (исходно: 'женщина' – по детородному органу), *баба* – русск. диал. *ябать* 'futuere' и др.

В языковом материале, как показывает его анализ, связь слова *невеста* с первичными смыслами 'вульва', 'женщина' отражается как непосредственно, так и опосредованно. Отметим, что в представленном ниже наборе иллюстраций к данному тезису особый интерес для нас представляют обычно игнорируемые (ср. [19, с.564]) факты украинского языка, ибо последний по общим своим признакам является идиомом, в котором сохранились многие древнейшие особенности – в их числе и сами ментальные основания его устройства [4, с.110].

Согласно Б.Гринченко [2, с.540], укр. *невіста* – это 'женщина'. Вместе с тем в украинском, что немаловажно, слово *невіста*, в сущности, не употребляется в значении "девушка, вступившая в брачный возраст", "просватанная" (ср. [1, с.122]), зато здесь есть слово *невістюк* "любитель женского пола", "бабник" (по 'женщине'). *Не*, то же, что и в *невіста*, русск. *невеста* и т.д., имеем в укр. *неня*, *ненька*, *ненечка*, полаб. *nénka* 'невеста'; в виде *-на/-ня-* (относительно более раннем) в кашуб. *ńasta* укр. *на-віх-на* "невестка", русск. *у-ня-ть*, *ня-ня*, форманте *-ня* (*фигня*), а также в *на!* "возьми" (вначале реплика разрешения – ср. укр. *мож-на*) и др. Для поляков *niewiasta* – это тоже прежде всего 'женщина'. По Я.Отрембскому, считающему это значение в слове *niewiasta* вторичным (ср. еще [1, с.122]), именно на основе значения 'женщина' чешский и польский языки развили в приведенном слове значение 'распутница', 'блудница' [21, с.285]. Ясно, однако, что эта семантико-смысловая специализация обсуждаемого слова определяется не смыслом 'женщина', а смыслом 'вульва' (взятым в разрезе посессивного отношения).

Среди генетических толкований слова *невеста* относительно новой является этимология В.В.Мартынова [8; 9]. Она основана на постулировании у *-ves-* значений 'дом', 'род' (др.-греч. (F)οτχος 'дом',

⁴ Ср. примечание в сноске 2. К этим примерам следует добавить и само слово *лицо*, на участие которого в обозначении вульвы указывает прежде всего вопросительное *ли/ль*. Элемент *ли/ль* представлен также в *лик*, *обличать*, *цель* (отражает противоположный порядок следования частей: *це-ль*, ср. укр. *лице*), *целить*, *целка*, *целый* и пр. Напомним также как о неслучайном факте о том, что культуры некоторых народов требуют, чтобы женщины прятали свое лицо.

‘род’, др.-инд. *vesah* ‘дом’, ст.-сл. *вьсь* ‘деревня’ и пр.). Таким образом, по В.В.Мартынову, *невеста* – *-t*-суффиксальное прилагательное со значением “неродная” [8, с.144; 9, с.192].⁵ В приведенных рассуждениях В.В.Мартынова бросается в глаза прежде всего ошибочное толкование значений “дом”, “род” как первичных и, по сути, тождественных (В.В.Мартынов подает эти два значения как одно: ‘род, дом’ [9, с.190]). Предполагая, однако, выше совсем не обязательную контракцию двух *s* в *невеста*, мы одновременно, косвенно, поддержали мысль этого автора о возможном вхождении “основы” *-vēs-* с предметным (неглагольным) значением в состав слова *невеста*. В принципе эта мысль верна, только значение *-vē(s)-* следует приписать другое. Дело в том, что ‘род’ и ‘дом’ представляют собой не единое значение, а являются двумя производными номинациями, восходящими к обозначению женщины. Иначе говоря, дом и род были названы по их конструктивному началу, женщине. Потому и не удивительно, что именованья дома, жилища и женщины, рода или племени (коллектива) могут совпадать. Но так как элементы-примитивы первичного слова, образующие его структуру, должны были иметь и имели одно и то же значение, в составе слова *невеста* второй его элемент, традиционно выделяемое *-ves-*, вопреки В.В.Мартынову, не представляет ни смысл ‘дом’, ни смысл ‘род’, а, как и *не-* и *-(с)та*, является одним из первичных имен женщины.

Еще раз подчеркнем: наше предположение, касающееся контракции двух *s* в *невеста*, условно, компромиссно. Оно использовано только для того, чтобы согласовать традиционное выделение в качестве второго компонента имени *невеста* *-ves-* с поддерживаемым материалом выделением в нем в качестве конечной части *-sta*. Ближе к реальности, конечно, не идея контракции двух *s*, а принятие иного членения слова *невеста* (*не-вес-та* → *не-ве-ста*). Вычленение *-ве-*, а не *-вес-* поддерживается непосредственно и рядом приводимых Мартыновым примеров: сев.-русск. *ве-жа* ‘род избы, землянка’ (ср. укр. *хи-жа* ‘дом’, ‘изба’), полаб. *vize*, н.-луж. *wjaža* ‘дом’, словен. *veža* ‘сени’ и др. [9, с.190]. Это же *-ве-*, возможно, имеем в др.-русск. *вѣно* ‘выкуп за невесту’ [10, с.99].

Одной из особенностей междиомного взаимодействия в области фонетики является образование имплозивно-эксплозивных раз-

⁵ Точка зрения В.В.Мартынова по идее, в сущности, совпадает с точкой зрения Н.Я.Марра, который толковал ‘невесту’, ‘невестку’ (отсылая к фактам грузинского языка) как ‘женщину дома’//‘племени, крови’ (т.е. рода) [6, с.318]. В компаративистских трудах, однако, принято или безоглядно ругать Н.Я.Марра, или замалчивать предлагаемые им решения. В.В.Мартынов, судя по всему, предпочел второе.

двоений согласных, отражающих межъязыковые различия по степени звучности и отношению к корреляции палатальности. Так как при этом в идиоме с максимумом звучности любое преобразование типа $a \rightarrow$ не- a (не- a следует рассматривать в чисто фонетическом смысле: как e , u , i и пр.) осуществлялось в условиях консонантной рамки C_1VC_2 (при $C_2 = j, r$), с нашей точки зрения, нисколько не ошибаются те этимологи, которые связывают *-sta* из *невеста* с *-ter*, *-ser*, *-stor* других слов, обозначающих женщину. (Критическое отношение к постулированию связей такого рода отражено в [14, с.91]). Любопытно, что все эти части сложений или, по другой версии, аффиксы есть возможность чисто фонетическим путем возвести к *da* (наличному в *дать*, *pizda*, *морда* и под. словах):

1) $da \rightarrow tta$ (kta) $\rightarrow sta$. Или: 2) $da \rightarrow der/dej$ (ср. чешск. *dej* 'дай') $\rightarrow tter/kter$ (ср. чешск. *který*, польск. *który*)⁶ $\rightarrow ster/ster$ (ср. ст.-сл. ДЪШТИ, род. ДЪШТЕРЕ, болг. *дъщеря* и проч.) $\rightarrow ter/ser$ /čer. Как видим, почти у всех лингвистов, исследовавших слово *невеста*, чутье конкретного языкового материала безошибочное; недостатки же его истолкования целиком обусловлены отсутствием адекватных представлений о морфологической истории указанного слова, неумением правильно распределить во времени первичные и вторичные значения составляющих его элементов.

Так как в представленном анализе смысл 'женщина' выступает в качестве одного из основных, в настоящих рассуждениях целесообразно исходить из установленных прежде глоссогенетических семантических реляций - из пучка Н.Я.Марра "рука - женщина - вода" [6, с.318], из того, что именованья женщины обозначали возглавляемые ею коллективы, переходили на мужчин, домашних животных и т.д., именованья домашних животных - на диких животных и пр. В контексте этих связей указанное *-ве-* в значении 'руки'/'парности' выделяется в *д-ве*; в виде *-ва* в *д-ва*, показателе двойственности *-ва* (наряду с *-ве*; ср. [20, с.189]); обсуждаемое *-ва-* представлено и в косвенных падежах местоимения *вы* (*вас*, *вам* и т.п.), в словах *во-да* (*во* \leftarrow *ва*). *Нева* (ср. *Нея* - тоже название реки; сюда же *невод*), серб. *не́ва* "невестка", укр. *мавка* (\leftarrow *ма-ва*), *хо-ва-ти* "прятать", русск. *хавать* и др.

Отечественное языкознание, отвергнув открытия Н.Я.Марра, в их числе - семантический пучок "рука - женщина - вода", теперь медленно, ощупью, движется к ним, обнаруживая связи фактов, которые Н.Я.Марру представлялись очевидными: "...особое отношение к

⁶ С обозначением вульвы эти местоимения связаны через его использование в ситуации вопроса (см. выше); формы императива (*dej* и др.) в свою очередь представляют идеологическое видоизменение статуса прежнего просителя.

воде как к источнику жизни,- совершенно в духе указанного пучка отмечает М.Э.Рут,- поддерживает концептуальную модель "вода – живое существо", поэтому непосредственные отождествления река – человек, река – животное могут восходить к наиболее древней номинации гидрообъектов" [12, с.87-88]. Добавим также, что знание идей Н.Я.Марра позволяет считать совершенно бесплодным спор (см. [18, с.49]) между теми, кто, например, соотносит лат. *nurus* "невестка" с глаголом, обозначающим понятие "связывать" ('женщина' – 'рука'), и теми, кто этимологически объединяет названное слово с глаголом со значением "течь" ('женщина' – 'вода').

Подтверждением того, что дом, жилище получали имя женщины (ср. то, что женщина и в наше время считается хранительницей домашнего очага), может служить ряд соответствий между словами, обозначающими существа женского пола (соотв., животных, коллективы, воду, руку и т.п.), и словами, названиями предметов, которые как части целого получили имена по связи с домом, жилищем.

Русск. *чер-т(и)*, в частности, представляет предмет, получивший свое название по дому, жилищу, – отсюда такие кальки, как *домовой*, укр. *домовик*. Но этот же элемент *-чер-* имеем в русск. *до-чер-и*, *до-чер-н-ий*; в виде *-чур-* (*до-чур-ка*) он соотносителен с чан. *Ūg* (*Ūwir*, *da-Ūwir*) 'сестра', 'девушка', 'вульва' [7, с.125, 160]. Сюда же укр. *чвир-ка-ти* "брызгать" (по 'воде'), *черкать*, укр. *черкати* (*чер-ка-ти*: по 'руке'), *чирок*, укр. *чирка* (по 'воде'), *чер-па-ть*, *черпак* (по 'руке' или 'воде'), *чердак* (по 'верху', 'главе'), *чур* (= *чер-* в *черти*; ср. *чур не меня*), *-чур* в *чересчур* (где *-чур* 'верх' ← 'глава'; ср. еще *чер-е-н*). *Чурло* (имя былинного героя, любителя женщин [17, т.IV, с.386]), *чураться* "стыдиться" (по 'вульве'), *чурак*, *чурбак*, *чурка* (по 'фаллу'; ср. *сук* и *сука*: по 'женщине'), укр. *о-чер-ет* (по 'воде'), *ве-чер* (по 'воде' как символу тишины и ночи) и др. Модификации этого же элемента *-чер-//-чур-* (родственного *-ста*: см. выше) отражены в укр. *щур*₁ "крыса" (по 'дому'), *щур*₂ "ласточка", "стриж" (также по 'дому'), в *пра-щур* (*щур* – 'предок-женщина'), укр. *чур* (= *чур*), *щуцюрка*, польск. *córka*, болг. *щерка* "дочь", русск. *щуренок* "детеныш шуки" (по 'воде') и пр. под. Метафору 'женщина' → 'дом' отражает и фин. *kota* 'палатка', 'примитивное жилище', связанное с польск. *kotka* 'кошка' (по 'женщине'), русск. *кот*, укр. диал. *kitka*. В укр. *ко-чур* "кот" (← 'кошка') соединены элементы *ко-* и *-чур* (ср. *córka*), сюда же укр. *чуратися*, *чурка*, *чурпалок* и др.

Антропоцентризм как основа процессов номинации, выявляющийся в одной своей части в перенесении имени фалла (← *вульвы*) на стоящие, торчащие и под. предметы (ср. приведенные выше слова *сук*, *чурка*, *чурбак*, *чурак*, укр. *чурка*, *чурпалок*), на наш взгляд, отражается,

кроме того, в таких словах с уже обсуждавшимся элементом *-ве-*, стало быть, родственных слову *невеста*, как *ветка*, *веха* (ср. укр. *навіхна*). С точки зрения изложенного выше, *-ха-* закономерно в *хата*, *сно-ха*; тем более, оправданно оно в роли форманта имен общего и женского рода (*сваха*, укр. *дбаха*, *невдаха* и пр.). Так же, как *ха-* из *хата* и *-ха* из *сноха* коррелятивны *-ба* из *изба* и *ба-* из *баба*, *-ша* из *директорша* и *ша-* из *шатер*, *-жа* из *вельможжа* и *-жа* из *вежа*, укр. *хижа*. Собирательное ("коллективное") *-ба* имеем в *гурьба*, укр. *юрба*, параллелизм которого с *юр-ма* в свою очередь выводит на связь между *-ма* в *юрма* и *ма-* в *ма-тер-и* и пр.

Многие элементы-обозначения женщины, в большинстве известные и как форманты имен женского рода (*-ха*, *-ба*, *-да*, *-ша* и др.), входят в состав глаголов, репрезентирующих желание, стремление, намерение и пр. Сюда относим *хотеть* (с *хо-* из *-ха-*, ср. *хоть*, *похоть*), *желать* (с *же-* из *жа-*), *жаждать*, укр. *кортити* (*кор-* родственно *-чер-* – ср. выше), *жадати*, *бажати*, русск. *стараться* (*ста-* здесь то же, что и в *невеста*: ср. еще *ча-сто*, *гу-сто*, где *-сто* характеризуется семантикой множественности, восходящей к семантике единичности: по 'фаллу' или 'руке'; это *-сто*, как и числительное *сто*, – из того же *-ста*), *чаять* и др.⁷ Глагол *чаять* (*ча-я-ть*) не только позволяет также компоненты *-ча-*, *-я-* связать с обозначением звеньев пучка "рука – женщина – вода" (ср. *изъ-я-ть*: по 'руке'), но и показывает, что ребенок в свою очередь именовался по женщине: отсюда связь между *ча-* в *чаять* и *ча-* в *чадо*, а также активное употребление *-ча*, *-я* как формантов существительных среднего рода, названий незрелых особей в украинском (*шахтарча*, *купча*, *китайча*, *циганча*, *наймитча*; *паруб'я*, *хлоп'я*, *жереб'я*, *голуб'я* и пр.; ср. нем. *ja* "да"). Стоит напомнить, вероятно, и об обычно оставляемой без комментариев или комментируемой невнятно форме *сыноха* ('сноха') – очевидном корреляте слова *сын*.⁸

Поскольку дитя, ребенок – это новый человек, для обсуждаемого материала совсем не невероятной представляется связь между *не* и семантикой "нового", предполагаемая некоторыми этимологами, в частности, сторонниками толкования невесты как "новоприведенной", "новобрачной" [10, с.101]. Ошибка, однако, и в этом случае заключается в конкретной неадекватной семантизации *не*. В составе слова

⁷ В укр. *приваба*, *принада*, *привада*, русск. *забава* после префикса представлены различные комбинации одних и тех же элементов, носителей смысла 'женщина'-'вульва'.

⁸ Корреляция *сыноха* – сын косвенно поддерживается также попытками этимологов компаративистов соотносить и.е. *snusos* "сноха" с *sunus* "сын" (см. [18, с.51]).

невеста оно отнюдь еще не сигнализирует того, к выражению чего было привлечено вторично - признака "нового".

Перенос-кальку имени женщины на ребенка можно усматривать в укр. *немовля* (*не-мовл-я*), структурно повторяющем "народно-этимологическое" осмысление *невесты*, *невісти* и, к тому же, указывающем на возможность соотнесения "корня" *-вест-/-віст-* с *вещать*, *провіщати*. Странно, что в литературе о слове *невеста* до сих пор не было предложено объяснения невесты как "не говорящей", "не вещающей". Последнее бы вполне конкретно представляло одну из издержек экзогамного брака и отражало тот факт, что у ряда народов "невестка в общении со свекровью беседу ведет годами исключительно ручной речью" [6, с.108]. Очевидно, что толкование невесты как "неговорящей" ничуть не хуже толкований ее как "неизвестной", "непознанной" и т.п.

Отстаиваемая нами здесь точка зрения, однако, как понятно читателю, формулируется иначе. В каждом из образующих его состав элементов слово *невеста* (*не-ве-ста*) связано с обозначением одного и того же – женщины. Все другие смыслы, основываясь на которых этимологизируют данное слово, являются вторичными, производными. В пределах слова *невеста*, узкоспециализированная семантика которого подтверждает мысль о его принадлежности к древнейшему слою лексики, эти смыслы не реализованы. Вполне возможно, что тогда, когда возникало слово *невеста*, часть из них еще не существовала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бурячок А.А.* Назви спорідненості і свояцтва в українській мові. - К., 1961. - 150 с.
2. *Грінченко Б.* Словарь української мови. Т.2. - К., 1996. - 588 с.
3. *Дуличенко А.Д.* О перспективах лингвистики XXI века // Вестник Московского ун-та. Филология. - 1996. - № 5. - С.124-131.
4. *Луценко М.О.* Лінгвістичні етюди як засіб стимулювання інтересу до вивчення української мови (на прикладі етюду про слово *кішка*) // Українська мова. Теорія і практика. - Донецьк, 1997. - С.109-112.
5. *Луценко Н.А.* О причинах метатезы // Язык, смысл, текст. - Донецк, 1994. - С.89-99.
6. *Март Н.Я.* Избранные работы. Т. 3-й. - М.; Л., 1934. - 423 с.
7. *Март Н.Я.* Что говорит язык по истории материальной культуры // Язык и история. Сб. первый. - Л., 1936. - С.97-181.
8. *Мартынов В.В.* Рец. на кн.: Трубочев О.Н. История славянских терминов родства." М., 1959 // Вопросы языкознания. - 1960. - № 5. - С.140-144.

9. **Мартынов В.В.** Славянские этимологические версии // Русское и славянское языкознание. К 70-летию Р.И.Аванесова. - М., 1972. - С.185-192.
10. **Откупщиков Ю.В.** О происхождении слова *невеста* // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. IV. - М., 1963. - С.96-103.
11. **Погодин А.Л.** Следы корней-основ в славянских языках. - Варшава, 1903. - 312 с.
12. **Рут М.Э.** Образная номинация в русском языке. - Екатеринбург, 1992. - 148 с.
13. **Топоров В.Н.** Из индоевропейской этимологии. V (I) // Этимология. - 1991-1993. - М., 1994.- С.126-154.
14. **Трубачев О.Н.** История славянских терминов родства. - М., 1959. - 211с.
15. **Трубецкой Н.С.** О некоторых остатках исчезнувших грамматических категорий в общеславянском языке // Trubetzkoy N.S. Opera slavica minora linguistica.- Wien, 1938. - S.18-27.
16. **Тюрго А.Р.** Избранные философские произведения. - М., 1937. - 191с.
17. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка. Т.III. - М., 1971. - 828 с.; т.IV.- М., 1973. - 856 с.
18. **Фатнева В.Д.** О латинском *nurus* // Вопросы лингвистики. Вып.2.- Томск, 1969. - С.48-51.
19. **Черных П.Я.** Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т.1. - М., 1994. - 623 с.
20. **Шафарик П.Й.** Филологический разбор числительных имен // Сборник, издаваемый студентами Петербургского ун-та. Вып. 2. - СПб., 1860. - С.178-212.
21. **Otrębski J.** Słow. NEVĚSTA // Prace filologiczne. T.XI. - Warszawa, 1927. - S.284-289.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ И ОПИСАНИЯ ОБЪЕКТОВ В ТЕКСТАХ XVIII ВЕКА

При создании словарей объяснительного типа немаловажную роль сыграли определения понятий и описания объектов и явлений, содержащиеся в текстах учебной, научной и научно-популярной литературы XVIII века. В связи с этим текстовые определения и описания рассматриваются нами как одно из направлений несловарной лексикографической практики XVIII в.

Начало XVIII - собственно Петровское время - период самого деятельного и энергичного обучения основам разных наук. Именно в это время в России начали функционировать первые школы, переводились и создавались разнообразные учебники. В этот период закладывались основы новых наук, а науки, известные ранее, перестраивались по-новому, и поэтому в начале XVIII в. в большом количестве начала появляться научная и научно-популярная литература. Учебные, научные и научно-популярные тексты содержали огромную массу определений астрономических, географических, математических, физических и других понятий. Обилие определений в текстах самых разных книг, с одной стороны, и отсутствие словарей - с другой, очевидно, и явились причиной вынесения текстовых определений в особые приложения, т. е. подобные определения использовались как материалы словарей.

Исследователи уже неоднократно обращали внимание на связь текстовых определений со словарями. Так, И.А.Василевская отмечала, что "тексты сочинений нередко служили прикнижным словарям источниками объяснительной части" [1, с.168]. Позднее Л.А.Войнова в статье о "Новом словотолкователе" Н.М.Яновского 1803-1806 гг. на обширном материале показала, что при создании этого словаря были использованы не только различные словари (одноязычные толковые: "Словарь Академии Российской"; иноязычно-русские толковые словари: "Полный немецко-российский лексикон..." Аделунга 1798 г., а также терминологические словари: "Словарь фортификационных терминов" в книге Н.Д.Войтяховского "Полная наука военного укрепления" 1790 г., "Собрание морских слов" в книге Г.Г.Кушелева "Военный мореплаватель" 1788 г., "Музыкальный словарь" из "Карманной книги для любителей музыки на 1795 год" и др.), но и текстовые определения, содержащиеся в целом ряде научных и научно-популярных книг того времени. Так, Н.М.Яновский использовал определения из "Билфелдова рассуждения о тщетных науках и художествах" 1786 г., из текста М.Витрувия об Архитектуре (пер. Ф.М. Каржавина, 1790 г.), из

текста "Музыкального изобретения" Карманной книги для любителей музыки на 1795 год", из текста "Книги Морской инженер" Н.Г.Курганова 1777 г. Между указанными источниками и словарем Н.М.Яновского обнаруживается близость или сходство, а нередко и полное совпадение, ср. напр.:

"Сокращенный Витрувий"

"Водопрятелище: сие славенское слово тоже самое значит что... Бассейн... а значит всякое то место, в которое стекается откуда ни есть вода; выкопано ли оно в земле или усано потом мрамором, как маленький прудок, или сделано наподобие сосуда или таза из камня, или мрамора, и поставлено на пьедестале; то есть на стуле" [2, с.4].

"Новый словотолкователь"

"Бассейн, Фр. Водоем, водопрятелище, всякое то место, в которое стекается откуда ни есть вода; выкопано ли оно в земле или усано потом мрамором, или простым камнем, как маленький прудок, или сделано на подобие сосуда, или таза из камня, или мрамора и поставлено на пьедестале; или на стуле" [3, с. 58].

Не подлежит сомнению сходство текстовых определений "Книги Морской инженер" Н.Г.Курганова и словарных определений Н.М.Яновского, ср.:

"Книга Морской инженер"

"Обороняющее укрепление есть искусство, каким образом и какими строениями, в разсуждении разных мест, малое число людей от нападения большего может в них с пользою защищаться" [4, с.2].

"Новый словотолкователь"

"Первая <оборонительная фортификация - 0.3.> научает, каким образом и какими строениями укреплениями, в разсуждении разных мест и случаев малому числу людей против большего с пользою защищаться и обороняться" [3, с.59].

Сведения, взятые Н.М.Яновским из книги Н.Г.Курганова, изложены стройно и лаконично, а словарные статьи сформулированы более просто, ясно и четко.

Подобные сопоставления свидетельствуют о том, насколько полезными для словарей могли быть текстовые определения и описания. В данном случае, однако, использовались определения из разных источников для создания "Нового словотолкователя": Но в русской литературе XVIII в. достаточно много таких примеров, когда книга

содержала и текстовые определения, и притекстовый словарь или даже словари (см., напр., определения в тексте "Истинного способа укрепления городов..." и притекстовые словари "Термины" и "Имяна" В.Суворова, "Методический опыт, каким можно выучить детей читать музыку..." и "Прибавление, служащее изъяснением технических музыкальных терминов" Е.Б.Сырейщикова, текстовые определения "Науки морской..." и "Словарь морской" Н.Г.Курганова, "Начальные основания фортификации..." и "Словарь терминов" Д.С.Аничкова и мн. др.). В связи с этим возникает ряд вопросов: 1. Если притекстовые определения и описания могли быть использованы в готовом виде при составлении словарей, имеет ли смысл дублировать их в прикнижном словаре? 2. Если определения текста и словаря не совпадают, то чем они различаются и каков смысл этих различий? 3. Каково назначение словарного приложения, если текст содержит различные определения?

Вероятнее всего было бы ожидать, что книги, содержавшие притекстовые словари, не имели определений в тексте. Такие случаи известны русской лексикографии XVIII в. Так, в 1751 г. была издана книга "Путешествие около света...", составленная Рихардом Уолтером (Валтером) на основе документов и записей английского адмирала Ансона. На русский язык с английского это сочинение перевел В.И.Лебедев. В предисловии к русскому изданию указывалось, что поскольку многие технические речи некоторым читателям будут непонятны, то «знатнѣйшимъ изъ нихъ здѣланъ алфавитъ и стараніе приложено по крайней мѣрѣ подать объ нихъ ясное понятіе» [5, с.12]. "Изъяснение", или как назвал его В.Лебедев, "алфавит", занимает всего пять страниц и включает 77 словарных статей. В этом притекстовом словаре истолковываются отдельные морские термины, употребленные в тексте книги без пояснения. Однако слов, нуждающихся в объяснении, в тексте гораздо больше, чем в словаре. В "Путешествии около света..." встречаются, например, термины фузѣи, шкиперъ, лоть, большой фокштангъ, такелажъ, штирманъ и мн. др., которые не вынесены в словарь. Чаще всего это узкоспециальные морские термины, например: "...зажгли мы проу и барку..." [5, с.387], значение которых непосвященному читателю трудно понять.

Кроме того, в самом словаре также встречаются термины, не поясненные ни в тексте, ни в словаре: ингельцерамъ, боты, гавань, шмявы, киль, корма и др.

В "Словарь морской", приложенный к книге "Наука морская..." Н.Г.Курганова, также не включена целая группа терминов, которые встречаются в основной части книги, ср. следующий фрагмент¹:

¹ Цифры в скобках обозначают порядковый номер термина в данном отрывке.

"Главные паруса на преди центра тяжести корабля называются блиндзейль (1) и фокзейль (2)... формазель (3) съ лизелемъ (4), и формбрамзель (5), над ними ставится иногда фортопзель (6). Въ числе переднихъ парусовъ между фокмаштою (7) и бухспритомъ (8) ставятся на штангѣ (9) фортстенгиштгазель (10), на утлегерѣ (11), клюфокъ (12), и притомъ всѣ между гротъ (13) и фокмачтами (7) штгазели (14), какъ то, гротштатгзель (15), гротстенгиштагзель (16), гротбрамстенгиштагзель (17)" [6, с. 38]. Практически все из отмеченных цифрами терминов текста представляются одинаково трудными для неспециалистов. Однако только некоторые из них объяснены в "Словаре морском" - это термины под №№ 1, 2, 4, 7, 8, 9, 11, 12, 13 и 14, другие же - №№ 3, 5, 6, 10, 15, 16 и 17 в словарь не попали. Можно только предположить, что наличие этих непоясненных терминов связано с тем, что, во-первых, большая часть из них уже была известна русским читателям, и, во-вторых, возможно, переводчик Н.Г.Курганов не претендовал "изъяснить" буквально все употребляемые в данном тексте морские термины, о чем свидетельствует и само название его словаря - "Словарь морской, то есть Изъяснения *некоторых* иностранных слов, а больше голандских в сей книге упоминаемых и употребляемых в российском флоте".

Наличие прикнижного словаря в тексте, содержащем определения, может быть оправдано и в том случае, если в словарь вынесены определения привлеченных понятий. Такой словарь приложен, например, к "Урокам экспериментальной физики". В нем объясняются 62 геометрических термина, употребленные в тексте книги (дуга, квадрат, конусъ, кубусъ, призма, параллель, радиусъ и др.). Физические же термины истолковываются не в словаре, а в тексте, часто в виде сносочных глосс: "...элементы (а) тѣль суть совершенно несѣкомыя...", внизу страницы сноски: "(а) Elements. Тѣ безконечно малая частцы, изъ которыхъ составляются цѣлыя вещи" [7, с.12-13] и т.п.

С другой стороны, можно представить себе наличие словаря в том случае, если в нем объясняются одни "трудные" слова, а в тексте - другие. Эта особенность отражена, например, в "Методическом опыте, какимъ можно выучить детей читать музыку..." (1773 г.) и в словарном приложении к нему, названном "Прибавление, служащее изъяснениемъ техническихъ музыкальныхъ терминовъ" ("Прибавление"). "Прибавление" содержит 41 словарную статью. Здесь объясняются термины Аллегро, Аллегретто, Модерато, Стокатто, Анданте, Адажіо, Контабиллле, Аріозо и др. В словаре объясняются одни термины, а в тексте, где излагаются основы нотной грамоты, - другие (всего 27 определений), см., например: нотные ключи (соль, фа), нотные знаки

(дієзь, бемоль, беквартъ), виды нот. Причем в большинстве случаев текстовые определения соотносятся с рисунками.

Текстовые определения музыкальных терминов в "Прибавление" не вошли. Однако некоторые из них встречаются в словарных статьях (см., например, нота - на с. 73, 78, 81, 84 и 85; тонъ - на с. 80, 82, 87; мѣра - на с. 73 и 76):

Текст	"Прибавление"
"Ноты - суть знаки, употребляемые для изображенія тоновъ на бумагѣ, какіе произнести кто хочет, или взять можетъ голосомъ или на инструментахъ" [8, с.9].	"Стокатто или Стаккато (Staccato или staccato) значитъ какъ бы отталкиваемымъ образомъ; и сіе слово показываетъ, что ноты одну от другой отдѣляютъ и короткимъ, а не волоковымъ приемомъ смычка брать должно" [9, с. 78] и т.п.

Как правило, в прикнижном словаре объяснялись термины, которые употреблялись в тексте книги часто и без толкования. Примером таких словарей являются "Термины, употребляемые в фортификации" ("Термины") и "Имяна, употребляемые как при атаке так и при обороне..." ("Имена") В.Суворова, приложенные к переводу "Истинного способа укрепления городов..." Вобана. Данный источник примечателен тем, что при наличии двух прикнижных словарей и текстовых определений, термины, объясненные в тексте, не включены в словари. В то же время, словарные статьи не повторяются в тексте, причем в словарях даны толкования именно тех терминов, которые встречаются в книге. В самом же тексте определения даются довольно часто, например, в начале 1-й главы: "Фортѣфикація, или укрепленіе городовъ, есть искусство укрѣплять города, рампарами, парапетами, рвами, закрытыми дорогами, глассісами; для того, чтобъ непріятель такое мѣсто не могъ добывать.. [10, с. 1]; ср. еще текстовые определения терминов іхнографія, Орѳографія, Сценографія и др. Все эти определения в словари не включены. Текстовые определения встречаются и в других главах книги, так, в разделе "О углах" 2-й главы объясняются уголь центра, уголь горжи, уголь фланкантъ, уголь формъ фланкъ, уголь ретрантъ и др.; в 3-ей главе "О мѣрах" даны текстовые определения терминов рута, тоізь, аршінъ, немецкая мѣля и т.п. Эти определения также не вынесены в словари.

В некоторых случаях в тексте "Истинного укрепления городов..." вместо толкования термина дается отсылка к соответствующей словарной статье, ср., например:

"Куртіна, зри въ Толкованіи Алфавитномъ положенномъ при концѣ кнѣги сея. Літера К" [10, с.9].

"Куртіна, есть самая должайшая лнѣя прямая, которая кругомъ рампара дѣлается, проведенная отъ фланка къ фланку съ парапето- томъ..." [11, с.15-16] и др.

Точно также текст связан со словарем терминами фланкъ, фасъ, полу- горжа и др. Эта особенность "Истинного способа укрепления горо- дов..." подчеркивает равноценность подобных определений как для текста, так и для словаря.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Василевская И.А.* К методологии изучения заимствований (Рус- ская лексикографическая практика XVIII в.) // Извест. АН СССР, сер. л-ры и языка. - 1967. - Т. XXVI, вып. 2. - С.165-171.
2. *Перро К.* Сокращенный Витрувий, или Совершенный Архитек- тор. Перевод архитектуры помощника Федора Каржавина. - М.: Унив. тип. у Н.Новикова, 1789. - XXXII - 230 с.
3. *Войнова Л.А.* "Новый словотолкователь" Н.Яновского и его ис- точники //Словари и словарное дело в России XVIII в. - Л., 1980. - С.45 - 69.
4. *Курганов Н.Г.* Книга о науке военной содержащая в себе умозре- ние и деяние о укреплении всяких полевых и приморских мест; о нападении и обороне крепостей и гаваней, с описанием бывших знатнейших атак и присовокуплением науки о перспективе и сло- варя инженерного.- СПб.: Тип. Сухопутн. кадет.корпуса, 1777.- [4], XXXIV – 350, 2 с.
5. *Путешествие* около света, которое в 1740, 41, 42, 43, 44 годах совершил адмирал Ансон, будучи главным командиром над эс- кадрую военных кораблей его великобританского величества, от- правленную для поисков в Южное море / Р.Уолтер. Пер. с нем. В.И.Лебедев. - СПб., 1751. - 491 с.
6. *Наука морская* сиречь опыт о теории и практике управления ко- раблем и флотом военным / Пер. с франц. Н.Г.Курганов. - СПб.: Тип. Акад. наук, 1774. - 413 с.
7. *Уроки* экспериментальной физики, сочиненные г. Нолетом, Фран- цузской королевской академии наук и Лондонского ученого со- общества, членом Ж.А.Нолле / Пер. с франц. И.А.Вельяшев- Вольтцов. - СПб.: При Артиллер. и инж. шляхетн. кадет. корпусе, 1779. - Т.1. - XLVII, 381 с.

8. *Методический* опыт, каким можно выучить детей читать музыку столь же легко, как и обыкновенное письмо / Пер. с франц. Е.Б.Сырейщиков. - М.: В университет. тип., 1773. - 88 с.
9. *Прибавление*, служащее изъяснением технических музыкальных терминов // *Методический опыт...* / Пер.с франц. Е.Б.Сырейщиков. - М.: 1773. - С. [73]—[88].
10. *Истинный* способ укрепления городов, изданный от славного инженера Вобана на французском языке / Вобан. Пер. с франц. В.Суворов. - СПб., 1724. - [310] с.
11. *Термины*, употребляемые в фортификации // *Истинный* способ укрепления городов... / Вобан. Пер. с франц. В.Суворов. - СПб., 1724. - С. 1-35.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ И ИСКОННЫХ ТЕРМИНОВ ПРОБИРНОГО ДЕЛА И АФФИНАЖА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII-XX вв.

Источником заимствованных терминов пробирного дела и аффинажа (далее - ПДиА) в XVIII-XIX вв. был главным образом немецкий язык, потому что горное дело, и в частности пробирное, издавна было развито в Германии. В XVIII в., когда типичным было частое обращение к западным специалистам за лучшими техническими приемами, технологией, инструментом, на заводы, в пробирные лаборатории, аффинерные заведения приглашались немецкие мастера; помогавшие быстрее освоить опыт западноевропейского производства. Одновременно с этим в России готовились национальные кадры: первых русских горных инженеров направляли перенимать опыт в Саксонию. Вернувшись в Россию, они должны были не только работать, но и учить других. Эта потребность в передаче знаний, которые сначала следовало оформить в языковом отношении, в значительной мере способствовала развитию терминологии ПДиА, и шире – горной терминологии.

Несомненно, иноязычные слова из области ПДиА были известны в России и до Петровской эпохи. Но последовательность, системность, общая их распространенность отмечают, начиная только с этого времени. В указанный период система терминологической лексики ПДиА в общем и целом была сформирована, было создано терминологическое ядро. Основной объем терминов ПДиА определился к концу XVIII в., хотя освоение части заимствований активно продолжалось и в XIX в.

Русские термины часто являются дублетами применяемых в терминологической лексике ПДиА немецких терминов. Многие немецкие термины были заимствованы для обозначения тех понятий, которые до момента заимствования не имели терминов в русском языке (вследствие отсутствия самого понятия, его малого распространения или каких-либо других причин). В этом случае иноязычный термин оказывается единственным для данного понятия. В дальнейшем у него могут появиться дублеты, которые представляют собой результат формирования системы "научных понятий разными языковыми способами – прямого заимствования, калькирования, подыскания соответствующего наименования в своем национальном языке, а также создания оригинальной русской терминологии средствами своего языка" (Даниленко, 1977, с.75).

Влияние немецкого языка на терминологию ПДиА сказывается уже в самих названиях отраслей. Наименование *пробирное дело* является полукалькой, которая возникла на основе немецкого сложного термина *Probierkunst*. Терминосочетание *пробирное дело* построено по модели, которая была характерна для многих деловых памятников XVII - первой половины XVIII вв. и охватывала практически все специальности: плавильное дело, заводское дело, литейное дело, пьедестальное дело. Слово *дело* употреблялось в подобных словосочетаниях в одном из своих специальных значений, а именно: 'ремесло'. Немецкий термин *Probierkunst* переводился в XVIII-XIX вв. словосочетанием *пробирное искусство*, которое, в свою очередь, имело дублет – иноязычное слово *доцимазия* (доцимастика) (фр. *docimasie*); "Доцимастика, от Греческого слова "пробирное искусство", есть часть аналитической химии, показывающая способы определять природу и количество металлов, употребляемых в общежитии и встречающихся в виде руд, или искусственных сплавов" (Плюшар, 1841, с.73). В современной терминологии ПДиА наиболее употребительным является терминосочетание *пробирный анализ*: "Пробирное искусство – устарелое название пробирного анализа" (БСЭ, 1955, 555).

Получение чистых металлов из сплавов, в том числе и отделение золота от серебра, в XVIII в. называлось *разделением*, реже *отделением*. Термин *аффинаж*, очевидно, появился гораздо позднее. Он произошел от немецкого слова *affination* – 'аффинаж, очистка' и начал употребляться в научных трудах со второй половины XIX в.: "Аффинаж не обозначает однако всех методов очищения золота и серебра, но главным образом особый способ отделения золота и серебра" (Шредер 1908, с.56).

Пробирный анализ проводился в XVIII-XIX вв., как и в настоящее время, в специально оборудованном помещении, которое называлось *пробирной лабораторией*. *Пробирной палаткой*, начиная с XVIII в., называли "место, где кладется проба на золотыя и серебряныя вещи" (Михельсон, 1898, с.573). Таким образом, пробирная лаборатория – это помещение при заводах и рудниках, где производилось испытание чистоты металлов и содержания их в рудах. А в пробирной палатке испытывалось и клеймилось золото и серебро, находящееся в слитках и изделиях. Такое же соотношение этих двух терминов сохранилось и в настоящее время.

Производили пробы и осуществляли надзор за их правильностью пробирные мастера (нем. *Probiermeister*), или *пробиреры* (нем. *Probierer*), *пробирщики*. В первой половине XVIII в. наиболее употребительными названиями этих лиц были пробирер и пробирный мастер, а во второй половине XVIII и в XIX в. – пробирщик: "Пробирер, горн. то же что пробирщик или управляющий пробирною палаткою,

заведением для искусства золота и серебра в деле, для наложения на него пробного клейма" (Даль, 1882, с.467). Это связано, вероятно, со стремлением заимствованным словам предпочитать русские. В источниках XX в. зафиксированы и термин пробирщик, и термин пробирер: "Пробирщик, сокращая пробу, остаток возвращал в процесс, а к сокращенной пробе присоединялась проба, отбираемая пробоотбирателем в течение последующих двух часов" (Локонов, 1961, с.166).

Из двух глаголов – *пробовать* и *пробировать* – в терминологии ПДиА чаще использовался и используется в настоящее время второй глагол как имеющий более специализированные значения: "Пробировать, нем. *probiren*, от лат. *probare*, испытывать. Определять количество благородных металлов в сплаве" (Михельсон 1898, с.573).

Процесс определения содержания металла в руде называли *пробованием*, реже *пробированием* или *пробой*: "Пробование или Пробирование, испытание руд продуктов и металлов, для определения в первых металлического содержания, в последних, сколько находится в смешении с другими благородных металлов" (Спасский, с.1842, с.107).

Прилагательные *пробирный*, *пробный* – дублеты. Но на протяжении XVIII-XIX вв. предпочтение отдается первому из них. Это слово является компонентом большого числа составных терминов ПДиА: *пробирное искусство*, *пробирная печь*, *пробирный вес*, *пробирный камень*, *пробирный горн*, *пробирные щипцы*, *пробирные ножницы* и др.

К концу XIX в. в терминологическом значении окончательно закрепилось прилагательное *пробирный*: "Пробирный. 1) Служащий для узнавания качества металлов. 2) Занимающийся узнаванием качества металлов" (Чудинов, 1901, с.1665).

В XVIII-XIX вв. в специальных словарях и различных работах, посвященных ПДиА, многие заимствованные термины сопровождаются русскими эквивалентами.

Плавильный горшок, начиная с XVIII в., имел еще соответствие *тигель* (нем. *Tiegel*). Это один из самых распространенных терминов пробирного дела. В XVIII-XIX вв. оба термина употребляются на равных правах: "Графитовые тигли – огнепостоянные плавильные горшки (для металлов), или тигли, приготовляемые только из одной глиняной массы" (Брокгауз, Ефрон, 18, с.571). В настоящее время остался один из них – тигель.

Пробирные плошки (горшки) иначе назывались *тютнями* (нем. *Tute*): "Тютень, глиняный плавильный горшок кухлем, кубышкой, под горлом широкий" (Даль, 1882, с.452). Это глиняные сосуды, употребляемые для расплавки металлов, когда нужно было получить слиток значительной величины. Ни первый, ни второй из приведенных терминов в современной терминологии ПДиА не сохранились. В XIX в.

оба термина были заменены заимствованным словом *шербер* (нем. *Scherber*), которое существует и поныне: "Эта операция производится в неглубокой чашке из огнеупорной глины, называемой шербером" (Плаксин, 1947, с.138).

Термин *королек* для наименования выделившегося зерна благородного металла появился в начале XVIII в. в самых ранних пособиях по металлургии и проходит через XVIII-XIX вв. вплоть до наших дней: "Королек, частица, слиточек, зерно чистаго металла, выплавленное в горну" (Даль, 1881, с.168). Небольшие размеры короляка послужили, видимо, поводом для появления пословицы: "Не велик королек, да дорог" (Даль, 1881, с.168).

Дублет термина *королек* немецкое слово *Kenig* тоже встречается среди терминов ПДиА, хотя значительно реже и только в XVIII-XIX вв.: "Кениг, золотистый осадок, остающийся на дне плавильнаго горшка, при сухом разделении золотистаго серебра посредством горячей серы" (Спасский, 1841, с.190).

Вхождение в терминологию ПДиА ряда заимствований сопровождало дублирование описательного двучленного словосочетания единичным специальным названием: свинцовая слюдка - глет (нем. *Glatte*), разделительный горн - трейбофен (нем. *Treibofen*), серебряный свинец - веркблей (нем. *Werkbley*), пробирные щипцы - корнцанги (нем. *Kornzande*), толчейная ступа - похкастен (нем. *Pochkasten*), промывочный верстак - штоссгерд (нем. *Stossheerd*) и др.

Заимствование слова, заменяющего исконный описательный оборот, можно рассматривать как проявление действия принципа экономии средств выражения. Но чем меньше знакомо слово носителям языка, тем с большей затратой усилий связано его употребление. И поэтому в ряде случаев в языке сохраняется описательный оборот как регулярное наименование того или иного предмета или явления. Так, из приведенных немецких терминов в современной терминологии ПДиА встречаются только *глет* и *веркблей*.

В XIX в. продолжался, наряду с заимствованием, и процесс замены уже имеющейся и входившей в язык заимствованной лексики ПДиА исконной. Хотя слова иностранных языков в этот период были уже далеко не такими чуждыми для русского языка, как в XVIII в., однако многие заимствованные термины в словарях XIX в. снабжались русскими дублетами: шлаки – окалина; амальгама – сортушка; флюс – плавень; капелина – пеплянка; роштейн – сырец; герт – горновина; проба – пыток; контролер проб – поверщик, поверитель; штем-пелить – тамжить, орлить; клюфты – щипцы, клещи.

К концу XIX в. терминологическая лексика и по составу, и по функциональным особенностям вполне отвечала потребностям теории

и практики этой отрасли промышленности и приобрела вид, близкий современному.

В XX в. терминология ПДиА, с одной стороны, развивается в соответствии с уже выработанными и установившимися традициями заимствования терминов, развивая их на русской почве, и взаимодействия с исконными; с другой стороны, значительно обогащается новыми компонентами, образованными в русском языке, чем отличается от эпохи XVIII-XIX вв. Процесс заимствования становится гораздо менее активным и номинация средствами русского языка все более расширяется.

Непосредственное заимствование терминологической лексики ПДиА в XX в. сводится к минимуму. В этот период заимствовано очень небольшое, особенно на фоне предшествующих эпох, количество терминов, дублетность им не свойственна: красбер, бьюкс, ингибитор, эксикатор, микроскоп-бинокляр, ликвация, адсорбция, сегрегация, градуировка и некоторые другие.

В течение XVIII-XIX вв. взаимная борьба заимствованных и исконных дублетов терминологической лексики ПДиА была активным процессом, основной движущей силой ее развития. Но со второй половины XIX в. наметилась, а в XX в. отчетливо проявилась новая движущая сила развития терминологической лексики ПДиА – изменение имеющихся, как правило, заимствованных терминов под воздействием русского языка и потребностей ПДиА.

ИСТОЧНИКИ

- Брокгауз, Ефрон – *Энциклопедический словарь*: В 41 т. и доп.т. / Под ред. И.Е.Андреевского и др. Изд-ли Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. - СПб.: Семеновская типо-литография, 1890-1907.
- БСЭ – *Большая советская энциклопедия*: В 51 т. / Гл.ред. С.И.Вавилов. - 2-е изд. - М.: Гос. науч. изд-во "Больш. сов. энциклопедия", 1950-1958.
- Даль – *Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка*: В 4 ч. - М.: тип.А.Семена. -Т. Рис., 1880-1882.
- Даниленко – *Даниленко В.П. русская терминология. Опыт лингвистического описания*. - М.: Наука, 1977. 246 с.
- Локонов – *Локонов М.Ф. Опробование на обогатительных фабриках*. - М.: Гортехиздат, 1961. 275 с.

- Михельсон – *Михельсон А.Д.* Объяснение всех иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. - 14-е изд. - М., 1898.
- Плаксин – *Плаксин И.Н.* Опробование и пробирный анализ. - М.: Metallurgizdat, 1947. 367 с.
- Плюшар – *Плюшар А.* Энциклопедический лексикон: В 17 т. СПб.: тип. А.Плюшара, 1835-1841.
- Спасский – *Спасский Г.И.* Горный словарь: В 3 ч. - М.: тип. Н.Степанова, 1841-1843.
- Чудинов – *Чудинов А.Н.* Справочный словарь орфографический, этимологический и толковый русского литературного языка. - СПб., 1901.
- Шредер – *Шредер И.Ф.* Конспект по пробирному искусству / Горн.ин-т имп.Екатерины II. - СПб.: тип. В.О.Брейтгама, 1908. 105 с.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Е.А.Карпиловская

СУФФИКСАЛИЗАЦИЯ КОНЕЧНЫХ ОСНОВ ЗАИМСТВОВАННЫХ КОМПОЗИТОВ В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Членимость основы иноязычного слова, т.е. осмысление ее как структурированной единицы, элементы которой организованы по определенной модели морфемного строения, служит убедительным показателем степени освоения слова в современном украинском языке. Различная степень членимости основы слова означает и различные стадии “распознания” его морфемной структуры с учетом смысловых и формальных связей, сложившихся у такого слова в украинской языковой системе. Важным для их определения является установление того уровня, на котором происходит осмысление иноязычного слова, той языковой среды, в которой оно осваивается. Мы называем их далее “украинской языковой почвой” и понимаем этот термин как систему координат, в которой осуществляется “распознание” морфемного строения заимствованного слова в украинском языке. В нашем исследовании украинскую языковую почву представляет тот уровень понимания иноязычного слова, который отражают словари иностранных слов, рассчитанные на читателя-неспециалиста в конкретной предметной области, к тому же не знающего иностранный язык, откуда данное слово заимствовано. Важность учета последнего фактора подчеркнул в свое время И.А.Бодуэн де Куртенэ, заметив, что “людям, знакомым с одним только русским языком и, кроме того, по части науки вполне невежественным, слова вроде *скептик*, *магнетизм*, *скульптор*, *скульптура* ... могут казаться морфологически неделимыми (за исключением, впрочем, слова *скульптура*...), в головах же людей “образованных” и освоенных с заимствованными словообразованиями слова эти делятся на морфемы...”¹. Необходимый для нашего исследования уровень осмысления иноязычных слов обычным носителем украинского языка отражают два словаря иностранных слов: “Словник іншомовних слів” под ред. А.С.Мельничука (К., 1974; далее - СІС) и “Словник чужомовних слів” И.Бойкова, Е.Изюмова, Г.Калишевского и Н.Трохименко (1-ое изд.: Харьков, 1932; 2-ое перераб. изд.: Нью-Йорк, 1955; репринт: К., 1996; далее - СЧС). Эти словари, вышедшие в свет с интервалом почти в полвека, дополняют друг друга, поскольку

¹ И.А.Бодуэн де Куртенэ. Об отношении русского письма к русскому языку // Избранные труды по общему языкознанию. - М., 1963, т.2., с.233.

представляют различные этапы развития украинского литературного языка XX века. В первом из них много различных заимствований, проникших в украинский язык в 50-60-ые годы; второй представляет иноязычную лексику, употребительную в специальной и художественной литературе первой четверти XX века, в частности, историзмы и архаизмы, слова иноязычного происхождения, бытовавшие в украинских говорах. Материалы “Словника чужомовних слів” являются поэтому крайне важными и полезными для понимания путей и способов проникновения заимствованной лексики в украинский язык, ее освоения, для уточнения на возможно более широком фоне стадии осмысления морфемного строения подобных слов, статуса в них тех или иных элементов, в том числе занимающих в них конечную позицию.

Анализ материала убеждает в том, что конечные компоненты иноязычных слов по происхождению, статусу в языке-источнике заимствования можно разделить на 1) основы и 2) разного рода послекорневые части слов (суффикс, часть корня + суффикс, суффикс + флексия, флексия). Предметом дальнейшего нашего изучения являются конечные компоненты первой группы - основы композитов иноязычного происхождения, их развитие на украинской языковой почве по пути сближения с суффиксальными морфемами. Для именования этого процесса используем термин И.И.Ковалика “суффиксализация конечных элементов сложного слова”².

Авторы существующих в филологической литературе классификаций степеней членимости основ слов исходят из различных посылок. Для одних точкой отсчета является повторяемость корня как стержневой морфемы в структуре слова, для других - повторяемость конечного элемента основы слова в некотором специализированном значении. В существовании как корне-, так и аффиксоориентированных подходов к определению степени членимости основы слова явственно слышатся отголоски давнего “спора о буженине”, спора между Г.О.Винокуром и А.И.Смирницким и их последователями о принципах морфемного анализа слова. Примером корнеориентированной классификации основ слов может служить градация степеней их членимости, предложенная Н.А.Янко-Триницкой³. По характеру соотношения в языковой системе выделяемых в основе слова корня и послекорневого элемента (дву- или одностороннее) она установила полную и достаточную степени членимости основы русского слова. В зависимости от того, способен ли корень таких слов функционировать свободно, без аффиксов, каждая из определенных степеней членимо-

² І.І.Ковалик. Питання слов'янського іменникового словотвору. - Львів, 1958. С.19, сноска 48.

³ Н.А.Янко-Триницкая. Членимость основы русского слова // Изв. АН СССР. - Сер. яз. и лит-ры. - 1968. Т. XXVII, вып. 6. С. 532-540.

сти, в свою очередь, подразделяется на свободную и связанную. Основы, не осознаваемые как структурированные единицы, т.е. основы таких слов, начальные части которых не соотносятся с корнями других слов даже при повторяющихся конечных их компонентах, Н.А.Янко-Триницкая определила как обладающие недостаточной степенью членимости. К таким словам она отнесла, например, названия месяцев *сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь* с повторяющейся финалью основы **-абрь (-ябрь)**. Предложенный Н.А.Янко-Триницкой подход представляется особенно надежным при анализе строения основы иноязычных слов, поскольку именно корень, или точнее, та начальная часть слова, которая на украинской языковой почве осмыслена как корень слова (ибо корни слов в языке-источнике заимствования и в украинском языке далеко не всегда тождественны), служит отправной точкой для выделения и осмысления послекорневых элементов в нем. Аффиксы призваны лишь уточнить, специализировать семантику корневой части слова, а если не выделен корень, то что же тогда уточняет аффикс (суффиксальный элемент, в нашем исследовании)? При чем, степень самостоятельности семантики свободного и связанного иноязычного корня, естественно, различна. Для связанного корня, как иноязычного, так и исконного украинского, такую семантику можно установить лишь после анализа всей группы слов, в которых он функционирует. Ср.: *гліс-ер* “легкое быстроходное судно с днищем специальной формы, благодаря чему оно скользит по поверхности воды” (СІС)⁴, *гліс-андо* “прием игры, когда пальцы легко скользят по клавиатуре или струнам музыкального инструмента” (СІС) и *гліс-ува-ти* “скользить по воде” (СІС), где корень *гліс-* выступает в значении, унаследованном от французского этимона *glisser* “скользить”, и выражает общую идею скольжения, уточняемую в приведенных словах различными суффиксальными элементами.

Иной, аффиксоориентированный, подход к анализу морфемного строения иноязычных слов предложил Л.П.Крысин⁵. Слова наподобие *какаду, басс, авантюра* он отнес к нулевой ступени членимости. “Распознавание” морфемной структуры иноязычных слов, по мнению Л.П.Крысина, начинается с повторения в ряде слов финали их основы и приобретения ею некоего общего значения. Так, на 1-ой ступени членимости находятся слова *бульдозер, скрепер, грейдер, грейфер*, в которых повторяемому элементу *ер* можно, как считает ученый, при-

⁴ Толкование слов даем по тому словарю, в котором они зафиксированы; в случае фиксации слова в обоих словарях приводится толкование СІС как более соответствующее современному уровню освоения этого слова в украинском языке.

⁵ Л.П.Крысин. Ступени морфемной членимости иноязычных слов // Развитие современного русского языка. 1972. - М., 1975. С.227-231.

писать общее значение “дорожно-строительная машина”. Корень в основах таких слов остается неосмысленным носителем русского языка, поскольку он не повторяется в каких-либо иных лексемах. Высшей, 2-ой, ступенью членимости обладают основы, содержащие уже осмысленный, т.е. соотносительный с другими словами корень (свободный или связанный), напр.: *декор-атор, опер-атор; билет-ер, контрол-ер*. Л.П.Крысин считает, что формальным критерием для разложения подобных слов на морфемы служит наличие одного и того же аффиксального элемента; семантическим - единство “достаточно специфического значения, присущего только этим словам и отличающего их от слов иной семантики, формально с ними сходных”⁶. На этом основании Л.П.Крысин считает членимыми слова *будуар* и *дортуар*, поскольку в них можно выделить элемент *уар*, повторяющийся с общим значением “помещение”.

Задача проведенного нами исследования заключалась в том, чтобы разработать градацию основ композитов иноязычного происхождения в современном украинском языке, исходя из всего комплекса присущих их компонентам смысловых, формальных и функциональных признаков. Классификация таких основ, учитывающая лишь количественные характеристики их реализации в языковой системе, которая предложена в работах Б.И.Барткова, представляется нам недостаточной для определения их статуса в качестве корневого компонента, суффиксоида, полусуффикса или суффикса⁷. Анализ материала

⁶ Там же. - С.229.

⁷ Например, в работе “Дериватография украинского языка и количественный дериватарий 100 аффиксов, полуаффиксов и аффиксоидов научного стиля и литературной нормы” (см. сб. Полуаффиксация в терминологии и литературной норме. - Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. С.8-58) Б.И.Бартков определяет статус того или иного пре- или постпозитивного компонента слова на основании числовых показателей его продуктивности (диахронической и синхронической) и частотности (суммарной и модельной). Для каждого из анализируемых компонентов слова устанавливается средний количественный показатель введенных параметров. Если компонент по своим количественным характеристикам превышает этот средний показатель, ему присваивается статус аффикса (суффикса или приставки); если он находится в интервале, близком к среднему показателю, - статус полуаффикса; если же по характеристикам своей реализации в словах такой компонент значительно отходит от среднего количественного показателя того или иного параметра, он заносится в класс аффиксоидов. Для интересующих нас постпозитивных компонентов основы слова средние показатели, установленные Б.И.Бартковым, например, для существительных, таковы: продуктивность диахроническая (общее число слов с данным элементом) - 401 слово; частотность суммарная (общее число слов с данным элементом в определенном объеме текстовых употреблений) - 387 словоупотреблений (с.30-35).

показал, что определяющими при этом являются позиционные и комбинаторные свойства основ, а именно: свобода их перемещения в слове, характер сочетающихся с ними элементов, комбинаторная сила таких компонентов, их способность к формальному варьированию и выработке специализированных значений. В этом плане иноязычные композиты с повторяющимися конечными основами представляют благодатный материал для исследования, поскольку ярко демонстрируют динамику освоения морфемного строения иноязычной лексики на украинской языковой почве. В общем виде вхождение таких слов в украинскую языковую систему, а следовательно, и путь суффиксации их конечных основ можно очертить так: от основ в словах-композитах до суффиксальных морфем в основах простых слов. Между этими двумя пограничными группами слов располагаются лексемы, конечные компоненты которых пребывают на различных стадиях перехода от корневой морфемы к суффиксальной. Эталоном для сравнения избираем те композиты, основы которых не только обладают свободой перемещения (ср. *біблі-о-філ* и *філ-о-лог*; *лог-о-граф* и *граф-о-лог*), но и обладают формальным признаком композита - соединительной гласной, как в приведенных словах.

Основополагающими признаками для определения статуса того или иного элемента как корневого являются следующие: способность его 1) занимать начальную позицию в слове и сочетаться с другими основами, суффиксами или флексиями; 2) сочетаться с приставками и 3) в конечной позиции присоединяться к начальной основе при помощи соединительной гласной. Конечные основы иноязычных композитов могут обладать как одним из перечисленных признаков, так и всем приведенным их набором, что свидетельствует об их закреплённости в статусе корневого элемента. Так, целый ряд конечных основ обладает лишь последним из перечисленных признаков, напр.: **-завр** (гр. *σαῦρα* "ящерица") в словах *брахі-о-завр*, *бронт-о-завр*, *дин-о-завр*, *іхті-о-завр*, *пелік-о-завр*, *птер-о-завр*, обозначающих разные виды ископаемых пресмыкающихся; **-крат** (гр. *κράτος* "власть, сила") *парт-о-крат*, *плут-о-крат*, *техн-о-крат*, *фізі-о-крат*; **-тек(а)** (гр. *θήκη* "вместилище, хранилище") *біблі-о-тек(а)*, *глінт-о-тек(а)*, *карт-о-тек(а)*, *фільм-о-тек(а)*, *фон-о-тек(а)*; **-цид(и)** (лат. *caedo* "убиваю") *бактер-и-цид(и)*, *інсект-и-цид(и)*, *фуз-і-цид(и)* или *ген-о-цид*, *етн-о-цид*⁸. Часть

⁸ См. примеры таких основ, закреплённых в конечной позиции, но не потерявших свой корневой статус благодаря функционированию в эталонных композитах: Н.Ф.Клименко. Словотворча структура і семантика складних слів у сучасній українській мові. - К., 1984. С.82-231; Е.Г.Городенская. Аффиксоиды украинского языка // Проблема статуса деривационных формантов. - Владивосток, 1989. С.86-94, а также дериватарий, приложенный к упомянутой выше работе Б.И.Барткова.

таких основ не входит в состав композита с соединительной гласной, однако способна присоединять приставки, что также свойственно лишь корневым элементам, напр.: **-мен** (англ. *man* “человек, мужчина” *бизнес-мен, джаз-мен, конгрес-мен* и *супер-мен*; **-енхім(а)** (гр. *ἐγχύμα* “ткань, букв. то, что налито”) *аер-енхім(а), кол-енхім(а), склер-енхім(а)* и *мез-енхім(а), пар-енхім(а)*. Некоторые из конечных основ композитов обладают двумя признаками. Кроме сочетания с соединительной гласной, они способны присоединять приставки, напр.: **-кляз** (гр. *κλάδος* “ветвь, ответвление”) *олиг-о-кляз, орт-о-кляз, плагі-о-кляз* и *пара-кляз(и), пери-кляз* (СЧС); **-скоп** (гр. *σκοπός* “цель”, *σκοπεῖω* “целю, навожу на цель”) *анем-о-скоп, фільм-о-скоп* и *диа-скоп*. Такие же основы, как **-ліз** (гр. *λύσις* “распад, гибель” или **-принт** (англ. *print* “печатать”) демонстрируют весь набор признаков корневого элемента слова, ср.: *авт-о-ліз, гем-о-ліз, гідр-о-ліз* и *ана-ліз, діа-ліз, ката-ліз; ліз(а)* (СЧС), *ліз-ис, ліз-ин, ліз-ол* (*ліз-оль* - СЧС); *ліз-о-форм, ліз-о-ген-іj(а)* или *аква-принт, рота-принт, уні-принт* и *диа-принт, пре-принт; мікр-о-принт-ува-нн(я), принт-ер*.

Употребление основы в конечной позиции можно рассматривать как толчок к суффиксализации, поскольку оно способствует специализации ее значения, формированию значений, не свойственных ей в начальной позиции. Например, основа **-стат** (гр. *στάσις* “положение, состояние”) в словах *аер-о-стат, гідр-о-стат, ре-о-стат, терм-о-стат* выступает в значении “устройство, прибор”, ср.: *аер-о-стат* “летательный аппарат легче воздуха”(СІС); *гідр-о-стат* “аппарат, спускаемый на тросе с судна-базы для подводных исследований и работ, в отличие от батискафа, перемещающегося самостоятельно” (СІС); *ре-о-стат* “электрический прибор, которым регулируют ток или напряжение в электрической цепи” (СІС); *терм-о-стат* “устройство, в котором поддерживается постоянная температура” (СІС). В позиции корня эта основа выражает самое общее значение неподвижности, устойчивости, равновесия, уточняемое аффиксами и другими основами, ср.: *стат-ик(а)* “раздел механики, в котором изучают условия равновесия тела по заданной системе сил, действующих на это тело” (СІС); *стат-ист* “актер, исполняющий роль без слов”(СІС); *стат-о-цист(и)* “1. Органы равновесия многих беспозвоночных животных, а из хордовых - оболочников” (СІС).

Специализация значения конечной основы может сопровождаться изменением ее внешнего облика по сравнению с той же основой в начальной словной позиции, что приводит к углублению различия между такими основами в роли корня и в роли послекорневого компонента основы слова. Такое формальное расхождение между основами в начальной и конечной позициях можно рассматривать как следую-

ший шаг по пути суффиксализации последних, ср.: *гліпт-гліпт-ик(а)*, *гліпт-одонт(и)*, *гліпт-о-тек(а)* и *-гліф ієр-о-гліф*, *петр-о-гліф*, *три-гліф* (обе от гр. γλύφω “вырезаю, высекаю (из камня)”, объединенные общим значением “то, что вырезано, высечено либо то, на чем вырезано, высечено что-либо”, напр.: *ієр-о-гліф* “1. Фигурные знаки древнеегипетского письма (4-е тыс. до н.э. – 3-е ст. н.э.)” (СЧС); *петр-о-гліф* “древние изображения на скалах, камнях, стенах пещер...” (СЧС) и *три-гліф* “архит. прямоугольная вертикальная каменная плита с тремя продольными врезами”(СЧС); *ре-ре-о-лог-іj(а)*, *ре-о-метр*, *ре-о-стат*, *ре-о-троп-ізм* и *-рой гем-о-рой*, *-рея (реj(а) бронх-о-рея*, *галакт-о-рея*, *гем-ат-о-рея* (все три - от гр. ρέω “теку”) в значении “болезнь, сопровождающаяся выделением (вытеканием) жидкости”. В.Г.Гак, наблюдая за появлением новых суффиксальных элементов в заимствованиях, верно заметил, что у элементов, которые “не имеют никаких заранее данных ассоциаций в языке”, больше шансов утвердиться в роли суффиксальной морфемы⁹. У некоторых основ такой процесс формального расхождения еще не завершился: одни их варианты могут фигурировать и в начальной, и в конечной словной позиции, другие - только в конечной позиции, напр.: *гелік-о-птер*, *коле-о-птер* (СЧС), *макр-о-птер(и)* (СЧС), *моно-птер* (СЧС), *орніт-о-птер* и *птер-о-дактиль*, *птер-о-завр(и)*, однако *архео-птерикс* и *аном-о-птерис* (все три от гр. πτέρωξ “крыло”) или *аер-о-навт*, *аква-навт*, *астр-о-навт*, *косм-о-навт* и *навт-ик(а)* (СЧС), однако *нав-арх*, *нав-іграф*, *нав-мах-іj(а)* (СЧС), *нав-мах-іар(и)* (СЧС) и *наут-о-фон*, *наут-илус* (все от гр. ναύτης “морьяк, мореплаватель”).

Иногда в начальной и конечной позициях могут выступать основы, происходящие от общего этимона, но заимствованные из разных языков-источников, напр.: *дент-* (от лат. *dens (dentis)* “зуб”) *дентальн(ий)*, *дент-икул(и)*, *дент-ин (дент-ин(а) - СЧС)*, *дент-агр(а)* (СЧС), *дент-ист* (СЧС), *-одонт* (гр. ὀδούς (ὀδόντος) “зуб”) *гліпт-одонт(и)* и *пар-одонт-оз*; *дант-* в *дант-ист* (фр. *dentiste* от фр. *dent* “зуб”)¹⁰. Только элемент *-одонт* в конечной позиции приобретает специализированное значение “ископаемое животное, классифицируемое по строению зубов”. Некоторые из таких композитов с основами, восходящими к общему этимону, близки в своих лексических значениях, напр.: *дент-агр(а)* “зубная боль” (СЧС) и *одонт-агр(а)* “ревматическая боль зубов” (СЧС), иногда же композиты с такими основами расходятся в своих значениях, ср.: *дент-ин (дент-ин(а) - СЧС)* “прочная

⁹ В.Г.Гак. Беседы о французском слове. - М., 1966. С.43.

¹⁰ Написание этого заимствования как *дантист* отражает звуковую, а не графическую форму французского слова-прототипа, ср. вариант *дентист* в СЧС.

костевидная ткань, составляющая основную массу зуба человека или животного” (СІС) и *одонт-ин(а)* “порошок для чистки зубов с примесью этерового масла” (СЧС). Нередко способность к формальному размежеванию основы в начальной и конечной словной позиции свойственна лишь одному из элементов-омонимов, ср.: *-цен* (от гр. *καινός* “новый”) в *гол-о-цен*, *мі-о-цен*, *оліг-о-цен* и *кайн-о-зоі* (или *кейн-о-зоі-ськ(а) система* - СЧС), *кайн-ит*, однако только *-цен* (от гр. *κοινός* “общий”) в *цен-оз*, *бі-о-цен-оз*, *бі-о-ген-о-цен-оз*.

Завершением процесса суффиксализации конечной основы слова является закрепление в конечной позиции элемента, формально отличного от корневого и обладающего специализированным значением. Так, основа *онк-* (от гр. *βύκος* “объем, масса”; *βύκωμα* “опухлость, опухоль”) в корневой позиции выступает в самом общем значении “объем, масса; опухоль” в составе слов с различным лексическим значением, ср: *онк-о-сфер(а)* “личинка большинства видов ленточных червей” (СІС), *онк-от-ичн(ий)* “напряженный, увеличенный” (СІС), *онк-о-лог-їж(а)* “раздел медицины, изучающий возникновение у человека и животных опухолей и разрабатывающий методы их лечения” (СІС). В конечной позиции эта основа трансформировалась в суффиксальный элемент *-ом(а)* со специализированным значением “разновидность опухоли”, напр.: *аден-ом(а)*, *ліп-ом(а)*, *сарк-ом(а)*. Также разошлись формально основы *ерг-* (ср. *ерг* (СЧС), *ерг-о-граф* (СЧС), *ерг-о-ном-їк(а)*, *ерг-о-ном-їж(а)*, *пар-ерг(а)* (СЧС) и *-ург* (ср. *драм-ат-ург*, *метал-ург*, *мінерал-ург* (*мінерал-юрг* - СЧС), *те-ург* (СЧС), *хір-ург*), обе восходящие к греческому этимону *εργον* “дело, работа”. Основа *-ург* в конечной позиции выступает в специализированном значении “производитель действия”, тогда как в начальной словной позиции или в качестве свободного корня она выражает самое общее значение “нечто, относящееся к работе, деятельности”, ср.: *ерг* “единица работы или энергии = силе, необходимой для того, чтобы поднять один миллиграмм на один сантиметр” (СЧС), *ерг-о-граф* “прибор, записывающий деятельность и усталость мышц” (СЧС), *ерг-о-ном-їк(а)*, *ерг-о-ном-їж(а)* “наука, изучающая допустимые физические, нервные и психические нагрузки на человека в процессе работы, проблемы оптимального приспособления окружающих условий производства для эффективного труда” (СІС), *пар-ерг(а)* “дополнения, небольшие произведения” (СЧС). Некоторые конечные основы, не функционируя в позициях и внутрисловных окружениях, свойственных корневым элементам, также суффиксализируются и могут сохранить то значение, которое было им свойственно в языке-источнике заимствования, либо же приобрести новое значение уже на украинской языковой почве. Например, в словах *ет-ил*, *мет-ил*, *тетр-ил*

элемент **-ил** сохраняет значение “вещество”, унаследованное от гр. ὄλη “вещество”; элемент **-таш** в слове *патрон-таш* также сохраняет значение нем. *Tasche* “карман, сумка”, ср.: *патрон-таш* “сумка или пояс с футлярами для винтовочных либо пистолетных патронов” (СИС), как и элемент **-амт** (от нем. *Amt* “служба; ведомство, учреждение” в слове *пошт-амт* “учреждение, обслуживающее население всеми видами почтовой, телеграфной и телефонной связи” (СИС). Напротив элемент **-едіj(a)** в словах *траг-едіj(a)*, *ком-едіj(a)* утрачивает значение греческого этимона ᾠδή “песня”. В некоторых группах композитов утрата значения, свойственного конечной основе, произошла не во всех словах, в которых такая основа присутствует, ср.: *банк-нот*, где **-нот** восходит к англ. *note* “замечать, записывать”, со значением “кредитные знаки денег, выпускаемые эмиссионными банками для замены металлических денег как средство оборота и платежа” (СИС) и *блок-нот* с тем же конечным элементом, сохраняющим значение английского этимона, - “тетрадь с отрывными листками бумаги для записок” (СИС), ср. также со словами *нотувати*, *нотатки*, в которых этот же элемент функционирует в качестве корня.

Иначе ведут себя на украинской языковой почве конечные основы композитов, начальные части которых либо совсем не осмыслены как корни, либо осмыслены лишь опосредованно, а сами такие основы не входят в состав эталонных композитов. В таких словах сама возможность выделения конечного элемента зависит от свободы его перемещения в слове, способности присоединяться к другим основам. Например, в слове *демімонд* выделяется начальный компонент *демі-*, унаследовавший значение французской приставки *demi* “полу”. Этот элемент встречаем в таких словах, как *демі-тур* “полуоборот в танцах” (СЧС), *демі-рельсф* “полувыпуклая работа” (СЧС), *демі-котон* “плотная полосатая хлопчатобумажная материя на подкладку” (СЧС), *демі-сезон* “пригодный для ношения весной и осенью” (СИС). Выделение элемента *демі-* позволяет прояснить, путем вычитания его значения из общей лексической семантики слова *демі-монд*, и значение элемента **-монд** “свет; люди”, ср.: *демімонд* “полусвет; люди “низкого” происхождения, желающие сравняться с высшими кругами в обществе; доступные женщины” (СЧС). Лексическое значение слова *бомонд* (букв. “высший свет”) “термин для обозначения верхушки аристократических и буржуазных кругов” (СИС) позволяет выделить то значение, которое можно приписать элементу **бо-** (от франц. *beau* “красивый, прекрасный”) - “высший, отборный”. Однако слова, подобные слову *бомонд*, следует признать лишь проявляющими тенденцию к членимости, условно членимыми, поскольку их элементы удастся осмыслить лишь опосредованно, в комбинациях с другими

основами или аффиксами путем вычитания значения известного компонента из общего лексического значения слов. Точно так же, например, в слове *патро́н-таш* мы выделяем элемент *-таш* и рассматриваем само слово как обладающее достаточной степенью членимости основы, а слово *ягдташ* следует признать условно членимым, поскольку элемент *ягд-* в нем удается осмыслить лишь опосредованно, ср.: *ягдташ* “охотничья сумка” (СІС), где элементу *ягд-* можно приписать значение “охотничья” (от нем. *Jagd* “охота”).

Слова, находящиеся на различных ступенях членимости, встречаются практически в каждой группе иноязычных композитов с повторяющимися конечными элементами. Так, в слове *спідвей* удастся прояснить значение начального компонента *спід-* (от англ. *speed* “скорость”), поскольку он повторен в эталонном композите *спід-о-метр*, ср.: *спід-вей* “1. Дорога для движения с большой скоростью, автострада; 2. Дорожка для мотоциклетных соревнований, гоночный трек” (СІС) и *спід-о-метр* “прибор, показывающий скорость движения автомобиля или мотоцикла и пройденный ими путь” (СІС). Элементу *-вей* можно, таким образом, приписать в слове *спід-вей* значение “дорога, путь”, что и соответствует его английскому этимону *way*. Этот же элемент повторен в слове *хайвей* “большая автомобильная дорога, шоссе, автомагистраль” (СІС), однако данное слово следует признать лишь условно членимым, поскольку значение его начального компонента *хай-* (от англ. *high* “высокий, интенсивный, главный”) еще не прояснено на украинской языковой почве. Наиболее четко подобные повторяющиеся конечные основы проявляются в словах, начальный компонент которых функционирует в украинском языке как свободный корень, ср.: *фалреп* “трос, применяемый вместо поручней в забортных трапах” (СІС) и *фал* “1. Трос, канат для поднятия на корабле парусов, флагов, сигналов и т.п.; 2. Тонкий канат для раскрытия парашюта без участия парашютиста, прикрепленный одним концом к самолету, другим - к вытяжному кольцу парашюта” (СІС) или *буйреп* “трос, удерживающий буй на якоре” (СІС) и *буй* “плавающий знак, указывающий на опасные места для судоходства” (СІС). В словах *фалреп* и *буйреп* элемент *-реп* выступает в значении “канат, трос”, унаследованном от его голландского этимона *geer*. Такое же обобщенное значение, соответствующее немецкому этимону *Weiß* “белила”, можно приписать элементу *-вейс* в словах *перлвейс* “свинцовые белила, окрашенные синькой” (СІС) (ср. с *перл*, *перлина*), *шифервейс* “устаревшее название свинцовых белил” (СІС) (ср. с *шифер*). Однако слово *блейвейс* “свинцовые белила” (СІС) (*бляйвас* - СЧС) следует признать условно членимым, хотя элемент *блей-* (от нем. *Blei* “свинец”) проявляет некоторую свободу функционирования и может быть опосредо-

ванно “распознан”, ср.: *гартблей* (букв. “твердый свинец”) “сплав свинца и сурьмы, полученный как побочный продукт при выплавке свинцовых руд” (СЧС) или *веркблей* “свинец, получаемый при выплавке свинцовых руд или рудных агломератов; состоит из свинца и примесей меди, сурьмы, олова и других металлов” (СЧС).

Нередко для осмысления того или иного компонента иноязычных композитов, определения степени свободы его “поведения” в структуре слов приходится прибегать к последовательному формированию рядов слов с таким компонентом в начальной или конечной позиции. Сравните, например, такие ряды слов: *альпеништок, градшток, флагишток, футшток* и *шток, штокверк, штокроза*, где нем.*Stock* “палка” или *больверк, горнверк* (СЧС), *кронверк, ростверк, фахверк, фесрверк, штокверк* и *веркблей, верки* (СЧС), где нем.*Werk* “работа; изделие”. Эти сопоставления можно продолжить и выделить целый ряд конечных основ композитов такого типа, обладающих определенной свободой перемещения в слове и формирующих общие специализированные значения, как, например, *-верк*, выступающая в словах *больверк, горнверк, кронверк, ростверк, фахверк* со значением “сооружение, укрепление, опора”, ср. этот же элемент в свободном употреблении: *верки* “отдельные части крепости” (СЧС). К таким основам можно отнести также *-штейн* (нем.*Stein* “камень”) в словах *купферштейн, ортштейн* и *роштейн*, выступающую со значением “вещество (сплав, прослойка грунта)”; *-глас* (нем.*Glas* “стекло”) в значении, соответствующем этимону, которая функционирует в словах *кронглас* (ср.*крон*), *плексиглас, фиберглас, флінтглас* (ср.*флінт*); *-шнеп* (нем. *Schnepfe* “кулик”), присутствующую в словах-наименованиях различных видов куликов: *вальдшнеп* (букв. “лесной кулик”), *гаршнеп* (букв. “волосяной кулик”), *кроншнеп* (букв. “королевский кулик”) и др. Нетрудно заметить, что и в этих группах встречаются слова как с достаточной членимостью основы, так и слова, членимые лишь условно, ср.: *купферштейн, роштейн* и *ортштейн*, где элемент *орт-* (от гр.*ὀρθός* “прямой”) повторяется в таких словах, как *орт-о-атом, орт-одонт-ij(a), орт-ит, орт-о-пед, орт-о-центр*. О наметившейся суффиксализации конечной основы подобных композитов можно, следовательно, говорить лишь тогда, когда на ступень достаточной членимости поднялось хотя бы одно слово с подобным элементом. Например, о тенденции к суффиксализации элемента *-дук* (от лат.*duco* “веду”) в словах *акведук* и *виадук* свидетельствует достаточная членимость слова *акведук* (ср. *акванавт, акваметрия, аквамобиль, акваплан, акватипия*), а допустимая членимость слова *міделдек* “средняя батарея на кораблях” (СЧС) (ср.*мідел* “наибольшая ширина на корабле” (СЧС), а также *мідель, мідль* “поперечное сечение судна в

самом широком месте” (СІС) позволяет считать условно членимыми на основе общности конечной основы -дек (от англ.*deck* “палуба”) слова *ботдек*, *бридждек*, *гондек* (СЧС), *квартирдек*, *ловердек*, *спардек*, *твіндек*, *шельтердек*. Целые серии слов еще нельзя признать даже условно членимыми, поскольку неспециальные словари иностранных слов не зафиксировали еще ни одного слова, поднявшегося на ступень достаточной членимости. Это такие слова, как *рангоут*, *шпангоут* (голл.*hout* “дерево”); *біфштекс*, *ромштекс* (англ.*steak* “кусок”); *аншлаг*, *квершлаг*, *форшлаг*, *бершлаг*, *вершлаг* (СЧС) (нем. *Schlag* “удар”) и др.

Конечным основам композитов свойственна омонимия. Такие омонимичные основы могут проявлять и различную активность при формировании рядов слов со специализированными значениями, выраженными конечными компонентами, ср.: *блейвейс*, *перлвейс*, *шифервейс* и *ватервейс* “широкая толстая доска деревянного настила вдоль борта судна” (СІС), где элемент -вейс восходит не к нем.*Weiß* “белила”, а к англ. *ways* “дороги, пути”; *диктофон*, *лінгафон*, *магнітофон*, *мікрофон* и *агрофон* “состояние почвы, влияющее на урожай сельскохозяйственных культур”, где элемент -фон восходит не к гр.*φώνη* “голос; звук”, а к франц.*fond* “глубина, основа”. Иногда активными оказываются обе омонимичные основы, ср.: -поль (от гр.*πόλος* “полюс”) в словах *диполь*, *квадруполь*, *мультиполь* и -поль (от гр.*πόλις* “город”) в словах *акрополь*, *гелеполь*, *некрополь*. Разные частные специализированные значения могут формироваться иногда в рамках общего значения конечной основы. Каждое частное значение, в свою очередь, формирует самостоятельный ряд слов, напр.: -тип (от гр.*τύπος* “форма, образец; оттиск, отпечаток”) в словах *аква-тип-і(а)*, *галлі-тип-і(а)* (СЧС), *геліо-тип-і(а)* (СЧС), *електр-о-тип-і(а)* (СЧС), *кал-о-тип-і(а)* (СЧС), *мікр-о-тип-і(а)*, *фот-о-тип-і(а)* означает “способ печати, определенный начальной основой слова”; в словах *лін-о-тип*, *мон-о-тип*, *полі-тип-аж* - “машина или типографская форма для такой печати”, в словах же *дагер-о-тип*, *стере-о-тип* элемент -тип выражает значение “продукт определенного способа печати”. Опосредованно, через франц. *type*, унаследовавшее свое значение от греческого этимона *τύπος*, элемент -тип в общем значении “тип, образец” выступает и в таких биологических терминах, как *ген-о-тип* и *фен-о-тип*, обозначающих различные способы развития организма.

Изученная группа иноязычных композитов включает слова различной степени освоения их в украинском языке, что проявляется и в различной степени суффиксализации конечных основ или, иначе, их сближения с суффиксальными морфемами. В словах, обладающих

полной или достаточной членимостью, создаются условия для выделения конечных элементов. Установить же их статус в слове, степень суффиксализации позволяет анализ всего спектра свойственных им формальных, семантических и функциональных характеристик. Конечные компоненты таких композитов проходят несколько стадий преобразования их формы и семантики: от закрепления в конечной позиции, т.е. создания условий для их суффиксализации, до формирования элементов с иной, чем у основы в начальной словной позиции, формой, наделенной неким специализированным значением, как, например, элементы **-ом(а)** или **-ург**, по своим характеристикам сходные с суффиксальными морфемами. Соответственно, можно выделить четыре ступени суффиксализации конечных основ композитов иноязычного происхождения. На первой, самой нижней, ступени располагаются основы эталонных композитов, закрепленные в конечной словной позиции (**-завр**, **-крат-**, **-скоп**, **-тек(а)**, **-фтонг**, **-цид**); на второй - основы, способные занимать начальную словную позицию, но в конечной позиции выступающие в особом специализированном значении (**-навт**, **-одонт** или **-стат**); на третьей - основы, в разных формальных вариантах выступающие в начальной и конечной словных позициях (**гліпт-** и **-гліф**); на четвертой - основы, вместе с особой формой в конечной словной позиции вырабатывающие к тому же особое специализированное значение (**-ург** и **ерг-**, **онк-** и **-ом(а)**). В каждом ряду слов, формируемом на основе общности таких конечных компонентов, можно, однако, выделить слова, представляющие разную степень "распознавания" на украинской языковой почве их морфемного строения: нечленимые (*рангоут*, *шпангоут*; *гліптвейн*; *цейтнот*), условно (*брамсель*, ср. *брамстенъга*; *віадук*, ср. *акведук*; *блейвейс*, ср. *перлвейс*, *шифервейс*) или достаточно членимые (ср. *акведук* и *аква-мобіль*, *акваплан*; *демімонд* и *демісезон*, *демірельсф*). Такой широкий спектр морфемных структур позволяет не только определять степень продвижения конечных основ исследуемых композитов по пути суффиксализации, но и определять конкретные формы ее проявления в украинской языковой системе.

СЛОВОТВОРЧЕ ГНІЗДО З ВЕРШИНОЮ *КАЗАТИ* У СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

У системі слов'янських мов значна роль належить групі слів із значенням говоріння - "мікросистемі з інваріантним значенням мовлення" [1, с.117]. Мова людини, її різновид, окремі сторони тісно пов'язані між собою у практичній діяльності. Адже мовна діяльність "... програмує, активізує, регулює" [2, с.16] увесь процес зовнішньої та внутрішньої розумової діяльності людини, тісно пов'язаної з усіма сторонами життя носіїв мови як членів суспільства. Дослідження групи слів із значенням мовлення "розкриває шляхи людської думки, проливає світло на культури різних народів, спрямовує творчу мовну роботу й правильне відношення до нових фактів мови, що виникають нині у зв'язку із культурним і суспільним розвитком" [3, с.51]. Функціонування даної групи слів, як і мови в цілому, "є барометром суспільного розвитку" [4, с.4], об'єктивуючого у собі результати пізнавальної діяльності людини і нерозривно зв'язаного із розвитком мислення (розумової та психічної діяльності носіїв мови).

Однією із актуальних проблем дериватології є дослідження системи гнізд, під якими розуміємо структурно-семантичну єдність спільно-кореневих слів (у тому числі і складних, у структурі яких є відповідний корінь), поєднаних між собою відношеннями структурної та семантичної похідності й об'єднаних на основі послідовного підпорядкування одних одиниць іншими [5, с.31], що характеризується як різноманітністю семантичних взаємовідношень твірних і похідних основ, так і співвідношеннями семантики твірних і похідних слів [6, с.42-43], зв'язаними відношеннями синхронної словотворчої мотивованості.

Дослідження словотворчих гнізд (далі СГ) дає можливість розкрити дериваційний потенціал коренів із значенням говоріння, зміст семантичної структури дієслів, що виражають акт мовлення, показати результат відображення у мові об'єктивної дійсності.

Дана стаття - це спроба проаналізувати СГ з вершиною *казати*, визначити його склад, наповненість, об'єм, способи та засоби утворення нових слів (дериватів гнізда).

Вершина СГ - дієслово *казати* - знаходиться у тісному семантичному зв'язку із дієсловом *говорити*, як вказує П.Я.Черних, на "слов'янському ґрунті значення 'говориться', 'сказать' вторинне. Розвиток значення: 'казатися', 'виднетися' далі '/по/казываться' > 'указывать' > 'говорить' [7, с.368]. Префіксальне дієслово *сказати*, що входить у СГ з вершиною *казати*, ступає у видову кореляцію з дієсловом

говорити. Лексема *казати*, як і слова говорити і мовити, входить до ЛСГ дієслів мовлення. Згідно даних ЕСУМ дієслово *казати* функціонувало у ст.сл. - *казати*, 'указувати; навчати; наказувати; проповідувати'; псл. *kazati* 'показувати' - споріднене з дінд. *kas'ate*- 'з'являється, блищить, світить'; гр. *τεχνη* 'знак, риса'; іє. **k^hek*-(**k^heg*-), **k^hok*-(**k^hog*-); зіставлення з дінд. **k^hek*-(**k^hok*-) 'показує; навчає; наказує' (Machek ESJC, с.246). Дієслово *казати* наявне у групі слов'янських мов: дв.-рос. *казати* 'навчати; карати'; рос. *казать* 'показувати', сказать 'сказати'; біл. *казаць* 'казати', 'показувати'; польськ. *kazać* 'казати, веліти, проповідувати'; чеш. *kazati* 'проповідувати, наказувати'; (ст.) 'показувати, карати'; слц. *kázat* 'проповідувати, наказувати; /говорити/'; вл. *kazać* 'наказувати; замовляти; запрошувати'; нл. *kazaš*; болг. *казвам /кажа/* 'кажу; називаю; наказую'; макед. *каже* 'скаже, розкаже; покаже, вкаже'; схв. *казати* 'сказати, показати'; слн. *kazati* 'показати' [8, с.340-341].

У сучасній українській мові дієслово *казати* має від 2-х до 3-х значень. Так, за даними СУМ, що упорядкував Б. Грінченко, *казати* має такі значення: 1. Говорить. Ой казав єсь, присягав єсь: не покину я тебе. 2. Приказувать, велеть... Кажіть мені, панове, сього хлопця до себе узяти [9, с. 207]. СУМ в II томах фіксує у дієслова *казати* три значення: 1. Передавати словами (думки, почуття тощо); висловлювати, говорити (у 2 знач.) // Розповідати про що-небудь. - Не могу швидко заснути, так мені казки кажуть... До слова кажучи, в знач. вставного слова - до речі, у зв'язку із сказаним. Правду кажучи, в знач. вставного слова - уживається на підтвердження правдивості сказаного; по суті. Як /то/ кажуть, у знач. вставного слова - як прийнято говорити... 2. Наказувати комусь робити що-небудь. 3. перен. Свідчити про що-небудь [10, с.70], тому можемо констатувати, що семантична наповненість даного слова задає й визначає параметри СГ з вершиною *казати*. У вершині гнізда - дієслові *казати* - проявляється весь спектр значень й семантичний потенціал кореня *каз-*: *вказати*, *доказати*, *сказати*, *переказати* і т.д. У системі похідних вершини *казати* не тільки проявляються значення базового слова, а й формуються (розвиваються й доповнюються) нові.

Дієслово *казати* належить до 2-го непродуктивного класу, що об'єднує усі дієслова з інфінітивною основою на голосний і непохідною основою теперішнього часу на приголосний. Цей клас має 5 груп. *Казати* належить до другої групи, тобто до дієслів з інфінітивною основою на -а, -ти (суфікс), з голосним у корені: *каза-ти*, *каж-уть*.

Деривати СГ *казати* - утворення, що широко вживаються у літературному та діалектному мовленні, і саме тому, окрім слів

стилістично нейтральних, до складу гнізда увійшли слова з різною стилістичною забарвленістю: *казателесий, указочка, сказівка* та інші. Утворення багатьох похідних "прозоре", що пояснюється, перш за все, тісними зв'язками дериватів із базовим словом, а також системою значень вершини гнізда, адже чим більший значеннєвий спектр базового слова, тим менш міцним є семантичний зв'язок між твірним і похідними. Наприклад, у СЛ *казати* → *сказуватися* та *казати* → *переказний* спостерігаємо плавний перехід домінуючого значення у периферійне (до повного "розчинення" в останньому). Словотворча структура похідних гнізда проявляється у їх здатності членуватися на складові частини: *казати* → *в-казати* → *вказ-ува-ти* → *вказувати-ся*. Значення похідного складає сума значень мотивуючого і форманта.

При словотворенні у СГ проходить взаємоприспосовування основи твірного слова до словотворчого форманта. Це явище має регресивну направленість: до мотивуючої основи приєднується суфікс і викликає в ній зміни, які називають морфонологічними. На морфемному шві у СГ *казати* відбуваються наступні зміни: а) чергування (*каза-ти* – *кажба*); б) змінний наголос (*казати* – *кажба́*; *сказати* – *сказа-нути*) та інші.

СГ з вершиною *казати* у сучасній українській мові належить до гнізда-дерева. СГ неоднорідне за своїм складом, до нього входять: 84 дієслова (в тому числі 18 дієприк.), 55 іменників, 17 прикметників та 4 прислівники, тобто СГ дієслова *казати* нараховує 160 похідних (без базового) слів. Похідні гнізда розташовані на 5 словотворчих ступенях, тобто глибина гнізда – 5 дериваційних кроків. Мотивуюча база СГ *казати* в українській мові складається із 57 слів. Основні словотворчі процеси у гнізді відбуваються на I, II та III-му ступенях словотвору. З IV-го кроку деривації відбувається згасання словотворчої активності похідних. Статистична формула СГ дієслова *казати*: 161-5-23-102.

В утворенні похідних гнізда з вершиною *казати* взяли участь чотири способи словотвору: 1) постфіксальний (*казати-ся, вказатися*); 2) суфіксальний (*вказ-ов-ий, каз-ува-ти*); 3) префіксальний (*в-казати, до-казати*); 4) складання (*вище/сказаний*).

I. Суфіксація серед дериватів СГ із вершиною *казати* – це один із найбільш поширених способів утворення похідних.

А. Суфіксальні дієслова – 22 деривати, з них: 2 утворюються на I-му ступені словотвору, 18 – на II-му та 2 на III-му ступені. Із 22 суфіксальних дієслів словотворчу активність проявляє 11 дериватів.

У віддієслівному творенні в СГ *казати* беруть участь суфікси: -ува- (найбільш жививаний), -ива-, -ну- (одиночні випадки). Суфікс -ува-

у сучасній українській мові широко використовується при творенні дієслів недоконаного виду, мотивованих префіксальними дієсловами доконаного виду через приєднання префіксів, наприклад:

казати	↗	<i>у-казати</i>	→	<i>указ-ува-ти</i>	
	↘	<i>до-казати</i>	→	<i>доказ-ува-ти</i>	
		<i>під-казати</i>	→	<i>підказ-ува-ти</i>	

З усіх суфіксів, що виражають значення недоконаного виду суфікс *-ува-/-юва-* використовується найчастіше. Продуктивність його весь час зростає.

Дієслова із суфіксом *-ну-* неоднорідні за походженням. Основу кількох таких дієслів становлять утворення, мотивовані дієслівними основами. Продуктивну групу становлять дієслова, до змісту яких суфікс *-ну-* вносить відтінок одноразовості, раптовості: *сказа-ну-ти*. До дієслів даної групи тісно прилягають дієслова з афіксом *-ону-*, що є підсилювальним; варіантом суфікса *-ну-*: *сказ-ону-ти*. У словник літературної мови вони попадають з народних говорів. Афікс *-ону-*, що розвивається на основі суфікса *-ну-* із значенням одноразовості, до дієслівної семантики вносить відтінок різкості, несподіваності, раптової дії.

У СГ *казати* один дериват утворюється за допомогою суфікса *-ива-*: *сказ-ива-ти* – це діалектне утворення.

A.1. Суфіксальні дієприкметники – 15 дериватів, із них: 9 утворюються на II-му ступені словотвору, 4 – на III-му та 2 – на IV-му ступені. Лише 6 дієприкметників гнізда проявляють словотворчу активність. Деривати утворюються за допомогою суфіксів: *-н-*, *-юч-*.

Пасивні дієприкметники на *-н/ий/* становлять в українській мові найчисельнішу групу. Пасивні дієприкметники мотивуються дієсловами доконаного та недоконаного виду. Вихідними компонентами для утворення слів даної групи є дієслівні основи і суфікс *-н-*. За допомогою афікса *-н-* пасивні дієприкметники творяться від дієслів з суфіксом *-ува-*: *наказ-ува-ти* → *наказува-н-ий*, а також від спільнокореневої основи без нього: *заказати* → *заказ-н-ий*; *наказа-ти* → *наказа-н-ий* та інші.

Активні дієприкметники теперішнього часу творяться від дієслівної основи теперішнього часу за допомогою суфіксів *-уч-/-юч-*: *приказу-юч-ий*, *наказу-юч-ий*.

A.2. У СГ *казати* 8 похідних – дієслівні присудкові форми на *-но*, із них: 2 деривати утворюються на II-му ступені словотвору, 4 – на III-му та 2 – на IV-му ступені. Дані похідні словотворчої активності не проявляють, а в залежності від контексту можуть переходити (вис-

тупати в якості) прислівника, наприклад: *казан-о, виказан-о, доказан-о, наказан-о, переказан-о, сказан-о*.

Б. Суфіксальні іменники – 55 дериватів, із них: 5 утворюються на I-му ступені словотвору, 23 – на II-му, 20 – на III-му, 6 – на IV-му і 1 – на V-му ступені. Із 55 суфіксальних іменників 15 проявляють словотворчу активність. Похідні гнізда утворюються за допомогою 14 матеріально виражених суфіксів: -тель, -н-, -к-, -ець, -нн(я), -льниц-, -ник, -чик, -чиц-, -ач(-ч), -ість, -ищ(е), -чок, -б(а).

Іменники, мотивовані дієсловами, за словотвірним значенням "можуть бути поділені на дві узагальнені групи: "носії процесуальної ознаки" і "дія або стан", хоча між ними й немає чіткої межі" [11, с. 57].

В СГ з вершиною *казати* 9 іменників утворюються за допомогою нульової морфеми, хоча в українській мові безсуфіксний тип творення іменників малопродуктивний. Безафіксні іменники вживаються переважно у мові художніх творів. За допомогою нульової морфеми можуть утворюватися іменники й від таких основ, які мають у своєму складі префікси і суфікси, наприклад: *доказ, виказ, розказ, висказ, підказ, переказ, наказ*.

В. Суфіксальні прикметники – 13 похідних, із них: 1 утворюється на I-му ступені словотвору, 4 – на II-му, 7 – на III-му й 1 – на IV-му ступені. 7 дериватів проявляють словотворчу активність. Похідні прикметники СГ дієслова *казати* утворюються за допомогою 5-ти суфіксів: -ес-, -ов-, -альн-, -н-, -лив-.

Похідні якісні прикметники відіменникового творення на -ов- представлені у сучасній українській мові незначною кількістю похідних, наприклад: *приказати* → *приказ-к-а* → *приказк-ов-ий*.

У творенні значної групи відносних прикметників української мови бере участь афікс -н-: *переказ-н-ий, приказ-н-ий*. Із структурного погляду у складі віддієслівних прикметників виділяються утворення, які характеризуються суфіксом -альн-, наприклад: *відказальний, відказувальний*.

Присвійні прикметники в СГ *казати* утворюються за допомогою суфікса -ів: *прикажчик-ів*, а -ес – це афікс діалектного походження (специфічний, одиничного використання): *казател-ес-ий*.

Прикметники із суфіксом -ив-/-лив- пов'язані в сучасній українській мові з дієслівними мотивуючими основами, відповідно до процесуального значення яких формується і семантичний план прикметників. Відтінок потенційної здатності до інтенсивного вияву ознаки відповідно до семантики твірних основ властивий дериватам на -лив-: *наказ-лив-ий*.

Г. Суфіксальні прислівники – 4 деривати, із них: 1 утворюється на III-му ступені словотвору, 2 – на IV-му та 1 – на V-му ступені. Усі прислівники – це похідні, але не твірні деривати гнізда, що виступають заключними ланками у СЛ. Найчастіше прислівники творяться за допомогою суфікса -о, наприклад: *наказов-о, доказов-о*.

II. Префіксація у СГ *казати* – це один із активних способів поповнення гнізда новими лексичними одиницями. Префікси відіграють помітну роль у сучасному українському словотворі. Внаслідок приєднання префікса лексичне значення мотивуючого слова може істотно видозмінитися, а от на межі префіксальної морфемі і мотивуючого слова не спостерігається помітних фонетичних змін. Префіксація є активним способом внутрішнього дієслівного словотвору, менш поширена вона в інших частинах мови – іменниках, прикметниках, прислівниках.

A. Префіксальні дієслова – 21 дериват, із них: 14 утворюються на I-му ступені словотвору, 4 – на II-му, 3 – на III-му ступені. 16 префіксальних дієслів проявляють словотворчу активність. В утворенні дериватів гнізда взяли участь 16 префіксів: в-, у-, ви-, від-, до-, на-, за-, по-, пере-, під-, при-, про-, роз-/рос-, с-, і-. У 7 дериватів гнізда спостерігаємо явище поліпрефіксації – це похідні II-го та III-го ступенів словотвору. "Другими" є афікси: ви-, і-, по-, не-, з їх допомогою утворюються дієслова: *не-доказати, по-переказувати, по-наказувати, по-приказувати, по-розказувати, ви-казати, і-казати*.

Префіксальні дієслова у гнізді розвивають 14 словотворчих значень: 1) 'доповнення до чогось, що було названо мотивуючим словом', – 1 дериват: *при-казати* (звідси приказка); 2) 'довести дію, названу мотивуючим словом, до певного результату, кінця, межі', тобто значення результативне, що є наслідком часового: 'витративши певний час і доклавши зусиль, досягти чого-небудь' – 3 деривати: *в-казати, у-казати, до-казати* (префікс до- вказує на часову межу); 3) 'досягти мети, названої мотивуючим словом', – 2 деривати: *виказати, висказати*. Крім того, префікс ви- вживається тоді, коли вказується на звільнення від чогось, що ускладнюється значенням інтенсивності здійснюваного процесу. На основі просторового значення (викинути, витекти) у префікса ви-, поєднуваного з дієсловами мовлення, розвинулось переносне значення 'видати таємницю' – *ви-казати*; 4) 'виконуючи дію, названу мотивуючим словом, заставити відмовитись від чого-небудь' – 1 дієслово: *від-казати* ('не дати згоди'); 5) 'виконати дію, названу мотивуючим словом, повторно, заново, додатково' – 2 дієслова: *пере-казати, при-казати*. Афікс пере- має й часове значення 'повністю виконувати дію, названу мотивуючим словом' – *пере-*

казати; б) 'таємно, скирто виконувати дію, названу мотивуючим словом, певний час або з невеликою інтенсивністю' – 2 деривати: *під-казати*, *на-казати*. Префікс на- у дієсловах, що означають звукові процеси, вносить значення надмірності дії: 'інтенсивно виконувати дію, названу мотивуючим словом' – *наказати* ('висловити багато чого-небудь; наговорити') [12, с. 99]; 7) 'недовго виконувати дію, названу мотивуючим дієсловом', – 1 дериват: *по-казати*; 8) 'почати дію, названу мотивуючим словом', – 1 дериват: *за-казати*; 9) 'заборонити виконання дії, названої мотивуючим словом', – 1 дериват: *за-казати* (Я Олені заказала виходити з хати; тобто заборонила); 10) 'супроводжувати дію, названу мотивуючим словом', – 2 дієслова: *при-казати*, *під-казати*. В даному випадку префікс під- та при- синонімічні. 11) 'завершити дію, названу мотивуючим словом', – 1 дериват: *про-казати*. У дієсловах, що передають звучання або мовлення, префікс про- вносить значення завершеності, фінитивності; 12) 'поширити якусь інформацію – правду чи неправду' – 1 дієслово: *розказати* (*росказати*) (у даному дієслові це значення нейтралізувалося, перетворившись на фінитивне); 13) 'виконувати дію, названу мотивуючим словом', – 2 деривати: *с-казати*, *і-казати*; 14) 'час від часу повторювати дію, названу мотивуючим словом', – 3 деривати: *по-розказувати*, *по-приказувати*, *по-переказувати*.

У СГ *казати* 3 деривати об'єднують у своєму значенні кілька СЗ: 1) *за-казати* – СЗ₈, СЗ₉; 2) *при-казати* – СЗ₁, СЗ₅, СЗ₁₀ і 3) *під-казати* – СЗ₆, СЗ₁₀.

Дієслівні префікси, крім афікса ви-, не наголошуються, наприклад: *ви-казати*, *ви-сказати*. Найпоширенішим в українській мові є наголос на корені: *казати* – *відказати*, *переказати*, *сказати* та інші.

Повертаючись до питання поліпрефіксації серед дієслівних дериватів, можемо зазначити, що "зношуваність" префіксів, спрощення основ і є причиною появи подвійної префіксації [13, с.213]. Подвійна префіксація є також засобом підсилення нечіткого вираження одиничними префіксами. Приєднання другого префікса до історично префіксальних дієслів не спричиняє появи в них ніяких додаткових значенських відтінків порівняно з історично безпрефіксними дієсловами. Отже, в кожному випадку префіксальне дієслово мотивується безпрефіксним або ж таким префіксальним, в якому префікс з погляду системи української мови на виділяється. Тому навряд чи має будь-яке значення (теоретичне й практичне) комбінаторика так званих подвійних чи потрійних префіксів, у якій за другий, третій і т.д. префікс приймається звукокомплекс кореневої частини [14, с.77]. Справді, подвійна префіксація починається там, де дієслово з двома префіксами мотивується префіксальними дієсловами або словами, що належать

до інших частин мови. Якщо дієслово з двома префіксами мотивується префіксальним дієсловом, то воно може виявитися синонімом однопрефіксного дієслова, мотивованого безпрефіксним [15, с. 267-268].

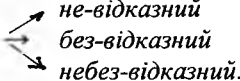
Завжди мотивуються префіксальними дієсловами ті дво-префіксні, в яких афікс підкреслює значення інтенсивності виконання дії (префікс на-) і дистрибутивності (префікс по-). Це значення афікси на- і по- мають і в однопрефіксних дієсловах. Проте в них воно виступає як одне із багатьох інших. Виступаючи ж перед іншими префіксами, морфемами на- і по- набувають однозначності й можуть фіксуватися як формальні показники лексико-граматичних розрядів – родів дії.

Афікс по- в дієсловах, мотивованих префіксальними дериватами, виступає показником лексико-граматичного розряду дистрибутивної дії. Дані дієслова можуть мотивуватися словами тієї ж частини мови з будь-якими іншими префіксами і позначати дію, що поширюється на декілька об'єктів, наприклад: *по-розказувати, по-переказувати, по-приказувати, по-наказувати, по-розказувати*.

А.1 Префіксальні дієприкметники – 2 деривати, що утворюються на III-му ступені словотвору і виступають мотивуючими похідних IV-го ступеня. В утворенні дієприкметників взяв участь префікс не-: *не-казаний, не-доказаний*.

Б. Префіксальні прикметники – 4 похідних, з них: 3 деривати утворюються на III-му ступені словотвору і один – на IV-му. В утворенні прикметників узяли участь 3 префікси: без-, не-, небез-.

Одним із найдавніших прикметникових префіксів співвідносних з прийменником, є без-. Він живиться для заперечення ознаки, названої твірним словом: *відказний* → *без-відказний*. Афікс не- просто заперечує наявність ознаки, названої мотивуючим прикметником: *доказовий* → *не-доказовий*. В окремих випадках значення префікса без- і не- дуже зближуються, стаючи синонімічними. В одному ряду з префіксами без- і не- розглядаємо афікс небез-: *небез-відказний*. Він передає певний помірний ступінь вияву ознаки, названої мотивуючим словом. Отже, у СГ *казати* так утворюються прикметники з афіксами не-, без-, небез- від базового слова:

казати → *від-казати* → *відказ-н-ий*

III. Постфіксація. У СГ дієслова *казати* 15 дієслів утворюються постфіксальним способом, із них: 1 дериват на I-му ступені словотвору, 3 – на II-му, 10 – на III-му та 1 – на IV-му ступені; словотворчої активності дані деривати не проявляють. Постфікс -ся бере активну участь у творенні дієслів, наприклад: *казати-ся, виказати-ся, доказа-*

ти-ся, казувати-ся та інші. У літературній мові постфікс *-ся* завжди виступає у крайній позиції. У текстах, в які вкраплюється західноукраїнська мовна практика, можливі випадки вживання афікса *-ся* та його варіанта *-сі*, наприклад: *казувати-ся, казувати-сі*.

IV. Складання. У СГ *казати* лише один дериват утворюється способом складання – вище/сказаний – похідне III-го ступеня словотвору, кінцевий елемент у СЛ.

Таким чином, аналіз представленого фактичного матеріалу дозволяє зробити висновки: дієслово *казати* входить у ЛСГ дієслів мовлення і у сучасній українській мові належить до гнізда-дерева. Базове слово розвиває до 3-х значень (прямих і переносних), на базі яких і формується семантика похідних гнізда. В СГ *казати* знайшло відображення явище чергування приголосних. СГ з вершиною *казати* нараховує 160 похідних. В утворенні дериватів гнізда взяли участь чотири способи словотвору. Мотивуюча база гнізда – 57 слів, глибина гнізда – 5 дериваційних кроків, ширина – 23 деривати. Статистична формула СГ *казати*: 161-5-23-102.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Голянич М.И.* Особенности семантических гнезд со значением говорения // Актуальные проблемы русского словообразования. - Ташкент: Укитувчи, 1982. - С.117. /
2. *Тарасенко Г.А.* Регулятивный аспект социального функционирования языка: Автореф. дис... канд. филол. наук. - Одесса, 1975. - 16 с.
3. *Андрейчин Л.* Грамматика болгарского языка (перевод с болг.). - М., 1949, - С.51.
4. *Перебийніс В.С.* Науково-технічний прогрес і мова. - Мовознавство, №3, 1977. - С.4.
5. *Тихонов А.Н.* Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. - Самарканд: изд-во Самаркандского ун-та, 1971. - 385 с.
6. *Словотвір сучасної української літературної мови* / за ред. М.А.Жовтобрюха - К.: Наукова думка, 1979. – 406 с.
7. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. - М.: Русский язык, 1993. -Т. 1. – 621 с.
8. *Етимологічний словник української мови: в 7-ми томах.* - К., 1989. -Т.2. - 523с. Скорочено - **ЕСУМ**.

9. *Словарь української мови / упорядкував Б.Грінченко.* - К., 1958. - Т. 2. – 573 с. Скорочено - СУМ.
10. *Словник української мови: в 11-ти томах.* - К.: Наукова думка, 1973. -Т. 4. – 639 с. Скорочено - СУМ.
11. *Словотвір сучасної української літературної мови // Л.О.Родніна. Суфіксальний словотвір іменників.* - К.: Наукова думка, 1979. - С.57-117.
12. *Словник української мови: в 11-ти томах.* -К.: Наукова думка, 1971. -Т. 2. - 550с.
13. *Реформатский А.А.* Введение в языкознание. - М.: Учпедгиз, 1960. –432 с.
14. *Ройзензон Л.И.* Многоприставочные глаголы в русском и других славянских языках. Самарканд: изд-во Самаркандского ун-та, 1974. – 244с.
15. *Словотвір сучасної української літературної мови // В.М.Русанівський. Подвійна і потрійна дієслівна префіксація.* - К.: Наукова думка, 1979. - С.267-269.

ОПРОЩЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ КАЛЕК В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

СТАТЬЯ 2

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАЛЬКИ

В первой статье рассмотрено явление опрощения словообразовательных калек.

При семантическом калькировании иноязычным является только лексическое значение чужой модели, однако структура и внешний облик слова остаются исконными; в этом случае происходит только процесс расширения семантики уже имеющегося в русском языке слова.

К семантическим калькам можно отнести слова: *глагол* (грамматический термин), *утка* "ложное сообщение", *род* (грамматический термин), *вкус* "чувство изящного", *среда* (окружающая, социальная), *правый* "консервативный", *левый* "революционный", "радикальный", *звездика*, *влияние*, *трогательный*, *плоский*, *пошлый*, *живой* "подвижный", "энергичный" и др.

Благодаря семантическому калькированию русский язык обогатился терминами типа *кислота*, *надеж*, *род*, *глагол*, *явление*, *опыт* и др.

Семантические кальки типа *влияние*, *надеж*, *вкус*, *трогательный* и др. в отличие от словообразовательных калек *общество*, *насекомое*, *бездна* и др. возникли на базе исконных русских слов вследствие появления в них (под влиянием иноязычного слова) переносного или дополнительного значения.

В смысловых кальках, как и в словообразовательных, в ряде случаев наблюдается изменение первоначального морфемного строения. Несомненно, первоначальным, неизменным остается морфемное строение семантических калек типа *черта*, *род*, *звездь* (программы), *левый*, *правый* и подобн., так как новое значение получили слова с производной, нечленимой основой. Но в ряде случаев остается неизменной первоначальная морфемная структура слов с членимой основой: *человечный* (чело-веч-н-ый), *трогательный* (трог-а-тельн-ый), *утонченный* (у-тонч-енн-ый) и др.

Смысловым калькам, сохраняющим этимологическую морфемную структуру, можно противопоставить слова-слепки типа *надеж*, пережившие явление опрощения, и кальки типа *развитие*, пережившие явление переразложения.

Имя существительное *утка* "ложное сообщение" возникло в русском литературном языке как семантическая калька фр. *canard* "утка" (ср. выражение *donnerdes canards* "пустить утку") - на базе собственно русского слова *утка* "птица". В древнерусских памятниках встречается параллельная общеславянская форма *утица*.

Слово *утка* "птица" было образовано в русском языке посредством суффикса *-ька* (совр. *-ка*) от *уть* "утка", имеющего соответствия в некоторых индоевропейских языках. В современном русском языке слово *утка* "птица", несмотря на исчезновение производящего слова, сохраняет членимость основы (ут-к-а). Ср. с *утиный* (ут-ин-ый), *уята* (ут-ят-а), *утенок* (ут-енок). Древний корень *уть-* стал связанным и выступает только в сочетании с суффиксами *-ин-*, *-енок-*, *-ят-*.

Семантическая калька *утка* пережила явление интеграции морфем (опрошение), в результате чего имеет непроемкую (нечленимую) основу: утк-а.

К.Флекенштейн считает, что русское слово *утка* "птица" и семантическая калька *утка* "ложное сообщение" "с самого начала стали функционировать в русском языке как омонимы"¹. Однако с этим трудно согласиться.

Семантические кальки могут оформляться как омонимы, но только в результате распада полисемичного слова. Процесс образования омонимов при семантическом калькировании ничем не отличается от аналогичного процесса в словах иных словообразовательных групп (например, в словах типа *завод*).

Возникновение омонимов на базе многозначного слова, быстрота этого языкового процесса зависит от ряда причин. Важным фактором при оформлении таких омонимов является резкое смысловое различие, а также сфера и частота употребления слов с прямыми и дополнительными или переносными значениями. Однако омонимия не может возникнуть, как утверждает К.Флекенштейн, "с самого начала", с момента появления семантической кальки, так как это противоречит самой природе смыслового слепка, созданного на базе слова, которое функционирует в языке. Следует отметить, что период жизни семантической кальки в гнезде многозначного слова может быть сравнительно непродолжительным. Это относится, несомненно, к семантической кальке *утка*. Таким образом, быстрый распад многозначного русского слова, оформление в языке слов-омонимов с ярко выраженной семантической структурой, смысловой и словообразова-

¹ См.: К.Флекенштейн. О некоторых теоретических проблемах калькирования // Этимологические исследования по русскому языку. Вып.5. МГУ, 1966. С.155.

тельный "отход" нового слова-кальки и определили изменение его морфемного состава - слияние суффикса с корнем (ут-к-а > утк-а).

В трудах ученых Казанской лингвистической школы, в работах по общему и русскому языкознанию² отмечается явление опрошения в существительном *вкус*. Однако это существительное в своем прямом значении "свойство пищи, возникающее при еде" и в функции семантической кальки "чувство изящного" процесса опрошения не пережило.

Слово *вкус* заимствовано из старославянского языка. Слияние приставки *в-* с корнем *-кус-* произошло не в отглагольном существительном, как утверждают ученые Казанской школы и авторы ряда пособий, а в производящей глагольной основе в результате перерасположения (*в-кус-и-ти* > *вкус-и-ти*). Следовательно, калька *вкус* (с французского *goût*), появившаяся в конце 18 века, в отличие от калек типа *утка*, была образована на базе слова с нечленимой основой.

Аналогичное слияние префикса с корнем в базовой глагольной основе прослеживается при анализе деривационных и семантико-структурных особенностей *некалькированного* слова *ужас*.

Общеславянское слово *ужас* было образовано безаффиксным способом от глагола *ужасати* "устрашать", производного с префиксом *у-* со значением усиления от *жасати* "устрашать". Слияние префикса *у-* с корневой морфемной произошло в производящей глагольной основе *ужасати*.

От ряда семантических калек были созданы родственные однокоренные слова *вкус* - *безвкусица*; *левый* - *левизна*; *влияние* - *влиять* - *влиятельный*; *падеж* - *падежный* и др.

Анализ семантических калек в русском языке позволяет сделать такие выводы:

1. Семантические кальки, как и словообразовательные, в ряде случаев переживают изменение морфемного строения (падеж, утка и др.).

2. Семантическая калька *вкус* процесса опрошения не пережила. Слияние приставки с корнем произошло в базовой глагольной основе (*въкусити*).

3. Оформлению семантической кальки в самостоятельную лексему-омоним **обязательно** предшествует жизнь такого смыслового слепка в составе возникшего полисемичного слова. Образование омонимов обусловлено распадом оформившегося в языке многозначного слова.

² См., например: В.А.Богородицкий. Общий курс русской грамматики, изд. 5. М., 1935. С.99; Ф.А.Будагов. Введение в науку о языке. М., 1965. С. 235-236.

4. Явление опрощения, как и переразложения, наблюдается в семантических кальках меньше, чем в словообразовательных калькированных словах.

5. Изучение типов исторических изменений морфемного строения семантических и словообразовательных калек имеет теоретическое и практическое значение.

А.П.Загнітко

ОСОБЛИВОСТІ СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ СИНТАКСИЧНОЇ ПОЕТИКИ

У сучасній лінгвістичній та літературознавчій науці не викликає ніякого сумніву своєрідність синтаксичного рівня художнього твору, на якому реалізуються універсальні загальнонаціональні особливості мовлення та власне-авторські (індивідуальні) риси мовленнєво-естетичного освоєння навколишньої дійсності. Підтвердженням цього виступає постійне розширення аналізу синтаксичної структури твору у підручниках та навчальних посібниках з літературознавства (див.: Ткаченко А. Мистецтво слова (Вступ до літературознавства): підручник для гуманітаріїв. – К.: Правда Ярославичів, 1997. – 448 с.; розділ третій “Поетика літературного твору”. – С.240-299). Таким чином визнається належність синтаксичної організації художнього твору до його поетики, оскільки поза ним не можуть бути зреалізовані будь-які авторські інновації та запізнавані інтенції. В синтаксисі чи не найбільш повно окреслюється власне-авторська стилістика, простежується основний/неосновний шлях осмислення пізнаного, встановлюються закономірності насичення речення інформацією та прагнення передати складний/надскладний світ авторського бачення.

У поезії слово перебуває у найбільш напруженій формі, в силу цього саме тут апробуються новаторські підходи до реченнєвої організації – від ускладнення, надускладнення до членування єдиного смислового тла на цілий ряд окремих стилістично навантажених величин. Мабуть, синтаксичний рівень художнього твору найбільшою мірою об'єднує в собі лінгвістичні та літературознавчі напрями аналізу. Свого часу Р.О.Якобсон наголошував: “Лінгвіст, глухий до поетичної функції, точно так само, як спеціаліст з літератури, байдужий до проблем і методів мовознавства, в наш час являє собою кричущий анахронізм”. Тому розгляд синтаксичного рівня твору очевидно належить до **загальнофілологічної проблематики**, хоча в ній, поза всяким сумнівом, чітко виділяється суто лінгвістичний аспект. Останній полягає у встановленні закономірностей сполучуваності лексем, організації речень, витворення внутрішньотекстових одиниць – періодів, складних синтаксичних цілих, простеження довжини речення, окреслення частотності надкоротких, коротких, довгих і наддовгих речень,

з'ясування їх текстотвірного потенціалу, визначення напрямів переходу від наддовгих до надкоротких речень, що зумовлює витворення особливих ритміко-інтонаційних перепадів (здебільшого покваліфікованих як пуанти), виявлення шляхів ускладнення реченнєвої структури додатковими носіями об'єктивної інформації (вставлені конструкції та наддовгі речення та надускладнені вставлені структури, що поєднують у собі і власне-встановлення з вставністю – чітким вираженням авторської сентенції, підтвердженням цього є стилістика роману О.Забужко “Польові дослідження українського сексу”, проза молодих прозаїків В.Шевчука, Ю.Винничука, Є.Пашковського та ін.). Водночас синтаксичний рівень організації художнього тексту репрезентує цілий спектр синтаксичних фігур, з-поміж яких окремі дослідники вважають ядерним паралелізм, що був кваліфікований Р.О.Якобсоном як б і н о м у силу того, що у його структурі один “коефіцієнт стає відомим завдяки іншому” (А.Ткаченко). Це дозволяє Р.О.Якобсонові вважати біномність загальним законом поетичного тексту і тому М.Ласло-Кацюк називає це явище наскрізним (тотальним) паралелізмом:

*Муза ударила в груди мене
гострим, холодним ножем.
Юність осяяна блиском жене,
кожним осліплена днем.*

(Б.-І.Антонич).

Торкаючись сучасного функціонального навантаження паралелізму у структурі поетичного тексту, слід констатувати, що його внутрішньотекстове навантаження суттєво не видозмінилося, оскільки він побудований за класичною формулою-моделлю висловлення: відоме – невідоме, знане – незнане. Перший компонент, почерпнутий з навколишньої дійсності, здебільшого знаний і відомий. Здійснення ж паралелі з ним актуалізує внутрішньопаралелістичну інформацію, тому що це, як правило, новітнє асоціативне відтворення. На цьому наголошують й автори “Словника епітетів української мови” (див.: Бибка С.П., Єрмоленко С.Я., Пустовіт Л.О. Словник епітетів української мови. - К.: Довіра, 1998. - 431 с.), аналізуючи стилістично-якісну та емоційно-образну функцію епітета в контексті української народної пісні. При цьому паралелізм може набувати чітких ознак протиставлення, що, очевидно, притаманне і класичним моделям паралелізму, де, з одного боку, наявне наближення паралелістичних структур, а, з другого боку, цей паралелізм актуалізується через зіставлення непорівнюваних образів, оскільки їх функціонально-семантичне навантаження різне:

*Ударив дощ, заколихав
полудня спокій величавий.
З квітучого горошку галяв
Стовпи метеликів підняв.
Де ж ти? Твоєї пісні звук,
минувши потопила злива.
Дивлюсь: з затуманілих лук
Біжиш задихана, щаслива.*

(В.Свідзинський)

Розглядаючи синтаксичний рівень організації художнього тексту, слід констатувати наявність особливих закономірностей його структуралізації в межах художнього прозування та віршованої мови.

Для поетичної мови особливе навантаження відіграє ритміка, що дає підстави стверджувати наявність смислової функції ритму в тексті. Підхід до ритму з позиції вираженого чи реалізованого смислу набув значного поширення в літературі з проблем поетики (М.Л.Гаспаров, П.Ф.Фортунатов, А.Белій). У таких студіях ритмізована форма визнається змістовою, оскільки зміст виражається відповідною формою ритмічної кривої (за А.Белим). Якщо поетичне мовлення (услід за О.О.Потебнею) тлумачити як художнє мовлення, а художній текст – як текст поетичний, в такому разі щодо будь-якого художнього тексту постає справедливим зауваження Ю.М.Лотмана про те, що виступаючи основою спротиву усіх мовних елементів поетичного тексту, ритмічна структура перетворює значення використовуваних у тексті мовних засобів, зумовлюючи з'яву певного внутрішнього поетичного смислу.

Сучасний поетичний синтаксис характеризується розмаїттям, у якому вирізняється розвиток класичних течій, продовження новаторських пошуків і постання новітніх тенденцій. Загалом постає очевидним розвиток інтуїтивно-споглядальної, прагматично-модальної і когнітивно-інтерпретативної течій в українському поетичному синтаксисі, хоча ця картина буде зовсім неповною без урахування деструктивістсько-репрезентативно-епатажного напрямку, в якому, за влучним висловом Владислава Сікалова (див.: Сікалов В. Українська молода поезія: втрата релігійної основи (Нотатки до ювілею “смерті мистецтва” за В.Вейдле) // *Arflinie*. – 1998. – №1. – С.68-69), домінує постійний пошук і “...одинокі підмет і присудок розцінюються як стилістичне убозтво”. При цьому можуть домінувати або абсолютний пошук форми з різноманітних розчеплень слів, або абсолютизм самої форми, в якому слід шукати те чи те інше семантичне навантаження (пор. поезії у вигляді дерева, куша, зірки тощо):

<i>н</i>	<i>н</i>
<i>е</i>	<i>е</i>
<i>дороги</i>	
<i>з</i>	<i>з</i>
<i>б</i>	<i>б</i>
<i>вгору</i>	
<i>а</i>	<i>а</i>
<i>г</i>	<i>г</i>
<i>вгору</i>	
<i>н</i>	<i>н</i>
<i>е</i>	<i>е</i>
<i>вгору</i>	
<i>н</i>	<i>н</i>
<i>н</i>	<i>н</i>
<i>вгору</i>	
<i>і</i>	<i>і</i>
<i>с</i>	<i>с</i>
<i>вгору</i>	
<i>т</i>	<i>т</i>
<i>ь _____ ь</i>	

<i>н</i>	<i>н</i>
<i>е</i>	<i>е</i>
<i>дороги</i>	
<i>с</i>	<i>с</i>
<i>к</i>	<i>к</i>
<i>вгору</i>	
<i>і</i>	<i>і</i>
<i>н</i>	<i>н</i>
<i>вгору</i>	
<i>ч</i>	<i>ч</i>
<i>е</i>	<i>е</i>
<i>вгору</i>	
<i>н</i>	<i>н</i>
<i>н</i>	<i>н</i>
<i>вгору</i>	
<i>і</i>	<i>і</i>
<i>с</i>	<i>с</i>
<i>вгору</i>	
<i>т</i>	<i>т</i>
<i>ь _____ ь</i>	

І за принципом побудови й архітектоніки готичної церкви буде Василь Габор усю поезію, в якій повторюються слова “незбагненність”, “нескінченність” у вертикальному плані, спочатку структуруючись зверху до низу, а потім навпаки, в горизонтальному ж порядку виконують роль цеглинок лексеми “дороги”, “вгору”, найчастотнішою постає вгору, що використовується 31 раз, а “дороги” вживається тільки на початку (на самому верху) або в кінці (у фундаменті) умовно структурованої готичної колони – шість, всього і наявних у поезії шість колон (Габор В. Драбина до небес // Сучасність. – 1998. – №6. – С.9-12).

Такі пошуки суттєво впливають на смислову ємність строфи і самої поезії загалом. “Шукаючи нові, нетрадиційні форми вираження, митці розбирають і наново збирають мовну систему, забуваючи про те, що мова – не конструктор, а жива істота, й розчленувати її на клітини – значить розшматувати, вбити” (Сікалов В. Зазнач. вище праця). Можливо при цьому переслідується мета зробити зрозуміле не зрозумілим, адже, за виразом Ежена Йонеско, “люди бояться того, чого не розуміють”. Інколи не тільки бояться, але й пошановують, оскільки при цьому, як правило, спрацьовує стереотипна фраза, побудована з повним порушенням усталених синтаксичних прийомів, свідчить про важку роботу мозку (спрацьовує суто життєве: чомусь я не розумію, мабуть, щось тут глибинне):

*тепла не буде
буде зима
ніколи не
ма ніколи
бо за зи
завжди ма є
так отож
на
заргон
чар
я ни ні
слово ка
зав жди
лучу
сад
лучу*

(Кир'ян Н. Текст // Сучасність. – 1998.
– №6. – С.32-33)

У цьому разі читач повинен бути синтаксично підготовленим, оскільки йому слід не тільки скласти слова, але й сконструювати з них цілісні речення та відповідно до формально-граматичної будови останніх та їх інтонування розставити розділові знаки. Таким чином поезія виконує вже і суто функцію коду, який тільки за умови наявності спеціалізованої лінгвістичної підготовки можна декодувати і здобути відповідний глибинний смисл.

Наше окреслення цієї течії як деструктивістсько-репрезентативно-єпатажної ґрунтується на тому, що в основі її вияву перебуває в першу чергу деструктування форми (чим оригінальніша – тим краща – від простої геометричної фігури до відтворення різноманітних архітектурних вибудов: готична церква, мусульманська мечеть тощо), що поєднується з послідовним механістичним заповненням таких

фігур – від слів або словосполучень до простих літер або їх комплексів, що їх необхідно трансформувати у слова і вже останні – у речення. Саме через такі витвори відбувається репрезентація власного особистісного почерку з постійним окресленням “Я” та його поверхневою актуалізацією, яка перебуває на поверхні і гіпертрофуванням “ЕГО” (при цьому може зберегтися класична форма строфи):

*Я чорним буду триста літ.
Я відтінятиму цей світ,
який чомусь назвали білим.
Я вчусь літати. Ще невмілим
назвати можна цей політ.*

(Кичинський А. Ворон // Сучасність. – 1998. – №1. – С.5-6).

У цій поезії Анатолія Кичинського 14 разів використано займенник “Я”, очевидно, покликаний передбачати суб’єктивізацію мовлення, але виходить нагнітання незрозумілої першості особи. І хоча зовні поезія побудована у класичному дусі, вона сповнена епатажності і гіпертрофованості “Я”, що нівелює усю образну канву, пор.:

*Я каркаю, і звуки срібні “кар-р-р” –
голублять слух мій. Слово “кар-р-р” –
всесильне. Інші не потрібні.
Я не поет. Я санітар.*

*Я хоч малий ще, але ж ворон.
І пір’я в мене – вороні!
Я ворон, отже, маю гонор.
Не раджу клюнути мене...*

Природно, що абсолютна більшість поезій деконструктивістсько-репрезентативно-епатажного напрямку створена без вживання будь-яких розділових знаків, фіксації початку або кінця речення. Цим, очевидно, знову ж таки переслідується мета – читач сам повинен зрозуміти, що ті чи ті розділові знаки тільки заважатимуть зрозуміти “глибинний” зміст твору:

*вікно щоправда
висадили
в оксамитову революцію
але нині ми прокинулись
з розпеченим цвяхом у мозку
ваше слово пане-товаришу
і тому що ви не револьвер*

*а тромпет
труба
вам і схожим
а п'єц не гріє
хочу у вирій
де ви розчинить двері
палає небо*

(Кир'ян Н. Текст // Сучасність. – 1998. – №6. – С.33).

Не заперечуючи своєрідності української “зорової поезії”, що у творчій манері М.Семенка набула “поезюмалярства” (див. поетичні збірки “Кабле-поема за океан” (1920-1921); “Моя мозаїка” (1922), в яких використовуються і математичні символи та різноманітні друкарські шрифти), та її своєрідних виявів у сучасній поетичній стихії з домінуванням традицій писанкарства у К.Шишка, шахових знаків – у М.Мойсієнка, криптографії – у Волхва Слово-вежа, слід зазначити, що у цій царині новаторські елементи інколи покликані просто привернути увагу читача і внаслідок цього формально вирізнитися. Синтаксична ж поетика в такому разі постає публіцистично-епатажною, при цьому з-поміж фігур слова домінують різноманітні повтори (накопичення), безсполучниковість (уникнення), інверсія (переміщення), іронія (пересмислення), а з-поміж фігур думки переважає репрезентація змісту предмета, його визначення, уточнення.

Особливістю інтуїтивно-споглядальної синтаксичної поетики є констатація баченого і прагнення його відтворити у правильності форм і ліній. Звідси здебільшого дотримання ustalених норм літературного письма з відповідним порядком членів речення в структурі останнього, домінування конкретних лексем у синтаксичній позиції підмета тощо:

*Я хотів би сказати тобі слово,
Що нікому іще не сказав.
Але доц нам урвав розмову –
І поглинув тебе вокзал.
Я чекаю тебе так довго –
Скільки ж можна отак чекать?*

(Орленко О. “Я хотів би сказати тобі слово...”
// Літературна Україна. 1998. – 20 серпня).

Оповідно-розповідна манера зумовлює відповідну панораму синтаксичної поетики, в якій переважає чітко виражене ставлення до предмета (здебільшого від власної особи).

У поезіях цього напрямку домінують метафори-відкриття, специфіка яких полягає у констатації побаченого (пор. відкриття Ньюто-

ном закону земного тяжіння: він існував і до нього, але його геніальність полягає в тому, що він сформулював концептуальну суть закону земного тяжіння). Щоправда, такі метафори не завжди свіжі, оскільки повторюють уже відоме. У центрі їх побудов перебуває *вітер* (*душу вивертає, наснажує серце* (П.Вольвач), *проникає у єство, підказує думку* (В.Руденко)), *сніг, дощ* тощо як елементи повітря – однієї з чотирьох визначальних стихій.

Парагматично-модальний синтаксис сучасної української поезії змодельований таким чином, що в центрі вербальної структури перебуває власне-авторське “Я”. Здебільшого в таких поезіях через власне “Я” не так відтворюється почуттєвий світ ліричного героя, як моделюється з єдиним завданням – підпорядкувати не тільки увагу читача, але й спрогнозувати його реактивний вимір. У силу цього поети прагматично-модального напрямку полюбляють ті чи ті анафоричні елементи, що виступають ядерними і несуть на собі основний смисловий заряд:

*він посланець
врожайних днів
на ластівки
на нори
на тіні у садку
прийшла печать
до нього*

(Воробйов М. Він – посланець //
Сучасність. – 1998. – №4. – С.5-9).

Кожна строфа цієї поезії (а їх аж 52) розпочинається анафоричним елементом “*він посланець*”, що постійно розширюється, його діапазон модифікується. Це зумовлює витворення єдиного смислового тла і компонент “*посланець*” постає ядерно-композиційним, його повтор призводить до постійної актуалізації і набуття ним ритміко-кульмінаційної значущості. Водночас він набуває в межах поетичної строфи синсематичності, тобто перспективою вказувати на елементи дійсності тільки за умови сумісної реалізації з семантично ключовим словом (пор.: Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / Отв. ред. А.А.Уфимцева. – М.: Наука, 1981). Мотивація анафоричної конструкції “*він посланець*” здійснюється за рахунок активного використання причинових детермінантів, пор.:

*він посланець
пам'ятає про мур
і заборону
на подарунки
бо митець –*

*тільки гість
навчається у сні
замкнувши лінію*

Подібне зустрічається в Ю.Бедрика, Н.Білоцерківець та інших, що зумовлено модально-прагматичними завданнями. При цьому модальний компонент забарвлений суб'єктивністю з чітким спрямуванням у сферу ситуативно-прагматичних завдань, з-поміж яких основним постає опис тих чи інших почуттєвих сфер у драматично-напруженій формі з метою чіткого спрямування почуттєвого світу читача, подекуди навіть у хибну сферу.

Досить привабливим постає у сучасній українській поезії когнітивно-інтерпретативний сита́ксіс, основними ознаками якого є домінування синтаксико-стилістичних засобів напруженого діалогу з читачем (частим виступає використання замовчування або ампліфікації), різноманітні внутрішньореченнєві та міжреченнєві переміщення (інверсія, конверсія, транспозиція синтаксичних структур тощо). Поезія може витворювати цілісну метафоричну структуру з домінувальним компонентом гіпотези:

*всюди люди люди
і Христос
а не прийде ніхто
і не звільнить
і я знову падаю
на землю
яблукові
до ніг*

(Мельничук Т. "...всюди люди..." // Літературна Україна. – 1998. – 27 серпня).

Поезії, в яких домінує когнітивно-інтерпретативний сита́ксіс, сповнені образності, у них аперцепція почуттєвого світу ліричного героя передана через почуттєво-когнітивні або когнітивно-асоціативні реалії, що можуть бути сприйнятими тільки за умови активного входження в національно-когнітивний простір з усвідомленням співвідношення наївно-міфологічної та науково-організованої (науково-структурованої) картин світу, значущості в кожній з них тих чи тих концептуальних прецедентних феноменів та їх корелятивність/некорелятивність з фрейм-структурами, пор. статус в українській мовній ментальності лексем-образів *хата, дівчина, калина, земля* тощо.

З-поміж суто синтаксичних прийомів актуалізації внутрішньореченнєвих відношень, поза всяким сумнівом, вирізняються парцеляція, нагнітання коротких речень з метою подати серію миттєвих вражень,

кожне з яких може уміщуватися в окремому реченні, нерідко одно-складному, не пов'язаному з попереднім, або еліпсованому. Такі речення не автономні, уява про ту чи ту реалію постає з цілого складного синтаксичного цілого:

*Звичайна собі дорога в жовтому літі.
Так. Зелена дорога. Синій Дніпро.
Білі хустики на полі. Засмагли лікті.
П'ята, що вгрузає в землю. Дзенька відро*

(Вольвач П. Хортиця // Літературна
Україна. – 1998. – 27 серпня)

Поширеним також є прийом предикативної номінації зображуваних явищ, що, очевидно, мотивується більшою їх семантичною глибиною та ємністю малюнка. Інколи, правда, це виправдано також відсутністю однолексемної номінації такої реалії:

*Ніж,
щоб накраяти хліб.
Ніж – майструвати сопілку.
Ніж,
щоб добити ягня,
Вовком скалічене*

(Білоцерківець Н. Ніж // Сучасність.
– 1998. – №2. – С.9).

Поширеним також постає прийом імпліцитно-когнітивних структур, що закладаються в поезію з метою включити читача в парадигму образно-когнітивної насиченості. Хоча при цьому передбачається, що когнітивно-мовне наповнення таких елементів є вторинним щодо авторського, тому вони пунктуаційно виокремлюються (поезія в такому разі може бути адекватно сприйнятою тільки візуально-зорово-споглядальний простір уможливорює включення читача в асоціативно-образну атмосферу і когнітивно-мовленнєву парадигму твору):

*застрілився.
()
мати з вишнями у руці
()
обличчя вже постійне
()
порожньо. самотньо. тішуся.
()
набридло бути вічним.
()
може, знову застрілитись.*

()
 позбавлений мовчання (ніжно).
 ()
 позбавлений голосу (дуже ніжно).
 ()
 мати з вишнями. дивиться.
 ()
 пальці кришаться.
 ()
 мати.
 ()
 вишні
 ()

Ядерно-ключовими словами “мати”, “вишні” завершується поезія. Таку манеру можна порівняти в чомусь з внутрішньо умовчуваними монологами, майстерно використаними (чи не вперше!) Осипом Турянським у його повісті “Поза межами болю”, в якій за їх допомогою відтворено глибину почуттів ліричного героя, прагнення автора включити читача у парадигму глибинних світовідчуттів героїв, доповнити зображене тими чи тими картинами горизонтальної чи віртуальної площин переживань – спрямованих екстенсивно чи інтенсивно у життєвий набуток читача:

Роса вранці сльозами паде на них.

.....

Ні, я не можу. Я не смію мовчати

(Турянський О. Поза межами болю // Поза межами болю: Повість-поема; Син землі: Роман; Оповідання. - К.: Дніпро, 1989.- С.43).

Така творча манера співвідноситься з манерою розлогих резюмувань, спрямованих на ускладнення реченнєвої структури, розширення його горизонтальної довжини за рахунок уведення вставлених конструкцій, що постають носіями об’єктивних і суб’єктивних смислів. Таким чином реченнєва структура перетворюється у надскладну смислову структуру, в якій вирізняються кілька інформативно насичених центрів, що засвідчує витворення особливої синтаксичної манери з домінуванням іррадіальних центрів смислового насичення строфи, пор.:

*той світ – ясний, як приголосьний “б”
 (чотири білосніжні голуби
 про мене, що на місяць дмухав,
 туркочать Богові на вухо).*

*той світ – сумний, як голосівка “и”
(для кожного, хто гине молодим,
цвіте в руці архістратига
фіалка кольору індиго)*

*той світ – чудний, як буквозлука “дз”
(свої молитви в язу у гудзи,
по манівцях сліди збираю –
приходжу з раю...)*

(Стринаглюк Л. Спостереження ангела
// Сучасність. – 1998. – №6. – С.7-8).

Якщо у попередній поезії “Нотатки лаконічного самовбивці” (Сучасність. – 1998. – №6. – С.7) автор має на меті включити читача у контекст зображуваного, пропонуючи останньому самому відтворити ті чи ті когнітивно-ментальні структури, то у поезії “Спостереження ангела” сам автор пропонує тлумачення метафорично-асоціативного образу, в якому ядром постає образ “того світу”, співвіднесеного у своїй ясності з приголосним “б”, оригінальності і неповторності – зі звукосполюкою “дз”, а у своєму сумі – з голосівкою “и”.

Мабуть, не можна умовчати одну чи не з найсуттєвіших особливостей сучасного поетичного синтаксису – це деструктивну внутрішню та міжреченнєву компонентарність, коли чи не кожний автор вважає за обов’язок для себе написати одну чи більше поезій повністю без розділових знаків, з порушенням логіки і специфіки внутрішньореченнєвих та міжреченнєвих зв’язків або при вживанні утрадиційнених розділових знаків (кома, тире, крапка тощо) використовувати власні правописні норми щодо вжитку великої літери та й самого членування речення. Якщо парцелювання (вичленувані частини є валентнозумовленими залежними основних компонентів речення), приєднування (постають, як щось додаткове і суттєво модифікувальне) стали вже усталеними в поезії і свій початок беруть ще від Т.Шевченка та інших, то сучасне членування єдиної реченнєвої структури в межах поетичної строфи спрямоване уже не на виокремлення того чи іншого компонента інформації, а на витворення ілюзій, певного накопичення аперцепції, що створює несподіваність постановки кінця речення (пунктуаційно-розділового) і зумовлює його спрямування у перспективу. Це зумовлює активізацію взаємозалежності двох або більше формально вирізнених речень (пор. поетику Ю.Бедрика тощо). Непоодинокими постають спроби надати усій поемі структури єдиного цілого через її оформлення як єдиного речення, що у своєму вимірі характеризується багатоплощинністю у формально-граматичному і семантичному плані, а у комунікативному плані витлумачення його як єдиного

цілого є надзвичайно проблематичним. Очевидно, у цьому разі слід вести мову про кореляцію “речення → текст”. Прикладом такого твору є поема Ю.Тарнавського “Місто Київ та ям”, значно менші за обсягом твори зустрічаються у Н.Кир’ян та ін. Щодо оформлення поезій без розділових знаків, то їх коло широке і функціональне навантаження неоднакове. Їх синтаксис характеризується аморфністю і невизначеністю, що й дає підстави кваліфікувати цю манеру поетичного письма як аморфно синтаксичну, пор.:

*переверсійний герой
втонув
у перфектності
сторонніх вод
може в черниці тобі
мавко
але ж ти любиш життя
і його
самозакоханого
пророка зі списом
архангела
архістратиґа
пити треба менше
тоді побачиш
вікно
і сніги*

(Покальчук Ю. Дорога часу // Сучасність. – 1998. – №6. – С.29-30).

Зустрічається у сучасній українській поезії і розмаїте функціональне передумовчання, коли прийом недовомовленості передує подальшому висловленню, в силу чого створюється внутрішньовіршова парадигма передумовчання. Цей прийом може легко поєднуватися з деструктивним навантаженням членування слів і надання їх уламкам семантичної і функціональної значущості:

*... і казано й приказано мені
... і навіть щиро плакано: розвійся
... обмолотись у гострім ячмені
... поляж під сніг чубатим вівсьям
... все-все те чулося: і молоти
... лося і гибло в густих решетах
... а вітер вітряки свої котив
... не все ж той світ який нам брешуть очі
... вчинявся хліб: хоч як збивавсь мені*

... щербатий материк на збитих вівсах
... душею відмолотною я чум'янів
... в мені із мене хліб сьогодні містять

(Затулівітер В. "... і казано й приказано мені..." // Сучасність. - 1998. - №1. - С.8).

Таким чином, сучасна українська поезія характеризується різними діапазонами і напрямками звучання, в силу цього у неї синтаксична поетика неспівмірна і нерівнорядна. Багато залежить у цьому разі від орієнтованості митця, його уподобань і прагнення творити почуттєву чи образно-ментальну, когнітивно-опосередковану поезію. Все це суттєво впливає на синтаксичні фігури, синтаксичну тропіку. Можна з усією відповідальністю констатувати єдине: постання новітніх тенденцій у синтаксичній поетиці, що відображають видозміни у художньо-естетичних пошуках і самих аспектах естетики поетичного слова, суттєво впливають на розвиток потенційних можливостей синтаксичних форм слова тощо.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ В МОНОЛОГАХ М.ЖВАНЕЦКОГО

Писатели-сатирики имеют свои излюбленные приемы создания каламбура. У М.Жванецкого таким приемом является синтаксическая конвергенция – группа из нескольких совпадающих по функции элементов, объединенных одинаковым синтаксическим отношением к подчиняющему их слову или предложению.

Это может быть ряд однородных членов предложения: «Дома у каждого свои неприятности: жена, квартира, зарплата» («Болеем, болеем!»), а также группа частей сложносочиненного предложения: «У вас срывается взгляд и перекошены брюки» («Наши неудачи»).

Эффект синтаксической конвергенции у М.Жванецкого создается, как правило, семантической неоднородностью синтаксически однородных членов. Так, в конструкции «Стукачей много. Среди них – летчики, продавцы, конструкторы, врачи, писатели, прохожие, больные, просто симпатичные мужчины и женщины» («Птичий полет») сатирический эффект создается хаотическим перечислением, при котором в один ряд ставятся названия людей по их профессии, внешности, состоянию здоровья и пр. Тот же прием встречаем в монологе «Одесса»: «Что-то есть в этой нервной почве, рождающей музыкантов, художников, певцов, шарлатанов, бандитов, так ярко живущих по обе стороны начального образования». Странная классификация женщин содержится в своеобразном эссе «Птичий полет»: «Ну, женщины делятся сразу на молодых и остальных. Среди остальных – умные, мудрые, с мужским умом, с женским обаянием, любящие жены, матери, производственницы, красавицы, пилоты, парашютисты и кого там только нет».

Синтаксическая конвергенция в произведениях М.Жванецкого нередко осложняется другими стилистическими приемами, например параллелизмом, повтором, асиндетоном и полисиндетоном, анафорой и пр. Так, в монологе «Время больших перемещений» автор с мягким юмором описывает период летних отпусков: «Время больших перемещений... В гостиницах толпы. Под каждым деревом семья. В гнездах по два птенца и по четыре первоклассника. На одного лося по двадцать тысяч человек с фотоаппаратами. На малого зайца сорок человек с ружьями, собаками и удостоверениями». В этом отрывке комизм ситуации создается своеобразным «телеграфным» стилем, в основе которого асиндетон, синтаксическая конвергенция и анафорические параллельные конструкции.

Нередко в монологах М.Жванецкого встречаются анаколуф (нарушение правильной формально-синтаксической связи, соединение членов предложения, подходящих по смыслу, но не согласованных грамматически) и силлепс (объединение двух и более однородных членов, так или иначе различающихся в грамматическом отношении): «Стал ждать официанта или с кем-нибудь поговорить» («Птичий полет»). В данном примере наблюдается использование в однородном ряду двух разных частей речи (официанта и поговорить). Случай силлепса встречаем в монологе «Жлобство – это не хамство»: «Наличие в руках фагота или Ромена Роллана не дает хаму надеяться, что перед ним интеллигентный человек». Здесь однородными членами предложения являются имя собственное, возникшее в результате антономасии, и нарицательное существительное. Приведем другие примеры, в которых однородные члены предложения различаются формой числа имен существительных: «Я, Круглов Степан Григорьевич, из Ухты, до 1966 г. находился в городе Тула с родителями и отцом на излечении, так как ему требовалась тишина» («Автобиография»); «У них (людей) есть масса естественных врагов, которые косят их, как хотят: несчастная любовь, правила уличного движения и сердечнососудистые заболевания» («Книжечки мои»); «Только самолетом прибываешь в эту сказочную страну (Киргизию), которую портят только магазины и фальшь» («Птичий полет»). В последнем примере в ряду однородных членов предложения находятся существительные, относящиеся к разным лексико-грамматическим разрядам: конкретное (магазины) и абстрактное (фальшь).

Комический эффект в произведениях М.Жванецкого создает также такой вид синтаксической конвергенции, как зевгма – стилистическая фигура, в которой одно слово грамматически связывается с двумя или несколькими словами, хотя по смыслу оно относится только к одному из них или относится к ним в разных смыслах как грамматическое согласование двух слов, обладающих оппозитивными семами. Для зевгмы, помимо неоднородности семантических связей, характерно опущение. Писатель мастерски использует все виды зевгмы: конструкции, образованные окказиональным сочинением (в ядерном слове актуализируется одно значение), и конструкции, образованные способом синтаксической аппликации (аппликативные каламбуры, когда в опорном слове актуализируются разные значения). Зевгматическое построение «И фильм не поставлю. И не получу ничего в Каннах. Ничего не получу – в смокинге, в прожекторах – в Каннах» («Портрет») создается присоединением ряда существительных (в смокинге, в прожекторах, в Каннах) к ядерному слову «получу». При этом существительные не ориентированы на разные значения ядерно-

го слова, они актуализируют лишь одно значение «взять, приобрести вручаемое, предлагаемое, искомое». Комизм, содержащийся в высказывании, связан с нарушением синтаксической однородности: «в смокинге» и «в прожекторах» выступают в функции несогласованных определений, а «в Каннах» – в роли обстоятельства места.

Нередки в монологах М.Жванецкого конструкции, образованные нарушением смысловой однородности слов сочинительной цепочки, причем синтаксическая однородность сохраняется. Так, в предложении «Водители Ларионов и Кутько, используя слабые места и встречный план, а также порожняк, взяли на себя дополнительные обязательства и приказали долго жить» («Собрание на ликеро-водочном заводе») зевгма создается присоединением слов и устойчивых сочетаний «слабые места», «встречный план», «порожняк» к деепричастию «используя» в значении «воспользоваться кем-чем-нибудь, употребить с пользой». Комизм ситуации создается перечислением в однородном ряду семантически несовместимых слов.

Апplikативные каламбуры в произведениях М.Жванецкого – явление довольно редкое. Опорное слово здесь является образованием, созданным наложением частей фразеологизмов, фразеологизма и свободного словосочетания, наложением двух словосочетаний. Так, в предложении «Они послали председателя и лошадей матом на поля, а сами пошли на танцы» («Сила слова») ядерное слово «послать» актуализирует одновременно три разных значения: 1) направить куда-нибудь, 2) передать словами чувства к кому-нибудь, 3) стремиться отделаться от кого-нибудь (*разг.*). Первое значение реализуется в сочетании ядерного слова с существительным «лошади», а второе и третье – в сочетании со словом «председатель» (Ср.: Они послали (выгнали) лошадей на поля, а председателя послали матом). Комический эффект здесь основан на том, что глагол «послать» реализует свое значение в зависимости от объекта: если объектом является животное, то лексическое значение свободное; если человек – фразеологически связанное. В конструкции «девушки..., покрытые горячим загаром и легкой степной пылью» («Одесса»), стержневое слово «покрытые» – это разные лексико-семантические варианты, входящие в два разных словосочетания: покрытый загаром (загорелый) и покрытый пылью. В слове реализуются два значения слова «покрыть»: 1) положить, наложить сверху на кого-что-нибудь; 2) усеять чем-нибудь на поверхности (Ср.: Загорелые девушки покрыты легкой степной пылью). Вызывают интерес эллиптические формы зевгмы, когда стержневое слово опущено: «Это Ленинград. Хотя до Ленинграда два рубля или час в веселой атмосфере общественного транспорта» («Как я пишу»).

Исследование синтаксической конвергенции в творчестве М.Жванецкого позволяет в известном смысле дополнить общую картину лексико-семантических и синтаксических основ каламбура в современной сатирической литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка. (Стилистика декодирования). Л.: Просвещение, 1973. С.232.
2. *Береговская Э.М.* Проблемы исследования зевгмы как риторической фигуры // Вопросы языкознания. 1985. №5. С.59.
3. *Лукьянов С.А.* О классификации зевматических конструкций // Филологические науки. 1993. №1. С. 79.

ВИЯВИ КАТЕГОРІЇ ЗМІСТОВО-ПІДТЕКСТОВОЇ ІНФОРМАТИВНОСТІ В ХУДОЖНЬОМУ ТЕКСТІ

Кожному художньому текстові (ХТ) властива, як відомо, категорія інформативності. Це може бути або пряме повідомлення про події з життя персонажа чи відомості про різні процеси, ситуації, або прихований супралінійний зміст, вербальне не виражений. Завдяки подібній різноманітності інформація ХТ, особливо поетичного, рідко стає відомостями, це – завжди повідомлення, поштовх до нового, несподіваного сприймання реалій, а надто – якщо така інформація межує з метафоричністю. Цей вияв інформативності (за поширеною класифікацією, це змістово-підтекстова інформативність) приваблює тим, що вимагає від читача роботи думки, оскільки одразу безпосередньо не спостерігається. Простежимо, як змістово-підтекстова інформація втілюється на рівні мінімальних контекстів, коли підтекст як другий план повідомлення виявлено внаслідок накладання кількох семантичних полів.

У сучасному поетичному мовленні досить часто зазначене явище знаходить втілення при детермінологізації. Термін в ХТ, відриваючись від системи спеціальних понять, зберігає певну стилістичну обмеженість, але, стаючи в ряд загальновідомих понять, збагачуючись ознаками загальноновживаних слів, набуває нових рис. У результаті вибудовується своєрідний словесний образ, що має ефект несподіваних асоціацій. У кожного автора набір асоціацій суто індивідуальний, адже

Художнику немає скутих норм,
він – норма сам,
він сам в своєму стилі.

(І.Драч)

Декодуючи зашифрований в образі зміст, читач відтворює означене терміном наукове поняття, зіставляє його із семантикою сполучуваного слова, шукає точок дотику, спільних сем. Підтекстова значення, що впливає в процесі такого переплавлення терміна, породжує свіжі і сильні образи. Звернімо увагу, як, посилюючи звучання поетизму, переплітаються номени різних номенклатур – філологічних, медичних, технічних – із загальноновживаними словами:

наголос дощу (Л.Галалай), капіляри променя, нервів клієт, надзвукове дихання і радарне серцебиття, проміння окличне (І.Драч), скручена венозне арматура (П.Мовчан).

Детермінологізація сприяє стислій характеристиці відомих понять, додаючи до неї нових нюансів, що виринають підсвідоме і набувають атрибутивних функцій. Так, косі струмені дощу графічно асоціюються із діакритичними знаками наголосу; складне психологічне напруження передається оксюморонами *нервів клекіт, надзвукове дихання, радарне серцебиття, душевна завірюха*.

Історичні терміни *ера, доба, століття, роки* надихнули поетів на своєрідні вияви часового континууму:

новоєрова каламуть (І.Павлюк).

Вони дуже старі. Їхнє сонце *не з нашої ери* (І.Драч).

Це тонізуюча ін'єкція майбутнього,

Воли два чорних, що везуть *добу*

У ярмах цифр, у павутинні схем (І.Драч).

В артеріях суворих мурів,

Де сніг спада бинтом *столить* (І.Драч).

Історичний період, відтинок часу під пером майстра набуває обрисів мальовничості через вплітання терміна, взятого зі сфери малярства:

І під ступнями скреготав морозно

Скульптурний шлях, історії *ескіз* (П.Мовчан).

А змучений образ важких вогняних років спричинив появу поетизму І.Драча "мартени років".

Своєрідність поетичного мислення полягає в тому, що поет мислить образами, які виринають із словесних джерел і на ґрунті, здавалось би, далеких асоціацій з'являється їх несподіване трактування. У спокійний плін розповіді вибухом може вриватись фраза, побудована шляхом дистактного зіткнення лексичного простору нетотожних понять. Особливо посилюється "вибуховість" за умови пропуску деяких ланцюгів логічного ряду.

Напр.:

Континенти його обличчя трясла щілина посмішки (І.Драч).

За вимогами лексичної сполучуваності фраза "континенти трясуть" має завершитись агенсом "вулкани" або "землетруси". Різко усікаючи середину ряду "континент—вулкан—землетрус—виверження—щілина", І.Драч подає опис монументальної незворушності персонажа, якому важко просто по-людськи посміхнутись.

Часом категорія інформативності на мовному рівні спирається на пряме значення терміна, але у будь-якому випадку ХТ наділяє її ореолом підтекстовості:

Отрута тринітротолуолова
на увесь Київ запрограмована (І.Драч).

Тут спрацьовує одна з універсальї ХТ – надання поетичній лексемі художньої конотативності.

Крім детермінологізації, одним із виявів категорії змістово-підтекстової інформативності на мовному рівні можна вважати явище контамінації стилів. Цікавим у цьому плані видається звертання в ХТ до наукового стилю і змішування "високого" і "низького" стилів на нейтральному фоні. Так, наше сьогodenня П.Осадчук розуміє як "хи-мерну амплітуду вчорашніх гасел і нових слесес".

Науковий термін "амплітуда" вжито поруч із старослов'янським "слесеса", що на тлі антонімії лесем "вчорашні – нові", "гасла – слесеса" породжує асоціації облудної урочистості. Подібний приклад знаходимо у І.Драча: "Ти, може, *возговориши* вже алголом", де він поєднує старослов. "возговориши" і термінолог. "алгол"; у Ю.Кругляка:

Великий є, а є й маленький *тать*:
Великі *злодії* на волі походжають,
Маленькі *злодії* по тюрмах в нас сидять –
Великі *злодії* малих туди саджають.

П.Осадчук тяжіє до методу нанизування наукових та публіцистичних елементів:

Застрільники реставрації
Стрільють в серце нації,
Готові до реанімації
Сталінської формації.

У нього ж знаходимо змішування книжних і розмовних слів, синонімічне нашарування лесем різних ярусів лексики:

Як *розбишаки* при дорозі
Народ грабують *мафіозі*.

Контамінація охоплює також і дериваційний рівень: "життя шовінюг" (кн. шовіністи + розм. -юг-), що посилює емоційно-експресивний на-кал чотиривіршів Осадчука.

Іншої мети прагне досягти подібним звертанням до різних стилів В.Крищенко, вдаючись до конфесійного стилю, що набуває сили та дієвості, бо апелює до загальнолюдських цінностей:

Подайте убогим... І вам теж воздасться,
Подайте, хто може подать.

Без люті, брезгливості, всяких нотацій,
Явивши свою благодать.

Порівняймо, як обходиться без цього стилю О.Яровий, замінюючи його офіційно-діловим:

Зруйнували церкву. Всю. До тріски.
Навіть рівне місце підмели.
Господа позбавили прописки.
Образи музеям роздали.

Офіційність і конкретність ділового стилю додає нищівності загальній характеристиці духовної спустошеності суспільства.

Енциклопедія визначення понять "нація", "народ" сприяла зіставленню у багатьох поезіях семантики слів, що позначають історичну спільність людей.

Напр., у В.Баранова:

... ми на Україні таки український народ,
А не просто юрба, що у звітах населенням зветься,
І що є у нас мова, і що українська вона,
Без якої наш край – територія, а не Україна.

У В.Крищенка це звучить так:

Чи ми народ, чи ми населення,
Чи, може, просто ми юрба?

Ю.Кругляк повторює ознаки нації, визначені у наукових джерелах, але додає власні, підказані поетичним світобаченням:

І люди в нас є, і мова, й територія,
Своя культура і своя історія...
Але щоб поряд стати із народами всіма,
У нас ні єдності, ні гордості нема.

Отже, у різних поезіях, у різних авторів перегукуються, виблискуючи семантичними нюансами і конотативною забарвленістю, семантичні ряди "народ—юрба—населення—люди" і "край—територія—Україна". Значеннева наповненість цих лексем визначається ширим убуліванням за долю народу й нації. Очевидно, на перший план у цьому випадку постає змістово-концептуальна інформація, але правомірно буде говорити і про змістово-підтекстову, оскільки її вияв передбачає контамінація художнього і наукового стилів.

Таким чином, одна з постійних характеристик ХТ – категорія інформативності – чітко простежується на мовному рівні у мінімальних дискурсах. Вона виявляється у детермінологізації, накладанні семантичних полів, контамінації функціональних стилів, контактному і дистантному зіставленні різних лексичних парадигм тощо. Специфіку її втілення виявлено на прикладі функціонування термінологічної лексики в ХТ.

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

С.В.Кулиш, Е.В.Перебейнос, В.И.Рогозина

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Вопрос о целесообразности использования произведений художественной литературы на занятиях по русскому языку с иностранными студентами не вызывает сомнений, ведь литература – это не только источник богатой страноведческой информации, но и одно из средств формирования речевой деятельности.

На кафедре русского языка для иностранных студентов основных факультетов русская литература для нефилологов традиционно преподавалась как учебный предмет, что предполагало включение в процесс обучения таких типов знаний, которые по профессиональной мотивированности, несомненно, ближе филологам. А именно: 1) знания о жизненном и творческом пути писателя в хронологической последовательности; 2) знания об историко-литературном процессе; 3) знания об идейно-эстетических принципах и концепциях. Перенесение подобного содержания знаний в нефилологическую среду ставило перед обучающимися помимо комплекса учебных целей еще одну, явно искусственную – становление обучаемого как филолога.

Современный уровень преподавания РКИ требует коррекции стратегии и тактики работы с художественной литературой, перекодировки методического аппарата учебных занятий. Общеизвестно, что трудность восприятия иноязычной художественной речи (ХР) в значительной степени обусловлена сложностью ее содержательной структуры, так как в художественном тексте (ХТ) любое слово постоянно проявляет готовность принять на себя дополнительную смысловую или функциональную нагрузку, стать носителем содержательно-концептуальной информации. Отличительной особенностью языка художественной литературы – художественной речи – является его эстетическая функция, реализуемая в образах. Поэтому специфика работы над ХТ в рамках практического курса русского языка требует особого внимания к образности, выразительности ХР. Как правило, иностранные студенты-нефилологи имеют лишь фрагментарное представление об образных средствах ХР в связи с анализом конкретных литературных произведений. Это затрудняет адекватное понимание текста именно как художественного. Считаем необходимым изучение ХТ предварять серией занятий “Лексические и синтаксические сред-

ства создания образности”, так как формирование механизмов образного восприятия ХТ у нефилологов должно идти от простого к сложному, от лексического уровня к синтаксическому. Отбираемый учебный художественный материал должен быть соотнесен с уровнем языковой компетенции обучаемых и прогнозируемым уровнем “образной” компетенции.

В иностранной нефилологической аудитории с высокой степенью владения русским языком обучение пониманию и интерпретации ХТ может проводиться без организации текста в учебных целях, т.е. с нулевой степенью адаптации, что не противоречит рекомендациям “Программы по русскому языку для нефилологов”.

Обращение к неадаптированным ХТ с их нестандартным построением, наличием подтекста, образностью языка, богатым эмоциональным содержанием позволяет осуществить переход от ситуативной речи к продуцированию подготовленного высказывания. Студенты третьего курса, как правило, имеют достаточную языковую подготовку для решения этой задачи на новом учебном материале.

Преподавателями кафедры русского языка для иностранных студентов разработан спецкурс по изучению произведений художественной литературы студентами третьих курсов. Спецкурс построен по принципу тематических блоков-циклов, что обусловлено типами рассматриваемых текстов и присущими им средствами создания образности. Предлагаемый учебный материал сгруппирован в шесть тематических блоков. В первых двух на материале лирических произведений рассматриваются возможности передачи языковыми средствами чувств, эмоций и переживаний человека (I), явлений природы (II). В третьем блоке студенты знакомятся с русскими писателями и поэтами – лауреатами Нобелевской премии. Следующие три блока содержат прозаические ХТ, где студенты наблюдают за мастерством писателей в описании пейзажа, портрета, события или происшествия.

ХТ взяты из произведений А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, М.А.Булгакова, А.Н.Толстого, И.С.Тургенева, Б.Пастернака, И.Бунина, А.Солженицына и др. Отобранные ХТ должны обогащать активный и пассивный лексический запас студентов в пределах речевых тем, обозначенных в действующей программе практического курса русского языка, формировать навыки зрелого беспереводного чтения, углублять языковые знания.

Совокупность задач обучения пониманию ХТ реализуется с помощью специального методического аппарата. От правильного его определения зависит глубина восприятия литературного произведения. При разработке системы заданий к ХТ мы придерживались традиционного деления на предтекстовые, притекстовые и послетекстовые.

Вся предтекстовая работа проводится под руководством преподавателя и рассчитана на то, чтобы пробудить у обучающихся интерес к чтению ХТ, стимулировать их мыслительную деятельность, активизировать воображение. Именно в первой части урока даются фоновые сведения об авторах, которые моделируются в паратексте, небольшом по объему, но достаточно емком по содержанию.

Одна из задач предтекстовых заданий – сделать доступным язык художественного произведения, поэтому они направлены на устранение смысловых и языковых трудностей его понимания. Лексико-грамматические задания готовят студентов к самостоятельному преодолению языковых барьеров при чтении литературных произведений. На данном этапе мы расширяем запас пассивной лексики и формируем активный. Особое внимание уделяется толкованию слов, актуальных для понимания текста и ранее не встречавшихся в языковой практике обучаемого. Лексическая работа проводится на уровне слов, словосочетаний, предложений, иногда – контекста. При отборе лексики учитывается употребительность и функциональность художественной речи. Студенты должны узнать и понять слова и словосочетания, встретив их в тексте. Мы не ставим задачу вынесения новой лексики в продуктивную речь, поэтому лексические задания выполняются в быстром темпе.

В учебном ХТ обучающиеся могут встретиться с неизученными грамматическими явлениями. Те из них, которые необходимы для понимания, целесообразно включить в предтекстовые задания. Понимание содержания ХТ невозможно без умений, помогающих разобраться в структуре представленного литературного фрагмента, а также умений, обеспечивающих смысловую переработку текста. Студенты должны владеть умениями ознакомительного, изучающего и просмотрового чтения. Практика показывает, что для формирования механизмов образного восприятия ХТ прозаического характера у нефилологов должно преобладать ознакомительное чтение с присущими ему специфическими умениями. А именно: уметь воспринимать текст целостно, свободно ориентируясь в нем; предвидеть дальнейшее построение предложения; прогнозировать развитие мысли; преодолевать трудности без обращения к словарю.

Для формирования механизмов образного восприятия ХТ лирических произведений следует развивать навыки изучающего чтения. А именно: умение пользоваться структурно-грамматическим анализом; вскрывать смысловые связи на уровне предложения, абзаца, межфразового единства, целого текста. Опыт работы убеждает нас в том, что в арсенале студента должны быть навыки и умения всех видов чтения, а также умения гибкого чтения. В предтекстовые задания нами также включаются наблюдения над признаками ХР: употребление слов в

переносном значении, синонимов, антонимов, сравнений и др. Предтекстовые задания должны способствовать овладению студентами “стратегиями понимания” ХТ.

“Стратегия понимания” вырабатывается на всех этапах урока путем управления и коррекции со стороны преподавателя. Коммуникативные установки, которые обучающиеся получают непосредственно перед чтением текста, делают его целенаправленным, помогают спрогнозировать тему или идею текста. Например, название романа А.Н.Толстого “Петр I” сразу привлекает внимание к главному герою произведения – Петру Первому, что является важным для понимания идейного содержания произведения. Предлагаемые преподавателем ориентиры в месте и времени действия, в сюжете произведения, его жанре, образности языка художественного произведения помогают разобраться в иерархической сложности предикативной структуры ХТ.

Несомненно, что глубина понимания содержания иноязычного текста зависит от уровня сформированности указанных умений на родном языке. Опыт работы в нефилологической аудитории свидетельствует, что у многих студентов механизмы чтения на родном языке сформированы недостаточно. Это значительно затрудняет понимание при иноязычном чтении, если учесть, что ХТ требует от читателя более высокой степени обработки информации на познавательном, оценочно-эмоциональном и побудительном уровнях.

В условиях недостаточной сформированности механизмов чтения на родном и изучаемом языке коммуникативные установки используются для того, чтобы процесс восприятия и осмысления текста осуществлялся одновременно.

Послетекстовые задания направлены на развитие речевых навыков. Формируются умения делать подготовленные высказывания на базе фактического содержания произведения: это описание какого-либо события или поступка героя, передача внутреннего состояния персонажа, описание тех явлений, которые составляют предмет переживаний человека.

В основу организационной структуры послетекстовых заданий положена концепция И.А.Зимней (1978), где выделяются четыре уровня понимания смыслового содержания текста. Первый уровень характеризуется уяснением того, *о чем* идет речь в тексте. Для второго уровня характерно понимание того, *что* говорится в тексте (установление смысловых связей между основными планами раскрытия мысли). Третий уровень - осознание того, что рассказывается в тексте и *какими* средствами это достигается. При четвертом уровне наступает понимание основного смысла текста, его главной мысли, независимо от того, сформулирована ли она эксплицитно или дана в подтексте.

При проверке первого и второго уровней понимания контролируется восприятие фактического содержания ХТ: его тематики, проблематики, фабульно-сюжетного построения. Эффективны следующие приемы контроля: а) краткие ответы на вопросы (“да” или “нет”), где выявляются умения обучающихся ориентироваться в фактическом содержании текста; б) нахождение в тексте ответов на вопросы, выявляющие умение определять тему и проблему ХТ с опорой на определенные ориентиры; в) тесты на выбор правильного ответа из нескольких предложенных вариантов, устанавливающие умение обучающихся разобраться во взаимоотношениях героев, в мотивах их поступков.

При проверке третьего уровня понимания контролируется осознание обучающимися особой организации слов в ХТ. С этой целью предлагаются отдельные фразы из прочитанного текста, достаточно сложные в языковом отношении, несущие в себе суть “образного языка”. Проверка понимания их осуществляется через вопросы, нацеленные на осмысление функциональной роли тех или иных образных средств, с помощью перевода или толкования студентами наиболее трудных в этом плане предложений на родной язык.

Четвертый уровень понимания проверяется умением извлекать из текста основную информацию, формулировать идею. Этот уровень требует от студентов мобилизации и активизации всех знаний и умений. В притекстовых заданиях студенты уже получили специальную установку на понимание идеи ХТ. На это и следует опираться, организуя послетекстовый контроль.

При проверке понимания не исключается использование приемов контроля, которые требуют умений не только рецептивного, но и продуктивного характера. Высшей ступенью понимания является создание монологического высказывания с элементами эмоциональной оценочности. Работа с ХТ в иноязычной аудитории строится так, что понимание проходит все стадии и контролируется по всем уровням. При этом контроль соизмеряется со степенью обученности восприятию ХТ. Следовательно, его распределенность по уровням неравномерна: более детальны – I и II; менее развернуты – III, IV.

Умение проникать в “образную ткань” ХТ, в художественные средства, в особенности авторского стиля вырабатывается и контролируется постепенно. Поэтапным является и контроль за умением эстетически оценить ХТ.

Считаем, что преподаватель должен обращать внимание не только на понимание ХТ, но и на его восприятие, т.е. усвоение этического и эстетического содержания. Формирование языковой компетенции не должно быть основной целью при анализе ХТ. Это обескровливает его. Для нас важно, чтобы студент, читая ХТ, думал, сопоставлял, наблюдал, объяснял, работал творчески.

В заключение в качестве наглядного примера предлагаем разработку одного из уроков, посвященного работе над отрывком из рассказа А.И.Солженицына “Матренин двор”.

1. ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте биографическую справку о русском писателе – лауреате Нобелевской премии в области литературы за 1970 год.

Александр Исаевич Солженицын родился 11.12.1918 года в Кисловодске. Окончил физмат Ростовского университета. В июле 1945 года был репрессирован и осужден к 8 годам лагерей. Находился в лагере до марта 1953 года. 6 февраля 1956г. был реабилитирован. В первом крупном произведении – романе “В Круте Первом” (1957-1959) поднимает общечеловеческие, философские проблемы: жизни и смерти, личности, истории, отечества. Первый опубликованный рассказ “Один день из жизни Ивана Денисовича” (1962) автобиографичен и рассказывает о жизни автора в лагере. Славу Солженицына как писателя закрепили рассказы “Матренин двор” (1963) и “Случай на станции Кочетковка” (1963). После 1965 г. Солженицына в СССР не печатали, подвергался резким нападкам властей. В 1974 г., после появления первого тома романа “Архипелаг ГУЛАГ”, обвинен в измене родине и выслан за границу. С 1976 г. по 1995 г. жил в штате Вермонт, США. В мае 1995 г. вернулся на родину, в Россию. Главное произведение “Архипелаг ГУЛАГ” (1958-1980) – роман о тюремной системе, ломающей человека духовно.

Солженицыным написаны также: повесть “Раковый корпус” (1963-1967), очерки “Бодался теленок с дубом”, пьесы и публицистика.

В 1970 году по представлению классика французской литературы Франсуа Мориака А.И.Солженицыну присуждена Нобелевская премия по литературе “за этическую силу, с которой он следует традициям русской литературы”.

Задание 2. Используя информацию задания 1, ответьте на вопросы: Что вам было известно о Солженицыне до сегодняшнего урока?

- Что нового вы узнали о А.И.Солженицыне?
- Какие произведения вы читали?
- В каких жанрах работал писатель?
- Назовите его автобиографические произведения.
- О чем писал Солженицын (на какие темы)?
- Когда и за что писателю присуждена Нобелевская премия по литературе?
- Скажите, поняли ли вы, почему писатель двадцать лет прожил вдали от родины?

Задание 3. Дайте определения следующим словам.

Репрессия – это ...

Реабилитация – это ...

Лагерь – это ...

Задание 4. Прочитайте и запишите слова, значение незнакомых посмотрите в словаре.

Тюрьма, старуха, беречь, седина, облик, посох, блины, дневник, свататься, обои, отругать, бревна, смола, запах, морщины.

Задание 5. Назовите инфинитивы, от которых образованы данные причастия. Определите их залог, вид, время, падеж.

Не тронутые, свисавшим, возившийся, выглядевший, изгнивающий, потемневшими, слинявшим, освобожденное.

Задание 6. Прочитайте данные ниже предложения, скажите, правильно ли образована сравнительная степень прилагательных. Вспомните, как образуется сложная форма.

1. “Да уж куда крутей, батюшка”, - заверил меня гость.
2. Эта гора оказалась круче прежней.

Задание 7. Подберите синонимы к данным словам.

Досаждать, изба, космы, терпеливый, плавно, внезапно, величавый, почаще, порубать.

Слова для справки: мешать, волосы, медленно, дом, неожиданно, выдержанный, регулярно, убить, царственный.

Задание 8. Укажите, от каких глаголов образованы деепричастия, назовите их грамматические признаки.

Придя, сняв, высказывая, страдая, не боля, покрикивая, переметив, показав.

Задание 9. Прочитайте предложение, скажите, какие формы глагола использует автор. Выпишите их, докажите, что это “особые” формы.

Обязанное старческим слинявшим платочком смотрело на меня в не прямых мягких отсветах лампы круглое испуганное лицо Матрены – как будто освобожденное от морщин.

II. ПРИТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте отрывок из рассказа А.И.Солженицына “Матренин двор”. Поймите его содержание.

Так привыкли Матрена ко мне, а я к ней, и жили мы запросто. Не мешала она моим долгим вечерним занятиям, не досаждала никакими расспросами. И когда невскоре я сам сказал ей, что много провел в тюрьме, она только молча покивала головой, как бы подозревала и раньше. А я тоже видел Матрену сегодняшнюю, потерянную старуху, и тоже не бередил ее прошлого, да и не подозревал, чтобы там было что искать.

Раз, придя из школы, я застал в нашей избе гостя. Высокий черный старик, сняв на колени шапку, сидел на стуле. Все лицо его облегал густые черные волосы, почти не тронутые сединой: с черной окладистой бородой

сливались усы густые, черные. Так что рот был виден едва; и непрерывные бакены черные, едва выказывая уши, поднимались к черным космам, свисавшим с темени; и еще широкие черные брови мостами были брошены друг другу навстречу. И только лоб уходил лысым куполом в лысую просторную маковку. Во всем облике старика показалось мне многознание и достоинство. Он сидел ровно, сложив руки на посохе, посох же уперев в пол, сидел в положении терпеливого ожидания и, видно, мало разговаривал с Матреной, возившейся за перегородкой.

Когда я пришел, он плавно повернул ко мне величавую голову и назвал меня внезапно:

-Батюшка... Вижу вас плохо. Сын мой учится у вас. Григорьев Антошка...

Григорьев Антошка был круглый румяный малец из 8-го "Г", выглядевший, как кот после блинов. В школу он приходил как бы отдохнуть, за партой сидел и улыбался лениво. Уж тем более он никогда не готовил уроков дома. Я терпеливо объяснял Фаддею Мироновичу, что запущено у сына очень, и он в школе и дома лжет, надо дневник проверять у него почаще и круто браться с двух сторон.

-Да уж куда крутей, батюшка,- заверил меня гость.- Бью его теперь, что неделя. А рука тяжелая у меня.

Поздно вечером, когда я думать забыл о старике и писал свое в тишине избы, Матрена вдруг из темного своего угла сказала:

-Я, Игнатъич, когда-то за него чуть замуж не вышла.

-Он за меня первый сватался... раньше Ефима... Он был брат – старший... Мне было девятнадцать, Фаддею – двадцать три... Вот в этом самом доме они тогда жили. Ихний был дом. Ихним отцом строенный. Я невольно оглянулся. Этот старый серый изгнивающий дом вдруг сквозь блекло-зеленую шкуру обоев проступил мне молодыми, еще не потемневшими тогда, струганными бревнами и веселым смолистым запахом.

-И вы его...? Что же...?

-Пошел он на войну – пропал... Три года затаилась я, ждала. И ни весточки, и ни косточки...

Обязанное старческим слинявшим платочком смотрело на меня в неярких мягких отсветах лампы круглое лицо Матрены – как будто освобожденное от морщин, от будничного небрежного наряда – испуганное, девичье, перед страшным выбором. Да. Да... Понимаю... Облетали листья, падал снег – и потом таял. Снова пахали, снова сеяли, снова жали. И опять облетали листья, и опять падал снег.

-Мать у них умерла - и присватался ко мне Ефим. Мол, в нашу избу ты идти хотела, в нашу и иди. Был Ефим моложе меня на год. А тут вернулся... Фаддей... из венгерского плена. Матрена закрыла глаза. Я молчал. Она обернулась к двери, как к живой:

-Стал на пороге. Я как закричу. Ну, говорит, если б то не брат мой родной – я бы вас порубал обоих.

Я вздрогнул. От ее надрыва или страха я живо представил, как он стоит там, черный, в темных дверях и топором замахнулся на Матрену. Но она успокоилась, оперлась на спинку стула перед собой и замолчала.

Задание 2. Перескажите содержание прочитанного текста.

Задание 3. Скажите, где происходят описанные события, кем работает главный герой.

Задание 4. Объясните, зачем приходил к учителю отец Григорьева Антона. Что посоветовал учитель?

III. ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте фрагмент текста, где выделены разговорные, просторечные слова и обороты; предложите варианты, стилистически нейтральные.

- И когда *невскоре* я сам сказал ей, что много провел в тюрьме, она только молча покивала головой.
- Григорьев Антошка был круглый румяный *малец* из 8-го “Г”.
- “Да уж куда *крутей*, батюшка”, - заверил меня гость.
- *Ихний* был дом. Ихним отцом *строенный*.
- Мать у них умерла – *присватался* ко мне Ефим.

Задание 2. Найдите в тексте:

- А) портрет Фаддея Мироновича;
- Б) характеристику его сына.

Задание 3. Прочитайте описание Матрены, скажите, слова какой части речи использует автор, как вы думаете, почему?

Обязанное старческим слинявшим платочком смотрело на меня в нежных мягких отсветах лампы круглое лицо Матрены – как будто освобожденное от морщин, от будничного небрежного наряда – испуганное, девичье. Матрена заказала себе новые валенки. Купила новую телогрейку.

Задание 4. Прочитайте предложение. Как вы понимаете выделенное словосочетание? Переведите предложение на родной язык.

Подумав, я понял, что черный настойчивый этот старик – родной брат мужа ее, *без вести пропавшего*.

Задание 5. Найдите в тексте рассказа предложение, имеющее сравнительный оборот. Выпишите его.

Задание 6. Проверьте себя, поняли ли вы текст.

- Опишите историю жизни Матрены.
- Кто такой Фаддей Миронович?
- Почему Матрена не вышла замуж за Фаддея?

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел первый. Ономастика

Карпенко Ю.О. Тихий Дунай	3
Калинкин В.М. К вопросу о метаязыке поэтики онима: поэтика онима и контекст (на материале творчества А.С.Пушкина)	10
Отин Е.С. Топонимия Каменных Могил	23
Кравченко В.А. Лексико-грамматические разряды урумских фамилий	29
Железняк І.М. Л.А.Булаховський і проблема мови Київщини в домонгольський період	40
Шульгач В.П. Заметки по донской гидронимии: <i>Скулябный Овраг, Сурбургун, Карамыш Гольй, Карамыш Лесной</i>	47
Карпенко О.П. Гідронімія етимології: <i>Тясмин</i>	52
Бузинова З.И. Из истории развития русской эргонимии 20-30-х гг. (на материале названий промышленных предприятий)	60
Белицкая Е.Н. Особенности окказиональных и узуальных коннотативных онимов (на материале русского, украинского, английского языков)	74
Ткачева В.М. Об исторической изменяемости хрононимов	82
Єфіменко І.В. Псл. * <i>bylda</i> /* <i>byldь</i> і їх відбиття в слов'янському антропоніміконі та топоніміконі	95
Иванова Н.И. Множественное число как актуализатор коннотативного значения антропонимов	102
Мельник М.Р. Ономастика поезій Ліни Костенко: збірка "Вітрила"	115
Усова О.О. Структура та функціонування антропонімів у новелах М.Хвильового (1921-1923 рр.)	120
Киселева Е.В. Закономерности функционирования отонимного префиксоида <i>euro-</i>	127
Бойчук И.В. К вопросу о возникновении ложной омонимии при фонографической адаптации заимствованных собственных имен	135
Белицкая Е.Н. Графическое оформление собственных имен с референтными коннотациями	142
Калинкин В.М. Поэтическая ономастика: проблемы и перспективы развития (по следам VII Всеукраинской ономастической конференции)	151
Белицкая Е.Н. Характер определительных слов при коннотативных онимах	171

Раздел второй. Лексикология и лексикография русского языка

Отин Е.С. Материалы к словарю ненормативной лексики (продолжение)	180
Клименко Н. Лексические, синтаксические и фразеологические параллелизмы в новогреческом и восточнославянских языках	194
Першина К.В. Номинация дождя и погоды (по отношению к дождю) в русском языке	220
Н.А.Луценко Об этимологии слова <i>невеста</i>	232
Задорожная О.И. Определения понятий и описания объектов в текстах XVIII века	244

Солдатова Т.Е. Взаимодействие заимствованных и исконных терминов пробирного дела и аффинажа в русском языке XVIII–XX вв. 251

Раздел третий. Словообразование

Карпиловская Е.А. Суффиксализация конечных основ заимствованных композитов в современном украинском языке 257

Гірняк С.П. Словотворче гніздо з вершиною *казати* у сучасній українській мові 270

Ольшанский О.Е. Опрощение лексических калек в русском языке. Статья 2. Семантические кальки 280

Раздел четвертый. Художественная речь

Загнітко А. Особливості сучасної української синтаксичної поетики 284

Габидуллина А.Р. Синтаксическая конвергенция в монологах М.Жванецкого 298

Лукаш Г.П. Вияви категорії змістово-підтекстової інформативності в художньому тексті 302

Раздел пятый. Методика преподавания языка

Кулиш С.В., Перебейнос Е.В., Рогозина В.И. Из опыта работы над художественным текстом в иностранной аудитории 307

СОДЕРЖАНИЕ 316

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ВОСТОЧНОУКРАИНСКИЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК**

Выпуск пятый

Ответственный редактор

ОТИН Евгений Степанович

Компьютерная верстка и редактирование

Радченко В.Г.

Подписано в печать 30.01.1999 г. Формат 84×108 1/32. Бумага тип.
№ 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20.2. Тираж 500 экз.

ДонГУ, 340055, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Отпечатано в типографии издательства “Донеччина”
340118, г. Донецк, Киевский проспект, 48.